ЯБ 25
Б 42
Бобина
По рес-
публикам
советам
изд. 2.
М-л. 1925

ПО РЕСПУБЛИКАМ СОВЕТОВ

Сборник статей,
составленный Н. Е. Бобиной
под редакцией С. П. Бобина

2-е исправленное и дополненное издание

МОСКОВСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО.
ЛЕНИНГРАД — 1925 — МОСКВА.

Дб
25
572

По республикам Советов

Сборник статей, составленный **Н. Е. Бобиной**
под редакцией **С. П. Бобина**

Издание 2-е исправленное и дополненное

МОСКОВСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
571390

Предисловие.

В одной из своих статей из серии „По Сибири и Дальнему Востоку“ тов. Н. А. Семашко писал:

„После дальневосточной поездки я могу по совести сказать, что об'ехал все части нашего великого Союза республик. Общее чувство, которое выносишь, суммируя впечатления, это—величие и богатство нашей страны советов: от полярной флоры и фауны нашего крайнего севера до тропической природы Батума, от Ленинграда до Владивостока... И хочется спросить наше молодое поколение, знакомится ли оно с теми землями, которые оно наследует?“

Указав далее на то печальное положение, которое занимала география в старых школах наших, тов. Семашко высказывает мысль о необходимости коренного изменения в постановке этого предмета.

„Каждый из нас, знающих те или иные места, прибавляет автор, не отказался бы принять участие в хрестоматии для молодежи, которая дала бы красочное, жизненное, конкретное описание той или другой области. Это было бы не мертвящий учебник, а живой, советский рассказ о том, чем богат и чем силен наш Союз.“

Настоящая книга отнюдь не претендует на роль этой, столь желанной, хрестоматии. Это только сборник сотни статей, почерпнутых из текущей литературы и освещающих современную жизнь СССР. Несколько статей взято из старой нашей литературы. Эти статьи характеризуют или картины неизменившейся природы или уходящий, но еще не ушедший, старый быт.

Во втором издании книга значительно переработана, при чем приняты во внимание все замечания критики, за которые составители приносят глубокую благодарность.

С. Бобин.

Великий смотр.

Первая Сельско-Хозяйственная и Кустарно-Промышленная выставка СССР летом 1923 г.

От десяти московских вокзалов длинной вереницей тянутся массы людей. Люди эти не похожи на обычных обитателей Москвы, непривычные к каменным мостовым, к неумолчному грохоту, к бешеному столичному движению. Чуйки, полукафтанья, свитки, заношенные гимнастерки защитного цвета. На лицах—загар от степных ветров и южного солнца, забота крестьянская, но глаза горят новым блеском. Вот большая группа в пестрых халатах и чалмах с нашей далекой окраинной республики. За ней—другая, с широкими монгольскими лицами, с узкими горячими глазами; под узорными, цветными тюбетейками—голые черепа.

Без конца, со звоном, шумом проносятся переполненные трамваи. Рычат и гудят, вздымая пыль, бесчисленные автомобили, стрекочут мотоциклетки, снуют извозчики, торопятся пешеходы. А у ворот человеческий гул и выкрики газетчиков...

Шесть месяцев назад здесь было пустынное снежное поле. А еще шесть назад—огороды и свалка мусора.

Теперь на бывшей свалке развертываются чудеснейшие картины: дворцы, башни, деревни, юрты кочевых народов, миниатюрные нивы и цветы, цветы... Над выставкой реют гидропланы, по вечерам режут небо огненными мечами десятки прожекторов, звенит музыка...

Но не во внешности выставки ее смысл и значение. Здесь происходит великий смотр, подсчет того, что сделано и будет сделано народами, входящими в первый во всем мире Союз Советских Социалистических Республик. Тут все: постройки, быт, хозяйство, труд.

Вот самый яркий и пышный на выставке павильон—дворец Туркестана, весь убранный причудливыми узорами, с роскошными коврами, пестрыми халатами и чалмами, выставил на показ хлопок и другие свои богатства.

Вот Кавказ с образцами пшениц, кукурузы, винограда, табаку, с апельсинами, мандаринами, чаем.

Вот Крым, Украина с ее выбеленными хатками, яркими цветами, подсолнухами, сахарной свекловицей и серыми волами, Сибирь с ее соболями, чернобурыми лисицами, куни-

цами и другим пушным зверем, с ее маслодельным, рыболовным, горным промыслом, мамонтовой костью.

А вот и знакомые нам уголки „Нашего края“ — Северо-Западная область, Московская промышленная, Северо-восточная, Урал и многие другие земли Союза.

2. В огромном каменном павильоне Кустарной промышленности скопились посетители.

В одном месте стоят недалеко друг от друга два ткацких станка. Оба стучат и трещат. Один большой хитроумный с бесчисленным множеством двигающихся частей, с бесконечной картонной лентой. Другой маленький, весьма несложный. За первым сидит специалист—инструктор, за вторым—старушка—ткачиха из Кунгура. Она горячится, волнуется, доказывая, что ее небольшой простой станок работает ничуть не хуже заграничного.

— А ты покажи, это лучше будет—словам мы не верим!— говорит один из экскурсантов.

Ткачиха заработала руками и ногами. Десяток лиц внимательно всматривается в тонкий и красивый узор вырабатываемой скатерти.

— А и впрямь не уступит! Ай, да кунгуриха. Хорошо!

В нескольких шагах, в палатке, на верстаке, просунув ногу в дыру, сидит старик в фартуке, с голыми по локоть руками. Лицо крестьянское, широкое, улыбающееся. Над коленами широкий деревянный круг. Подошла новая группа. Старик улыбнулся, взял комок глины, положил в центр круга, двинул ногами, колесо завертелось, а он ловко заработал пальцами и деревянным ножиком. Через две минуты круг остановился, на нем стоял маленький, изящный горшечек.

— Готово! Только обжечь!

Старик вылезает из своего гнезда и моет руки. — Пятьдесят три года занимаюсь этим ремеслом.

3. В одном из уголков выставки представлены две деревни: „старая“ и „новая“. В старой между прочими постройками, ярко характеризующими крестьянский быт, есть маленькая ветхая избушка с печкой по черному, т. е. без трубы,—дым во время топки выходит в дверь. Избушка вся прокоптела, пол и стены прогнили. В переднем углу стол и на столе деревянная, связанная берестой, чашка с изгрызенными ложками. Вошли пять человек и всю избушку заполнили. Таких курных избушек еще не мало в РСФСР: в Калужской, Тульской, Костромской и других губерниях.

А в новой, грядущей, может быть, „завтрашней“ деревне у здания Волисполкома высится радио-мачта, которая заставит новую деревню жить одной жизнью со всей страной, сообщая обо всем, что делается в мире.

В этих двух деревнях—две России: помещичья, царская, безвозвратно уходящая и на ее месте возникающая Советская с электричеством, тракторами, минеральным удобрением, беспроволочным телеграфом и телефоном.

4. На выставке резко выявлены три культуры.

Первая, высшая—в многочисленных огромных павильонах, где показана наша крупная и кустарная промышленность, наши успехи в сельском хозяйстве, в животноводстве, в нашей новой деревне с совхозами, домами-коммунами. Здесь дымят тракторы и автомобили, гудят и стучат паровые молотилки, из которых каждая обслуживает две—три наших волости. Десятки тысяч крестьян-экскурсантов знакомятся с новой техникой и несут знания в деревню.

Вторая культура представлена нашей деревней: вологодскими, калужскими, рязанскими, украинскими избами и хатами, беднейшими хозяйствами. Все здесь говорит о том, чем и как мы жили вчера и как в большинстве живем нынче...

Третий вид культуры. Курятся юрты остяков, енисейцев, алтайцев, чумы самоедов. В первобытном жилище, у первобытного очага, зиму и лето—одинаково, проходит их убогая жизнь. Полу-звериная, полу-человеческая жизнь. У юрты остяка рыболовные сети. Сам он на узкой, мелкой самодельной лодке плавает по пруду, лениво размахивая веслом. Непонятно, чуждо ему все окружающее — аэропланы, яркие огни, красивые строения. Втащил он на берег свою лодченку, растянулся у костра и грустит о далеком, родном Енисее...

Дымят крикливые „чай-хане“—восточные столовые. Все вывернуто наружу, кипит, жарится, печется — на виду, на глазах. Пахнет остро незнакомыми специями. На помосте, на восточных коврах—восточные люди поют и танцуют.

5. Мысль об устройстве Всесоюзной выставки принадлежит Владимиру Ильичу Ленину. Это он об'единил старое и новое, умирающее и вновь нарождающееся. Это он заставил одних оглянуться на свое прошлое и вынести из него урок — *как не нужно жить*, другим — показал настоящее и приоткрыл будущее, *к чему они должны неуклонно стремиться*. И крестьянские массы, побывав на выставке, несомненно ближе узнают вождя и устроителя Советской России. В этом им поможет „уголок В. И. Ленина“, где собраны материалы, относящиеся к его личности.

Посредине выставки, на клумбе — огромный, чудесный портрет из живых цветов,— он крепко запечатлеет образ первого великого кормчего Советского корабля—В. И. Ленина.

Поясное время.

С 1-го мая 1924 года у нас проведен в жизнь декрет о „международном счете времени по поясам", уничтожающий разнобой местного счета времени.

Испускаемые радио электрические волны несутся со скоростью света, т. е. со скоростью 300.000 километров в секунду. Если бы удалось построить мощную радиостанцию, слышимую на весь земной шар, то посланная ею телеграмма в одну секунду облетела бы семь с лишним раз вокруг земли. Понадобилось бы меньше одной седьмой секунды для того, чтобы вернуться обратно на станцию отправления.

Пущенная, скажем, ровно в 2 часа дня из Москвы по направлению к Уралу, через Сибирь (на восток), такая телеграмма пришла бы обратно с Запада (со стороны Америки и Англии) ровно в два часа и одну седьмую секунды, т. е. практически ровно в те же 2 часа.

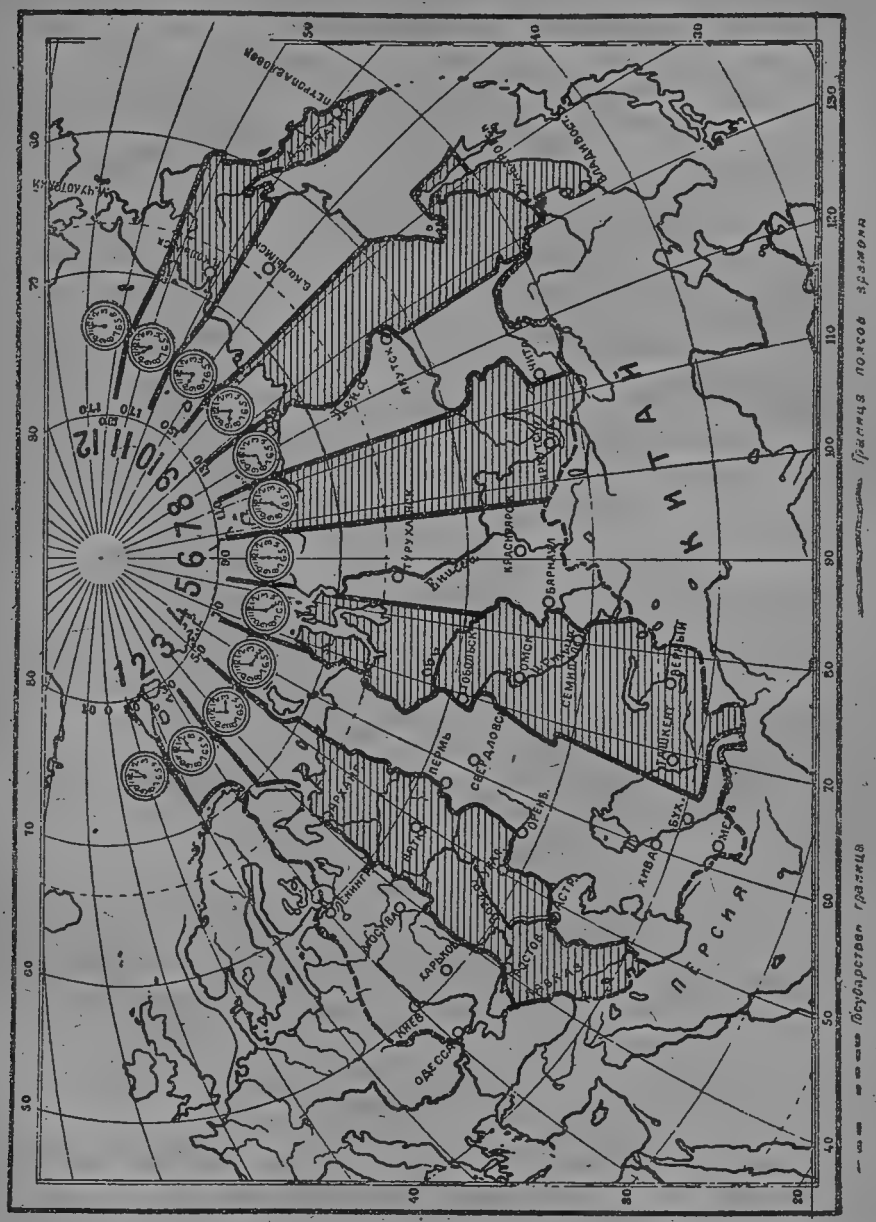
Если бы мы могли полететь вместе с этой телеграммой, то заметили бы во время своего путешествия вокруг земли интересную картину. Вылетев ровно в 2 часа по московскому времени из Москвы, когда все магазины „заперты на обед", мы, пролетая через Казань, услышали бы, как башенные часы бьют три часа: магазины открываются. В восточной Сибири уже вечереет. В Иркутске, например, уже семь часов вечера. Жители этого города спешат в театр. На Сахалине совсем темно. Горят фонари. Там 9 часов вечера и т. д. Несясь дальше через океан, мы застали бы в Америке ночь. В Лондоне было бы 11 часов утра. Таким образом, вылетев с телеграммой на Восток и вернувшись с Запада, мы прошли бы через все пункты земного шара в течение одного мгновения.

Такая разница во времени об'ясняется тем, что наша земля, вращаясь, постепенно подставляет под лучи солнца один пояс за другим, и поэтому в то время, когда в Москве еще только светает, в Нижнем Новгороде солнце уже взошло, так как он находится восточнее, и чем восточнее лежит место, тем раньше там начинается и кончается день.

С развитием радио уже не далек тот день, когда нам можно будет из Москвы говорить по беспроволочному телефону с товарищем, живущим где-нибудь в Якутской области, или, скажем, на Сахалине. Может возникнуть вопрос, в котором часу, по московскому времени, надо вызвать якутского жителя, чтобы застать его дома. Может случиться так, что телеграмма или вызов его по телефону произойдет ночью. Если мы будем его вызывать по телефону из Москвы в 10 часов, мы не получим ответа. В Якутске в это время— 4 часа ночи, и все спят.

Международный счет времени по поясам был выработан еще в 1884 году на конференции в Чикаго. На этой конфе-

ренции всю земную поверхность решено было разделить на 24 доли (зоны)—23 меридианами. Таким образом ширина каждой зоны оказалась равной пятнадцати градусам (15°) (360:24=15°). За нулевой меридиан был принят меридиан, который проходил через обсерваторию в Гринвиче (Англия). Таким образом, Европа, Азия и часть Африки попадали



в первые 12 зон (поясов), Америка, Тихий и Атлантический океаны со всеми их островами—в остальные 12 зон.

Однако, это постановление Международной Конференции оставалось долго только на бумаге. В 1891 году в Западной Европе восторжествовало так называемое национальное время. Так, в Англии было принято—Гринвичское время. Во Франции—Парижское, в Австрии—Венское, в Швейцарии—

Бернское, в Италии—Римское и т. д. Россия, в виду ее растянутости с запада на восток, к соглашению 1891 года не примкнула, и специального „русского времени“ не существовало. Но на всех дорогах введено „петербургское время“. Несчастному иркутскому жителю долгое время приходилось вычислять, в котором часу по его местным часам приходит московский поезд, так как в железнодорожных справочниках расписание было составлено по петербургскому времени.

Только в январе 1911 года большинство западных государств присоединилось к соглашению относительно счета времени от Гринвичского меридиана. Для России „зональное“ время имеет огромное значение при составлении железнодорожного расписания, времени прихода и отхода пароходов, датирования телеграмм или выдающихся событий. Если на телеграмме помечено: „2 зона 2 часа пополудни“, то ясно, что по Гринвичскому времени телеграмма отправлена ровно в полдень, по Иркутскому времени ровно в 7 часов и т. д.

Наша республика охватывает 11 поясов, начиная со 2-го и кончая 12-м. На прилагаемой здесь карте мы видим, что границы поясов довольно причудливы. Только 6-й пояс от 7-го, 9-й от 10-го, 10-й—от 11-го и 11-й от 12-го отделяются прямой линией по меридиану. Остальные границы довольно сложны, что об'ясняется иногда географическими условиями, иногда политическими. Например, в 3-й пояс, как бы врывается Каспийское море. Ясно, что для сношений по Каспию надо, чтобы на всем море было одно общее время. Границы на море не создашь. Вот почему все Каспийское море отнесено к одному поясу—к 4-му.

В такой же мере естественно было сделать границей поясов многие горы. Вот почему 3-й пояс как бы залетает в 4-й, 9-й в 8-й и т. п.

Если мы посмотрим на карту, то увидим, что во второй пояс вошли вся Украина, города: Москва, Ленинград и др. К третьему поясу отнесены весь Волжский бассейн, Кавказ и т. д.

Любопытно, например, что, садясь в Баку на пароход, чтобы плыть по Каспийскому морю, придется, выйдя в открытое море, перевести часы на час вперед и т. п. Переставлять стрелку на час придется также при переезде границы поясов. Благодаря произведенной реформе в счете времени на телеграфах, радиостанциях, пароходах, банках, в редакциях газет и т. п. можно завести универсальные часы, которые показывали бы время всех пунктов нашей республики.

Такие универсальные часы можно было бы сделать в виде карты СССР, поместив в каждой зоне маленькие часики, идущие по местному времени.

Наши новые часы позволят не задумываясь сказать, который час в каком либо месте СССР.

Электрификация в СССР.

Электрификация—это использование электрической энергии там, где прежде применялись другие виды энергии. Она является высшей формой механизации, так как электрическая энергия, обладая способностью легко превращаться во все другие виды энергии, в то же время удобнее, проще и дешевле всех передается на расстояние. Возможность иметь источник энергии даже на большом расстоянии (при современном состоянии техники до 400 километров) от места потребления и, таким образом, обслуживать из одного пункта очень большую площадь, является одним из наиболее ценных свойств электрической энергии по сравнению со всеми другими известными, теперь способами механизации труда.

Электрическая энергия применима решительно во всех областях народного хозяйства. Можно смело сказать, что появление машин, производящих электрический ток, имело для развития техники и культуры еще большее значение, чем появление паровой машины. При современном состоянии техники, пар используется наиболее экономично именно тогда, когда он обслуживает паровую машину (в настоящее время почти исключительно турбину), вращающую электрический генератор[1]). Но кроме пара, любая сила природы может быть использована для приведения в действие электрического генератора, как, напр., движение воды в реках и каналах, ветер, морские приливы, даже прибой морских волн, расширение сжатого или горящего газа, и даже процесс замерзания жидкостей.

Электрическая энергия применяется в настоящее время для замены работы людей, животных, паровых и тепловых двигателей; для получения дешевых, сильных, безопасных источников света; для электрической тяги; для целого ряда производств; для сношения между людьми на далеком расстоянии (проволочный и беспроволочный телеграф, телефон, сигнализация).

Нельзя назвать ни одной отрасли народного хозяйства, в которой электрификация, рационально проведенная, не увеличивала бы производительность труда и не уменьшала бы стоимость продукции.

Электрические двигатели для станков и рудников увеличивают продуктивность труда рабочих, вследствие свойств электродвигателей, обладающих, по сравнению со всеми другими механическими двигателями, значительно большей гибкостью и удобством управления и большей безопасностью при обращении.

Для управления электрическими двигателями требуется только общий технический надзор специалиста, обращение

---

[1]) Машины, производящие электрический ток.

же с ними может быть поручено рабочему любой квалификации, тогда как обращение с иными механическими двигателями требует специального персонала.

Все крупные затраты на электрификацию заводов довольно быстро окупаются.

При постройке новых железных дорог выбор электрической тяги, вместо паровой дает удешевление и облегчение изыскания пути, так как электровозы допускают большие уклоны, чем паровозы. В этом отношении электрические горные дороги представляют особенно большую выгоду по сравнению с паровыми, тем более, что в горах можно найти источники дешевой энергии в виде водопадов и быстро текущих горных рек.

Электрификация сельского хозяйства открывает широкие перспективы для увеличения благосостояния крестьянского хозяйства. Можно указать на широкое поле применения электродвигателей небольших размеров для приведения в движение сельско-хозяйственных машин, взамен лошадей, что во много раз увеличивает производительность и ускоряет все процессы обработки и сбора урожая.

Электрическое освещение в деревне не только является культурным фактором, но и имеет у нас огромное значение в смысле уменьшения пожарной опасности.

Надо, однако, заметить, что проведение электрификации деревни представляет весьма значительные трудности. В городах потребители живут на небольшой площади и потому для их обслуживания требуется прокладка воздушных или подземных питательных проводов сравнительно небольшой длины, в сельских местностях потребители, наоборот, находятся на значительных расстояниях друг от друга и требуют относительно очень больших расходов на присоединение их к станции. В деревне поэтому не придется ограничиваться одним освещением, надо непременно дать станции и моторную нагрузку, а для этого надо создать мелкую промышленность и потребителей моторной нагрузки, иначе энергия станет непосильно дорога.

В гораздо лучших условиях находятся деревни, расположенные вблизи фабрично-заводских предприятий и могущие получить энергию от заводской станции, а также деревни, находящиеся вблизи линии электропередачи от крупных электрических станций. Поэтому понятно, почему у нас за последние годы стали прежде всего электрифицироваться деревни, находящиеся в этих условиях.

Несмотря на то, что СССР представляет собою огромную территорию, сравнительно слабо населенную, у нас все же имеются на лицо все условия для широкого развития крупного электростроительства: во-первых, у нас имеются неисчерпаемые богатства дешевого топлива почти всюду, а во-вторых, наша промышленность сгруппирована в нескольких районах, которые являются как бы оазисом среди огромных пространств лесов, степей и полей.

Эти обстоятельства дали возможность, создать грандиозный план электрификации СССР, предусматривающий строительство всего народного хозяйства на основе правильного использования при посредстве электричества наших богатых энергетических запасов.

ВЦИК 7-го созыва, в начале 1920 года, постановил разработать проект постройки сети электрических станций. „План электрификации России", был утвержден 8-м С'ездом и с 1921 года стал фактически осуществляться.

План предусматривает: 1) постройку в первую очередь 30 крупных районных электрических станций, обслуживающих важнейшие центры страны, 2) программу об'единения и правильного использования существующих станций и 3) развитие мелкого электростроительства там, где пока еще нет достаточных оснований для постройки крупных электрических станций.

Районные станции были намечены в местах, где имеются запасы дешевой энергии, а именно:

1) где может быть использовано течение рек (Волховская, две Свирские, Днепровская, Чусовская, Кубанская, Терская, Алтайская, Ташкентская—всего 9 станций);

2) вблизи крупных залежей торфа („Красный Октябрь" у Ленинграда, Шатурская станция в ста двадцати верстах от Москвы, Нижегородская, Иваново-Вознесенская и Свияжская—5 станций);

3) вблизи мест добычи угля, для использования наиболее низкосортного угля, не выдерживающего перевозки на дальние расстояния (Каширская для Москвы и Епифаньевская на подмосковном угле, 5 станций—на донецком угле, 3—на уральском и 1—на кузнецком);

4) вблизи залежей горючих сланцев (3 станции в Поволжьи, из них 2 на смешанном топливе: сланцы и отбросы деревообделочных заводов);

5) у мест добычи нефти (2 станции).

Кроме 30 крупных районных станций предполагается постройка многих больших станций местного значения, тоже на дешевом низкосортном топливе.

На ряду с постройкой станций план намечал места для развития в будущем новых производств и новых центров государственной промышленности.

Кроме того, определена очередность электрификации важнейших и наиболее нагруженных железнодорожных линий.

Общая мощность первых тридцати станций определена в 1.750.000 киловатт [1]), а стоимость их сооружения в 1.200.000.000 рублей. При этом, конечно, имелось в виду, что осуществление электрификационного плана будет итти на ряду с восстановлением и планомерным развитием всего народного хозяйства.

---

[1]) Один киловатт = 1,36 лош. силы. Это мощность, потребная для горения, примерно, 50 шестнадцатисвечных ламп накаливания с металлической нитью.

О тракторах.

Переложим тяжелый человеческий труд на стальные плечи машин.

Часто теперь говорят, что наступил *век электричества*. Наступление электрического века означает, что люди будут при помощи электричества разговаривать между собой на любом расстоянии; железнодорожные поезда будут двигаться электричеством, большие пароходы и воздушные корабли будут ходить при помощи электричества; в городах люди подымаются на верхние этажи — электричеством; в деревнях крестьяне будут пахать, сеять, убирать и молотить хлеб тоже электричеством; крестьянин будет варить пищу, обогревать избы, выводить цыплят, доить коров и т. д. тоже электричеством.

Когда все это настоящим образом разовьется, тогда и будут говорить, что люди провели полную *электрификацию*. Уже теперь при помощи радиотелеграфа люди передают на тысячеверстные расстояния речи, устраивают целые концерты, а их слушают во всех городах государства. Воздушные корабли перевозят сотнями зараз людей в богато-отделанных воздушных вагонах, электрические поезда несутся с бешеной быстротой, фабрики работают целиком на электричестве. И много, много других дел уже теперь делается электричеством.

На ряду с развитием электрификации в настоящее время очень сильно развивается постройка других машин, главным образом, для облегчения крестьянского труда. Эти машины называются *тракторами*.

Первые тракторы были изобретены лет 15 тому назад, они медленно двигались, были очень тяжелыми, до 16 тонн и более, и работали на дорогом топливе — бензине. Теперь делаются и небольшие тракторы, которые работают на керосине и нефти и, в случае надобности, могут передвигаться со скоростью лошади, бегущей рысью, а сила их равняется силе 20—25 лошадей.

Тракторы разделяются на колесные и гусеничные. У гусеничных тракторов вместо ходовых колес, получающих движение от мотора, имеются две движущиеся и напоминающие гусениц бесконечные ленты, как у всем известных танков, применяемых на войне. Гусеничные тракторы немного дороже, но они не производят вредного для растений раздавливания и распыления почвы, благодаря тому, что вес их распределяется на большую площадь, и поэтому они оказывают на почву давление не большее, чем человек, идущий по полю. Кроме того они не скользят при движении по полю. Далее, они могут переходить через канавы, не боятся под'емов и даже могут переползать через небольшие болотца, которые часто встречаются, напр., на лугах.

Колесный трактор „Фордзон“ и гусеничный „Клетрак“ представляют последнее слово американской техники.

Трактор „Фордзон“ по размерам равен средней лошади. Весит он вместе с плугом и шоффером 1360 кгр. Мощность—20 лошадиных сил. Имеет три скорости вперед: 2 килом., 4 килом. и 12 килом. в час и одну скорость назад. Стоит он вместе с плугом 1.500 рублей золотом. Трактор может применяться для самых разнообразных работ. Он очень поворотлив и управление им просто и легко. По желанию его можно переставлять на колеса с резиновыми шинами и пользоваться, как обыкновенным легковым автомобилем.

Трактор „Клетрак“ не имеет передка и поворот его производится гусеницами. Для этого одна гусеница застопоривается, а другая описывает вокруг нее дугу. Весит он 1440 кгр., но давление его на почву всего только $1^1/_4$ кгр. на 1 квадратный дюйм, благодаря расширенной площади гусениц.

Если такие тракторы правильно урегулированы и проверены, то управлять ими при работе легче, чем лошадьми.

Интересно видеть тракторы в работе. Во время пахоты на тракторе сидят всего два человека, один управляет трактором, а другой плугом. Эти два человека на тракторе в день сделают столько работы, сколько на 20 лошадях 20 человек. Значит машина на пахоте заменит собою 18 человек и 20 лошадей. Трактор облегчит крестьянский труд и даст возможность крестьянину летом работать не 18—20 час. в сутки, а всего 8—10 часов и сделает он в это время в 2—3 раза больше.

Для собирания хлеба к трактору прицепляют несколько жаток. Жатки прикрепляются таким порядком одна за другой, чтобы каждая захватывала полоску хлеба.

Опять и в этом случае трактор и жатка сразу заменят работу 120 человек в день. Это значит, что трактор, который тянет за собой пять сноповязалок,—в день сожнет около 20 десятин, а людей всего нужно 6 человек—один на тракторе и по одному на сноповязалке. Но не все равно сидеть ли на жатке или сгибаться с серпом. *И так мы запишем здесь, что машина на жнитве облегчает человеческий труд и увеличивает его производительность в 20 раз.*

Для того, чтобы хлеб сжатый не лежал в поле, теперь применяются особые машины, которые одновременно и жнут, и молотят, и веют, так что вместо снопов с машины скидываются сразу мешки с зерном и обмолоченная солома. Способ одновременной жнитвы и молотьбы хорош тем, что при нем очень мало пропадает зерна и также мало осыпается.

Но если хотят увозить с поля необмолоченные снопы к себе на гумно,—то и здесь машина приходит на помощь: она заменяет лошадь, но сразу везет несколько возов со снопами.

Огородники обрабатывают свои коммунальные огороды той же машиной, и трактор им разделывает гряды. При раз-

делывании огородов машины одновременно пашут, сажают и закапывают. Или роют картошку и сами ее отбирают в мешки.

Нигде за границей люди не молотят уже хлеба цепами или катком лошадьми, а везде применяется машинная молотьба. Тот же трактор, который пашет, жнет, возит хлеб, разделывает гряды, он же и молотит. Один человек во время молотьбы трактором может легко сделать работу пяти человек, при ручной молотьбе.

Трактор может помочь выполнить самые разнообразные работы: возить бревна и дрова на нескольких санях сразу, повезти на базар или в город и т. д.

Такую дорогую машину нельзя, конечно, приобрести отдельному крестьянину при наделе в 3—5 десятин на двор.

Но тут выход найти можно, если крестьяне хотят работать вместо 20 часов в сутки только 8—10 часов, если они хотят получать с гектора не 560 кгр., а 1600—1920 кгр., если они хотят есть не хлеб и картошку, а иметь хороший обед. Для всего этого нужно крестьянам об'единиться в коллектив или коммуну. Пусть 20 или 30 дворов об'единяются в один коллектив и приобретают сообща машины. Для них нужны: один трактор, две сноповязалки, одна или две сенокосилки, кое-какой другой инвентарь, как, например, зерноочистительные машины, веялки, соломорезки, пилы для резки дров и т. д. Вот такой коллектив или коммуна при помощи машины смогут обработать свою землю во много раз лучше, вывозить в поле больше навоза, при этом, конечно, возможно больше нужно держать коров и свиней. Мясомолочный скот даст, во-первых, молоко, сыр, масло, свинину, а во-вторых, и навоз для удобрения.

До последнего времени мы были вынуждены пользоваться тракторами, изготовлявшимися в Америке, которые могли покупать в ограниченном количестве. Но более двух лет тому назад Госпланом утвержден план тракторостроения в СССР. Ежегодно будет строиться у нас на различных заводах в Ленинграде, Харькове и Ростове-на-Дону 3.400 тракторов колесных и гусеничных.

Ленинградская промышленность и Ленинградский порт.

Географическое положение Ленинграда таково, что он всегда будет крупнейшим узлом морских, речных и железнодорожных путей, местом выхода на широкий простор продукции нашего Северо-Запада, Севера, и отчасти Урала и Сибири. Великий Северный путь одним своим концом безусловно упрется сюда (другой пойдет на Мурманск). Исторически Ленинград вырос и сложился не только как столица, как административный, но и как крупный культурный и экономический центр. Город имел для своего развития и

расцвета глубокие экономические корни, которые хотя и повреждены послевоенной разрухой, но не подрезаны и не засохли.

Нормально, естественно-ли восстанавливается и растет послевоенная ленинградская промышленность?

Основными условиями для естественного развития в данном месте промышленности являются: наличие по близости достаточных источников энергии и сырья, в частности, металла; далее—наличие удобного и крупного рынка сбыта для промышленной продукции и вместе с тем географическое положение — развитость и удобство транспортной связи с источниками сырья и топлива и с районами сбыта; наконец, наличие необходимой рабочей силы.

Ленинград—это один из лучших и крупнейших портов Балтийского моря и неизбежно должен играть крупнейшую роль во всем бассейне этого моря.

Каковы же условия для развития Ленинградской промышленности?

Начнем с источников энергии. Ленинград вырос частично на заграничном (английском), частично на донецком угле и бакинской нефти. Английский уголь и нефть доставлялись сюда водой и проходили очень большое расстояние. За время войны и блокады из этих трех источников остались только два последних, и то с большим перерывом во время гражданской войны. На этой почве вырастали соображения о неудобстве и искусственности развития ленинградской промышленности на угле, доставляемом по железным дорогам за полторы тысячи верст. Особенно правильно было это соображение относительно металлургии. Конечно, выгоднее и легче производить передельный процесс на южных заводах у самого кокса и руды, чем таскать все это за полторы тысячи верст на север. Проще уж тогда перетаскивать готовый металл. Но, положение это являлось лишь временным: с 1921 года возобновилась доставка в Ленинград нефти водой; с того же времени начался подвоз угля из Англии, усиливавшийся с каждым годом, вплоть до 1924 года когда налажено было снабжение Ленинграда донецким углем.

В настоящее время вопрос о питании ленинградской промышленности топливом разрешается заканчивающейся в 1925 году постройкой Волховстроя. Эта станция вместе с Уткиной Заводью (Красный Октябрь) и прежними станциями в резерве—достаточный источник энергии для Ленинграда, для его промышленности и транспорта в данный момент и на ряд ближайших лет.

Эксплоатация белого угля, торфа и сланцев Сев.-Зап. края достаточно удобна, как по дешевизне производимой энергии, так и по легкости ее передачи на предприятия.

Перейдем теперь к источникам сырья. Начнем с металла. Своей руды в районе мало, и она плохого качества (олонецкие озерные руды). Ленинград всегда питался чугуном и железом с Урала и Юга, а потому и не было собственной

ИСТОРИЧЕСКАЯ

металлургии в первой стадии выработки металла. Не разовьется она и в дальнейшем; но отсюда не следует, что нужно эвакуировать и переносить на юг или на Урал ленинградские мартены, бессемеры и прокатные станки. Их следует оставить в Ленинграде для переработки отбросов и старого железа и для специальных надобностей.

Но уже совершенно излишни сомнения о целесообразности сохранения и развития ленинградского судостроения и машиностроения, особенно точной механики и электротехники. Если несколько отдалены для них источники сырья—металла, то близки и удобны в перспективе источники энергии, а так как это производство крайне ценное, то отдаленность сырья решающего значения играть не может.

Что же касается судостроения, то оно имеет достаточно данных, говорящих за его развитие именно здесь, на берегу Балтийского моря и на выходе крупнейших водных путей—Мариинской системы с Волги, а в дальнейшем, повидимому, и Балтийско-Беломорского канала.

Абсолютно бесспорны широчайшие перспективы развития ленинградской промышленности в части обработки основного своего сырья—древесины, обработки как механической, так в особенности химической (бумага, целлюлоза и т. д.). Сырья этого изобилие: к Ленинграду выходит лес с обширнейшего лесного района, при том, главным образом, сплавным путем. Ленинград становится мощным центром лесной и лесообрабатывающей промышленности, способной широко развиться не только в самом Ленинграде, но и по всему Сев.-Зап. краю. На этой базе, на ряду с переработкой торфа, сланцев, других минеральных ископаемых, растительных и животных продуктов, должна развиться богатейшая химическая промышленность, вообще находящаяся у нас еще в зародыше.

Несколько слов еще о текстиле. Если более затруднительна доставка сюда хлопка, то совершенно под боком лен. Это продукт Сев.-Зап. края и прилегающих к нему районов центра и Белоруссии. Ленинград имеет все основания для широкого развития у себя льняной промышленности. Между тем развита она пока еще слабо: до сих пор и лен эксплоатировался в необработанном виде.

Рабочая сила, как фактор производства, всегда имелась и имеется в Ленинграде в достаточной степени. Прилегающие к Ленинграду районы с более слабым развитием сельского хозяйства были и будут богатейшим источником резервной рабочей силы, особенно в зимние месяцы, ищущей для себя приложения.

Остается вопрос о сбыте для продукции ленинградской промышленности. В отношении широчайшего русского рынка Ленинград лежит на самом краю, но связан с ним достаточно удобными водными и железнодорожными путями. Во-вторых, она имеет выход за-границу. Ленинград крупнейший порт и транзитный узел.

Постепенно развиваясь и улучшаясь за свое более чем двухсотлетнее существование, расположенный при крупнейшем в европейском масштабе городе, Ленинградский порт уже одним этим представляет наличие всех тех условий, которые делают его потребительным рынком исключительной емкости и портом первого ранга.

Удивительно удачное расположение порта, где морской путь далеко внедряется в материк СССР и заканчивается в самом узле, откуда исходят все главнейшие артерии железных дорог, Ленинградский порт вместе с тем представляет конечный пункт величайшей русской водной магистрали, соединяющей рядом искусственных водных систем, во главе с Мариинской, единственный по обширности в мире бассейн Волги с международным морским путем... Если добавить к этому, что Ленинградский порт служит естественным кратчайшим транзитным путем для снабжения необходимыми иностранными товарами всего Московского промышленного района, и, наконец, при начавшемся использовании неисчислимых богатств Сибири и ее сельско-хозяйственных возможностей, представляет головной участок Великого Сибирского железнодорожного пути, то поистине колоссальное государственное значение порта можно признать бесспорным.

Наводнение в Ленинграде 23-го сентября 1924 г.

Наводнение началось внезапно. В 1 час 20 минут дня с верков Петропавловской крепости раздались первые пять предупреждающих выстрелов—вода поднялась на пять футов. Мирные и спокойные речки: Мойка, Екатерининка, Фонтанка и Смоленка заходили бурными волнами. Вода поднялась с необычайной быстротой, затопляя всю низменную часть города и стремясь в центр.

Первый натиск и удары со стороны моря приняла на себя Галерная Гавань. Десятки и сотни бревен обрушились на возвышенный берег взморья. Как тараны, били они в окна и стены Дерябинских казарм. В 3 часа дня привычное гаванское население по колено в воде спасает свои огороды и эвакуируется из всех нижних этажей. В пять часов море делает новый натиск и обрушивается с страшной силой на обреченный город. Последний вагон гаванского трамвая из всех сил пытается опередить настигающие его воды залива. Но отовсюду ему навстречу несутся такие же потоки воды.

К шести часам вечера весь Васильевский остров окунулся по пояс в море. Но ветер и море не довольствуются своей победой. Громадные вековые деревья вырываются с корнем; тяжелые электрические фонари—шары, долго раскачиваемые, отрываются от столбов и летят через крыши домов на соседние улицы, чтобы обрушиться на головы прохожих. Кро-

вельные листы железа, словно развеянные кусочки бумаги носятся по воздуху. Свет погас. Широкие волны ходят по улицам. Вода прибывает, и кажется, что нет от нее спасения.

К семи часам в холодном мраке улиц показались первые конные патрули с мигающими фонарями в руках. В высокой воде кажется, что они не едут, а плывут на своих конях. В темных щелях улиц появились лодки и баркасы. Вдали, на 3-ей линии, странно и непривычно прогремел пронзительный свисток буксира. Пробежал, рассекая волны, и деловито скрылся за углом Среднего проспекта, словно таксомотор...

Сильно пострадала от наводнения Академия Наук.

В Зоологическом музее вода доходила до 2 метров. В главном зале в воде оказались приборы, станки и пр.

Богатая библиотека академика Ольденбурга, различные редкостные коллекции очутились под водой глубиной около метра.

Проспект 25-го октября был неузнаваем. Выл и рвал ветер, мешая итти. На отходившем к Октябрьскому вокзалу вагоне трамвая со всех сторон висели люди. Это был последний вагон. За ним шла вода. Она залила начало Проспекта 25-го Октября и медленно подвигалась вперед. Трамвайное движение оборвалось. По тротуарам бежали в разных направлениях люди. Над толпой выл ветер, срывая вывески. Из сада б. Аничкова дворца выбросило на тротуар вековое дерево.

На Комиссаровской ул. (б. Гороховой) размытые торцы, образовавшие пловучие мосты, мешали двигаться несчастным лошадям. Извозчичьи коляски ломались, и обессиленные лошади тщетно старались высвободить экипаж из водяной стихии. В под'езды домов вводили фыркающих испуганных лошадей.

Нужно отметить, что в самые сильные моменты наводнения многими лицами было проявлено геройское отношение к спасению людей и народного достояния. Газеты отметили подвиги служащих и рабочих на фабриках, на главном телеграфе и телефоне, в детских домах и т. д. Детей вывозили на лодках, спасали пожарные, милиционеры и красноармейцы.

Когда потоки воды стали прибывать в здание бывшего Мариинского театра, там находились только несколько человек. По грудь в воде эти лица спасли нотную библиотеку и архив режиссерского управления.

Когда помещение оркестра наполнилось водой, начали плавать скрипки, контрабасы, тимпаны. В воде оказался большой концертный рояль, который был переброшен через барьер в партер. Вода в помещении оркестра достигла глубины свыше 2-х метров.

Страшная картина наблюдалась в Зоологическом саду, куда вода хлынула с прилегающей набережной Кронверкского проспекта. Все звери оказались в воде, кричали и ревели. Звери были переведены во второй этаж конторы и в зимнее помещение сада.

На проспекте Огородникова (б. Рижский), от страшного напора воды обрушился огромный дом, в котором производились работы по подведению фундамента. Все 4 этажа упали.

Хлынувшая через Дворцовую набережную вода прибила баржу, стоявшую на причале, к стенам Мраморного дворца. Удар был настолько силен, что стекла второго и третьего этажа оказались выбитыми.

Две баржи повисли у Летнего сада на гранитном парапете. Опустошение, причиненное Летнему саду, колоссально. Пройти через сад после наводнения было возможно только по дорожке, прилегающей к Лебяжьему каналу. Средняя аллея, а также и все параллельные и перпендикулярные к ней, непроходимы вовсе, так как вырванные с корнем деревья лежали сплошными рядами, особенно в самой середине сада, где в гуще зелени образовалась огромная зияющая плешь. По дорожке, идущей вдоль Фонтанки, можно было пробраться, лишь перелезая с большим трудом через сваленные стволы огромных деревьев. Их падением сброшены с пьедесталов многие статуи. Без преувеличения можно сказать, что погибло по крайней мере 30% всего насаждения Летнего сада, и после приведения его в порядок он будет иметь весьма поределый, печальный вид.

Всюду, куда проникала водяная стихия, она разворачивала торцовую мостовую, выбрасывала чудовищные кучи торцов на панели, которые вдребезги разбивали громадные стеклянные витрины магазинов, останавливала и топила ломовиков, заливала подвалы, врывалась в магазины, затопляла уныло стоящие, покинутые трамваи.

По журналу Бюро погоды под'ем воды достиг своей наивысшей точки в 7 час. 15 мин.—3 метра 52 сант. С этого момента вода пошла на убыль.

Вода не пощадила и окрестностей Ленинграда.

В Новом Петергофе к 6 часам вечера ветер достиг силы урагана. Масса воды хлынула на берег и залила всю прибрежную полосу, Нижний сад и парк Александрии. Напором воды в нижних дворцах были выломаны рамы и разбиты стекла. Вода наполнила комнаты почти на 70 сантиметров. Мебель была сорвана и подмочена.

Волны совершенно разрушили историческую мраморную площадку „Монплезира“. Старинная баллюстрада времен Петра I, окружавшая ее, смыта до основания. В „Домике Петра I“—тоже хаос. Волнами унесены туфли Петра. Халат и кровать удалось спасти. Силой прибоя пароходная пристань со старинными пушками была унесена в море, а затем выброшена на берег около Александрии, в трех верстах от места, где она находилась. Сторожевые домики, расположенные на берегу моря, были совершенно разрушены.

В историческом парке было вырвано с корнем и повалено 800 ценных деревьев.

Сильно пострадали Новая Деревня и Лахта; железнодорожные пути оказались значительно размытыми. Движение

по Приморской линии прекратилось. Поезда, вышедшие на линию, вынуждены были вернуться обратно, так как вода здесь достигала 2½ метров высоты.

На взморье — сотни тысяч торцовых шашек, поля дров. Оторвалось свыше 100 барж, пустых и груженых.

От Вольного острова, в сторону к Лахте—сплошные гигантсткие острова дров.

Местами барочники наспех укрепили мостки, задерживая утек лесных материалов.

На Петровском острове потоки дров разбили ряд каменных зданий. В одном месте каменный первый этаж весь разрушен, второй деревянный держится только на столбах... В нескольких домах на берегу — громадные зияющие пробоины, словно после бомбардировки.

На Петровской косе громадную железную цистерну Нефтеторга дровами сверху перегнуло в причудливую форму гигантской красноармейской шапки.

У Финляндской верфи на острове Голодае десятка три старых пароходов и баржей сгрудились, налезли друг на друга. Партия пароходов, смешавшись в кашу, уперлась носами в набережную. На Охте выкинуло на берег три парохода.

На всех берегах эти дни было совершенно непривычное для Ленинграда зрелище. Люди толпятся с ведрами, кувшинами — забирают воду. На Фонтанке, на каналах — та же картина.

Во многих местах на решетках набережной развешены одежда, белье, ковры—жильцы первых этажей сушат подмоченное водой имущество...

На Волховстрое.

Три часа ночи. На станции Званка столпотворение вавилонское. Сотни рабочих типа землекопов, каменщиков с котомками, сундуками, мешками. Гул, суета, выкрики. Все смешалось, все торопятся.

Оставляем всю сутолку позади и едем к пристани верстах в двух—трех от Званки.

Уже под'езжая к реке, видишь море электрического света. Весь правый берег, где виднеются очертания уснувшего поселка, отражается тысячами огоньков в гладкой поверхности Волхова. Вправо, повыше поселка, сейчас молчаливого,— ревущий Волхов. Грохот наполняет все окрестности и царит над всем. Вглядываемся в темноту. Там, поперек реки, видны какие-то громады, сплошь покрытые строительными лесами; точно исполинские ящики опущены в воду, и на них, несмотря на глубокую ночь, бьет ключем неустанная работа. Свистки паровозов, временами прорезывающие общий шум, грохот взрывов,—все это теряется в несмолкающем шуме и реве скованного ящиками кессонов грозного Волхова. Под-

ходит пароходик, и мы толпой спускаемся далеко вниз с высокого крутого берега.

Пароходик, отсвечивая в воде, плывет на встречу тысячам огоньков, заливающих светом весь правый берег, загроможденный лесами, переплетами строительных мостиков, хаосом всевозможных сараев, вышек, решетчатых под'емных плавучих кранов.

Поднимаемся на крутой, весь из'еденный экскаватором берег. Картина точно после разрушительного землетрясения. Глыбы камня, ямы, горы щебня и всякого строительного мусора. Мы в центре рабочего городка. Грязь невозможная, и вдоль улиц идут деревянные мостки-тротуары.

Характерна особенность рабочего городка, где вечно идет днем и ночью работа: на правильно разбитых уличках море электрического света. Все дома, бараки, проезды усеяны электрическими лампочками. На каждом из четырех углов перекрестка столб с электрическим плоским фонарем, на стенке которого отмечены с двух сторон название улиц и порядковые номера прилегающих к перекрестку домов. Удобно, светло и даже красиво. Пробираемся вдоль сотен бараков и прочих строений к дому для приезжающих. Городок спит, но в доме нас встречают дежурные и отводят нам отдельные комнаты. Через полчаса мы в чистых постелях и засыпаем, как убитые.

На утро, после внешнего обозрения городка, мы направились к центру всей жизни, сущности и значения Волховстроя.

Мы пробираемся по утлым мосткам, нависшим над ревущим, ощетинившимся гребнями пенистых волн, грозным Волховом. Мостки на лесах соединяют между собой опущенные на дно реки кессоны, которые составляют основу будущей плотины, подпирающей воды Волхова. Сейчас поставленные на линию плотины кессоны образовали собой гребенку, перегородивши все течение реки. Сквозь эту гребенку, из десяти железо-бетонных кессонов, с непередаваемой силой и ожесточением прорывается течение реки.

Волхов, вообще быстрый в своем течении, подпираемый верстах в шести выше строительства порогами, сравнительно спокойно несущий свои воды, вдруг сдерживаемый гребенкой кессонов стремится прорваться вперед и, ревет, бурлит точно исполинский водопад. Дальше уже за кессонами река, точно обессиленная, примирившись со своей судьбой, тихо, плавно и безропотно продолжает свой путь среди безмятежных полей и болот старой русской равнины.

Через два года здесь закончится кипучее строительство, уберут все леса, почистят берега, и из глубины Волхова вырастет красивое, гордое здание самой мощной в Европе гидро-электрической установки.

Течение Волхова волею человека пойдет каналом, будет вращать десять турбин, развивающих мощность 80.000 лошадиных сил, и заменит движением водной массы уголь добытый руками одного миллиона двухсот тысяч человек.

От станции пойдет электропередача в Ленинград, и завертятся тысячи приводов на фабриках и заводах...

Что представляет из себя сейчас работа на Волховстрое?

Когда вы стоите на мостках над ревущей внизу пучиной Волхова, перед вами, в данный описываемый момент, раскрывается такая картина.

Впереди, в двух—трех верстах, перекинут через Волхов железнодорожный мост в сторону к Мурману. Весь правый берег Волхова застроен специально возведенным рабочим городком с десятком тысяч жителей, занятых на постройках. Вся береговая линия, непосредственно над водным горизонтом, представляет собою хаос первоздания: то и дело взлетают от взрывов глыбы камней, горы щебня и земли, всюду снуют вагонетки, тачки, шныряет хобот экскаватора, грызущего берег. Дальше от берега, непосредственно среди простора реки, во всевозможных запрудах, лесах, с'емных кессонах возводится огромная крепостная железо-бетонная аркада, так называемой, льдозащитной стенки, долженствующей принимать на себя весь массив льда в половодье, предохранять собою основной корпус главного здания гидро-электростанции с турбинным залом.

Льдозащитная стенка тянется почти параллельно правому берегу, вдоль которого будет проходить специальный цементированный шлюзовой канал для пропуска пароходов и барж.

Сейчас же за льдозащитной стенкой, на высушенном дне реки, вырыт огромный котлован, где возводится главное здание станции. Здесь ниже уровня реки в зале будут установлены десять могучих турбин и над ними, немного выше над водою — генераторы [1]) с двигательной силой на 80.000 лошадиных сил.

Сейчас на дне котлована кишит муравейник—целые составы поездов, тысячи тачек, наполненные песком, вывозят все это по лесам и платформам, и оттуда все вывозимое возвращается вновь в виде бетона для создания ряжевых перемычек, временно ограждающих возводимую постройку от затопления рекой. Вокруг котлована, на дне его разбросаны всевозможные вспомогательные предприятия: бетонные заводы, камнедробилки, электрические подстанции, водоотливные сооружения и всюду снующие поезда.

Непосредственно от сооружаемого главного здания станции поперек реки тянется линия опущенных в воду десяти постоянных кессонов, вдоль которых возводится временный деревянный мост для обслуживания работ при сооружении плотины на кессонах.

В конце линии кессонов на левом берегу возвышается ряд других вспомогательных предприятий и левобережный рабочий городок.

Все эти три основных звена сооружаемой гидро-электрической станции (льдозащитная стенка, главное здание и пло-

[1]) Машины, производящие электрический ток.

тина) как паутиной затканы строительными лесами, переплетами балок, мостков и щитом решетки деревянного моста.

Среди этой паутины вырисовываются очертания серых массивов кессонов и аркада льдозащитной стенки. По окончании в назначенный срок вся паутина лесов будет убрана, над громадой Волхова из воды высоко будет подниматься над плотиной и льдозащитной стенкой здание станции, в огромном зале которой завертятся от напора воды десять турбин, от двигательной силы которых оживет вся ленинградская промышленность, а вместе с нею воспрянет и вся страна—ибо Ленинград навсегда останется для России широкой дверью в западные страны.

Из поездки в Чухарию.

(До войны).

Мы опишем здесь избы, дороги, хозяйства чухарей или койванов, народности, родственной западным финнам, живущим в Финляндии и говорящим на том же языке.

Но как сильно отстали чухари от своих родичей!

Страна чухарей или Чухария лежит отчасти в пределах Ленинградской губернии, в Лодейнопольском уезде (р. Оять), отчасти в Тихвинском уезде, Череповецкой губернии [1]). Местность эта пересечена множеством холмов, между которыми лежат озера, болота, текут реки и ручьи, растут вековые леса. Озер здесь так же много, как и во всей этой „озерной" полосе.

Иногда эти озера имеют неправильную форму, иногда они длинные, узкие, иногда, круглые, в виде котлообразных углублений. Поверхность многих озер уже затянулась зеленым моховым ковром, так что от них остались лишь небольшие блестящие окошечки. По торфяным болотам, разбросанным всюду, можно судить, сколько было здесь воды в прежнее время.

Очень богата Чухария лесом. Можно сказать, что все, что не занято водой, занято лесом. И только изредка кое-где встречаются лысые хребты холмов. Состав деревьев обычный для нашей северной полосы: ель, сосна, береза, осина.

Небольшие деревушки группами разбросаны по холмам. В расположении домов не замечается никакого порядка и плана. Избы были до последнего времени большей частью курные, топились „по черному", как говорят чухари. Строились избы из тонких сосновых бревен; крылись соломой, переложенной жердями, которые связывались между собою ивовыми прутьями. Избы вообще строятся довольно высо-

---

[1]) Волости: Борисовщинская, Пелдушская и Лукинская.

кими, как бы в два этажа, и бывают в один или в два сруба.

Важнейшей частью чухарского жилища следует считать печь, которая занимает по крайней мере треть избы. Печь делается из битой глины, с массивным поместительным шестком. Печь часто заменяет баню, а в холодное время на печи спят.

Есть у чухарей и специальные бани, конечно, черные, но там мыться удобно только летом, когда можно окачиваться и одеваться на открытом воздухе. Чаще же всего чухарь натапливает свою печь, слегка окачивает стенки ее водой и, забравшись в нее, подолгу „парится“ березовым веником, затем окачивается водой.

Главное занятие чухарей—земледелие. Сеют рожь, овес, ячмень, лен и картофель. Пашня и покос не представляют одной площади, а разбросаны по отдельным полянкам и клочкам (горбылям, веретьям) между озерами, болотами и низкими местами.

Пашня по большей части суглинистая и глинистая, затем подзолистая, песчаная и супесчаная. Сенокосы по преимуществу болотные, около озер, маленьких речек и ручейков. Большинство полей почти сплошь завалены камнем, а многие изобилуют пнями от срубленных деревьев, так как разделаны из-под леса.

При расчистке полей чухари употребляют „скорый“ способ. Работа у них называется „суковалкой“. Ранним летом, когда лес оденется в свой полный наряд, чухарь целой семьей отправляется на свой участок. Под ударами топора и тяжелых ножей-суковок серпообразной формы падают деревья одно за другим,.. Едва деревья завянут на солнышке, их начинают сжигать. Огонь правильно, также рядами охватывает поблекшую листву, и черный дым стелется по полосе. Работники грязные, с закоптелыми лицами, в рукавицах, с длинными палками в руках, следят, чтобы деревья сгорали полностью, чтобы огонь не щадил своих жертв. Сколько первобытной суровости в этой картине! Не успеет догореть последнее деревцо, дым тяжелым облаком еще носится над полем,—горячую землю уже вспахивают. Зола молодых побегов служит ей первым удобрением.

Вообще хозяйство ведется первобытным способом, и ни о какой правильной системе оборота говорить не приходится.

Посмотрите, как поразительно просто устройство, например, бороны.

Взято несколько (от 3 до 6) молодых елей, разрублены пополам вдоль ствола, каждая половина обращена сучьями вниз и вместе соединены прутьями ивы. И это все.

Также просто устройство сохи. И этими орудиями возделывается плотная глинистая почва лесных полей, почти сплошь заваленных крупным булыжником. Нельзя, впрочем, не упомянуть и об удобствах такой бороны. Если бы на чухарских полях появилась теперь борона с железными

зубьями, она мало принесла бы пользы. Острые зубья застревали бы через каждые два шага, и тощим чухарским лошадкам было бы не под силу тащить ее. Не то еловая борона! Я видел ее в работе. Вымоченная предварительно в озере, борона легко скользит по комковатой земле, проявляя удивительную эластичность при встрече со всеми препятствиями, лошадь идет бодро, легко, только... тяжелая комковатая земля попрежнему остается комковатой, и все поле представляет странный, изрытый вид. Можно себе представить, как обильна должна быть здесь жатва. Немудрено, что хлеб с мякиной здесь никого не удивляет... Часто бывает, что и то немногое, что дает земля, оказывается несе'добным! Хлеб родится „пьяным“: зерна имеют розоватый оттенок, вследствие того, что в них развивается особый грибок, разлагающий белок зерна. Небольшое количество такого хлеба вызывает отравление, часто со смертельным исходом.

Настоящие дороги (старые „земские“) идут только до волостного суда. Дальше же всюду вокруг дорог нет, если не считать за дороги узкие лесные тропинки. Тропинки эти завалены камнями, пересечены болотами, ручьями, речками, через которые перекинуты живописные, но малопроходимые мостики из тонких круглых жердей. Сообразно с этим и чухарские экипажи просты и оригинальны. Но слово экипаж надо понимать с оговоркой. Вернее у чухарей нет никакого экипажа. Собственные ноги он считает лучшим способом передвижения по топким болотам и лесным дебрям своей родины. И чухари действительно выработали поразительную привычку ходить, только в исключительных случаях они садятся на лошадь. Но без экипажей все-таки не обойтись. И чухарь их выдумал. Это прежде всего—„смычки“. Устройство их немудреное. Берутся две длинные оглобли, одни концы которых, верхние, обычным способом поддерживаются хомутом, а другие, нижние, несколько загнутые, волочатся по земле; к ним приделывается поперечная перекладина для пассажира и клади. Часто „смычки“ заменяются обыкновенными санями, особенно, когда необходимо везти такую рыхлую кладь, как навоз. В последние десятилетия зажиточные крестьяне стали заводить и колесные экипажи. В больших деревнях их можно найти несколько штук. Имеют они вид ящика на двух колесах без всяких рессор. Легко представить себе, как удобно путешествовать в таких экипажах по чухарским дорогам.

Жизнь чухаря была окутана целой сетью верований, заговоров, примет, обычаев.

Так жили чухари до революции [1]).

---

[1]) Наблюдения А. Колмогорова относятся к началу XX века. См. Землеведение, т. XII.

Волшебное озеро.

Стоит только от'ехать от Ленинграда к северу на двести-триста километров, как мы из столицы государства попадаем в такую глушь, где редкий человек умеет читать, где деревни отделены одна от другой на десятки километров, где растут непроходимые леса, в которых свободно разгуливает медведь.

Один из ближайших к Ленинграду таких диких заброшенных и нетронутых углов—это Олонецкий и Карельский край; он простирается от Ладожского озера до Ледовитого океана и от Финляндии до р. Онеги. Благодаря своей заброшенности и отсутствию до последнего времени железных дорог, Олонецкий край почти единственный, где можно услышать настоящий, русский язык, встретить древние костюмы и даже самый тип прежнего великоросса.

Путь в Олонецкий край простой. Его хорошо знали еще древние новгородские ушкуйники-разбойники, смело на лодочках переплывавшие бурное Ладожское озеро. Теперь этот путь совершается на пароходах в полтора-два дня.

Большой пароход морского типа выходит из Ленинграда и идет вверх по Неве среди плоских берегов, застроенных фабриками и дачами. Нева имеет в длину всего 64 клм., из них пароходу надо пройти 53, чтобы добраться до Ладожского озера. Этот переход совершается в течение пяти-шести часов.

Путь от Ленинграда до Онежского озера и дальше до Северного Ледовитого океана полон воспоминаниями об исторических событиях. Старинная Шлиссельбургская крепость, стоящая при истоке Невы, и построенный тут же рядом город... Крепость должна была защищать вход в Неву и не допускать неприятеля до Ленинграда водным путем. Впоследствии она была превращена в тюрьму и много тяжелых воспоминаний связано с ней.

Нева в своем верховьи изобилует порогами и для судоходства крайне неудобна. Пароходы проходят в озеро и оттуда в реку с большими затруднениями, потому что для прохода их есть место меньше двадцати метров.

Ночью же пароходы не решаются ни войти в реку, ни выйти из нее в озеро и часто стоят до утра, а иногда и дольше, если утро туманное. Поэтому и мы торопились засветло пробраться через пороги и выйти в открытое озеро.

Был уже вечер, когда мы миновали пороги. Дул сильный ветер, и Ладожское озеро было сплошь покрыто громадными волнами, гребни которых доходили до борта парохода. Озеро это—одно из самых больших, не только в России, но и в Европе, и окрестные жители часто называют его морем. И действительно на Ладожском озере часто подымаются бури, не уступающие морским: волны поднимаются на не-

сколько метров в высоту, и тогда пароходу приходится плохо. Поэтому-то и мы, глядя на усиливающийся ветер, не решились пуститься в бурное озеро, а остановились в виду крепости, близ верховья Невы, став на двух якорях.

На утро, едва рассвело, пароход наш тронулся вперед, несмотря на то, что ветер не уменьшался, и что была боковая качка. Целый день боролся он с строптивым беспокойным озером, растерял несколько лопастей от своих колес и только на другой день рано утром вошел в устье реки Свири, впадающей в озеро с восточной стороны. Свирепое озеро осталось позади, перед нами была широкая северная река, соединяющая два величайших озера — Ладожское и Онежское: Свирь не уже Невы. Берега ее сначала низменные, мало привлекательны, часто затоплены водой. Только в средине течения реки они холмисты. Иногда Свирь перерезают каменные кряжи, которые в сухое лето, когда река мелеет, затрудняют пароходное движение. Украшением Свири являются леса, стоящие по ее берегам, громадные, нетронутые леса. Они стоят то сплошной стеной, то взбегают на холмы, то опускаются в долины. Иногда лес расчищается, открываются ровные места, виднеются деревни, на которых лежит серый, тоскливый отпечаток бедности и заброшенности.

На тряской телеге ехал я дальше, по узкому каменистому проселку, вдоль порожистой шумной речки Пирдольс. Шум ее слышится издали. Потом потянулись леса на целых 16 км. Наконец мы приехали в деревню Большую Гору.

Эта деревня живописно раскинулась на высокой горе. Вокруг вид на десятки километров, всюду лесные дали. Вот она—лесная страна. Море леса, елового, соснового, лиственного расстилается тут же под ногами; остроконечные верхушки темнозеленых, почти черных елей и сосен сменяются пришибленным к земле светло-зеленым кудрявым кустарником, вдали, между лесом, серебрятся озера... Всюду широкий, могучий размах природы, чудный вид. Смотришь и не наглядишься, дышится свободно и легко.

По своему обыкновению, я остановился у земского учителя.

Деревня „Большая Гора“ очень живописна. Половина ее перед моим проездом выгорела, сиротливо торчали дымовые трубы; небольшое запущенное кладбище окружает небольшую церковь старинной, шатровой архитектуры; угрюмые, черные избы, с крышами, окрашенными заходящим багровым солнцем, красовались на фоне лесных далей. Над лесами спускался уже туман, понемногу они превращались в одну сплошную темную массу.

— Пойдем на „ламбушку“ (озеро),—предложил учитель,— километра два не дальше... Там очень красиво... Увидите священное озеро.

Мы взяли ружья и пошли.

Мы шли сначала полем, потом кустарником. Я любовался светляками, усердно освещавшими своими зеленовато-фосфо-

рическими фонариками сонную траву. Вскоре по проселку мы вошли в глухой громадный лес. Справа и слева было озеро: одно маленькое, совершенно скрытое кустами и зарослями, другое большое, открытое. Мы остановились у последнего.

Озеро спало, тихое, мирное. Сонная осока, росшая по берегу, незаметно переходила в кустарник, в котором там и сям торчали одинокие деревья и бросали на сонную воду громадные черные тени. Неподвижная, стального цвета вода кое-где еще окрашивалась тепловатым отсветом заката, но уже начинали расстилаться туманы.

Странное чувство одиночества и ничтожества овладевает человеком в такие минуты.

Он видит громадную массу воды, исполинские деревья, приземистые кустарники и травы, об'ятые мертвой тишиной, знает, что только он бодрствует, а кругом никого нет на десятки километров. Величие природы, мертвая тишина понемногу забираются в душу и наполняют ее и восторгом, и трепетом.

Учитель поднял ружье, приложился и выстрелил в воздух. Резко прозвучал в ночном воздухе выстрел, гулко отдало эхо и зашумело над сонным озером. Шум долго стоял в ушах. Из ближней осоки вылетела дикая утка и, как сумасшедшая, закружилась над осокой с пронзительным криком.

— Вы подстрелили ее?—спросил я учителя.

— Нет,—ответил он,—я в воздух стрелял... Там в осоке у ней, должно быть, выводок, она хочет отвлечь наше внимание от детей или от гнезда...

Перейдя лесную дорожку, мы очутились в глухом лесу. Пробираясь тропинкой между кустов, мы вошли в топкую ложбину. Перед нами лежало другое озеро, маленькое, но такое мрачное, что просто становилось жутко и неприятно. Несколько отдельных сосен, возвышавшихся над кустарником и простиравших над озером громадные ветви-руки, усиливали это неприятное впечатление, они словно стерегли озеро и хотели защитить, закрыть его своими руками. Берега были топки, в них вязла нога, к воде подойти не было возможности.

— Под нами вода,—говорил мой спутник,—а озеру и дна нет. Мерили грузом, не достали дна. Эта ламбушка (озерко) по верованию карел—заколдованная. Она обладает чудодейственной силой. Если в семье болеет ребенок, карелка несет его сюда, и как он есть, в одежде, погружает его с головкой в воду несколько раз. При этом она шепчет заклинания. Затем она раздевает его донага и надевает новое, принесенное с собой платье, старое же, с болезнью, с немочью, оставляет здесь, злым духам озера. Вон, взгляните.

Я взглянул по указанному направлению и только сейчас понял, что означали предметы странного вида, торчавшие на берегу. На палках, жердях, на ветках кустов всюду были

развешены разные принадлежности туалета, оставленные для злобных духов озера.

— Вот висит шапка,—говорил учитель,—это значит у мальчика болела голова, или волосы плохо росли; вот—у него болели ноги; эта рубашечка указывает на то, что ребенок лежал, быть может, в горячке, а его для исцеления принесли сюда искупать...

— Горячечного искупать в холодной воде?—удивился я:—ведь это верная смерть.

— А между тем у нас это обыкновенное средство... А вот висит поясок, должно быть болела поясница...

С ужасом и интересом смотрел я на этих немых свидетелей крестьянских болезней, свидетелей, расставленных вокруг волшебного озера. Они равнодушно смотрели в озеро и придавали ему мрачно-торжественный, священный вид.

Это был самый настоящий языческий уголок.

Большая Гора—благодаря своему господствующему положению над окрестностями—всегда была позицией, где сталкивались разные народы и племена. Здесь происходили схватки карел то с русскими, то со шведами, то шведов с русскими, то литвы с карелами и с русскими. Поля и окрестности Большой Горы усеяны костями шведов, финнов, карел, литовцев, поляков, русских.

В самой деревне стоит громадный курган, в котором по преданию погребены в XIII в. остатки шведских войск, сражавшихся с Александром Невским, добитые здесь карелами. Однажды возле кургана карел копал картофельную яму и выкопал большой железный топорик старинного „фасона“ а кругом в земле часто находят оружие и даже железные ядра. Кроме того, в земле здесь находят не мало предметов более отдаленных времен, именно каменного века. Большею частью это молотки из твердого камня, заостренные с обоих концов, иногда с отверстием посредине для деревянной ручки, но попадаются также и кремневые наконечники стрел. Эти предметы в разных местах Олонецкого края, преимущественно в Карелии, находятся в изобилии, и крестьяне называют их „стрелами“, упавшими с неба во время грозы.

На водопадах. Сплав леса.

— Прибавь, ребятушки! Наддай! Еще раз! А ну, покрепче!.. Вот так!.. Еще!..

Так кричал подрядчик, стоя на берегу, и под эту команду артель сплавщиков дружно сталкивала одно за другим десятивершковые бревна.

Подпираемые кольями, бревна, как звери, медленно сползали с пригорка по проложенным каткам в реку. Достигнув воды, бревно грузно шлепалось в нее, разбрасывая целый дождь брызг, и исчезало, но через минуту оно уже выныр-

нуло в нескольких метрах от берега. Здесь его ждали уже багры сплавщиков, которые и отводили его на середину реки. Бревно поплыло к закрепе, перетянутой через реку в трех верстах отсюда: там спускаемый лес задерживается, чтобы потом одной общей массой двинуться дальше. А на место спущенного бревна уже сползает по каткам другое, и раздается команда: „ребятушки, наддай!"

Через несколько дней все бревна спихнули в реку, устроили большой плот, на нем поставили будку из досок—харчеву, скучили лес к одному месту и приготовились на утро в путь.

На утро посланные вперед сплавщики развязали закрепы, и весь лес—несколько десятков тысяч бревен—тронулся.

Впереди леса на плоту поплыло несколько человек, чтобы поставить новую закрепу верст за десять отсюда, сзади же леса, на нескольких плотах, ехали сплавщики и баграми отталкивали примкнувшие к берегам бревна; а за всем этим ехал плот с харчевой: на нем были сложены все котлы, поварские и спальные принадлежности.

Мы медленно подвигались вперед. Лес наш был предназначен для одного из лесопильных заводов в Петрозаводске, стоящего на Онежском озере. Поэтому лес туда сплавляют по рекам, впадающим в это озеро—по Шуе и Суне.

Обе эти реки берут начало из лесистых финляндских болот, но по Шуе сплавлять легче, потому что она впадает в озеро почти у самого Петрозаводска и не так порожиста, как Суна, на которой есть несколько водопадов, величайших в Европе; на них гибнет много леса, и вообще сплав по Суне не безопасен. Но мы сплавляли по Суне, потому что лес был закуплен в ее истоках. Верхнее течение Суны тихое. Берега были сначала болотистые, а потом пошли бесконечные леса.

Окончив дневной переход, мы останавливались где-нибудь на открытом берегу, разводили костры и, поужинав, ложились спать на земле; а на утро, чуть поднималось солнце, двигались вперед. Иногда нас по нескольку часов задерживали с утра туманы, иногда плоты наскакивали на какой-нибудь подводный камень, и приходилось снимать их—все это замедляло путь.

Тем не менее, день за днем, мы приближались к водопадам, и они были недалеко.

Суна становилась все шире и быстрее, закрепы едва удерживали всю массу леса, и на ночь мы привязывали свои плоты к прибрежным деревьям.

— Того и гляди сорвется закрепа и унесет нас в водопад,—об'яснил мне подрядчик,—а там брат, капут. Там вот эти бревна как спичку ломает, не то, что нас с тобой.

Наконец, мы остановились на ночлег последний раз. На утро лес пойдет через порог. Канаты для следующей закрепы послали далеко вперед берегом, харчеву сняли—все равно изломает, а плоты и не трогали: в водопаде сами развяжутся. Подрядчик сделал самые подробные распоряжения.

— Пойдем, малыш, по берегу,—сказал он.—Посмотрим, как будет проходить лес.

Река Суна, проходя с запада на восток, встречает на своем пути гряду гранитных гор. Натолкнувшись на гранитные кряжи, Суна вступает в борьбу с ними и прорывается. В местах этих ее прорывов находятся три водопада или порога: сначала Гирвас, спустя две версты несравненно больший Пор-порог, и через двадцать пять—Кивач. Мы подходили к Гирвасу.

Было несколько верст от водопада, когда я услышал глухой, отдаленный шум.

По мере приближения шум раздавался все слышнее и сильнее, наконец, почти начал заглушать слова. Чувствовалось что-то грандиозное, великое. Наконец мы повернули из леса по тропинке вправо и вышли к берегу. Передо мной открылось невиданное зрелище. У наших ног внизу клокотала, кипела, словно в гигантском котле, и пенилась громадная масса. С бешеной силой неслась вода по каменистому руслу с отлогой горы, разбиваясь о встречные утесы, рассыпалась мириадами брызг, поднимавшихся вверх на несколько сажен и падавших обратно в водопад мелким вечным дождиком, в котором играла радуга. Стесненная с боков гранитами, вода бешено бьет в них, как сумасшедшая, отлетает от них исполинскими волнами, волны эти сталкиваются с другими такими же, и все это в неимоверном хаосе шума смешивается в одну общую клокочущую массу. Раз'яренная, она рвет и мечет, и падает вниз, чтобы опять натолкнуться на такие же уступы и опять бесноваться. На последнем спуске творится нечто неописуемое. Здесь просто ад. Вода совершенно бела. Это не вода, а какая-то раскаленная добела масса. А дальше, спустя несколько саженей, где уже нет порогов, вода принимает более спокойный вид, а еще дальше уже течет ровной, быстрой гладью.

Как очарованный, стоял я на берегу, не отрывая глаз от этого великолепного явления природы.

Я воочию видел, какая неустанная работа происходит здесь. Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие здесь идет упорная борьба воды с камнем, вода разрушает его и когда-нибудь несомненно выйдет победительницей.

Но вот на верхушке водопада показалось бревно, маленькое такое, слабое. И поверить трудно, что это десятивершковое бревно, которое несколько человек поднимало с величайшим трудом. Оно закрутилось, затем, как перышко подпрыгнуло сажени на две вверх, на втором уступе стало дыбом, а внизу совсем исчезло. Где же оно? Так и сгинуло в пропасти? Нет: вот оно уже плывет далеко по реке, за четверть километра от нас. За ним помчались и завертелись в водопаде следующие бревна. Право, это спички, а не бревна. Они кишат в водопаде, как черви, стукаются друг о друга, о скалы, кувыркаются, становятся дыбом, исчезают в пропасти, и оттуда уже под водой выходят в реку и плывут,

обессиленные, точно утомленные. Но вот выделился из общего шума слабый треск, я взглянул туда и увидел, как бревно, брошенное водой на острый уступ, переломилось пополам, как слабая спичка. А вот и другое расщеплено. Да, громадная сила нужна, чтобы переломить такое бревно.

— Этот-то водопад еще ничего,—говорил подрядчик, наклоняясь ко мне (голос его был плохо слышен).—Этот отлогий, а вот на Пор-пороге да Киваче—ногу сломишь. Те крутые. Много там лесу покалечит. А это что, пустяки.

— Хорошие пустяки! Что же такое те водопады, если этот пустяк?

Через полчаса ходьбы лесом мы уже стояли на берегу Пор-порога, величайшего и сильнейшего в России водопада. То, что я увидел, не поддается никакому описанию, потому что это был один сплошной хаос звуков, адское кружение и исполинская мощь. Бревна здесь не сыпались, как на Гирвасе, а едва мелькали в глазах, выскакивали торчком вверх на несколько саженей, разбиваясь вдребезги о камни, ныряли в пучину и выходили из водопада в широкий полукруг. Здесь творилось нечто ужасное.

Пор-порог значительно шире Гирваса и спадает тремя широкими и длинными уступами; на каждом уступе—скалы, много их и у берегов. Падение воды здесь сильнее, препятствий больше, поэтому и столкновение водных масс невероятно по своей силе. От шума звенит в ушах и болит голова. Угрюмые скалы нависли над водопадом, словно охраняют великую тайну природы. По песчаной крутизне я спустился вниз к самому водопаду, отгороженному от берега высокими скалами; я взобрался на одну из этих скал. Она была мокрая от непрерывного дождя. Меня сразу обдало брызгами. Я взглянул вниз, где на расстоянии сажени от меня клокотала вода, и увидел нечто настолько ужасное, что сразу же присел; у меня закружилась голова, и показалось, что я куда-то еду. Быстро, быстро еду. Там внизу кружился юр, громадный водоворот; исполинской вертящейся воронкой уходил он под камень, а выходил из под другого бока камня пенистыми, стремительными каскадами. На моих глазах в водоворот втащило бревно, каскад его выбросил, а юр все кружил и тянул. Я не знал, что делать. Смотреть нельзя: голова кружится; я все куда-то еду и еду; камень подо мной дрожит крупной, неустанной дрожью все смешалось. Вдруг чья-то рука схватила меня за плечо, и чей-то голос закричал мне в ухо:

— Уйдешь ли ты отсюда! Сто раз кричу... Поверни голову к берегу, не гляди на воду... Вон на сосны гляди... Ну теперь ползи. Да смотри же кверху. Пропадешь тут, как комар!..

То был подрядчик. Когда он мне „сто раз кричал“ — я ни разу не слышал. Я послушался его и стал глядеть вверх на неподвижные сосны. Действительно, я перестал скоро ехать, кружение прекратилось. Тогда я ползком, стараясь

не смотреть в воду, добрался до соседнего камня, а с него соскочил уже на землю. Тут только я понял всю опасность, грозившую мне: водоворот чуть не втянул меня в свои кружащиеся глубины.

— Куда ты полез!—кричал недовольный подрядчик.—Зачем полез! Ведь там выкинет бревно на камень, трах тебе по голове, только тебя и видели. Смотри, больше мне чтобы не лазить!

А лес между тем все шел и шел.

Некоторые бревна застревали меж уступов и торчащих камней, и столкнуть их было немыслимо: они обречены были на гибель; с ближайших же уступов их сталкивали баграми сплавщики. К вечеру мы пришли к живописной деревушке Усть-Суне и расположились на ночлег. За ночь главная масса леса уже прошла, потому что заторов, благодаря быстрому течению, не было. Кое-где были видны отставшие одиночные бревна. Из них мы опять связали несколько плотов и продолжали путь, подгоняя отсталые бревна. Мы приближались к последнему водопаду, к Кивачу.

— Ну, тут будет самая страшная ломка,—говорил мне подрядчик,—тут самое скверное место.

Наконец мы под'ехали к Кивачу, шум которого слышен был за пять верст. Развязали последнюю закрепь и пустили лес. Суна стеснена здесь гранитными берегами и течет с ужасной быстротой. Выбраться из этого течения нет возможности, и кто попал в него, тот уже будет в водопаде. Поэтому мы заблаговременно выбрались на берег все и пошли к водопаду.

Сделав довольно крутой поворот, Суна встречает на своем пути каменистый обрыв, усеянный скалами, и стремительно бросается по скату этого обрыва вниз, с десятисаженной высоты. Это и есть знаменитый водопад Кивач.

После того, что я видел, после Пор-порога, Кивач не произвел на меня такого сильного впечатления. Он не так грандиозен, нет в нем той дикой, пустынной красоты, но Кивач сильнее. Его сила—в высоте падения. Внизу, у подножия водопада, творится что-то невероятное. Там ничего нельзя понять в отдельности, там все слилось в одну кипящую, ревущую, хаотическую массу. Попав в бездну, вода рвется оттуда закругленными каскадами, которые рассыпаются и идут дальше в реку уже волнами, в которых, на расстоянии десяти метров от бездны, рыбачьими сетями ловят быстрых лососей. Стоя на берегу, высоко над водопадом, я любовался картиной этой бешеной борьбы стихий, безустанно продолжающейся несколько тысячелетий. Здесь никогда нет спокойствия. Камни дрожат, вода дрожит, над водопадом висит дождик, вечно падающий на прибрежные скалы. В этом дождике, когда светит солнце, играют вечные радуги.

Пошел лес. Проход для него здесь был более узкий, поэтому суматохи, толкотни было больше. Бревна стукались о камни, громоздились одно на другое, целыми кучами летели

в бездну, ныряя в нее как поплавки, а она стоймя выбрасывала их в реку. Много бревен выскочило на камни, и сплавщикам пришлось не мало потрудиться, сталкивая их с утесов.

Страшно было работать над ревущей бездной. Один неверный шаг на скользком камне, и сплавщик погиб. И мы расчистили от леса только близкие, доступные утесы, а куда недоставали наши длинные шесты, там лес так и остался.

Посреди водопада возвышается громадная скала; на ней остановился целый плот, и не было никакой возможности достать его. Так мы и уехали оставив его, пока вода не изломала его в щепы.

До Петрозаводска от Кивача считается 64 килом. по хорошей дороге, мимо красивейших озер; но нам надо было ехать рекой, потом озером, а это было расстояние втрое большее, но быстрая Суна подхватила наш лес и помчала нас к устью. Мы миновали большую деревню Вороново, и на утро я увидел Онежское озеро.

Сплав был окончен.

Карельская автономная С. С. Республика.

Организованная в 1920 году, декретом ВЦИК Карельская Трудовая Коммуна 27 июня 1923 года преобразована в Карельскую автономную С. С. Республику.

Центр—город Петрозаводск.

Площадь территории республики—108.000 кв. км.

Всего населения—204.000 человека.

Корелия стоит на рубеже двух культур: финской и русской. Принадлежа к финскому племени, карелы употребляют язык, близкий к финскому; финское культурное влияние идет через литературу и школу, захватывая слой карельской интеллигенции. С другой стороны, почти не отличаясь в бытовом укладе от русских соседей, карельское крестьянство воспринимает и влияние русской культуры. Согласно произведенной Карельским Исполкомом анкете, подавляющее большинство карел Олонецкого и Петрозаводского уездов высказалось за русский язык, как за язык обучения в школе, а кемские карелы высказались за финский. По постановлению Советской власти Карелии, оба языка считаются равноправными, и населению предоставляется свобода выбора школы на русском или финском языке.

Последняя война нанесла огромный урон карельскому народному хозяйству, задержавши рост возрождающейся к новой жизни Карельской республики. Разорено сельское хозяйство и уведено в Финляндию 12.000 жителей с имуществом и рабочим скотом.

Своего собственного хлеба карельскому населению хватает приблизительно на 2 месяца, а в остальное время оно вынуждено пользоваться привозным. По климатическим условиям широко развивать земельное хозяйство невозможно. Карельский крестьянин это полупролетарий, которому работы над землей, подкармливающей его, хватает лишь на несколько месяцев; потом он вынужден искать подсобного заработка на промышленных предприятиях, имеющихся в крае, главным образом, лесозаготовительных.

Главное богатство края—огромные леса: лесная площадь = =8 милл. гект., при чем 5 милл. составляют удобную для эксплоатации область. Отсутствие необходимых средств не позволяет широко поставить эксплоатацию лесной площади, и в настоящее время вырабатывается только 1/13 ежегодного прироста древесины. Во всяком случае, лесной материал составляет и сейчас большую статью карельского экспорта.

Карелия богата также различными ископаемыми (полевой шпат, кварц, слюда и проч.). Карельская слюда является лучшей в Европе, и спрос на нее, как и на полевой шпат, мрамор и проч., значителен. В 1923 году запродано было 2.400 тонн шпата и 2.048 тонн кварца.

Лесные, горные, а также рыбные промыслы являются основными источниками народного хозяйства Карелии: вследствие колоссальных естественных богатств, эти промыслы, при развитии их разработки, обещают Карельской Республике экономическое процветание.

В сравнении с этими промыслами совсем стушевываются другие отрасли молодой карельской промышленности. Тем не менее можно отметить в области металло-промышленности Онежский завод.

Широко распространена кустарная промышленность. Ряд предприятий сданы в аренду: спичечная фабрика, Муромский, Шальский и Повенецкий лесозаводы, и 10 лесозаводов Кемьского уезда, эксплоатируемых Северолесом.

В общем, в области промышленности 1923 года, нужно отметить большой шаг вперед по пути восстановления нормальной сети предприятий и лучшего их усовершенствования.

Одновременно произведены большие строительные работы, которые должны оживить промышленность. Строится электрическая станция, писчебумажная фабрика и некоторые другие предприятия.

В Карелии возникла финская и русская трудовая школа и разные другие просветительные учреждения.

Полесники.

Когда то для наших далеких предков самым страшным врагом был зверь. Это мы все знаем, но думаем обыкновенно, что время это давно миновало. Между тем, у нас в Северо-Западной области, достаточно двух, трех дней, чтобы попасть в такие места, где можно наблюдать эту борьбу человека со зверем. Медведи и волки уничтожают на севере часто все, что было достигнуто громадным трудом. Здесь люди занимаются охотой не по страсти к ней, а по необходимости.

Выходят на медведя с одной пешней, встречаются лицом к лицу, разговаривают с ним и бранятся. Особенно много зверя на восточном берегу Выг-озера, где начинаются первобытные леса Архангельской губернии. Тут всякий зверь: медведь, лось, олень устроились оседло и размножаются.

Люди, живущие здесь, называются полесниками, т. е. охотниками, хотя все они также занимаются рыболовством. Полесники рассеялись маленькими деревнями в лесах у озер, сообщаются с остальным миром пешком, по едва заметным тропинкам, зимой на лыжах и возят маленькие санки с поклажей. Летом часто можно встретить здесь человека, который несет на себе пятипудовый мешок муки десятки километров по болотам.

Я заметил, что все полесники разделяются на две группы: те, которые, главным образом, ходят на мелкую дичь, и те, которые бьют „зверя". Первые—часто балагуры, сказочники, вторые—солидные, угрюмые и молчаливые.

Идет полесник по едва заметной тропе и не смотрит под ноги. У него превосходный компас—деревья: с северной стороны сучья на них растут плохо, и он безошибочно определит по ним север и юг. Время определяет по тени. Тень измеряет локтями и, став на полянке в лесу, сразу, на глаз узнает, сколько в этой тени локтей: пять, шесть, больше или меньше.

Начинает ходить в лес полесник еще мальчиком с отцом, лишь по „силовым путикам" собирать запутавшуюся в этих сильях дичь. Сначала идут они по той тропе, по которой все ходят. Но, пройдя километра два, где-нибудь около замеченной кривой сосны свертывают в сторону. Метров через сорок, опять таки у замеченного дерева, начинается чуть заметная тропа, силовой путик. По этому путику, кроме них, никто не ходит. Вот они приближаются к знакомому дереву, у корня которого виднеется расчищенное местечко, величиной с тарелку, усыпанное желтым песочком и потому резко выделяющееся на фоне зеленого моха. Такое местечко

очень соблазнительно для косача, тетерки, на нем птице приятно отдыхать, кувыркаться и греться, особенно, если между деревьями скользнет солнечный луч. Птица отдохнет и хочет перейти на другое местечко рядом, но на пути ей стоит согнутая дужка, и на ней висит волосяная петля. Ни вправо, ни влево птице пройти нельзя, там и тут устроены препятствия из сухих сучьев, и птица идет в петлю. Бывают силья с жердью в виде безмена; ее легкий конец находится у самой земли и держится особым приспособлением, как в западне, к ее концу привязано сило; толстый же конец висит в воздухе, всегда готовый рухнуть, если птица заденет крючок на легком конце. Когда падает тяжелый конец силка, птица взлетает на воздух и висит в петле. Полесники вынимают птицу, расправляют силышко и укрепляют его хвойными иглами, как раз на ходу птицы.

Ночуют полесники в лесной избушке—„фатерке“. Это как раз такая же избушка, как в сказках. Правда, она не на курьих ножках и не поворачивается в разные стороны. В ней нет трубы, и дым выходит прямо из двери, почему вход в нее кажется черной дырой.

Ружейный охотник ходит на охоту с собакой. Хорошая собака, карельская лайка, для полесника тоже, что лошадь для пахаря; с хорошей собакой он не расстанется ни за какие деньги. Когда собака облает находку, он сразу узнает, дичь или белку она увидела.

Вот на верху дерева сидит громадная птица „коппола“—самка глухаря—и смотрит, уткнув голову вниз, на собаку, собака отвлекает внимание птицы от полесника. Птица все время квохчет, подает голос молодым мошничкам, чтобы не разлетались далеко и смирно сидели на своих местах, пока минует беда. Долго такое напряженное состояние продолжаться не может, вот почему полесник, раздвинув сучья, торопится установить свою подставку для ружья, чтобы вернее прицелиться. Он прицеливается долго, несколько минут, и стреляет наверняка. Когда коппола убита, нужно „собрать детей“. Это уже простая работа, нужно только очень внимательно присматриваться к деревьям. Вот сидит молодой, глупый мошничек, наклоняя голову, словно напряженно слушает, ожидая опасности, и смотрит прямо на охотника. И если тот промахнется, то молодая птица еще смешнее изогнет шею, но не улетит.

Если собака облаяла белку, полесник спокойно подходит, белка никуда не уйдет, и собака ее не бросит.

„Настоящей охотой“ многие полесники считают охоту на зверя. Без любви, без особых способностей это занятие невозможно. На лосей и оленей выходят зимой. Летом их трудно найти: они скрываются где-нибудь в непроходимой глуши у ручьев. Редко бывает видно, как пробежит олень, закинув назад рога, или выйдет на поляну важанка (самка оленя) пощипать траву. Чуть только шевельнешь рукой, чтобы взять ружье, сейчас телятки вытянут мордочки, на-

сторожат ушки, красные на солнце, как кровь. Щелкнет затвор в берданке, и все унесутся в глушь.

Редко летом увидишь и лося. Разве случайно и всегда неожиданно. Едет иногда полесник на лодке по реке, вдруг из чащи на берегу выдвинется громадная рогатая голова и скроется. Только лес зашумит.

На зверя можно охотиться только зимой. Выходят охотники на лыжах „по настам". Они ищут след. Разные следы бывают в лесу, от бисерного, словно растянутого ожерелья какого-то совсем маленького зверька: горностая, хорька, ласки, до громадного „в теплый сапог" следа медведя, если его потревожили и выгнали из теплого логовища. Но все это не интересует охотников. Вдруг они видят черную полянку среди снега в лесу, это значит, что тут было целое стадо оленей, которые разбивали снег ногами и доставали белый мох. На этом месте с деревьев уже не свешивается лесная шуба из лишайников, все это ощипали олени. А вот и большой лосиный след. Охотники предпочитают бежать за лосем. Тут и начинается настоящая охота. Они должны рано или поздно догнать лося. У них то преимущество, что лыжи не проваливаются в снегу, а ноги лося проваливаются и режутся о твердую обледенелую кору снега.

Кроме лосей и оленей убивают россомах, хорьков, выдр, горностаев и, конечно, медведя.

Самый обычный способ истребления медведей у убитой им скотины посредством кляпцов и ловаса.

Кляпцы—это две тяжелые железные дуги с острыми зубьями, захлопывающиеся в виде пасти, а ловас—помост, который устраивается между двумя или тремя близко стоящими соснами. На этот помост садится полесник с ружьем и караулит медведя.

Онежские диабазы.

Набережные Невы, колонны Исаакиевского собора, пьедестал памятника Петру 1-му, фундаменты и облицовка многих крупных государственных и частных зданий—все это сделано из финляндского гранита.

Успех финляндского гранита в Ленинграде об'ясняется: любовью финнов к камню, уменью его обрабатывать, а также близостью от Ленинграда очень крупных финляндских месторождений.

Русские почти не приступали к разработке своего природного строительного камня, несмотря на то, что недалеко от Ленинграда на прекрасных водных путях находятся громадные залежи высокого качества гранитов, диабазов, мра-

моров, разнообразных кварцитов, огнеупорных глин и прочих каменных строительных материалов.

Район этот--берега Онежского озера и устья впадающих в него рек. На западном побережьи озера находятся месторождения прекрасных диабазов и кварцитов, пробные разработки которых производились с 1913 года. На северо-западе, несколько вдали от берега озера знаменитые Олонецкие мраморы, насчитывающие более 30 различных сортов, крайне красивые по рисунку и замечательные по игре цветов, вследствие частого вкрапления в них прозрачных зерен кварца. Из светло серых мраморов сложен Исаакиевский собор и Мраморный Дворец, цветные же сорта были применены для внутренней отделки недавно открытого Русского Этнографического Музея в Ленинграде. Восточное и северовосточное побережья Онежского озера сложены преимущественно гранитами финляндского типа.

Ленинградский Откомхоз, будучи заинтересован в обеспечении себя хорошего качества, наиболее дешевыми каменными строительными материалами отечественного происхождения, еще в 1923 году ассигновал небольшую сумму денег на обследование берега Онежского озера с целью выяснения наличности запасов каменных строительных материалов, условий разработки на местах и транспорта. Была сделана топографическая и геологическая с'емка западного берега Онежского озера от Брусно до Вознесения, обследован на месте вопрос об удобствах разработки, условиях работы и транспорта. После лабораторных исследований собранных образцов горных пород, автором этой статьи было предложено остановиться на диабазах, как универсальном строительном материале, одинаково пригодным как для приготовления больших монолитов в 2—4 кубические метра, так равно и для мелкой мостовой брусчатки.

В 1924 году была снаряжена вторая экспециция.

На основании подробных полевых исследований, произведенных экспедицией на месте, и тщательных лабораторных петрографических и механических исследований, вполне подтвердилось мнение автора о диабазе, как прекрасном строительном материале, собранные же экономические и статистические сведения на местах дали возможность разработать план эксплоатации этих месторождений и транспорта камня в Москву и Ленинград по ценам, более дешевым, чем заграничная брусчатка.

В конечном результате было организовано Управление Онежских Разработок Диабаза.

В виду сильной нужды в каменной брусчатке обеих столиц, особенно Ленинграда, после наводнения, разрушившего много сотен квадратных сажен мостовых, и невозможности справиться с заготовкой при ручной выделке брусчатки, предположено возможно больше механизировать разработку при помощи специальных камнетесных и камнекольных машин, изготовляемых преимущественно в Швеции.

Перевозку камня принимает на себя Северо-Западное Госпароходство, которое строит для этого специального типа грузовые суда.

Онежский диабаз обладает красивым однотонным темно-серым цветом, а при шлифовке становится почти черным.

Вследствие своего тонкозернистого строения и наличия плоскостей отдельности, пересекающихся под прямыми углами, несмотря на свою вязкость, диабаз без особого труда колется на призматические куски с более или менее ровными поверхностями, что значительно облегчает выработку из него мостовой брусчатки.

Выходы диабаза находятся по всему западному берегу Онежского озера от Петрозаводска до устья Свири, разрабатывается в настоящее время лишь Роп-Ручейское месторождение, расположенное в 40 верстах от Вознесения.

Мурман.

Мурманским берегом, или Мурманом называется берег Ледовитого океана от Белого моря до Финляндской и Норвежской границ; Кольским заливом Мурманский берег разделяется на две части: на западный Мурман и восточный.

По своему характеру и природе Мурманский берег составляет продолжение Норвежского берега, но ниже его и в общем менее изрезан. По направлению к востоку берег понижается, и береговая линия становится менее развитой.

Берега Мурмана почти отвесными скалами обрываются со стороны безбрежного морского простора. Какая-то глубокая красота скрывается в этой суровой и дикой обстановке, слышится страшная сила в борьбе стихий. Лишенные почти всякой растительности, кроме мха-ягеля, среди которого местами растет сучковатый, низкий береговой кустарник, берега эти состоят из сплошных гранитных возвышенностей. Подошвы берегов представляют голый камень со снегом в некоторых лощинах, который держится даже летом и еще рельефнее оттеняет всю величавую суровость и своеобразную красоту Мурмана. И только местами среди царства камня приветливой улыбкой блестит поверхность озера.

Между скалами далеко вглубь материка врезывается множество глубоких заливов, представляющих более или менее удобные стоянки для судов и убежища для промышленников. По берегам речек, впадающих в океан, встречается иногда покрытый слоем торфа песок; на таких местах есть недурные луга, доставляющие сено для скота.

Несмотря на то, что Мурман лежит далеко на севере, и в течение двух месяцев в году солнце совсем не показывается на горизонте, и стоит непрерывная полярная ночь, здесь не бывает таких суровых зим, как, например, в Москве

или Казани. Климат довольно умеренный, и в то время, как зимой замерзает у берегов Белое море, гавани на берегу Мурмана круглый год остаются незамерзшими. Это у нас единственное свободное и просторное море, из которого открыта широкая дорога во все части света без оговорок, без запрета, без застав и стеснений круглый год.

Умеренный климат в этой полярной стране об'ясняется, во-первых, тем, что часть Ледовитого океана, омывающая Мурманский берег, находится под влиянием теплого морского течения, идущего из Атлантического океана вдоль берегов Норвегии, а, во-вторых, тем, что Мурман защищен от холодных ветров прибрежными горами.

Весна начинается здесь в конце марта и продолжается до половины мая. Это время туманов и дождей.

Лето считается с половины мая и до половины июля; это царство сплошного дня и время усиленных рыбных промыслов. В конце лета здесь поспевает много грибов и ягод—морошки, моховой смородины, брусники, черники, голубицы и водяницы.

Осень продолжается с половины июля до половины октября, когда опять настает время туманов. Перелетные птицы в это время собираются стаями и приготовляются к отлету в теплые страны, а промышленники тоже готовятся в обратный путь домой, и Мурман постепенно пустеет.

Зима продолжается с половины октября до половины марта. Суровых зим здесь не бывает, и морозы в 10—15 градусов — редкость. Однако снег выпадает в изобилии, особенно много его набивается в расщелины гор,—до 5—6 м., так что в таких местах он и растаять за все лето не успеет, но зато здесь и не бывает большой жары летом.

Неисчерпаемые рыбные богатства Мурмана у его берегов давно уже привлекали сюда русских промышленников—поморов. Кола, первое селение новгородских выходцев на Мурмане, упоминается в русских летописях еще в 1264 году. Однако, несмотря на то значение, какого заслуживал этот край, он почему-то почти до самого последнего времени не привлек к себе особенного внимания. И в то время, как иностранцы, преимущественно шведы и норвежцы, все более и более забирали в свои руки морские промыслы, русские поморы, оставаясь без поддержки, не могли с ними соперничать и должны были отступать на второе место. Только в последние два десятилетия прежнее русское правительство обратило, наконец, внимание на этот край и начало оказывать кое-какую помощь отправляющимся туда колонистам и промышленникам. В 1899 г. на Мурмане в Екатерининской гавани был построен даже город и порт Александровск для стоянки военных морских судов, и сюда из Колы было перенесено уездное управление Кольского уезда. С этих пор положение русских поморов здесь стало улучшаться.

Постоянных колонистов, живущих круглый год в более или менее благоустроенных домах, на восточной части Мур-

мана, называемой Русским берегом, не насчитывается и 200 человек; западная же часть Мурмана населена гораздо гуще: там живет более 1000 душ. Но вместе с весной количество населения обыкновенно утраивается временно наезжающими промышленниками, и промысловая жизнь кипит по всему побережью вплоть до глубокой осени.

Однако, оживление это не идет дальше узкой береговой полосы и уже в нескольких верстах от берега вглубь страна делается вновь тиха и пустынна. Редко-редко пролетит здесь какая-либо птица, или промелькнет песец или заяц. Чем дальше от берега, тем путник все более и более погружается точно в глубокую могилу. Тишина делается жуткой и гнетущей. Коренное население здесь—лопари, и они почти не имеют никакого значения в жизни Мурмана. Можно проехать на пароходе вдоль всего Мурманского берега и не встретить ни одного лопаря. Они совершенно оттеснены пришлым элементом — русскими, финляндцами и норвежцами—вглубь страны; рыбными промыслами они не занимаются, а кочуют со своими стадами оленей по всему Кольскому полуострову с места на место в поисках корма для своих стад.

Порт Мурманск.

Со второй половины 1923 года Мурманский порт вступил в новую полосу своей жизни. С этого времени он приобретает действительное значение торгового порта, одного из важных транзитных пунктов внешней торговли. Через Мурманский порт в большом количестве стали направляться импортные товары. Впервые через Мурманск пошел за границу русский хлеб.

О Мурманском порте у многих имеется случайное представление. Из прекрасного далека многие представляют его в значительно преувеличенном виде против того, что он есть на самом деле. С таким предвзятым представлением приезжают в Мурманск и разочаровываются, не найдя в нем ни гранитных набережных, ни элеваторов, ни большой причальной линии, ни даже возможности хорошо устроиться для жилья. Совершенно забывают, что он возник только во время последней войны и имел чисто служебное военное значение.

Во время войны, через Мурманск ввозился военный груз. По свидетельству очевидцев, в 1917 году на рейде скапливалось до 50 иностранных судов. В 1918 г. летом Мурман был занят союзными войсками. До 1920 года оффициально он находился под властью северного временного правительства и 21 февраля 1920 года соединился с остальной Советской Россией.

В настоящее время порт имеет причальную линию на 7 причалов для океанских судов, грузопод'емные краны, склады временного типа; кроме этого-две пристани: для больших каботажных и для больших промысловых судов. Под'ездные пути Мурманской ж. д. ведут непосредственно к стоящим у пристани судам. При современном состоянии ежемесячный грузооборот порта возможен до 6,5 милл. кгр.

В 1923 году с портом только стали знакомиться. Отправки грузов часто носили опытный характер, было недоверие к его способностям. После первых опытов доверие стало быстро возрастать, но еще не достигло тех размеров, каких порт заслуживает. С января 1924 года впервые начался экспорт через Мурманский порт в крупных, сравнительно, размерах.

Среди импортных грузов, прошедших через Мурманск, хлопка было 23.225 тонн или 53,5%. Экспортным грузом являлся исключительно хлеб разных культур. Портами отправления являлись; порты южных штатов Америки, Англии и Германии. Главным портом отправления американского хлопка являлся Ливерпуль. Портами назначения хлебоэкспорта были, главным образом, порты Голландии—почти исключительно Роттердам.

Путь Ливерпуль—Мурманск совершался в 9—10 дней; путь Новый-Орлеан—Мурманск—28 дней; только в одном случае пароход шел из Орлеана 47 дней; но это был пароход с машинами особой конструкции, рассчитанными на малый расход угля.

Полная стоимость провоза 1 пуда (16,4 кгр.) хлопка от начала погрузки его на пароход в Новом-Орлеане и до укладки его в вагон Мурманской ж. д. считается следующим образом: погрузка в Н. Орлеане около 10 коп. с пуда, (16,4 кгр.) фрахт Н. Орлеан—Мурманск—40 коп. с пуда (16,4 кгр.), и переработка в Мурманском порту со всеми государственными и портовыми сборами и погрузкой в вагоны Мурманской ж. д.—8 коп. Всего работы в двух портах и перевозка за 7.500 миль по двум океанам обходится в 58 коп. с пуда (16,4 кгр.). По сухому же пути—по Мурманской и Октябрьской жел. дорогам до Москвы 16 кгр. уже обойдется около 95 копеек. Таким образом полная стоимость доставки хлопка из города Н. Орлеана до станции Москва через Мурманск обойдется около 1 р. 55 коп. за 16 кгр. Стоимость фрахтов на экспортный хлеб, идущий в голландские порты на пароходах Госпароходства, колебалась от 10—14 шиллингов за тону, в Гуль—11 шил., в Берген—15 шил.

Пропускная способность порта превышает пропускную способность Мурманской ж. д.

Как бы то ни было иностранные купцы узнали дешевую дорогу в Союз ССР., узнали и то что эта дорога безопаснее других. А это уже много. Мурманская ж. д. сразу ощутила даже и денежные выгоды от импорта и экспорта через Мурманск.

После об'единения порта с железной дорогой об убыточности и говорить не приходится.

Кроме того Мурманск имеет значение базы для Мурманского рыбного промысла. До сих пор такой базой являлся Архангельск. Но при базе в Архангельске, вследствие замерзаемости воды у берегов Белого моря, сокращается рыбный сезон почти вдвое и удорожается провоз рыбы, т. е уменьшается количество улова и повышается стоимость продукта, являющегося предметом первой необходимости. Только при базе на Мурмане с центром в Мурманске можно будет серьезно говорить о постановке крупных рыбных промыслов на Мурмане.

Мурманский порт имеет еще и колонизационное значение: развитие и укрепление Мурманской ж. д. и осуществление колонизационных ее планов зависит, главным образом, от количества грузов, проходящих через Мурманский порт. От этого же зависит и прилив рабочей силы на заработки, увеличение местных торговых оборотов и общее оживление края.

На шняке.

К концу прилива я был уже у Териберки и попал как раз во-время. Григорий с сыновьями снаряжали шняку. Это большая беспалубная лодка, сделанная из толстых крепких досок. Кажется никакой шторм, никакой прибой не могли бы разбить это массивное судно. И поморы ценять свою шняку за ее прочность.

По середине вставляется невысокая мачта, на которую при попутном ветре поднимают на рее небольшой парус. Так как ветра почти не было, то и мачта, и свернутый парус лежали на дне шняки.

Скоро мы плыли по заливу. Андрей сидел спиною к носу шняки и греб, как обыкновенно, а Григорий, стоя у кормы и спиною к ней, греб, толкая весла от себя; он таким образом не только управлял, но и помогал гребцу. Мы медленно подвигались вперед. Трудно представить себе, сколько нужно гребцов, чтобы разогнать тяжелую шняку.

Когда мы вышли в океан, ветерок усилился. Поставили парус, и наша шняка быстрее пошла вперед. Мы шли прямо на север. Хотя у Григория был небольшой компас, но он не пользовался им: окружающие берега, на которых ему был известен каждый камень, делали излишним применение компаса.

Мы остановились, по словам Григория, километрах в 32 на север от Териберского мыса и измерили глубину. Мерой служили связанные друг с другом стоянки. Мы стояли на глубине около 140 метр.

Начали метать ярус. Прежде всего выбросили якорь—довольно большой гранитный камень. К нему был привязан свободный конец яруса и стоянка, которая служила для измерения глубины. Когда якорь достиг дна, в воду выбросили другой конец стоянки с привязанным к нему „кубасом". Последний представлял собою кусок легкого дерева с продетой через него палкой, на верхушке которой был прикреплен небольшой флажок. После этого начали метать ярус. Григорий мерными взмахами выбрасывал его в воду, а Андрей греб с такой быстротой, чтобы стоянка яруса была все время натянута. Благодаря этому ярус ложился по дну, не путаясь, в одну линию. У нас было с собой 20 тюков, т. е. около 3000 крючков.

Когда выметали последний тюк, выбросили в море второй кубас и второй якорь.

Привязав шняку к стоянке кубаса, Григорий с сыновьями могли наконец отдохнуть.

После еды мои спутники улеглись тут же в шняке и заснули богатырским сном. У поморов этот промежуток до выборки яруса так и называется—„лежать на ярусе".

Было тепло, как у нас в хороший апрельский день. Еще довольно высоко стоявшее солнце не жгло, а ласкало, грело. Легкий ветерок приятно освежал лицо. Кругом беспредельная синяя—синяя поверхность океана. Только на юге вставали из нее высокие гранитные скалы Мурмана с белыми, сверкавшими на солнце снежными пятнами. Невысокие, пологие океанические волны не качали, а только поднимали и опускали шняку, приятно убаюкивая.

Прошло часа четыре. Первым проснулся Григорий и посмотрел на солнце.

— Ну, ребята, пора!—сказал он. „Пора, пора"—торопил он сыновей, натягивая буксы,—пропитанные маслом непромокаемые парусиновые штаны. „Смотрите, как бы штормом нас не захватило".

Григорий с Семеном, который был уже в буксах, надели кожаные рукавицы, и вытянув кубас, стали поднимать якорь. Андрей сидел на веслах и подгребал, направляя шняку в сторону туго натянутой стоянки.

Я с нетерпением ожидал результатов улова.

Вот и якорь, вот и первые крючки яруса. Далеко в прозрачной воде блеснули крупная рыба, за ней другая, третья... Скоро в шняку одна за другой посыпалась треска. Вот она, кормилица Мурмана! Треска шла крупная, около метра длиною. Изредка попадалась пикша,—рыба очень похожая на треску и видом и вкусом; окрашена она темнее трески; за грудным поплавком у нее находится два черных пятна, по одному с каждой стороны.

Меня сначала удивило, что крупная рыба совершенно не билась; она шла как мертвая, и только слабые движения хвоста давали знать, что она еще не уснула. Мне пришлось призвать на помощь мои знания по физике, и тогда я по-

нял, в чем дело; ведь рыбу эту подняли быстро с глубины около 200 метров, а слой воды, толщиною в 10 метр., давил с силой одной атмосферы,—следовательно, на дне давление достигало не менее 20 атмосфер. Вспомнив, как действует на воздухоплавателей быстрый под'ем на аэростатах, я больше не удивлялся безжизненности рыбы, для меня стало понятным и то, почему у некоторых рыб глаза вышли из орбит.

Улов был хороший. По мере того, как на дне шняки слой рыбы делался все толще и толще, настроение моих спутников повышалось; в начале молчаливые и сосредоточенные они теперь болтали, смеялись, шутками и прибаутками встречали каждую крупную рыбу. Но особенно много оживления вызвал крупный скат. Эту плоскую нелепого вида рыбу не едят, и промышленники ее выбрасывают. Прежде чем выбросить, Григорий, этот серьезный, пожалуй даже несколько суровый человек, довольно долго забавлялся уморительными движениями и гримасами ската, снятого с крючка.

Глядя за борт, я издали увидел нечто совсем особенное: извиваясь во все стороны, сильно билась на крючке какая-то пятнистая рыба с крупной головой.

— А, зубатка!—с каким-то озлоблением сказал Григорий. Вытащив из воды, ее несколько раз ударили по голове железным крючком, вделанным в деревянную рукоятку. Этим крючком пользуются для того, чтобы подхватывать крупную рыбу, когда она выходит из воды.

— Зачем вы ее бьете?—спросил я.

—Кусается. Недавно одному промышленнику зубатка прокусила сапог и так поранила ногу, что недели две на промысел не выезжал.

Я с интересом стал рассматривать большую пасть зубатки, усаженную крупными острыми зубами. Своей ловкостью, с которой она извивалась в воде, и окраской зубатка напоминала мне кошку.

— Палтус, палтус! Да какой большой!—закричал Семен, схватив крючек.

Я бросился к борту. На крючке яруса почти без движения висела громадная широкая камбала метра полтора длиною. Семен, нагибаясь, чтобы зацепит палтуса крючком, чуть не выпрыгнул из шняки. Григорий, поспешно завернул ярус за колышки для весел, бросился на помощь к сыну. С большим усилием подняли они рыбу в шняку. Конечно, в воздухе никакой канат не мог бы выдержать эту тяжесть, а между тем в воде она была поднята на тоненькой бечевке с глубины больше 200 метров.

Я попробовал поднять вытащенного палтуса, чтобы определить его вес, но только выпачкался в слизи, покрывавшей его тело.

— И не пробуйте!—сказал Григорий.—Не меньше как пять пудов.

К концу яруса вытащили еще двух палтусов, но уже не таких крупных.

Но вот, наконец, и второй якорь. Вытянув стоянку и подняв кубас, поморы начали вытирать градом катившийся с них пот. Стоя по колени в рыбе, запачканные в крови и слизи, усталые, но довольные хорошим уловом, они обменивались впечатлениями о том, как одна крупная треска чуть было не ушла, с каким трудом вытаскивали большого палтуса и т. д.

Увлеченные ловом, мы не заметили, как усилился ветер, и как гребешки волн забелели пеной.

— Ну, ребята, скорее ставь мачту!—поднимайте парус!— скомандовал Григорий.

Ветер был почти в спину. Слегка накренившись на правый борт, шняка понеслась к Териберке, тяжело взбираясь на гребешки волн, обдававших нас солеными брызгами.

Усевшись, поморы начали чистить рыбу. Внутренности вынимали и бросали в море. Десятки чаек с унылым ноющим криком окружили нашу шняку и чуть не на лету подхватывали лакомую для них добычу. Печень из каждой рыбы вырезывали и складывали в особое ведро; она очень ценится, так как из нее приготовляется тот рыбий жир, который так знаком всем слабым и золотушным детям. Головы отрезывались, но напрасно чайки надеялись попользоваться ими: их складывали отдельно, чтобы потом, высушив, сохранить на зиму.

— А зубатку тоже будете разделывать? — спросил я.

— Зубатка все равно, что треска, — отвечал Григорий.— Ее скупщики принимают по той же цене и солят ее вместе с треской.

Но вот и Теберский мыс. Мы вошли в залив. Здесь было значительно тише.

Я был дома.

Лов рыбы на траулере.

Раньше, пока на воде было все так ново для меня, я не интересовался техникой лова рыбы на траулере. Но теперь, когда через несколько часов на палубе парохода будет видна жизнь океана, становятся интересными всякие мелочи. Самый принцип оказывается прост и остроумен. В воду спускаются на стальных канатах два змея, большие, деревянные, окованные железными скрепами. Пароход движется вперед, и змеи буквально летят в воде, как в воздухе, расходясь в разные стороны от сопротивления о воду. К этим змеям, или, как их называют, „распорным доскам“, прикреплена большая, крепкая сеть: трал. Расходясь в стороны, змеи расширяют отверстие трала, и туда входит встречная рыба. Посредством изменения длины каната — „троса“ — и скорости парохода

регулируется глубина опускания сети. На нашем траулере нужно было спустить приблизительно две глубины каната, т.-е. около 200 метр., чтобы она шла, как требуется, почти по самому дну. Трал, стальные канаты, первая лебедка, на которую навертываются канаты, система блоков „талий", для поднимая тяжелой мотни, — вот и все простое устройство.

Настоящая жизнь на нашем траулере, началась только тогда, когда мы приехали на Канину отмель.

— „Отдай лебедку"! — командует капитан.

Черные распорные доски гремят, погружаются в воду, глубже и глубже.

— „Стоп! Закрепи лебедку! Полный ход!"

Теперь, когда трал спущен, на два — на три часа все замирает в ожидании. Один только тральщик Матвей стоит на корме, сосредоточенный и серьезный. Он держится за стальной канат и по нем, как по нерву, чувствует прикосновение распорных досок ко дну. Он должен постоянно ощущать эти легкие толчки трала. Если этого нет, то, значит, трал плывет высоко, и рыба не попадает. А если почувствует очень сильный толчок, значит трал зацепился, и нужно кричать машинисту: „Стоп"!

— „Динь"!— звенит предупреждающий машину сигнал о том, что через 15 минут мы вытащим рыбу.

— „Стоп! Отдавай лебедку".

Лебедка крутится, канат навертывается, трал приближается. На вахте должно быть только пять человек, необходимых для поднятия трала, остальные должны бы спать, отдыхать. Но они тут все до одного, смотрят в воду. И даже повар с разинутым ртом и чайником в руке, и машинист, кочегар, весь черный, выполз из машины. Все молчат, ждут. Откуда-то налетели птицы. Как они почуяли добычу? Раньше я их почти не видел. Они подплывают к самому пароходу, красивые, похожие на голубей, но только больше.

— Как они называются? — спрашиваю я Матвея.

— А глупыши, — отвечает он мне.

— Такая красивая птица и такое глупое название! Почему глупыши?

— Вот почему, — говорит тральщик, и бросает в них обрывками каната. Птицы взлетают и сейчас же, как ни в чем не бывало, садятся на то же место и даже еще ближе подплывают к борту.

— Глупые они, вишь, не боятся...—поясняет Матвей. — Теперь от нас не отстанут. И потом, когда назад поедем, верст сто за нами лететь будут. Глупые.

И вот показываются из воды черные распорные доски.

— Стоп!

Доски висят в воздухе.

— В ручную! — командует капитан.

Это значит, что концы сети нужно тащить руками, пока не покажется мотня, наполненная рыбой. Мотню, конечно тяжелую, до 300 пудов, поднимут блоками.

— В ручную!

И все действующие лица хватаются за сеть. Борт судна от качки то опускается, то поднимается, и матросы, когда опустится борт, прижимают грудью сеть: волна сама же поднимает ее; рыбаки быстро перехватывают и опять припадают грудью и каждый раз все вглядываются в глубину, — не показалась ли мотня. Момент напряженнейшего ожидания. Не только люди ждут, но и птицы кольцом окружают место, откуда должен выглянуть трал; люди и птицы образуют полный, почти правильный круг. Но мотня еще глубоко, сеть, черная над водой, зеленеет в воде и светится в глубине, а самой мотни не видно. Показываются пузыри, множество пузырей, вода закипает.

— Рыба кипит! — говорит кто-то.

— Рыба кипит! — повторяют один за другим матросы.

Всплывает большая, в аршин длины, белая рыба с красивой черной полоской на боку. Это пикша, ближайшая родственница трески, оглушенная. На нее бросаются птицы, тукают об нее своими острыми клювами, плещутся, кричат, пищат. Дядя берет багор, вступает с птицами в борьбу и на острие вытаскивает рыбу. Всплывает другая, третья, но на них больше не обращают внимания, потому что в глубине показывается мотня, огромная, зеленая, всплывают какие-то странные нити, кустики растений или животные.

Больше всех действует тральщик Матвей, он душа всей этой возни. Мне в маленькой стеклянной комнатке, штурвальной, видно, как он борется с волной. Я вижу, как он, весь мокрый, выхватывает у волны сеть, вижу как ближе и ближе подвигается зеленое чудовище. И не выдерживаю своего созерцательного положения. Я бросаюсь в самый центр рыбаков и хватаюсь за сеть, слышу, как возле меня дышит Матвей, пыхтит капитан, но уже не вижу их: я тяну. Тяну и припадаю к мокрой сети грудью и не замечаю, что холодная морская вода проникает через жилет к телу и стекает вниз, наполняет сапоги. Лишь бы подвинуть на четверть.

— Готово!

Мы припадаем к борту и вглядываемся все молча,—дядя, Матвей, капитан, юнга, — все такие разные люди, но теперь слитые в одно, мокрое, но крепкое, наполненное горячей кровью и мясом.

— Акула! — кричит дядя.

— Акула, акула! — кричат все.

— Где акула? — тороплюсь я, словно боюсь упустить и отстать.

— Вон лежит, вон свернулась, вон ее пасть, вон хвост!

Я приглядываюсь и в огромной серой массе различаю пасть и крошечный зеленый светящийся глаз. Нам подают канат. Матвей привязывает мотню, прицепляет ее к блоку. Лебедка гремит, и над палубой парохода висит большой черный воздушный шар, наполненный рыбой. Бегу смотреть, что в нем, но от него исходит невыносимый запах. Отступаю

назад. Это не запах рыбы. Рыба, в сравнении с этим, хорошо пахнет. Это особый запах морских глубин, внутренности моря. Кажется, что на дне мы шевельнули кладбище морских покойников.

— Какие нежности! — удивляется мне капитан. — Просто мы губки захватили много, оттого и пахнет. Это запах хороший, здоровый, к нему скоро привыкаешь, и даже нравится потом.

Матвей развязывает отверстие внизу мотни, и вот с особым скользящим звуком, как ртуть, рассыпается по палубе рыба. Сначала трудно что-нибудь понять в этой массе, она вся покрыта серым слоем губки, только в середине видна стальная спина, пасть и хвост огромной акулы. Акула огромна и неподвижна.

Акула Сев. Ледовитого океана лежит на палубе, неподвижная, как мертвый пласт. Чуть только поводит плавником и глядит своим маленьким зеленым глазом. И как-же, вероятно, она страшна там, на дне океана, темносерая, как раз такого цвета, чтобы незаметно подкрасться к добыче и показаться сразу огромною серою тенью с зеленым светящимся глазом. Рыбаки разрезают живот акуле, чтобы достать из нее ценную печень, и вот выплывает целый поток мутной жидкости; вместе с жидкостью из акулы выкатывается небольшой мертвый тюлень и много рыбы, еще живой; рыбу обмывают и присоединяют к остальной, а акулу, вырезав из нее печень, поднимают на блоках и пускают обратно в океан.

Капитан, вооружившись стальным коротким крючком, раз за разом втыкает его в рыбу и разбрасывает ее в стороны по сортам. Вот треска — кормилица севера, вот родственница ее — пикша, серебристая с черной полоской вот сайда, из той же породы. Камбала морская совсем не похожа на рыбу, скорее это морские листики, бурые с одной стороны и белые с другой. Листики летят в одну сторону, треска в другую. Капитан веселый, шутит, подсчитывает итог, приблизительно в 1600 кгр. Он пересматривает рыбу и вдруг останавливается и машет мне рукой: он под слоем рыбы заметил характерную голову палтуса. Это рыба такая же видом, как камбала, но только черная с одной стороны и огромная: пудов в пять весом. Рыба дорогая. Он любовно треплет ее ладонью и кричит матросу:

— Сделай ей карман!

Это значит — как-то особенно распластать палтуса. Матрос делает карман, а капитан продолжает перешвыривать листики.

Мне, дилетанту, рыболову с удочкой, едва мирящемуся с насаживанием червяка, это зрелище не особенно приятно. И вот, к своему величайшему удовольствию, я нахожу себе товарища, такого же дилетанта, как и я. Машинист, на корточках, с ведром в руке, отбирает себе крабов, морских ежей, звезд, забавляется раком-отшельником, старается выгнать его из раковины. Все это он хочет засушить и пока-

зать своим детям дома. Я присоединяюсь к нему, беру ведро и наполняю его разными морскими животными. Все они — красные, зеленые, желтые — стараются выкарабкаться из под давящей их тяжелой массы рыбы и губки. Я освобождаю их, пускаю в воду, и они, благодарные, начинают мне кивать оттуда своими лапками, усиками и щупальцами.

Оленеводство в Мурманской губернии.

Олень для обитателя тундры — главная основа жизни. Олень для него единственное средство сообщения в непроходимых местах. Олень—кормилец и поилец его. Олень одевает его, защищает его жилище от ветра и холода. На оленьих шкурах он спит; из кожи оленя выделывает замшу, из шкурок молодых оленей, пыжиков и неблюев готовит на обмен и продажу одежду, обувь и разные поделки.

Без оленя немыслимо было бы обитание тундры; олень заставил колонизовать ее, прикрепил к ней племена, оттесненные на крайний Север другими народами. В течение многих веков олень вместе с собакой были единственными домашними животными в тундре.

В силу такого исключительного значения оленя в хозяйстве обитателя тундры и вопрос об оленеводстве имеет исключительное значение в деле колонизации этого края.

Количество же оленей сильно падает. Так в границах нынешней Мурманской губ. с 1914 года до 1923 года число их уменьшилось с 79.000 до 25.000. Количество оленей никогда нельзя определить точно: олени плодятся в тундре, там пасутся и гибнут. По имеющимся у нас данным в 1924 году на Мурмане оленей было от 33.000 до 34.000 голов.

Упадок оленеводства начинается с 1915 года, когда началась постройка Мурманской дороги; в 1916 году оленеводы были мобилизованы для перевозки военного груза от Колы до Кандалакши; происходил призыв оленеводов в войска. С 1917 по 1921 год усиленный недостаток продовольствия и усиленный убой оленей на мясо.

Призыв оленеводов на войну повлиял в том отношении, что не стало пастухов, некому было присматривать за стадами, защищать их от диких зверей и вообще заниматься оленьим хозяйством. Некоторые оленеводы вследствие этого убивали большую часть своих стад на мясо и шкуры для продажи. На постройке Мурманской ж. д. олени зарабатывались до негодности на подвозках материалов. Перевозка военных снарядов вывела из строя огромное число рабочих оленей, так как для этой перевозки было мобилизовано 6.000 оленей. В начале 1922 года, во время финского налета на Карелию, у населения было отобрано охотничье оружие. Отсутствие оружия лишило возможности бороться с волками. Ежегодная гибель оленей от волков за послед-

ние годы составляет не менее 5% количества стада. Главным образом страдают от волков мелкие стада. Кроме того, нерациональное ведение оленьего хозяйства является одной из причин плохого состояния оленеводства.

Оленей необходимо пасти, чтобы экономнее распределять кормища: необходим уход за самками, необходим досмотр за молодняком и охрана стад во время гололедицы и обилья „гнуса", необходима рациональная постановка убоя. Последствием отсутствия всего этого являются гибель важенок, ухудшение породы, вытаптывание кормовых площадей, изнурение.

Гибнут олени и в многоснежные зимы, когда из-за глубокого снега не достать корма. Бывает гибель и от гнуса и от паразитов. Но самые главные причины упадка оленеводства—причины внешние. Не будь войны и экономических потрясений, оленеводство даже при примитивных видах его продолжало бы развиваться.

В оленеводстве Кольского полуострова приходится различать два типа оленьего хозяйства: лопарский и ижемский. Лопарский, теперь уже исчезающий, состоит в том, что стада большею частью предоставляются самим себе, пасутся в тундре „вольны, не хранимы", без пастухов; изредка производится сгон их в одно место для проверки, после чего они опять распускаются по тундре. Весной стада перегоняются в другие места — к озерам или к морю, или на вершины тундры — туда, где находятся летние рыбные ловли, или для спасения оленей от „гнуса"—в более открытые для ветра места. Так на воле пасутся олени до заморозков или до снега; после этого лопари обходят места летних пастбищ и при помощи своих собак сгоняют оленей в одно место. Осенью присмотр за оленями увеличивается; тогда же происходит убой оленей, отбор ездовых быков, метка клеймами. Зимой оленье стадо находится под присмотром. Тогда стадо пасется вблизи зимних лопарских погостов.

Но все-таки и до сих пор для обитающего в тундре лопаря оленеводство является основой его тундрового хозяйства и причиной его пребывания в тундре; при оленьих хозяйствах у лопарей имеются подсобные промысла. При переходе лопаря к оседлой жизни он вынужден покидать тундру и селиться там, где есть сенокосы и мало-мальски удобная земля. Но и в этом случае оставшиеся у него единицы оленей имеют в его хозяйстве огромное значение.

Второй тип оленеводства — ижемский. У ижемцев оленеводство вообще крупнее по размерам. До войны среди них были богатые оленьщики со стадами в тысячу голов. Теперь только одна семья обладает стадом тысячи $2^1/_2$, остальные значительно обеднели. Существенное отличие их оленьего хозяйства состоит в том, что оно ведется рациональнее лопарского: особые пастухи пасут оленей, наблюдают за приплодом, не дают стадам бесцельно вытаптывать ягель; убой производится с расчетом, чтобы не разрушать стада. Мел-

кие стада об'единяются в одно большое, очень большие дробятся для удобства на два и на три. Выделка продуктов оленеводства имеет промышленное значение; кроме изделий, выделываемых лопарями, ижемцы занимаются еще выделыванием замши, используют волос, рога, копыта.

Ижемцы — зыряне с реки Ижмы Печорского бассейна. Первые 4 семьи в Лапландию пришли в 1888 году и пригнали с собой стада оленей с пастухами самоедами. В начале 1923 года насчитывалось 92 ижемских семьи, составлявших 522 человека, из них 9 семей безоленных.

На определенной площади в течение 5 — 6 месяцев пасутся ижемские олени, после чего их перегоняют на соседний такой же участок, а этот оставляют для подрастания ягеля. Подрастание ягеля происходит через 1 — 2 года. На участках, окончательно вытоптанных, ягель вполне обновляется лет через 15—20.

Вопрос о пастбищах иногда принимает очень острое значение: ввиду того, что пастбища не имеют границ, происходят споры из-за них; более сильные ижемцы иногда вытесняют с хороших пастбищ слабых к сопротивлению лопарей.

Кроме ягеля питаются олени травой, ягодами, грибами,— вообще растительной пищей, но не отказываются при случае и от животной, напр. от мышки-пеструшки. Все это — подножный корм. В русских и финских колонистских хозяйствах, где оленей держат немного, ягель заготовляется впрок, но на зиму его, конечно, не хватает, и оленей подкармливают хлебом. К хлебу они быстро привыкают и при таком питании становятся крепче и сильнее, что очень важно для хозяйства, где олень является исключительно рабочим скотом, так как лошадь не может итти там, где проходит олень, а собаки—слабы и не годятся для перевозки тяжестей.

Промышленное значение оленеводства пока не велико. Продуктами идущими на продажу являются: мясо, шкуры-постели, выделанные шкуры молодых оленей—неблюя и пыжика, одежда и обувь: малицы, шапки, рукавицы, меховые чулки (пимы), замша, сумки, мешки, олений волос и рога. Из них шкуры и мех неблюя и пыжика, волос, рога и оленьи задки являются предметом экспорта за границу. Размеры этого экспорта пока незначительны.

Из жизни самоедов.

(Большеземельская тундра).

Широко и далеко раскинулась беспредельная угрюмая тундра. Покрылась она ровной, гладкой скатертью снегов, на которой лишь изредка стоят наметенные последней пургой бугры-сугробы, да кое-где виднеются полузанесенные рощи карликовых корявых и дряблых елей. Кажется, нет и не может быть жизни в этой белой стране снегов, нет здесь ни

приюта, ни пищи ничему живому. Взойдет ярко-красное солнце, пройдется краем небосклона низко-низко, окрасит снега ярким пурпуром, не согреет никого и ничего, и сейчас же закатится круглым, большим шаром. Погрузятся снега во тьму, и длится она долго-долго, пока опять не проглянет на два-три часа несогревающее, холодное солнце. Иногда по ночам зажгутся на небе волшебные огни, запылает сполох, или северное сияние, и наполнит весь мир красками—желтыми, красными, фиолетовыми. Пойдут мигать—переливаться на снегу огни и краски, и жутко станет тогда на душе у всякого живого, очутившегося в этом море нежгучего, светящегося ночью огня. А потом все кончится, погаснет, и снова белые снега погрузятся в мертвящую темноту.

Но снега эти не так безжизненны, как кажется. В них есть жизнь, хотя и невидимая на первый взгляд. Летом, которое тут стоит не более двух месяцев, тундра оживает: вырастает трава, мелкий кустарник, оживают карликовые рощицы, в которых слышен говор птиц, бродит всякий зверь; тучи комаров застилают дневной свет и не дают покоя никому живому; по тундре бродит кочевник-самоед и пасет своих изголодавшихся оленей... А зимой жизнь хоть и не так заметна, она все-таки есть. Тот же самый самоед живет здесь в своих чумах, расположенных далеко друг от друга, стережет своих оленей-кормильцев; олень бродит по белым полям и, разрывая копытом слой снега, достает из-под него вкусный ягель, мох, которым только и питается; среди сугробов бродит полярная лисица, вонючая рассомаха, коварный песец и хищный волк, а в перелесках водятся бесчисленные стаи никем не пуганных белых куропаток. Словом, незримая, скрытая, тихая кипит жизнь. Всевластным же царем этой холодной и темной страны является все-таки человек.

С раннего утра Иван бегал по тундре на своих легоньких лыжах, осматривая расставленные западни и ловушки, но, как нарочно, все они оказались пустыми. Вот уже несколько дней подряд он не может поймать ни одного песца, точно кто прогнал зверя из тундры.

Сердитый возвращался Иван к своему чуму, где, он знал, с нетерпением ожидала его возвращения инька [1]) с тремя голодными ребятишками. Необозримая тундра, покрытая снегом, словно мертвым саваном, расстилалась перед ним, теряясь в потемневшей дали. Солнце только что закатилось, короткий осенний день окончился, и наступили сумерки. Мороз, бывший утром, как-будто начал ослабевать, но Иван с тревогой замечал, что в тайге готовится пурга. В воздухе чувствовалась перемена. На востоке длинной кровавой полосой протянулось зарево заката. Безбрежная равнина с одного края до другого подернулась багрянцем. Снег казался красным, точно пропитанным кровью. Вверху на небе ходили

[1]) Жена, хозяйка.

тени, и клубились темные зловещие облака. На яркую полосу заката надвигалась лиловая туча, и казалось, что огромные запасы снега тихонько, без шума, сползали и сыпались с вершины неба на далекий запад, смутно белея и клубясь в вышине.

Иван был далеко от своего чума и опасался, как бы пурга не застигла его среди снежной пустыни. Правда, ему не в первый раз привелось ее пережидать, отлеживаясь под снегом, но дело в том, что с самого утра он ничего не ел и чувствовал волчий голод, а отлеживаться под снегом голодному было бы не особенно приятно.

На нем была малица—нечто вроде мешка, сшитого из оленьих шкур шерстью вниз,—надетая прямо на голое тело, а поверх малицы—совик, такой же мешок, но шерстью наружу, на ногах двойные оленьи сапоги, а на голове оленья же шапка с наушниками. Одет-то он был тепло и замерзнуть не боялся, но голод—вот беда.

Сумерки сгущались все более и более, и Иван надбавлял шагу и быстрее оленя скользил по поверхности снега. И вдруг, вздымая и крутя снег, поднялась такая пурга, что зги не стало видно. Вихрь, мгла, снег—все перемешалось. Снег хлестал в лицо и слепил глаза. Поневоле пришлось замедлить шаг и итти наугад, так как разглядеть чум даже в двух шагах было немыслимо. Оставалось полагаться только на обоняние и слух: авось донесется запах дыма, и послышится лай собаки. Иван знал, что чум его уже недалеко, но он опасался, как бы в такую непогодь не сбиться с пути и не пройти мимо чума: ветер дул от него не прямо от чума, а несколько сбоку, справа, поэтому он нарочно старался забирать влево, надеясь таким образом вернее уловить запах дыма. И действительно он скоро его учуял и теперь уже с уверенностью направил свои лыжи прямо против ветра. Наконец он почти ткнулся носом в самый чум и, сбросив с своих ног лыжи, нащупал входное отверстие и на четвереньках пополз внутрь своего жилища.

Чум был устроен из нескольких длинных жердей, вбитых на некотором расстоянии друг от друга и наверху связанных таким образом, что оставалось отверстие для выхода дыма. Этот остов жердей был обложен в два ряда оленьими шкурами, с внутренней стороны эти шкуры были положены шерстью вниз, а с наружной—вверх. На полу были постланы ковры, сплетенные из прутьев березы и метляка, на них были наложены тоже оленьи шкуры, и лишь посредине чума было оставлено не прикрытое ничем место для костра, на котором на двух шестах, шедших поперек чума, висел чугунный котелок. Под котелком трещал вереск, дымок от которого поднимался кверху к отверстию, находящемуся в суженной вершине этого жилища. Около костра сидела инька, одетая в такую же малицу, как муж, только обшитую разноцветными мехами и суконными полосками; два мальчика, лет 9 и 7, сидели тут же, а третий ребенок, еще

грудной, лежал, закутанный в оленьи шкуры, в стороне от огонька и спал.

Несколько лохматых шавок, находившихся в чуме, бросились с радостным лаем навстречу своему хозяину, но тот сердито пнул одну из них ногой, так что она с визгом покатилась в сторону к спавшему ребенку, который, пробудившись, запищал тоненьким голосом.

— Ну, чего ты сердишься? верно опять ничего не принес?—недовольным голосом заметила инька своему мужу.

— Молчи,—крикнул раздраженно Иван.—Давай лучше есть.

— Да что я тебе дам, коли ты ничего не принес?—Вон песье мясо, больше ничего нет,—указала инька на кипевший котелок, в котором варилось тухлое песцовое мясо.

Иван ничего не ответил. Он молча выволок из-за пазухи небольшого деревянного истуканчика, с которым никогда не разлучался, взял в руки олений ремень, разложил истуканчика перед огнем и начал его пороть. Наконец, утомившись, он бросил его на пол и принялся топтать ногами.

— Проклятый!—с озлоблением ворчал он,—мало, что ли, я намазал твою рожу кровью и салом? мало ласкал и гладил? мало приносил жертв? зачем ты прогнал из тундры зверя? чего еще тебе от меня было нужно? Вот же тебе, вот.—И он в исступлении топтал и пинал ногами идольчика, затем, схватив топор, расколол его на мелкие кусочки и бросил в огонь.

Разделавшись таким образом с предполагаемым виновником своих неудач, он подсел к котелку, вытащил из него вонючее мясо дохлого песца и с жадностью принялся за еду.

Маленький, скуластый, с узенькими глазками, с черной реденькой бороденкой, зашитый в свои оленьи, никогда не снимавшиеся, шкуры, он казался теперь, при мерцании колеблющегося огонька, человеком какой-то особой породы, нарочно созданной для этих суровых снежных пустынь.

Насытившись, он начал шарить в целой куче разнообразных—и каменных, и деревянных, и больших, и маленьких, и голых, и одетых в разные цветные лоскутки—идольчиков, выбирая между ними такого, который, по его мнению, мог бы с большей пользой служить ему, чем только что сожженный. Но, перерыв их всех, он не нашел ни одного подходящего, отложил их опять в сторону, а сам взял валявшееся на полу полено и принялся строгать себе нового идольчика. Очевидно, все прежние были им уже испытаны и не удовлетворяли его.

Вьюга между тем усиливалась все более и более. Ветер бушевал снаружи и, врываясь в чум сквозь дымовое отверстие, заносил с собою снег, падавший над огнем в виде дождя, а дым, задерживаемый при выходе, наполнял внутренность чума и ел глаза. Работать было невозможно.

— Нечего сидеть, надо ложиться спать. Иди закрывай трубу,—распорядился Иван, обращаясь к жене. Он разостлал

на полу оленью шкуру, другою накрылся и, не раздеваясь и не снимая с себя ни малицы, ни совика, улегся спать. Инька, потушив огонь, выползла из чума, чтобы закрыть верхнее отверстие снаружи.

На следующий день Иван стал сильно беспокоиться за участь своих оленей, пасшихся в тундре на подножном корму. „Что, если они уйдут далеко от чума, и их угонит вьюга? Вдруг их зарежут волки?“ Правда, Иван заранее предусмотрел и это и поставил в перелеске деревянного волка, привязав к нему одного из самых надежных своих идольчиков, который должен был охранять его стадо от волков, но, ведь, кто знает,—не всегда на этих идольчиков можно надеяться. Вот и этот, только что сожженный, долго служил ему, и Иван не мог на него нарадоваться, а вдруг что-то с ним сделалось, он заупрямился и отказался загонять в его ловушки зверя. Разве не может также изменить и тот, которого он оставил в лесу для защиты оленей от волков? А если олени погибнут, тогда прямо беда, прямо ложись да помирай вместе со своей семьей.

Так думал Иван, лежа на своей постели под теплыми оленьими шкурами. Гибель оленей, действительно, грозила бы гибелью и их хозяевам. Трудно найти другое животное, которое значило бы так много в жизни человека, как северный олень в жизни и хозяйстве северных инородцев. Он дает им и пищу и одежду; его шкурами инородцы покрывают свое переносное жилище, и, кроме того, он же перевозит их с места на место. Из сухожилий оленя делаются нитки для сшивания, рога его идут для выделки колец и вставок для оленьей упряжи, а также на поделку разной грубой утвари, а кости, пропитанные тюленьим жиром, употребляются на обшивку лыж. Кровь его пьется с наслаждением, а мозг и язык считаются лакомым блюдом. Доставляя человеку все необходимое, сам олень ничего от него не получает и не требует за собой почти никакого ухода. Он круглый год находится на подножном корму и зимой добывает себе пищу часто из под глубоких сугробов, выбивая копытом в смерзшемся снегу яму и довольствуясь добываемыми оттуда несколькими горстями оленьего мха.

Наступила вторая ночь, а вьюга все продолжала реветь и завывать. Семья Ивана проела все, что только было с'едобного в чуме, и сидела голодная, в ожидании того времени, когда можно будет вылезть наружу. Несколько раз Иван пытался откапываться, чтобы пробраться в соседний чум и попросить—нет ли там чего-либо с'естного,—но над входом был наметен такой сугроб, что он скоро бросал попытку. „Ведь все равно, откопаешься от своего чума, придется откапывать и тот другой, а где его откопаешь в такую пургу? Только еще больше проголодаешься,“—думал он и решил пережидать вьюгу и отсиживаться в своем чуме.

Не в первый уже раз приходилось Ивану голодать подобным образом. При свете мерцавшей плошки, наполненной

ворванью, он сидел, поджав под себя ноги и уставившись на огонек, мурлыкал себе под нос что-то вроде песни.

Три года тому назад Иван считался одним из наиболее зажиточных самоедов в Канинской тундре, где он кочевал. У него было несколько сот оленей, с которыми он переходил с места на место, отыскивая подходящие для пастбищ места. В ту пору у Ивана была дочь невеста. Она была выдана замуж за сына Степана, богатого самоеда из соседней Большеземельской тундры, обладателя целой тысячи слишком голов оленей. Степан обязался уплатить Ивану за его дочь стадо оленей в полтораста голов, но по каким-то соображениям просил его подождать уплаты до лета, обещая в назначенный срок пригнать стадо к Пустозерску. Однако, когда Иван прибыл туда в условленное время, то там не нашел ни своего свата, ни его оленей. Напрасно он прождал там до поздней осени,—сват не явился, и никаких вестей от него Иван не получил. С тех пор Иван потерял его из виду и думал, что сват или обманул его, или с ним случилось какое-нибудь несчастье. Пришла ему в голову мысль, что Степан перекочевал со своими стадами за Уральские горы и сам он намеревался перебраться туда искать его.

Как только прекратится буря, Иван решил сняться с этой стоянки. К тому же он слышал, что около Уральских гор, среди остяков и вогулов, живет один тадибей (шаман), широко славящийся своим даром ворожить и лечить людей, и он хотел узнать от этого шамана, куда скрылся его сват, и где его можно встретить.

На следующее утро, пока Иван со своим старшим сыном Василием ловили и запрягали оленей, их иньки разобрали чумы и сложили все свои домашние принадлежности и вещи на насты—узкие, легкие санки на высоких копыльях, в которые запрягают оленей. На одних из этих санок сложены были чумы, на других шесты от чумов, на третьих длинные, узкие ящики и сундуки с одеждой, мехами дорогих зверей, наловленных и настрелянных в тундре, и другими более ценными домашними вещами, на четвертых—были сложены идольчики, на пятые уселись ребятишки, на шестых были брошены лохматые собаченки, на седьмых уселись иньки с грудными ребятишками и наконец на двух передних—Иван с Василием, правившие оленями при помощи длинных тонких шестов. И вот этот поезд, состоявший по меньшей мере из полуторы дюжины саней, из которых каждые были запряжены парою или тройкой оленей, тронулся в путь, вытянувшись по тундре длинною вереницею.

Недели через две после отправления, с разными остановками для охоты и ловли белых куропаток, самоеды прибыли наконец к подножью Уральских гор, в лесистую местность, где и остановились на более продолжительную стоянку. От местных остяков Иван узнал, что прославленный шаман—Олений Глаз—живет за Уралом, но каждую зиму бывает в этих местах. Ему указали даже юрту остяка, у которого

шаман чаще всего останавливается. Так как юрта находилась неподалеку от стойбища Ивана, то он с'ездил к этому остяку и упросил его дать ему знать о приезде шамана.

Когда остяк, у которого Олений Глаз остановился, известил об его прибытии Ивана, последний тотчас же запряг пару оленей и вместе с Василием отправился к шаману. Войдя в просторную избу остяка, они увидали сидевшего против огня на нарах, на самом почетном месте, человека, одетого в обыкновенную малицу, совик, в оленьи сапоги. Небольшая темная бородка обрамляла бледное, болезненное, подергивавшееся, со скорбным выражением, лицо незнакомца. Длинные волосы его были заплетены в мелкие косички; черные, глубоко впавшие глаза как-то устало блестели нездоровым блеском. Это и был шаман Олений Глаз. Он сидел на разостланной белой кобыльей шкуре, возле него лежал огромный бубен и узел с шаманской одеждой. Хозяева юрты внимательно ухаживали за шаманом, угощая его всем, что только у них было лучшего.

Иван подробно рассказал шаману о своем деле и стал просить его поворожить, что стало с его сватом Степаном, и где его найти.

— Ладно,—сказал шаман.—Вот надо только дождаться ночи.

Наступили сумерки, хозяева юрты начали делать торопливые приготовления к шаманству: подметать пол, колоть дрова и готовить сытный ужин. Юрта мало-по-малу начала наполняться соседями. Подали ужин, к которому были приглашены все пришедшие. Насытившись, шаман сел на краешек нар и медленно начал расплетать косички своих волос, что-то бормоча себе под нос. По временам он икал, отчего все его тело страшно содрогалось. Все время глаза шамана были неподвижно устремлены на огонь, в одну точку. Понемногу костер стал потухать, и в юрте воцарился таинственный полумрак. Среди присутствующих наступило полное молчание. Все с суеверным страхом ожидали, что будет далее.

Шаман медленно снял с себя малицу, выкинул из мешка свое волшебное одеяние и начал в него одеваться. Это одеяние состояло из плаща, сшитого из шкуры дикого козла, увешанной разными таинственными знаками: колечками, бубенчиками и погремушками. На голову шаман надел шапку, сшитую из шкуры филина, голова и крылья которого служили украшением шапки.

Одевшись в свое шаманское одеяние, Олений Глаз взял поданную ему раскуренную трубку и начал курить, глотая дым. Курил он долго, икота у него становилась все громче, дрожь все трепетнее, лицо сделалось бледным, голова низко опустилась, глаза полузакрылись. Он медленно отложил трубку в сторону. В это время на середине юрты разостлали белокобылью шкуру. Шаман взял ковш холодной воды, выпил несколько больших глотков и медленным, сонным дви-

жением начал нащупывать подле себя заранее приготовленные кнут и колотушку бубна. Затем он вышел на средину юрты и, пригибая 4 раза правое колено, сделал поклоны на все четыре стороны и спрыснул изо рта вокруг себя водою. В огонь бросили горсть белых конских волос и окончательно его потушили. Но при слабом мерцании потухающих угольев еще некоторое время виднелась в темноте неподвижная фигура шамана, сидевшего, понуря голову, с лицом, завешенным платком, чтобы легче проникнуть своими внутренними взорами в мир духов. В руках у него виднелся громадный бубен, который он держал перед собой. Бубен представляет самую важную принадлежность шаманского звания. Кроме силы вызывать духов, он имеет чудесную силу носить шамана по воздуху.

В юрте настала мертвая тишина. Лицо шамана было обращено на юг. Присутствующие притаили дыхание, и среди непроглядной тьмы, воцарившейся в юрте, слышны были только невнятное бормотанье и икота шамана. Наконец, и эти звуки затихли. Но вот среди жуткой тишины явственно послышался одинокий сдержанный зевок, и вслед за ним где-то, в покрытой тьмой юрте, пронзительно и жалобно раздался пронзительный, плачущий крик чайки, а затем снова все погрузилось в безмолвие. Прошло несколько минут напряженного ожидания. Вдруг присутствующие в юрте услыхали легкую, еле уловимую ухом и вначале нежную и мягкую, как жужжание комара, дробь бубна; эта музыка постепенно все крепла, делалась все явственнее и все росла и гудела, как шум приближающейся бури. И поминутно в этом шуме выделялись дикие крики разных птиц: то каркали вороны, то смеялись гагары, то жаловались чайки, посвистывали кулики, клекотали соколы и орлы. Музыка росла, удары по бубну сливались в один непрерывный гул и вместе с неустанным звоном колокольчиков, погремушек и громом бубенчиков образовали целый поток звуков, помрачавших сознание сидевших в темноте дикарей. Но вот все точно оборвалось; последовали один за другим еще два мощных удара по бубну, и волшебный инструмент упал на колени шамана. Все разом умолкло. Прошло несколько жутких минут. Снова послышались звуки бубна, и на этот раз под его звуки шаман пропел мрачным голосом песню, в которой призывал духа-покровителя снизойти на него. После этого он слабым голосом попросил хозяев возобновить в юрте огонь, и когда это было исполнено, и яркий свет озарил внутренность юрты, бледного шамана и почти не менее его бледных, дрожавших от ужаса, присутствующих, Олений Глаз вскочил на ноги и, не переставая петь и колотить в бубен, начал бешено плясать, прыгая и кривляясь перед огнем, на разостланной лошадиной шкуре. Движения его становились все более быстрыми и дикими. Он поминутно перепрыгивал через огонь, кривил рот, размахивал руками, кричал, ревел диким голосом, вызывая поименно злых духов, тех, которых ему было нужно.

Затем он начал с кем-то разговаривать, о чем-то кого-то спрашивать, кому-то грозить, заклинать и умолять, кого-то гнать от себя плетью и с кем-то сражаться. Наконец, он бросил вверх барабанную колотушку, и, когда она упала на пол, он всунул голову в бубен и, держа его над своей головой, начал внимательно и как бы с ужасом к чему-то прислушиваться, словно ожидая ответа на заданные им перед этим вопросы. Несколько минут держал он таким образом свою голову внутри бубна, вздрагивая по временам всем телом и до того напрягая себя, что пот лился у него по лицу. Но вот голова его как-то странно затряслась, и точно кто-то насильно стал поворачивать ее в левую сторону; неподвижные, словно остекленевшие глаза шамана устремились куда-то вдаль, он повернулся раза два на месте и без сознанья упал на землю. С ним начались судорожные корчи; зубы его крепко стиснулись, руки и ноги свело, его забило, как в сильнейшей лихорадке, и наконец он весь точно окостенел. Изо рта показалась пена. Присутствующие замерли от страха. Несколько времени шаман лежал неподвижно, затем члены его снова расправились, он зашевелился, открыл блуждающие глаза и обвел ими вокруг себя, точно недоумевая, где он и что с ним. Наконец сознание вернулось к нему, он медленно приподнялся и сел на кобыльей шкуре.

— А ведь ты, Иван, напрасно думаешь, что твой сват хотел тебя обмануть,—заговорил он слабым голосом:—он сам тебя отыскивает и не может найти. Ступай в Обдорск на ярмарку, там с ним встретишься.

Камлание кончилось. Хозяева перенесли совершенно ослабевшего шамана вместе с кобыльей шкурой на нары и посадили его на прежнее место.

Исполняя совет Оленьего Глаза, Иван поехал отыскивать своего свата на Обдорскую ярмарку. Ярмарка была уже в полном разгаре, когда он туда приехал. Сюда в это время стремились со всех стран света: с юга, от Березова, к нему ехали русские; с севера, с прибрежий Ледовитого океана—самоеды; с запада, с Уральских гор—кроме самоедов, зыряне, остяки и вогулы; с востока из сибирских тундр и тайги—разные сибирские инородцы. Самоеды и остяки везли на ярмарку мороженую рыбу, икру, рыбий клей, перья и пух, а также шкуры тюленей и белых медведей, клыки моржевые, мамонтову кость (бивни этого допотопного животного, находимые в большом количестве в мерзлой тундре) и даже янтарь, собираемый по берегам Сев. Ледовитого океана; вогулы и сибирские инородцы везли сюда кедровые орехи, дорогие меха соболей, лисиц, куниц, песцов, бобров и проч. Все эти люди пробыли целый год в безлюдных тундрах и тайге, припасы их истощились, дети их подрасли, надо устраивать свадьбы, нужен калым, но больше всего нужен хлеб, порох, свинец и разные рыболовные принадлежности и снасти. И всем этим необходимо запастись на целый год, так как раньше года возвратиться к Обдорску невозможно.

Розыски свата не приводили ни к чему. Напрасно Иван каждый день ездил на ярмарку в надежде встретить его там—свата не было. Ярмарка приближалась к концу. Однажды Иван сидел печальный в своем чуме, как вдруг к нему вполз какой-то самоед. Велико было изумление и радость Ивана, когда он узнал в нем своего свата Степана, который тоже усиленно искал Ивана, чтобы заплатить свой долг.

Иван получил от Степана стадо в двести голов и отправился вместе с ним кочевать на север Большеземельской тундры.

Езда на собаках.

Я очень люблю езду на собаках. Маленькие, длинные, низенькие саночки, десяток разношерстных пушистых, с загнутыми хвостами, собак, которые так забавно вытянутся на ходу во весь рост, приподнимут веселые мордочки, поставят торчком уши, их поспешный бег, их оживление, высунутые языки, порой на бегу маленькая драка,—все это делает поездку такой оживленной, такой необычайной, веселой, что ее не скоро позабудешь. Легкие санки неслышно скользят по твердому, убитому ветром снегу, скачут по льду, поднимаются на берег, пересекают голый, скользкий лед озерка, речки, летят стремглав под гору, раскатываются на поворотах, перепрыгивают через камни, слетают с сугробов. При всем этом не нужно забывать, что на Новой Земле нет не только какой-нибудь дороги, но даже и тропы. Быстро, порой во весь собачий опор, несутся впереди запряженные веером собаки. Они и без дороги хорошо знают, как и их вожак, самоед, куда надо держать путь; им совсем не тяжело тянуть за собой санки с двумя седоками, и порой, когда мы пересекаем свежий след песца, лисицы, им даже хочется попробовать догнать зверя. Но длинный тонкий шест самоеда, которым он то правит, то тормозит с горы санки,—этот шест направляет собак на настоящий путь, и они, позабыв уже песца, снова бегут вперед, и мы неслышно несемся при слабых сумерках вечера, в полярной пустыне.

Порой, чтобы дать вздохнуть собакам и оправиться самим, обтереть от снежной пыли лицо, мы останавливаемся. Собаки тогда садятся в кружок, ластятся к нам, охарашивают свои пушистые лапки, а мы прислушиваемся, как шумит в горах ветер, как стонут в море, под берегом, льды...

Минута,—и мы снова несемся дальше.

Двадцать километров промчались в какие-нибудь полтора часа, или даже меньше, и вот уже мы на том самом широком, пустынном, с высокими снежными горами по бокам, заливе, где зимует самоед Логай.

Массовая охота загонами у самоедов.

В наших северных тундрах, с их неистощенным еще запасом зверя и дичи, сохранился один вид массовой охоты. Это охота загонами на пушного зверя—песцов, лисиц, волков, россомах—зимой в тундре и на водяную птицу—гусей, гаг и др. породы с'едобных водяных птиц—летом на берегах моря.

В начале осени самоеды-оленщики Большеземельской тундры передвигаются постепенно от берегов океана, где они проводят конец лета, по направлению к лесам. На этом пути к югу они пересекают тундру, где стада оленей идут недалеко друг от друга, в среднем километрах в 5, и оленщики по первому снегу наблюдают следы зверей. В тех местах, где следы встречаются чаще, организуется охота загоном.

В определенный день к назначенному месту с'езжаются на оленях заранее уговорившиеся охотники с запасами провианта, одежды и с оружием. Число упряжек бывает от 80 до 150.

С'ехавшись и распределив очереди, начинают гон тем, что двое саней быстро едут в тундру в разные стороны, об'езжая кругом намеченную для охоты местность. Диаметр об'езжаемого круга 10—15 килом. вся же окружность 30—45 килом. Вслед за первой парой саней отправляется вторая, едущая с таким расчетом, чтобы выехавшие ранее были у них на виду и кроме того вторая пара едет не последу первой, а параллельно ей внутри круга. Затем отправляется таким же образом следующая пара и т. д. до последней.

Встретившиеся на противоположном конце круга пары раз'езжаются, продолжая свой путь, но направляются опять таки внутрь круга, делая концентрические окружности и все более суживая круг.

Звери, попавшие внутрь круга, постепенно отпугиваются к середине его и в конце концов сосредоточиваются на пространстве в 200 метров в диаметре. Тогда гон прекращается, и охотники слезши с саней, начинают стрелять зверей из ружей.

Во время загона зверь не может ускользнуть, так как через свежий санный след он никогда не решается перейти.

Загон продолжается всего несколько часов, так что после первого загона охотники обыкновенно успевают от'ехать на 1—2 десятка километров до нового облюбованного места и сделать еще один загон.

Переночевав в санях, продолжают охоту. Во время метели не охотятся, т. к. зверь переходит через запорошенный снегом след саней и ускользает из круга.

Таким образом охотники, продолжая охоту, передвигаются по тундре в течение нескольких недель по направлению

к низовьям Печоры. Стада их идут следом за ними в некотором расстоянии.

Добыча от такой охоты делится по окончании сезона между всеми охотниками поровну. На каждого приходится от 20—60 зверей, в зависимости от количества зверя, погоды и пр. Общая добыча от охоты загонами в 1921—22 году была до 3000 зверей.

Охота загонами на водяную птицу практикуется самоедами у берегов моря в таких местах, где скапливается значительная масса линяющей птицы.

В тихий день самоеды выбирают такое место, где у морских берегов плавает много лесной птицы. Выбрав на берегу подходящее отлогое чистое место невдалеке от плавающей птицы, свозят на него бочки, соль и пр. Здесь же остается и часть охотников. Остальные на небольших лодках, число которых бывает от 20 до 50, с 2—3 охотниками в каждой выезжают в море километров за 15—20, затем лодки поворачивают к берегу, выстраиваются полукругом в цепь и двигаются к птичьим стаям. Отдельные стаи постепенно сгоняются с моря в общий табун, который некоторое время гонится по разным направлениям, чтобы сделать его послушным. В конце концов во главе табуна оказывается один вожак, за которым плывет весь табун в 3—4 тысячи голов. После этого такой „организованный“ табун уже легче гнать и его направляют туда, где оставлены бочки и спрятаны охотники. Здесь птица выгоняется с моря на берег, и как только весь табун вышел выскакивают охотники, скрывавшиеся на берегу, из лодок вылезают загонщики и все, вооружившись палками, начинают избивать птицу. Редкая птица вырвется из этого круга.

Убитая птица наскоро здесь же ощипывается, потрошится и засаливается в бочках. Очистка и засолка производится крайне небрежно и мясо обыкновенно закисает и употребляется в пищу почти исключительно самими же самоедами.

Такая загонная охота на разные породы, смотря по погоде и быстроте линяния, производится в течение 2—4 недель в середине лета. Практикуется она самоедами на о. Колгуеве, в Печорской губе и, вероятно, по всему океанскому побережью у Малой и Большеземельской тундр.

Радио на Новой Земле.

В конце 1923 года осуществилось одно огромное дело на далекой окраине нашей необ'ятной страны, имеющее чрезвычайно большое практическое и научное значение. Дело это—постройка радио-станции на Новой Земле в районе рыбных и звериных промыслов, и это один из этапов будущего Северного Морского пути, который соединит с Европой все побережье Сев. Ледовитого океана.

Группа островов, называемых Новой Землей лежит в Северном Ледовитом океане между двумя морями—Баренцевым, сравнительно теплым, и Карским, которое большею частью забито льдом и пользуется самой дурной славой у моряков всех стран. Из островов Новой Земли два вытянулись почти на тысячу верст с юга на север и отделяются на юге от соседнего острова Вайгача проливом—Карские Ворота.

Пролив трудно проходим, и суда обыкновенно идут в Карское море не через Карские Ворота, а через более южный пролив, Югорский Шар, отделяющий остров Вайгач от материка. Главные острова Новой Земли, в свою очередь делятся поперек узким и длинным проливом в 130 километров, называемым Маточкин Шар.

При плавании редко бывает заранее известно, какой пролив свободен от льдов. Часто случается, что оба пролива забиты льдом, идущим из Карского моря, тогда приходится итти на юг, или попытаться итти окольными путями. Будь радио-станции на главных пунктах морского пути, суда могли бы получать нужные сведения. Отсутствие радио долго затрудняло наше северное судоходство и часто было причиной гибели судов и людей.

В последние годы мы построили радио-станции на важнейших пунктах северо-восточного морского пути.

Теперь радио есть на о-ве Диксона (в устье Енисейской губы), на восточном берегу Карского моря, на Вайгаче в Югорском Шаре, и теперь поставлена радиостанция в Маточкином Шаре. Когда сюда прибавится еще станция на мысе Желания (северная оконечность Новой Земли—теперь она уже строится), то Карское море будет отлично освещено в отношении состояния льдов на нем.

Новая Земля представляет для нас огромный интерес. Тысячи поморов находили себе пропитание в звероловстве и рыбопромышленности на Северном-Ледовитом океане, и, конечно, для них Новая Земля, изобилующая зверем, обеспеченная базой и обставленная знаками при входах в бухты, русской администрацией, спасательной станцией пр.—представляет огромное значение. Северным Ледовитом океаном будет владеть тот, кто прочно станет на его берегах и островах, улучшит условия мореходства, обеспечит снабжение промышленников снастями, орудиями лова, одеждой, посудой, судами и пр. и наладит переработку и сбыт продуктов промысла. Установка радиостанций на Новой Земле закрепляет ее за нами.

Теперь наши промышленники чаще будут заглядывать для промысла на столь заманчивую для них Карскую сторону Новой Земли, где в короткий промежуток можно набить по несколько десятков белых медведей, тысячи гусей, сотни тюленей, а иногда заполучить и более редкого зверя—моржа. Несомненно возле радио-станции скоро вырастет постоянный поселок промышленников.

Поможет радио-станция и более глубокому изучению северных морей: при ней оборудована магнитная обсерватория и метеорологическая станция.

Вопрос о постройке радио-станции в Маточкином Шаре был решен в марте 1923 года, и немедленно было приступлено к подготовительной работе. Нужно было все предусмотреть, имея в виду, что на месте ничего нет, кроме голых, угрюмых скал и безбрежного глубокого моря, и что всю постройку надо окончить с величайшей поспешностью, дабы уйти до прихода льдов и наступления страшной полярной ночи.

В распоряжение отряда поступило два корабля— „Мурман“ и „Купава“ и пароход „Малыгин“ ледокольного типа. Главное задание во всей работе—не установка мачт—это не так сложно, а постройка двух домов. Лесу на Новой Земле нет. Это страна, о которой один русский ученый сказал, что леса там растут не на земле, а в земле. Слова ученого надо понимать таким образом, что кустарниковые породы растений Новой Земли, очень редко поднимающие ветви и листья выше, чем на 5—10 сантиметров, имеют под землей мощные, далеко простирающиеся, широко разветвленные корни: выходит, что они растут более под землею, чем над землей. И вот в Архангельске было куплено два дома: один одноэтажный в 92 кв. метра, и другой двухэтажный в 300 кв. метров. Большой дом предназначался для жилья, малый для радио-станции. Артель рабочих наняли в Ленинграде.

В середине августа суда вышли из Архангельска и после благополучного путешествия прибыли к выходу в Карское море, где намечено было установить радио-станцию. Принялись за подыскание подходящего места для установки радио и остановились на месте следов от зимовки лейтенанта Размыслова, на берегу протекающего здесь ручейка. Так как постройки делались на известной высоте над уровнем моря, то предстояла трудная задача—поднять на верх все грузы и тяжелые части с барок и пароходов. Для этого построили железную дорогу (узкоколейку) в 200 метр. длины, потом стали сбрасывать с баржей в море все то, что могло плавать. Делали плоты и буксировали к берегу. Потом баржу подводили к берегу и, во время отлива сгружали прямо по сходням. Одного леса пришлось выгрузить до 400 куб. метров. Набралось много и другого кой чего, так как везли все, что понадобится на месте, вплоть до глины, простой и огнеупорной. Одного не взяли—песку, но его расчитывали достать в море. Оказалось, что на Новой Земле и песок не так то легко достать. В результате поисков песок был найден на другом конце Маточкина Шара: в Поморской губе, т. е. почти за 130 килом. В полтора дня на пароход погрузили $4^1/_2$ куба песка и доставили на место.

Стали рыть ямы в намеченном грунте, в скале, в области вечной подпочвенной мерзлоты. Работа была тяжелая, пришлось применить динамит, два патрона динамита делали ямку

едва в один фут. Люди уставали от тяжести труда—все время приходилось исполнять самые тяжелые работы: подымать в гору грузы и грызть лопатой камни и лед. В общем рытье 10 ям заняло две недели. Воду, набиравшуюся в ямах от таяния льда откачивали насосом. Потом установили двигатель, мачты в 60 метров, выгрузили маховик, весивший 2000 кгр. и разные тяжелые части: мотор в 1600 кгр., динамо-машину в 1300 кгр. и др, Работали все до единого: командный состав, научные сотрудники, рабочие, всего 23 человека.

Наконец к 15—18 сентября мачты вывели на половину высоты. По сравнению с установкой радио постройка дома оказалась шуточным делом. Дом самой радио-станции в четыре дня вывели под крышу, а большой дом в 15 комнат довели до стропил в двенадцать дней. Стало ясно, что дальше нет нужды и в большом количестве рабочих, да и уголь надо экономить, поэтому часть людей отправили в Архангельск.

23 сентября в жилой дом перешли 10 сотрудников радио-станции, которым предстояло зимовать на Новой Земле.

Тем временем „Мурман“ и „Купава“ заканчивали работы; плотники и столяры делали мебель, радио-телеграфисты устанавливали приборы, рабочие поднимали наверх нужные для зимовки грузы, с чем надо было потарапливаться, так как часть грузов от осенних штормов уже пострадала. Техники были заняты испытанием и проверкой приборов.

К 4 октября первая мачта была доведена до соответствующей высоты, а вторая на две трети. Подняли антенны, и, о радость,—с ближайшей радио-станции в Югорском Шаре услыхали:

— Прекрасно вас слышу...

Дело увенчалось успехом. В истории полярных плаваний это большое событие, предприятие величайшего практического значения.

6 октября отряд выполнивший назначение ушел от берегов Новой Земли с чувством величайшего нравственного удовлетворения.

А десять смельчаков остались встречать полярную ночь под немолчный прибой ледяного моря. Не скоро они услышат гудок парохода, во всяком случае—не раньше июня следующего года. Много им придется перенести за эту долгую зиму. Их снабдили, кроме жилья и утвари, запасом топлива, угля, керосина, полярной одежды, оружия и пр. Построили им баню, сараи, кладовые, оставили 18 собак и сани для передвижения по островам. На них научные сотрудники отряда предполагают делать разведки для изучения нанесенных на карту обширных пространств Новой Земли, которой мы владеем со времен Новгородской вольницы, если не ранее. Из летописи известно, что русские ходили на Югру еще в XI веке.

Артельное начало на русском Севере.

Каждого, вновь приезжающего на Север, на побережье ли Ледовитого океана—от Канинского полуострова до Урала, или на побережье Кольского полуострова, при внимательном наблюдении поражает одно явление. Явление это—массовая жизнь, массовая борьба со слепыми стихийными силами природы.

Оглянемся кругом и посмотрим на окружающий нас животный мир: Белое море и Ледовитый океан, как и громадные северные реки, полны жизни,—и в этой жизни прежде всего поражает масса, колоссальное количество отдельных единиц, собравшихся вместе—массами идет рыба, за которой такими же массами следует морской зверь и летят птицы. Баснословные количества птиц: гусей, лебедей, уток, чаек, гагар и пр. оживляют Север, куропатки сотнями тысяч носятся над занесенной снегом тундрой, вереницами бегут в тундру горностаи, миллионными колоннами переселяются по тундре маленькие зверьки—лемминги, тысячами перекочевывают в лесистой части белки.

Жизнь на севере сопряжена с большими лишениями, с большим риском. Север—это передовые позиции человеческой культуры. Здесь человек стоит грудью перед стихиями, отсюда он шлет в глубь России те дары, которые ценой жизни вырывает от природы. За ним — населенные земли, обрабатываемые веками, перед ним — безграничный вечно движущийся океан.

И птица, и зверь, и животное повинуются здесь жизненному закону необходимости. Отдельная, обособленная личность не может существовать на севере.

Силы природы сметут ее, как упавший лист; жизнь и победоносная борьба доступны только общественной жизни, только об'единенному труду.

Изучая труд человека на севере, мы и видим, что основную сторону его составляет именно это общественное начало. На севере человек почти никогда не действует один.

Характерным свойством жизни севера являются общественные группы, артели.

Основным занятием жителей условия природы делают рыбный промысел. Присматриваясь к способам рыбной ловли, мы здесь также открываем артельное начало. Печора—одна из самых больших рек Европейской России — богата всевозможной рыбой. Села и деревни, расположенные по ее берегам, занимаются, главным образом, рыбным промыслом. И среди их жителей существует старинный обычай, об'единяющий промышленников села в одно целое. Обычай этот—очередной лов рыбы. По взаимному соглашению, население деревни разбивается на несколько артелей, которые поочередно выезжают на рыбный промысел, а весь улов,

сделанный очередной артелью, разделяется на число пайщиков всей деревни—такой порядок соблюдается для каждой очередной деревни.

Точно так же звериный промысел (на моржа, тюленя, нерпу), ведущийся зимой в открытом море на плавающих льдинах и сопряженный с большим риском, совершается артелями. Из Мезени выезжают на больших лодках, снабженных полозьями для передвижения по льду, по 70—80 лодок с 7 промышленниками на каждой, составляющими артель.

Морские промыслы почти всегда сопровождаются человеческими жертвами.

Часто эти промысловые лодки затирает льдами и уносит далеко в море, где рыбаки гибнут с голода или тонут, разбитые льдом и морскими волнами.

Переходя от рыбных промыслов к охотничьим, мы видим ту же самую картину. Одиночно промышляют очень редко. В Зырянских лесах по Печоре промышленники образуют постоянные артели по 6—7 человек, которые в течение сезона ведут весь промысел сообща и добычу распределяют поровну между членами артели.

В последние годы, после германской войны и революции, прежний бытовой уклад, как и везде, понес большие изменения.

Но и здесь печорские крестьяне, побывавшие в плену в Германии, хотя и с новой привезенной ими оттуда техникой, опять-таки вносят артельное начало в сельское хозяйство. Ими учреждено уже на Печоре несколько сельско-хозяйственных и маслодельческих артелей.

Зимой единственным путем сообщения главного населенного места Печоры—Усть-Цыльмы с Архангельском является зимний почтовый тракт, тянущийся почти на 1.000 километров через дремучие леса и снежные пустыни, где скитаются волчьи стаи. На протяжении этого тракта устроены станции для отдыха лошадей и путешественников. Таких станций до Архангельска 44. Перевозка грузов и проезжих по открытым местам совершается местными крестьянами по договору на артельных началах.

Таким образом, мы видим, что сама природа, по необходимости, в жизнь северного жителя вносит артельное начало, которое делает человека не слабым существом, не игрушкой могучих стихий, а в течение веков дает ему возможность оставаться победителем, противостоять природе и заставлять ее повиноваться человеку или, по крайней мере, приносить наибольшую пользу.

Наважий промысел.

Мезень—это один из дальних и бедных городов Архангельской губернии. Лежит он на берегу реки Мезени, в 30-ти с небольшим километрах от Белого моря. Местность не очень гостеприимная: здесь совершенно нет защищенного от ветров места для стоянки судов. Крушение судов—явление обычное. Вот и теперь из воды торчит до пяти разбитых судов: русских и иностранных.

Бедна и сурова почва Мезени: на громадных пространствах болотистая, топкая трясина. Но кое-где начали обрабатывать и ее.

Хлебопашество и скотоводство, однако, еще не могут обеспечивать населения, и его существование целиком связано с морем. Море же здесь богато навагой, небольшой жирной рыбой, заходящей зимой в реки Канинского полуострова.

Уходят на промысел партиями, человек по 500—700, в конце сентября и там остаются до Рождества. Из Мезени отправляются на карбасах (больших лодках) с запасом продовольствия.

Лов наваги ведется в устьях рек западного побережья Канинского полуострова. Для совместного лова разбиваются на артели человек по 5—6 еще в Мезени. На Канинском же полуострове имеются избушки для промышленников, в которых сложены очаги из камня, собираемого на берегу, которые и топятся обломками разбитых судов, выбрасываемых морем.

Приезжая с осени, промышленники приводят в порядок избушки, приготовляют снасти и начинают лов, когда реки замерзнут.

Навага ловится „рюжами“. Рюжа состоит из мелкой конопляной сети, прикрепляемой к двенадцати обручам из черемухи или рябины. Когда реки покроются льдом, по жребию распределяются места лова. Затем делаются во льду проруби, в которые и спускаются сети. Работу ведут в старых рабочих малицах (одежда из оленьего меха) и в высоких грубо выделанных сапогах.

Со льдом является навага в громадном количестве, а за ней и „зверь“ (тюлень), которого на наважьих промыслах бьют ружьями.

Прием являющейся наваги уже готов: рюжи опущены в прорубь по направлению к морю и привязаны к приготовленным кольям.

В среднем, на артель промышленников в 6—8 человек за весь период лова приходится до 16.000 кгр. наваги.

Однако, лов не каждый год бывает одинаков. Навага, как и всякая морская рыба, иногда меняет воду, переходит на другие участки, и в такие годы лов бывает неудачнее.

Вместе с навагой идет и другая рыба—„сайка“, мельче наваги, но также с'едобная. Эта рыба, по определению промышленников, „одолевает“ навагу, мешает ее лову. Сайка идет в неимоверных количествах и забивает иногда все рюжи.

Раньше, лет тридцать тому назад, наши промышленники еще не ловили навагу рюжами, а „удами“, как налима, но без крючка, а прямо на несколько концов лесы привязывали мякоть хвоста самой же наваги. Навага хватала наживу налету и тотчас же вытаскивалась; в сутки таким способом в хороший год промышленник вытаскивал до 1.000 штук. Сайка хватает прямо пальцы руки, опущенной в прорубь.

Выловленную навагу прежде всего морозят на льду, а затем складывают в кучи и зарывают снегом, часто ее перекладывая. К теплу у мерзлой наваги мякнет хвост; в таких случаях тотчас же принимают меры, чтобы предохранить ее от порчи.

Зимой к рекам, где находятся промышленники, подходят и самоеды с оленями. Начинается торг, тут же с ними подряжаются и о перевозке рыбы на Мезень.

С помощью оленей и доставляется обыкновенно навага на Мезень, иногда задерживаемая снегами, ненастьем, но рано или поздно прибывающая на место.

В этом году большую помощь оказали промышленникам ледоколы, посланные за рыбой из Архангельска на Канин.

Возвратившись к Рождеству домой, промышленники запродают рыбу и готовятся на „звериный“ промысел в море—„кож промышлять“.

Автономная область Коми.

Автономная область Коми (зырян) образована 20 августа 1921 года. Центр области—город Усть-Сысольск. Площадь—351026 кв. килом. (328.984 кв. в.)—Всего населения 211.112 ч. Это богатый край, который и в прежнее время мог бы сыграть не малую роль в общем развитии России. Но пробуждение его началось, когда народ Коми получил право на автономию.

Ожило все—и торговля, и промышленность, и культура. Книга была редкостью в старое время,—теперь распространяются тысячи учебников на зырянском языке. О газете не имел понятия Коми-народ, сейчас же печатаются 2 газеты, освещающие его жизнь и текущие мировые события.

Высшая школа—Институт—подготовляет 300 учителей, которые должны будут поднять дело народного просвещения в области. Кроме того 250 студентов из трудовой среды учатся в высших учебных заведениях Республики.

В тяжелых условиях начал строить свою жизнь Коми-народ. Большую часть заработка крестьянин имел от охоты в лесах. В период разрухи он не мог сбывать продукты

своего промысла; кроме того, отсутствие охотничьих припасов подорвало самый промысел. Сельское хозяйство, считающееся все же основным занятием, за годы войны точно так же значительно было подорвано. Военная мобилизация оторвала много крестьян от полей, и последние, благодаря чрезвычайной трудности их обработки в суровом северном крае, не могли быть обратываемы оставшимися нетрудоспособными членами семьи. Вместе с тем частые реквизиции скота, и без того немногисленного в области способствовали разрухе сельского хозяйства. 2—3 года тому назад сплошь и рядом можно было встретитить пустующие незасеянные поля. Естественно, что при таком положении, край, и раньше питавшийся привозным хлебом, переживал тяжелый продовольственный кризис. Тяжесть положения еще увеличивалась от чрезвычайной малонаселенности, разбросанности селений и отсутствия связи. Ведь на $1^3/_4$ кв. килом. приходится только 1 человек, а населенные пункты отстоят иногда друг от друга на расстоянии 150 килом., при наличии только грунтовых дорог, подчас непроходимых. И если вдобавок отметим, что ближайшая станция железной дороги от центра области, г. Усть-Сысольска, отстоит на расстоянии 320 километров, и что весной и осенью в периоды распутицы область бывает абсолютно оторвана от центра в течении $1^1/_2$ месяцев, то представляется жуткая картина суровых условий жизни. Но мало-по-малу и эти условия сейчас устраняются: принимаются меры к сооружению новых дорог усовершенствованного типа, налаживается почтово-телеграфная связь, и даже, к общему удивлению населения, появляются автомобили.

Человек и его труд на Печоре.

Печора—самая большая река европейского севера, которая тянется, сперва делая изгибы, а затем почти в том же направлении, как и Уральские горы, от отрогов Урала в Пермской губернии. Близко соприкасаясь с рекой Вишерой, притоком Камы, она доходит до Ледовитого океана, принимая множество крупных притоков. В пределах Архангельской губернии, от побережья Ледовитого океана до села Ижмы, населенного зырянами, Печора имеет высокие берега, у „Ледовитого океана—тундру—северную степь, покрытую мхом, ягодами и грибами—привольное пастбище оленей, а южнее—богатую кустарниковую растительность, около Усть-Цильмы переходящую в густой строевой лес—„тайболу".

На восточном соседнем с Уралом берегу лежит Большеземельская тундра, на западном—Тиманская тундра.

И тундра, и воды, и леса Печорского края богаты всевозможной жизнью. По тундрам кочуют многотысячные стада

северных оленей—полудикие потомки когда-то очень распространенного оленя.

Тундра служит приютом песцу—белой полярной лисице, тучам полярных куропаток, а озера полны гусей, лебедей и уток.

Рыбное богатство Печоры также очень велико. Наиболее ценная рыба—семга достигает там 50 кгр. весом, такой же величины бывает и нельма, ценимая не менее семги. В громадном количестве идут с океана сельди, небольшие, но очень вкусные, отправляемые в Центральную Россию.

Если ехать от Ледовитого океана вверх по Печоре к Ижме, то сразу бросается в глаза разница между северной и южной половиной этого участка. Правда, и в северном и в южном участке все селения тянутся только по берегам рек. Но селения в северной части совсем иные, чем в южной. Север заселен рыбаками и оленеводами.

В южном участке тундра лежит дальше от населенного берега, а прибрежные земли при небольшой обработке дают возможность заниматься земледелием.

Громадные заливные луга обеспечивают население сеном, что помогает развитию крупного скотоводства.

Хорошая почва, достаточное количество удобрения, благоприятный климат и строевой лес, обусловливающий необходимые работы, делают крестьянина здесь скотоводом-хлебопашцем, и рыбный промысел уже не играет для него главной роли.

Главные промыслы севера—рыболовство и оленеводство. Вот промысел, который наполняет жизнь человека, кладет отпечаток и на образ его жизни. Все селения севера—это селения рыбаков. У берега всюду видны лодки и карбасы, рыболовные снасти; жители приезжают и уезжают на промысел. У каждой избы на боку лежат лодки, поднятые полой водой, висят на шестах сохнущие сети, стоят боченки для рыбы.

Почти в каждой избе, если хозяева не на промысле, чинятся и вяжутся сети.

Пища, главным образом,—рыба: жареная, вареная или соленая.

Самый вид крестьянина сразу говорит, что это рыбак, а не хлебопашец: он весь пропитался запахом рыбы, воды, обвевался всеми ветрами севера; одежда его—одежда рыбака, а также и движения, привыкшие более всего к работе веслами, парусом, к таскaнию сетей. Каждая мелочь житейского обихода вытекает из того промысла, которым человек живет.

Оленеводством русские занимаются мало: это коренной промысел самоедов. И на самоеда природа и оленеводство положило свой отпечаток. Пастьба оленей, оленья кровь и мясо, как обычная пища, постоянное пребывание на просторе тундры сделали его здоровым, выносливым кочевником. Вся жизнь, весь обиход, сложившийся многими, многими веками, удивительно отражают его кочевой образ жизни. Чум—жи-

лище самоеда—складывается и разбирается в какие-нибудь полчаса. В чуме самоед живет и летом и зимой, при 50° морозе.

Оленьи сани так легки, что их можно поднять на руки. Одежда самоеда вся из шкур того же оленя. Олень дает ему пищу, постель и жилище, так как чум—шалаш из шестов, покрытый оленьими шкурами.

В южном участке мы видим другую картину. Здесь человек скотовод и хлебопашец. Он весь прикреплен к земле, которую он обрабатывает и которая его кормит. Главная его пища—хлеб. Три четверти года он занят землей. Занятие хлебопашеством требует постоянной жизни в одном месте. Села и избы здешних крестьян и устроены не на скорую руку, а на многие годы. Избы двухэтажные, из толстого леса, украшенные резьбой, балкончиками, конями на крышах. Сзади избы, внизу, под одной кровлей, большой хлев, над ним—поветь со взвозом. Около избы и на повети—все орудия сельского хозяйства: бороны, плуги, серпы, кичиги для молотьбы, горбуши для косьбы и мн. др.

Весь день распределен по работам, которых требует это хозяйство, а постоянная работа над одним и тем же делом придает ему и вид хлебопашца и скотовода.

Таким образом, на протяжении 400 верст от севера к югу мы видим три группы людей, которые, в зависимости от природы ее условий, заняты разными промыслами и видим, что эти промыслы не только кормят их, но и жизнь изменяют так, что каждая мелочь отражает и дополняет промысел.

Ландшафты Печоры.

Каждый охотник знает, что существует известная связь между ландшафтами местности и различными дикими птицами и животными, каждый охотник знает, в каком характере ландшафта и растительного покрова он в любое время года, в любые часы дня или ночи скорее всего может встретить ту или другую дичь...

1. Нежной дымкой белесоватого тумана окутан *низменный болотный ландшафт* [1]). Утомленный однообразием серовато-зеленого тона, глаз останавливается на свободных скоплениях стоячей воды в виде торфяных озер с зарослями хвоща и камыша. Кое где редкие торфяные сосны с их оригинальной формой вершин слегка выделяются на ковре розоватого оттенка мхов. Также слабо выделяются на общем фоне кусты богульника и голубики, укрепившиеся на болотных кочках. Местами пятнами выступают характерные группы пушицы, а низко-рослая, корявая, карликовая береза своею

[1]) До 130 метр. над уровнем моря.

темной, как бы лакированной зеленью не вносит оживления в общее однообразие ландшафта.

На более высоких дюнных холмах замечается более яркий пейзаж. Некоторым контрастом бросается в глаза и лучший рост сосны, и более яркая оранжево-желтая окраска ее стволов сравнительно с черно-бурым цветом ее комлей, и красивый, отливающий жемчугом, цвет ее живого покрова из оленьего мха, на фоне которого более рельефно выделяется блестящая зелень, усеянная красными плодами толокнянки. Но тощий малоплодородный, глубокий песок дюн не представляет удобной среды для более пышного живого покрова и подлеска.

Постоянными жителями этого ландшафта являются *глухарь и белая куропатка.* Глухарь живет здесь на местах своего гнездования. Тока глухариные собираются преимущественно на буграх островного бора, раскинувшихся по всему болоту, или на соседних, более высоких горизонтах соснового леса. Ток начинается обыкновенно в конце марта и долгое время еще глухарь токует на ходу—по насту. Летом он часто посещает места более обильные брусникой и черникой. Осенью же держится в лиственных насаждениях у берегов рек, преимущественно на осинах, но зимою возвращается опять в бор и к своим болотам, где, впрочем, его можно найти во всякое время года. Белая куропатка начинает свою токовую песню еще недели за две до глухаря. Здесь же, на краю болота, она выводит своих птенцов и выходит за ягодами или покупаться в сухом песочке к более высоким зонам, не отходя далеко за пределы своей родины—мохового болота.

Постоянными *гастролерами* весеннего и летнего сезона болотно-низменного ландшафта могут быть названы: *дикий лебедь, дикие утки, дикий гусь, чирок и серый журавль.*

Лебеди держатся парами в болотах и, как только молодежь достаточно окрепнет, перелетают на широкие водоемы или реки. Гуси, напротив, долгое время держатся на болотных озерах и только к осени собираются стаями на реках перед отлетом.

Зимние гастролеры—северный *олень,* который держится на зонах островного бора, и *лось*—ближе к зарослям ивняка и низкой кустарниковой березы.

Постоянными гостями являются еще *лисица* и *заяц,* а к числу более редких посетителей можно отнести *медведя, рысь и волка.*

Все эти временные посетители являются лишь случайной добычей промышленника, который, завидев след этих животных, начинает настораживать на них свои капканы.

2. Вторым ландшафтом по вертикальной зоне намечен *ландшафт приречных открытых долин.* В таких долинах, богатых продуктами отложения, плодородная намывная почва густо покрыта лиственными деревьями, отличающимися теплыми тонами, а также пихтами, елями и кедрами с темной

зеленью, образующей общий фон картины. Более яркой краской выделяются ярко окрашенная осенним солнцем листва рябин с их спелыми гроздями, стволы сосен, пихт и осин... Прозрачная даль долины преграждается кое-где острыми шпилями пихт и своеобразными венцами кедров. И все это разнообразие тонов и силуэтов отражается в прозрачных водах тихой реки.

Здесь встречаются самые разнообразные виды лесных сообществ, особенно типичны смешанные насаждения из хвойных и лиственных пород с богатым подлеском и примесью кустарников и трав, своеобразные *парковые ландшафты.*

Эти парковые ландшафты являются *родиной рябчика*, наиболее характерной птицы всего Печорского края. Хотя он попадается всюду, но в речных долинах он достигает наибольшей упитанности и поэтому составляет первосортный промысловый товар. Из промысловых животных, характерных для ландшафта речных долин, наиболее типична *выдра.* Здесь она дает очень хороший, сравнительно темный, блестящий мех.

Менее характерным для описываемого ландшафта является *медведь*, который чаще всего устраивает себе берлогу именно здесь; к жителям речных долин следует отнести и *горностая*, который держится мест, наиболее посещаемых мышами.

3. *Ландшафт лесных нагорий и плато*—ландшафт террас, относящийся к более высокой зоне и соответствующий полосе лучших и более ценных лесов. Основной фон картины—холодный тон вечно зеленых мхов и ягодников. Темные краски зелени усиливаются тенью сомкнувшихся над живым покровом елей и сосен. Кое где выступают одинокие кустарники рябины и ивы, но они вносят некоторое оживление в однообразный колорит лишь поздней осенью. Только редкие березы выделяются белизной своих стволов, подчеркивая таинственную глубину темной зеленой дали.

Ландшафт этот оказывается наиболее излюбленным местом обитания самого главного промыслового грызуна всего Печорского края—*белки.*

Лучший светло-серый беличий мех, известный в торговле под именем „зырянки", доставляется именно промысловою охотою на белку, живущую в этой зоне.

Обыкновенно один раз в 6—8 лет наблюдается своеобразное кочевание белки. Направление ее хода бывает с востока или юго-востока на запад или северо-запад. Реки в это время не задерживают белку, которая массами их переплывает. Переплывая реку, белка держит хвост кверху, или „парусит хвост", как говорят охотники. Опущенный в воду, намокший хвост,—признак усталости и сулит белке скорую гибель в воде реки.

Через определенные периоды от 4 до 6 лет наблюдаются особые „урожайные годы", когда белка значительно увеличивается в количестве. Иной раз бывает так много белки, что ребятишки бьют ее на деревьях палками.

Другим промысловым пушным животным описываемого ландшафта является *лесная куница* и *соболевидная куница* с более темным мехом и обильным густым подшерстком.

Не менее характерным грызуном этого ландшафта может считаться и *летяга* с красивым серебристо-пепельного цвета мехом, не имеющим впрочем промыслового значения.

К хищным представителям этой зоны, вероятно, можно отнести и *рысь*. В последнее время мех серебристо светло-серой рыси без пятен ценится выше, тогда как раньше, наоборот, большой спрос пред'являлся на красивый мех пятнистой рыси.

Другой пейзаж лесных нагорий—лиственные насаждения, занимающие преимущественно логовидные долины покатых склонов. Здесь солнечные лучи чаще оживляют картину, теплые тона зеленого моха, а блестящие своей белизной стволы берез и сероватые стволы осин придают особенную прозрачность колориту.

Эти смешанные насаждения из лиственных пород являются преимущественно местом жительства *тетерева*.

Такой же типичный, но вместе с тем и малопромысловый зверь для нижней полосы этой зоны—*лось*. Охотники различают две разновидности лося: светло-ногий—большой и темно-ногий—меньший. Последнего называют болотным. Рога первого имеют всегда более лопастной вид. Охота производится ради шкуры и мяса.

4. *Ландшафт единичных сопковидных возвышенностей* с крутыми склонами характеризует четвертую вертикальную зону [1]). Здесь крутые склоны сопки окутаны холодною зеленью елей и кедров. Сквозь море этой зелени едва заметными пятнами выступает кое-где серовато-дымчатый тон мохового покрова. На вершинах сопок („чуграх") яркими силуэтами выделяются причудливые формы кедровых вершин на серовато-сизом фоне северного неба.

Особенно волшебной красотой веет от ландшафта - чугры зимою, когда сплошь покрытые снегом ели кажутся какими то причудливыми памятниками, высеченными из белоснежного мрамора. Здесь кедр находит наилучшие условия для своего обитания, а в этих кедровниках живет соболь, дающий самую ценную промысловую пушнину. С другой стороны, чугра является самым западным этапом распространения *соболя* в Евразии. Этапы эти, по всему вероятию, постепенно отодвигались к востоку и, вероятно, не за горами то время, когда соболь будет совершенно вытеснен по ту сторону Уральского хребта.

Чугры заносятся снегом зимою, который выпадает здесь в таком громадном количестве, что дает возможность соболю, делая в снегу ходы, незаметно скрадывать и белок, и рябчиков, и кедровок, и других мелких птиц, и грызунов даже на ветвях деревьев.

---

[1]) До 780 метр. над уровнем моря.

5. *Пармовый ландшафт* [1]) — ландшафт цепей высоких холмов с мягкими пологими склонами и часто заболочиваемыми водоразделами, представляет в общем однообразную зеленовато-серую даль, то сливающуюся с горизонтом, то ограниченную мягкими очертаниями ближайших холмистых цепей. Это зырянская „парма“ в настоящем смысле слова: сплошное еловое насаждение на холмистых отрогах Урала. Ближайший фон—такой же монотонный, холодный, зеленовато-серый цвет елей, одетых от макушки до основания прядями пепельно-серого, порой бурого, бородатого лишая. На всей картине—печать безысходной тоски...

Характерным промысловым животным, этого царства мрака и уныния можно назвать *россомаху*. Это сильный, хищный и смелый зверь, который редко попадает под выстрел промышленника.

Картина заболоченных водоразделов носит отпечаток неравной борьбы леса с беспощадным натиском на него моха: на фоне однообразной серой мглы выступают чахлые, умирающие стволы елей, уже сплошь покрытые зловещим черным бородатым лишаем. Кое-где уже виднеются совершенно освобожденные от леса пространства—„рамы“, излюбленные места северных оленей.

6. Последний пояс, *ландшафт высоко-горный,* выше предела лесов [2])—сравнительно узкая полоса альпийских лугов пестрой и яркой окраски, а частью обнаженные каменные вершины, кое-где покрытые лишаями и мхами.

Край этот беден промысловыми животными. Иной раз северный олень ищет здесь спасения от своих мучителей—овода и слепня, целыми тучами преследующими его в области леса. Волк и россомах не покидают следов оленя и здесь держатся вблизи оленьих стад и не упускают случая воспользоваться оплошностью животных, неосторожно отделившихся от стада.

Среди перечисленных выше промысловых животных одна лисица является спутником каждого из упомянутых ландшафтов, так как она находит себе пищу и в безлесном поясе высоко-горного Урала.

Наиболее ценной разновидностью лисьего рода, отличающегося разнообразием окраски своего меха, считается чернобурая лисица. Это—выродок лисьей семьи, встречающийся довольно редко, который приковывает к себе внимание каждого охотника-промышленника. И неудивительно: один мех чернобурой лисицы стоит гораздо дороже самого удачного годичного промысла.

---

[1]) От 340—870 метров.
[2]) Выше 870 метров.

В огне.

Леса на берегах Ваги.

Широко раскинулись исполинские леса, по обоим сторонам реки Ваги, притока Северной Двины. На необозримое пространство тянутся они непрерывной массой, расступаясь лишь для того, чтобы дать место небольшой деревушке и убогим полям. Кое где лесное пространство прорезывают реки, ручьи и почтовые тракты. Ближе к реке встречаются вырубленные места: река удобна для сплава леса; но дальше к северу идут непроходимые, незаселенные дебри. Деревни здесь расположены друг от друга на пятьдесят и более километров. В этих дебрях водится всякий зверь, никем не потревоженный, а косматый Мишка считает себя здесь не гостем, а полновластным хозяином.

Тереха и Тимоха долго бродили по зарослям, пробираясь вдоль реки. Увидели помятый мох, остатки запекшейся крови. С этого места они решили начать поиски медведя. Внимательно рассматривая землю, парни медленно подвигались вперед, поодаль друг от друга и соблюдая крайнюю осторожность.

Так проходили они до вечера, а следа не нашли. Парни решили остановиться на ночлег. Выбрали удобное местечко близ реки, поужинали чем попало, попили чайку и, когда уже совсем стемнело, завалились спать.

На следующее утро Тимоха шел краем болота, окаймленного густой, мелкой порослью; он вдруг увидел впереди себя широкий след. Трава была помята, сучья поломаны, а на сырой, болотистой земле ясно обозначались медвежьи лапы. И не один был след. Прямо шел след большого медведя, а с боков маленькие, очевидно медвежат. Приготовили парни свои винтовки и осторожно пошли вперед, куда вел их след. Они забыли все на свете—и время и место—поглощенные преследованием зверя.

А между тем, далеко на берегу реки, оставшийся не погашенным костер продолжал гореть. По сухой хворостинке огонь добрался до всей кучи хвороста, заготовленного в запас, и зажег его. Ярко вспыхнула груда сухого валежника, высоко взвился дым, полетели искры. Задымилась, закурилась соседняя сосенка и, потрескивая, начала гореть. Зашипела смола. Загорелся кругом высохший мох, старые шишки и каждая хворостинка, лежавшие на земле. От первой сосенки огонь быстро перебежал на другую соседнюю, закурилось третье дерево, четвертое... Сначала горели факелами отдельные деревья, но потом разлилось целое море огня, который широкой массой охватил низкий берег реки и подвигался вверх, внутрь леса. Вперед он посылал длинные огненные языки-змейки, которые скользили по мхам, по валежникам и поджигали их. Поднялись к небу клубы черного дыма.

В нем прыгали искры, горящие ветки и головни. В этом дыму задыхалось и гибло все живое, и птицы, носившиеся над своими гнездами, задыхались и падали вниз, в бушующее море огня.

— Отчего это, Тимоха, туману столько на болото наползло? Все сине стало.

— От костра нашего дым садится; вишь и попахивает дымком.

Рядом с красным цветом костра туманы казались синее и гуще.

— Что за оказия?—шептал Тимоха.—С чего бы это ночью шмыгать зверью около, да лезть на огонь? Понять не могу.

— И все с одной стороны бегут. Тропа их тут, что ли?

— Ничего-то на беду не видно в этом тумане.

— А как скверно пахнет!

— Известно, дым не вверх, а с туманом стелется; вот и воняет.

Но в лесу стало неспокойно.

Кричали и каркали птицы, рыдал филин, топотали звери, а издали доносился какой-то зловещий, неспокойный шум. Ночь становилась страшной. В мозгу парней шевелилась мысль, что с ними заигрывает нечистая сила. Лица их были встревожены и бледны. Но волосы дыбом встали на голове у них, когда вдруг совсем близко послышался грузный топот, все ближе и ближе, и вдруг почти тут же около костра из белизны густого тумана вылезла страшная уродливая голова. Громаднейшие ветвистые рога со множеством лопастей торчали широко в сторону, у основания рогов длинные уши, страшные глаза, широкая, толстая губа, высокие ноги, а туловище теряется где-то в тумане. Чудище, какого нельзя себе вообразить,—сам чорт с рогами. И у парней захватило дыхание, руки задрожали от страха.

А между тем это был самый обыкновенный лось, сохатый, пришедший в крайнее удивление при виде двух людей, беспечно сидящих близ света и не думающих о спасении, в то время, как все население лесов опрометью бежит как можно дальше. Несколько мгновений животное и люди рассматривали друг друга. Наконец Тимоха очнулся от оцепенения, моментально прицелился и выстрелил в упор чудовищу в лоб. Оно подпрыгнуло, шарахнулось в сторону, бросилось на охотников, но раздался второй выстрел, и лось упал.

Но, когда Тимоха, выйдя из полосы огня, бросаемого костром, взглянул вверх, на небо, он увидел, что оно все красное. И вдруг он понял все: и это красное небо, и дым, окутавший туманом леса, и эту бешеную скачку животных по тропе, возле которой они развели огонь. Ужас овладел им.

— Тереха! Беда!.. Леса горят!..

— Горим! Батюшки!..

— Бежим! Вишь, зверь бежит. Во рту давно стало горько. Голова болит.

— Бежим!..

Только теперь парни почувствовали, как силен дым, и как трудно дышать. Наталкиваясь на деревья, задевая за ветки, царапавшие им лицо и рвавшие их одежду, спотыкаясь, бежали они изо всех сил. Чтобы определить, по верному ли направлению они идут,—от огня или к огню,—Тимоха решил взлезть на дерево и посмотреть. Выбрал подходящее, высокую ель, и, при помощи Терехи, взлез на самый верх. Дикая, небывалая картина открылась перед ним. В одной стороне неба он увидел густые облака черного дыма, над которыми ярилось красное небо. Кое-где между черными клубами дыма виднелось яркое пламя. Дальше весь горизонт был затянут дымом, а средь него плыло по небу солнце. Оно было мутно-красное, лишенное лучей, и большое-большое. Без боли можно было смотреть на это нежгучее и несветящее солнце. А другая, противоположная сторона горизонта была затянута синеватой пеленой, которая сливалась с мутным небом, Там не было огня, туда следовало бежать. Вот если-бы знать, где река, где ее поворот.

Парни побежали в сторону, противоположную огню. Но вскоре остановились перед вязким топким болотцем, через которое не было прохода. Ноги вязли в болоте. Бросились они назад. Посоветовались и решили исследовать болотце; один пошел влево, другой вправо. Идут, перекликаются, но вскоре они перестали слышать друг друга; тогда парни решили итти обратно, чтобы соединиться, но и не услышали и не нашли друг друга. Очевидно, их разделили какие-нибудь изгибы болота. Долго плутали они вокруг болота, задыхаясь в дыму, теряя драгоценное время, рискуя жизнью. Наконец решили спасаться от беды по одиночке.

Перерезая громадные лесные пространства, вьется длинной змеей неширокий почтовый тракт. Беспрерывно позвякивая колокольцами, ехала по тракту почтовая пара. Ямщик тревожно посматривал вперед. Лошади неспокойны, все время фыркают и как бы нехотя идут в ту даль, которая затянута легкой синеватой пеленой. Они чувствуют запах гари.

— Чего они все фыркают?—спросил почтальон.

— Оттого и фыркают, что поле чуют.

Ямщик подгонял лошадей.

Но вскоре храпенье и фырканье усилились, и вдруг они с разбега бросились в сторону, в густую заросль иван-чая: дорогу пересек им громадный волк.

— Ну, дело плохо!—сказал ямщик.—Если зверье побежало от огня, стало быть он недалеко. Стало быть горит в той стороне, откуда бежит зверь.

Решили скакать вперед до тех пор, пока будет возможно.

Дым сгущался.

Горько стало дышать. Уж не повернуть ли назад?

Остановились, посоветовались. Осталось немного ехать. Лошади сильны. Но что, если впереди огонь? Дым все гуще и горче. Повернули обратно, но лошади шли неохотно. Тщетно ямщик хлестал их изо всех сил, они взвивались на дыбы,

прыгали и страшно храпели. „Не проехать назад", подумал ямщик. Обратный путь был отрезан. Стало невыносимо жарко, душно и дымно. Вдруг лошади на всем ходу остановились, метнулись в сторону и сами повернули назад: седоки увидели в нескольких шагах предательские огненные языки, змейками лизавшие землю. Ужас обуял их. Ямщик дернул лошадей, и они понеслись обратно. А за ними следом ползли по земле огненные языки, лизали мох и зажигали деревья, огонь шел на тракт сбоку и уже в одном месте охватил его.

Но вот дым стал едва заметно редеть. Густое горькое молоко превратилось в туманную мглу, в которой уже начали обозначаться предметы.

— Скорее, соколики!.. Гей, гей!..—кричал ямщик.

Вдруг лошади, несшиеся во весь дух, снова шарахнулись в сторону. Седоки увидели, что сбоку бросилась к ним какая-то дикая фигура. Это был человек, вернее—привидение, черный, истерзанный, растрепанный, без шапки. Лицо его было окровавлено, волосы всклокочены, а одежда представляла сплошные лохмотья. Привидение простирало руки вперед и хриплым голосом кричало:

— Спасите!.. Братцы!.. Задыхаюсь!.. Горю!..

— Кто ты?

— Из деревни... Тереха я... охотник... С ночи задыхаюсь в дыму... Спасите!..

— Скорей садись!

Впрыгнул Тереха в тарантас, лошади рванули и понеслись. Дым поредел, дышать стало легче. Вскоре лес расступился, открылись широкие поля, и путники достигли деревни.

А где же Тимоха?

Расставшись с Терехой, Тимоха дошел до конца болота. Здесь дорогу ему преградил широкий ручей, перепрыгнуть который было нельзя. Тщетно поискав брода, он вошел в ручей. Дно его было крепкое, и парень без труда перешел на другой берег. Но едва он отбежал несколько шагов, как в ужасе остановился. Почти прямо на него шла громаднейшая медведица с тремя медвежатами. Тимоха отскочил в сторону и выхватил из-за пояса топор. Он решил бороться со зверем и дорого продать свою жизнь или победить. Глаза его разгорелись, руки крепко сжали занесенный топор. Но, к его удивлению, медведица искоса посмотрела на него, тихо зарычала, махнула головой и пошла вперед той же торопливой походкой. За ней трусили медвежата.—Что за оказия?—думалось парню.—Луку обломала, а на меня чуть не плюнула.—Стало быть, и зверю не до драки. Общая опасность примирила всех: и людей, и животных. И Тимоха смело пошел вслед за медведицей. Он сообразил, что она лучше его знала лес и выведет детенышей из огня,—поэтому и решил итти вслед за ней. А медведица, точно оправдывая его мысль, дошла до ручья, бросилась прямо в воду и, тяжело шлепая, быстро побежала вперед. За ней поспевали медвежата.

— Так вот оно что,—подумал Тимоха,—как это я сам не догадался-то? Верно, ведь ручей куда-нибудь должен впадать. И не иначе как в реку. Ведь это прямая дорога.

И, не долго думая, Тимоха тоже вошел в воду и побрел за медведицей,—близко не подходя к ней. Она обернулась было, зарычала и опять пошла, махая головой. А ручей действительно оказался хорошей дорогой: дно было крепкое, берега высокие, а внизу, как во рву, было свежо и совсем не дымно. Зверь оказался умнее, догадливее человека и служил ему проводником.

Вскоре медведица ушла далеко вперед. Тимоха остался один, но бодро и уверенно шел вперед. Иногда вода доходила до пояса, иногда берега позволяли выйти и пройти несколько шагов, но на верху было дымно, душно и жарко, Откуда-то слева доносился отдаленный шипящий шум. То шел огонь. Ручей незаметно вел книзу и заворачивал вправо.

— Так и есть,—думал Тимоха,—зверь ведет из огня. Выберусь живым, а уж больше—кладу зарок—на медведя охотой не пойду.

Несколько раз Тимоха с ужасом видел, что по ручью, рядом с ним, бежит волк. Струсил Тимоха, схватится за топор, а волк оскалит слегка зубы, проворчит что-то себе под нос и прошмыгнет мимо. Я тебя не тронул, не тронь, мол, и меня. Пробежал мимо и сердитый барсук, свирепо хрюкнул и удрал вперед.—Вот зверье-то нынче домашнее стало, точно ягнята, или телята.

Усиливался дым, припекало сильнее: в открытых местах трудно было дышать. По мелким местам Тимоха пробирался на четвереньках, в более глубоких пускался вплавь, а в высоких берегах бежал. Ручей спускался все время вниз, расширялся и уже превратился в небольшую речку. К вечеру Тимоха увидел впереди себя широкую воду. То была Вага, к которой, как к спасительнице, стремилось все население лесного царства. Устремился к ней и Тимоха, подбежал к берегу и остановился, пораженный изумлением.

Возле него были сплавщики, остановившиеся здесь для отдыха. Вдруг на одном из плотов поднялась возня и суматоха. Там рабочие, выставив вперед длинные шесты и багры, кого-то поджидали. Они собирались кого-то колоть. И вот рабочие увидели в воде, недалеко от плотов, громадную медведицу с тремя медвежатами. Дети держались зубами за шерсть матери и плыли с обеих сторон ее. Встреченная шестами медведица яростно зарычала, быстро вскочила на плот, стала на задние лапы и пошла на людей. Рабочие в ужасе бежали. Но один из них не успел увернуться, медведица ударила лапой его по плечу, и от этого могучего удара он замертво покатился по плоту. Медведица подобрала своих детей, быстро перебежала через плот, прыгнула на берег и скрылась в лесу.

Вскоре на одном из плотов суматоха повторилась. Через реку к ним плыл зверь, но на этот раз не медведь, а смир-

ный заяц. Плыл он стоя и барабаня передними лапами по воде. Победа над ними досталась людям легко, и бедный заяц, спасшийся от огня, надеявшийся на милосердие человеческое к существам, находящимся в опасности, погиб другой смертью, от рук людей.

Началась беспощадная охота на животных, бежавших с того берега, спасавшихся от неминуемой смерти в огне и дыму. Внимательно всматривались сплавщики в устье речки. Там, как на проезжей дороге, постоянно показывался какой-нибудь зверь. Вдруг сплавщики замерли. Там на берегу окруженная дымом, показалась фигура человека. Он широко размахивал руками и едва слышно кричал. Сплавщики бросились на плотик и вскоре доставили человека на плоты.

Вид его был ужасный. Лицо и руки были черны, исцарапаны, непокрытая голова всклокочена, одежда оборвана и залеплена грязью. За поясом топор.

— Кто такой? Откуда?—обступили сплавщики.

— Тимоха, охотник из соседней деревни.

— Как же ты вышел-то?

— Медведица с детенышами дорогу показала. Привела к ручью... я за ней. Рядом, поди, шли. Так до реки и добрался.

— А мы твою медведицу хотели убить. Да не удалось: обломала одного человека и ушла.

— Зачем убивать? Если бы не она, сгореть бы мне живьем в огне.

— Да ты посмотри, сколько мы убили зверья-то,—сказали сплавщики.

Взглянул Тимоха на кучу убитых зайцев, и защемило у него на душе.

— Братцы,—сказал он,—не убивайте вы их. Бежал я по ручью вместе с медведями и волками, и никто меня не тронул. И зайцы не пугались. Ведь они бегут от смерти, а вы их, спасенных, добиваете. Увидел я все это и зарок дал: не убивать зверья... Совестно... Не убивайте.

Сплавщики стояли, потупившись.

В это время один заяц, перерезая реку, плыл прямо к плотам. Но сплавщики уже опомнились. Охотничий азарт их прошел: и в самом деле, зачем убивать бегущего от погибели?.. Расступились они, а заяц вылез на плот, в два-три скачка очутился на берегу и исчез в лесу.

Всем стало легко и весело.

Керка.

Я попал в этот Печорский край с высокого, седого, угрюмого Урала и погрузился вместе со своими санками, проводником в мохнатой малице, с рогатыми оленями, в темный лес и толщу снега.

И что это был за лес, что это была за толща снега! Я не видал в жизни ничего подобного. Мне казалось, что я спустился не к западной подошве Уральского хребта, а прямо с неба в самую трущобу.

Темень, глушь, мертвая тишина и кругом — один лес да снег громадными сугробами, так что порою не видно светлого неба. Громадные, толстые, в обхват человека, стволы, толстые сучья с подушками белого снега уходят к вершине; вершины где-то высоко, высоко, видимые как шпиц колоколенки, и всюду черный висячий траурный мох, всюду темные лишаи, как ржавчина, всюду какой-то гнилой, нездоровый воздух. И под этими сучьями громадных елей, под этими вершинами исполинских сосен, под этими голыми длинными ветвями лиственниц, протянувшихся, как руки, к далекому теплому югу, внизу—один глубокий, в сажень толщины, снег.

А там, в вершине этих елей, мохнатых сосен, кедров и лиственниц, идет вечная борьба за жизнь.

Одно толстое, громадное дерево валится на другое; вершины сплелись и страшно навалились друг на друга, сучья сломаны, загнуты, уперлись в высокие стволы, лес обнялся своими сучьями и вершинами и при ветре стонет в вершинах, скрипит, борется с страшною силою, и, куда ни взгляни, всюду борьба, всюду молчаливый ужас смерти. Вон уж одно дерево не выдержало натиска: стоит без вершины своей, а другое валится, подкошенное какой-то гигантской силой в корне. А тут, внизу, под вашими ногами лежат мертвые великаны леса—громадные, толстые, покрытые мхами, с вывороченными, громадными переплетающимися корнями, с обломанными и уже истлевшими вершинами. А мхи и лишаи уже торжествуют эту победу и обвивают их, закрывают их от света, усаживаются на них, распложаются, чтобы превратить их в землю.

Гигантская, страшная борьба живого леса за клочек чистого воздуха и света, в которой страшно за юное растение, какую-нибудь березку, которая, воспользовавшись свободной минутой поваленых борцов, очистивших ей ненадолго эту каменистую и глинистую землю, вытянулась, как тростник, высоко над землею и робко, робко своими тощими ветвями тянется в вышину к желанному свету.

Но напрасны эти жалкие усилия: вершины соседних исполинов уже загораживают ей путь, и она склонилась, не выдержавши тяжести снегов и готовая уже упасть в этой неравной борьбе и отдаться бессильной жертвой мхам и лишайникам.

Ни одна птичка не чирикнет в этом печальном, молчаливом, мертвом лесу, кроме черного дятла; хотя бы след какой на пушистом снегу, говорящий о жизни. Кажется, животные и те избегают этих мертвых лесов, где ужас охватывает одинокого путника, где страшно при ветре от скрипа и стона деревьев.

И снег накопился сюда, одел громадными, белыми шапками вершины деревьев, и сучья переломал, половину их обрушил на занесенную землю и навалился потом, местами до самых сучьев. Вы идете на лыжах по снегу, как будто по воздуху, встречая на пути деревья, занесенные чуть не на половину своего роста.

Это производит странное впечатление, как будто вы то спускаетесь к земле, то поднимаетесь к самым вершинам деревьев.

Вместо дороги—только узенькая просека, в которой не видно порою неба. И вы движетесь со своими санками, рогатыми оленями, как бы в нише какой, состоящей из темных ветвей и пушистого, белого, сыплющегося на вас снега.

Нечего и говорить, как трудно нашим животным. Они падают, проваливаются в этом рыхлом снегу, стараясь держаться растопыренными копытами, они скачут, погружаясь будто в волны снега, проваливаются в нем до самых рогов, они не идут, а плывут по снегу. И сзади вас получается какая-то снежная глубокая траншея, из-за которой вы не видите больше ничего, кроме стенок снега.

Скорость вашего движения—два километра в час; это не езда, а мученье; вы уже отчаиваетесь вырваться из этих лесов, вы уже готовы воротиться назад к чистым горам, просторным вершинам Урала, но этот снег, этот лес точно отнимает вашу свободную волю, и вы покоряетесь и только качаете головой в своих санках.

Несколько часов такой отчаянной борьбы—и санки ваши останавливаются как будто в изнеможении.

— Что такое?

К вам приходит на лыжах проводник и докладывает, что олени стали. Вы поднимаетесь на санках и действительно видите, что бедные животные лежат, тяжело и страшно дыша и уткнувши морды свои в эту толщу снега.

— Что же делать?

Вместо ответа проводник спускает с лямок оленей, и животные встают, пошатываются, встряхиваются и вдруг бросаются в этот лес и исчезают.

— Это парма,—говорит проводник.

Парма бывает всегда зимой такая тяжелая для дороги. Пробиться еще несколько километров—быть может, там поменьше будет снега, и там пойдут другие леса, мы вырвемся из этого мертвого царства и снова беспечно покатим к Печоре, как ранее.

Вот именно в таком положении я был уже несколько дней, двигаясь по этой ужасной парме, когда нам неожи-

данно встретился свежий след лыжницы, пересекший нашу дорогу.

Упади соболь на санки ко мне, я бы не обрадовался так, как обрадовался тогда этому следу человека среди этой мертвой лесной природы.

Мы рассматривали его, ощупывали его твердость и свежесть, чтобы узнать, как рано сегодня прошел тут человек; мы рассматривали и догадывались о путнике, как настоящие следопыты.

Несомненно, это был зверопромышленник-печорец, об этом говорили узкие длинные лыжи. Я просил проводника своротить в его сторону, догнать его на лыжах, я предлагал изменить наше направление; но доводы проводника, что это, быть может, случайный след далекого охотника, взяли перевес, и я, с болью сердца, оставил этот след человека в этой лесной пустыне. Но на мое счастье скоро нашли другой след, все в том же направлении.

Проводник оживился.

— Недалеко, должно быть, есть у промышленников-печорцев где нибудь керка...

— Какая керка?—спрашиваю я, слыша в первый раз еще это странное и чуждое название.

— Лесная избушка для охотников.

Олени тоже словно слышали жилье человека, поворачивали рогатую голову, внюхиваясь в воздух; но проводник не решался пускаться по такому ничтожному следу на оленях, которые были измучены. Как вдруг на одной горной речке, на лед которой спустились, мы встретили следы маленьких охотничьих санок. Видно было, что их тащила пара людей, стоя на лыжах.

Эта встреча окончательно поборола сомнение проводника, и мы весело поворотили к речке.

Она повела нас куда-то снова к высоким горам, теперь видимым только по белым, далеким, грубоватым издали вершинам; мы думали, что она уведет нас далеко, далеко к седому Уралу, как вдруг мой проводник останавливается на повороте мыска и указывает молча рукою.

Я вскакиваю, вглядываюсь вперед и вижу синий дымок, поднимающийся из соснового леса.

В лесу звонко тявкнула чуткая собачка, лай ее раздался эхом в сосновом лесу, в берегах, и прежде, чем мы доехали на пугливых оленях до места под'ема на берегу, на обрыве его появился черный человек, как будто какой-то пещерный доисторический житель.

Но всматриваемся в него,—это действительно печорский житель. Открытое русское, немного суровое на вид, лицо, кудрявая голова, непокрытая шапкой, вместо одежды какая-то вязанная из шерсти курточка и с длинными голенищами кисы из тюленьей просмоленной кожи.

Как есть охотник полярной страны—подвижной, легкий на ходу, ни перед чем не задумывающийся, обрадовавшийся свежему русскому человеку.

— Сюда! Сюда! — кричит уже он, только завидя мою кошевочку, и бежит пособлять завести оленей, бросается с упреком на свою собачку и, когда мы уже на берегу, помогает выйти из санок.

— Где же керка твоя?—спрашиваю я, не замечая еще жилища.

— А вот!—весело показывает он на громадную кучу снега, из под которого выглядывает дверь, около которой стоят охотничьи санки и лыжи.

Она мне показалась такой миниатюрной, что я подумал. как я в нее взойду в дохе и шубе

Все здание охотников-промышленников всего в 12 квадратных метров, сложенное из восьми толстых бревен, углы не опилены, и как попало дерево,—длинное, короткое,—так и осталось, служа только помехою; дверь—какая-то курятная западня, и вдобавок вместо крыши—набросанный на стропильцах колотый тес, тоже бестолково выдвинувшийся из-за здания. Все это сооружение на сопочке, среди основного, стройного, желтого леса, и все это занесено уже толстым слоем рыхлого снега, который одел избушку промышленников белым одеялом.

Около избушки все утоптано, и валяются головки разных зверьков, и сидят, как ни в чем не бывало, две гостьи, вороны.

Видимо, сооружение тут временное: как пришла артель в этот темный неприветливый лес, выбрала место на берегу речки, чтобы пользоваться свежей водицею, облюбовала окрестности для нынешнего промысла, так и порешила тут устроиться на зиму и взялась за топоры и пилы.

Срубить такую керку для артели пустое дело; наколоть клиньями тесу для нее — небольшое затруднение — и изба, убежище от холода, готова. Пройдет зима, обшарят охотники окрестности километров на десять, выбьют зверя и привольную птицу, перебьются холодной зимой, добудут промысел, и можно бросить без жалости это жилище. И оно сгниет в этом лесу, годами даже нетронутое, или сгорит во время лесного пожара.

А охотник уже приглашает меня обогреться в его хижине.

— Милости просим... прошу не осудить на керочке... немного тесновато вышла по артели, но от гостеприимства не откажемся. Вы скиньте шубу свою, вам не пролезть в наше отверстие, а там внутри и вовсе в шубе не повернуться.

Я снимаю доху и, оставшись только в шведской куртке и пимах, сгорбившись, нацеливаюсь в отверстие дверей,— сразу шагнул и очутился на середине избушки.

Видя, что я проскользнул благополучно, хозяин протискивается бочком в жилище и приглашает садиться.

Но в хижине такая темнота, что я еще рассматриваю ее, чтобы определить, куда садиться. Но как я ни смотрю, ничего не видно.

Мой хозяин догадывается о моем затруднении.

— А вот мы сейчас осветим избушку: вам с непривычки в ней мудрено разобраться.

И он протягивает руку куда-то наверх, что-то шарит там с минуту, и с потолка в углу падает луч света.

Теперь я вижу ясно какую-то банную каменку, громадные закопченные камни, как в деревенской бане, и повешенный над ней черный котел... Но больше ничего еще не видно.

Видя, что и этого недостаточно, он догадывается сделать настоящую иллюминацию.

— Вот, погодите, принесу, я дровец свеженьких, мы затопим печку, и тогда оглядитесь.

Он выскальзывает на улицу; я остаюсь один и начинаю ощупывать стены. На стенах какие-то слизкие шкурки, а у самой стены низкие широкие нары. Я осторожно усаживаюсь на них. В керке холодно; должно быть мы, залезая в нее, сразу выпустили все ее тепло, и теперь из под нар порядочно дует.

Но приходит хозяин и разводит веселый огонь.

Огонь освещает всю хижину, и я вижу широкие нары по обеим сторонам, узкий проход между ними от двери к закрытому окошечку, в которое вставлена льдина, и низкий потолок со всем его убранством.

А убранство это самое поразительное: весь потолок, все стены хижины унизаны звериными шкурами; одни воткнуты во все пазы, другие приделаны во весь потолок, на жердочках, повешены на ниточках, на свободном пространстве, третьи, наконец, повешены над самой каменкою, спустившись при этом вниз хвостами. И всюду беличьи пушистые хвосты, играющие теперь при свете пламени и шевелящиеся от дыма, который немедленно их обнимает.

Наш хозяин сегодня оказался на очереди быть кашеваром и сторожить эту хижину, и собачка его, лайка, серая с подпалинами, сегодня тоже отдыхала; а товарищи еще с раннего утра отправились на промысел, каждый в свою сторону, забираясь за десять и больше километров в эту парму на лыжах.

Пока мы разговаривали, начало уже вечереть, и стали подходить товарищи артели.

Еще они были далеко, быть может за три километра от керки, как лайка уже услышала их и подала тревожный голос.

— Наши идут с промысла,—заметил хозяин,—надо скорее весить котел и варить им кашу.

И он торопливо стал налаживать большой черный чугунный котел на каменке и всыпал в него ячмень, муку и все это залил водою.

В хижине снова поднялся дым; заиграли отблески веселого огонька, уже было стухшего; я вышел встретить охотников с добычею.

Показался из лесу первый охотник. Он неслышно выкатился из лесу и теперь, покачиваясь на ногах, как бы шутя, двигался тихонько на лыжах в мою сторону, и впереди его бежала его лайка-собака.

Псы радостно встретились на пути и довольные побежали к керке рядом.

За ними вслед подкатился охотник, молодой в шерстяной накидочке, подпоясанный ремнем, с медными крупными пуговицами и с висячим сбоку ножом, с деревянными ножнами, и сразу остановился перед керкой.

Мы поздоровались, и я заметил что-то набитое у него за пазухой и оттопыренное сзади под курткой,

Не говоря ничего, он медленно снял ноги свои с лыж с громадными оленьими калошами, поставил лыжи к самой стене хижины отрясся, охлопался старательным образом от снега, который навалился на него за день вместе с сосновыми иглами, выхлопал шапку самым старательным образом и только тогда скинул с себя тяжелую ношу, в виде перекидной сумы, которая надевается на плечи, с отверстием для головы, и в его руках очутилась какая-то тяжелая ноша, из которой он стал выкладывать на саночки охотничьи доспехи.

Я с любопытством следил за всеми его движениями, и у меня даже замерло сердце от удовольствия, когда он вытащил из сумы громадного глухаря и швырнул его небрежно в санки.

— Вот и жарево,—заметил я, желая похвалить охотника; но он занят был уже другою своею работой. Он вытаскивал теперь из сумки рябчиков, старательно оправлял рукой их смятые перышки, завертывал голову под самое крыло и старательно укладывал их рядышком на санках.

Это был его дневной заработок.

А охотники, один за другим, уже неслышно на лыжах подкатывали из леса.

Все рослый, здоровый народ; все мужики средних лет, молодые парни, и все тоже в каких-то легоньких суконных самодельных костюмчиках с длинными чулками из разноцветной овечьей шерсти или из оленьих шкур; все с перекидными сумами, служащими им вместе с тем одеждою, все в разных мохнатых, запушенных снегом шапках.

И у каждого за поясом обязательно свинцовая, свитая змейкой, проволока, которую откусывают для пуль, и у каждого пороховница, с разными отмычками, побрякивающая на ходу, а у другого даже медвежий зуб на поясе, который очень помогает, как они говорят, от „боли в пояснице“, не говоря о их ружьях, перекинутых за плечами на лямочках, и костыльке, которым они опираются о снег. И у каждого свой пес, то белый весь, то черный с рыжими подпалинами, с стоячими ушами, поджарый такой, на тоненьких лапочках и с острою, любопытной бойкой мордочкой.

У одного охотника еще издали мы завидели болтающуюся у пояса красную лису. Он широко улыбался от удовольствия

еще издали и, когда подкатил на лыжах со своей собачкой, которая не отходила от лисы, вероятно, думая, что она еще живая бьется у него за поясом, то его встретили таким радостным возгласом, что видно было, что это редкая добыча.

Но он с достоинством бросил лису под ноги нам, как бы удовлетворяя наше любопытство, и все бросились к ней, и она стала переходить из рук в руки, вызывая разные замечания.

— Ну лиса!—говорил один.

— Огневка настоящая!—определил другой.

— Где ты подцепил ее, Кузьма?

Охотник не скоро ответил, отряхиваясь.

— На широкой согре... Знаете согру — между сопками? Иду это я,—его уже охватило страстное чувство поделиться с товарищами удачею,—только спустился под сопочку, а она лежит на солнце: только скраснело этак в снегу. „Лиса“,—думаю, а у самого задрожали руки. Только как подойти? А лиса, видно что спит после мышкованья сытая и ничего не слышит. Только это я думаю, как ее взять, как навстречу мне зайчишко, — маленький такой зайчишко, откуда его выволокло,—лиса завидела его и потянулась. А зайчишко, как набежал на мена сдуру, как увидел меня, стоящего за деревом, так и опешил бедняга. Ни туда, ни сюда. Сидит себе передо мной и этак перебирает лапками, не зная, куда броситься, опешил... А лиса к нему, вижу, уже подкрадывается. Не будь я тут дурак,—выцелил ее и положил на месте. Как шарахнется тут заяц мой, — таки не поверите, ребята, надо бежать к лисице, добивать ее, а я покатываюсь со смеху. Спасибо, ее доконал уж Лыско.

Мы еще полны были его живым рассказом, как подкатил еще охотник с новой добычей.

У него ничего видимо не было, но только взглянули на него охотники, как сразу догадались.

— Чего-то упромышлял Фома. По роже его видно, что ныне с промыслом.

Но Фома, — толстый такой, здоровый, краснощекий мужик,—только улыбался в свою рыжую, громадную бороду, не показывая добычи сразу.

Кто-то было тронул его за брюхо, на котором была набитая сумка.

— Чего пристали ко мне! Чего лезете? Промышляли бы сами,—заворчал он.

— Да говори, чорт! Чего ломаешься перед товарищами? Видно ведь по роже твоей за версту, что тебе что-то фортнуло?..

— Ну так что, что фортнуло?.. Мне, а не вам,—начал было он, но его обступила уже толпа охотников, и он вынул из сумки куницу.

— Ай Фома! Ай молодец! Вот так охотничек!..—заговорили кругом него, и куница, пышная, белогрудая куница

пошла кругом на руки, переваливаясь на них с боку на бок, с темными маленькими лапками, с пышными коротеньким хвостом. Наконец и мне подали ее, и я ощутил на ладони своей ее мягкую шерсть. „Драгоценность лесов“,—подумал я, рассматривая ее.

На Уральском заводе.

Когда смотришь на завод с вершины горы, у подножья которой он расположен, то весь он кажется каким-то необыкновенным загадочным городком, внутри которого кипит какая-то скрытая, неизвестная жизнь. Подымаются кверху бесчисленные трубы, узкие, широкие, высокие и низкие; из одних валит дым, из других—пар; меж труб—всевозможные строения: цилиндрические и прямоугольные башни, навесы и громаднейшие крыши самой различной высоты. Над заводом носится дым, из узких труб с сухим шипением вылетает белый пар, иногда раздается свисток, и в то же время слышен беспрестанный, какой-то глухой, подавленный шум. Там внутри кипит скрытая жизнь. Ночью некоторые из труб извергают вместе с дымом пламя, которое обрисовывает в темноте дикие очертания труб и крыш. В обеденное время, когда раздается свисток, завод словно раскрывает свою пасть и выпускает из себя каких-то черных, изможденных людей; как целый полк трубочистов, они идут тесными рядами, потом расходятся по тем жалким домишкам, которыми окружен завод; потом раздается призывный свисток, и все они снова пойдут на работу и исчезнут в пасти завода.

Таков завод снаружи.

Внутри завод кажется кромешным адом. Такое впечатление производит он на свежего человека, мало знакомого с устройством его и работами. Стук, грохот машин, беготня и суетня рабочих, в одном месте—полумрак, в другом—яркие, почти белые огни, все это производит впечатление чего-то сумасшедшего, бестолкового и необычайного.

Но стоит всмотреться хорошенько в эту работу машин и людей, стоит вникнуть в нее, и ясно станет, что все здесь делается разумно и в высшей степени обдуманно,—и завод перестает пугать, а, наоборот, привлекает массой того серьезного дела, которое в нем совершается.

— Какой металл вы считаете самым дорогим?—спросил меня в разговоре управляющий завода.

— Золото, серебро, платину...—не подумав ответил я.

— Нет, батенька, ошибаетесь, самый дорогой металл железо. Без него нигде и никуда ни шагу не ступить. Сделайте-ка ножик из золота,—чего он будет стоить? И дорого и совершенно ненужная вещь,—потому что резать-то им ничего нельзя; а железо на каждом шагу необходимо, без него жить нельзя; и вот выходит, что оно самое дорогое на свете.

А золото, да серебро, это, батенька, только роскошь. Железо—ржаной насущный хлеб, а золото—пшеничная булка.

Я попросил показать мне подробно, как у них на заводе пекут этот „ржаной, насущный хлеб".

Я вошел под громадный навес, под которым все было погружено в полумрак; люди ходили здесь, как тени в подземном царстве, всюду проложены рельсы, видны вагонетки; только в одном углу этого сарая, под крышей, видно яркое красное пламя, выходящее из жерла большой каменной печи—это доменная печь, или попросту домна. Она построена из кирпича, конической формы, в высоту имеет не менее 10 метров; внизу видна закрытая дверка печи, а сверху к жерлу домны ведет помост, на котором положены рельсы. Вверху над печью видны в красном пламени черные балки и перекладины, на помосте шевелятся люди; там, должно быть, очень жарко, потому что они едва одеты.

По помосту я подошел к самому жерлу вулкана. Иначе нельзя было назвать эту ужасную печь, в стенах которой, подобно лаве, кипела жидкая почти белая масса чугуна. Здесь нестерпимо жгло, жар был просто адский; тем не менее я заглянул в самый кратер этого вулкана и увидел сплошное море огня. Внутри что то ревело и клокотало, кверху выходили тяжелые удушливые газы от пережженного угля и других примесей, так называемых флюсов; долго оставаться здесь не было сил.

Около огня сновало несколько человек рабочих. Лица у них были тупые, они смотрели вяло и равнодушно. Опаленные ресницы и брови, сухие глаза говорили о том, что работа их не легка.

— И как вы тут терпите?—спросил я старика с опаленной бородой и усами. Сквозь рваную рубаху видно было его голое, покрытое потом тело.

Он безнадежно махнул рукой.

— Всю жизнь стою на „красной работе", — сказал он. Высушила она меня, как щепку; сколько здесь поту пролито, сколько этой самой соли из меня вышло! Не поверите, соль кожурой тело облепит... Пить постоянная охота, а за день столько поту прольешь, что совсем ослабнешь; и жить-то как будто не охота. Хоть весь мир пропадай—все равно; ничего тебя не привлекает к жизни, ничто не радует. Верите ли, смеяться забыл... Проклятая наша работа.

К жерлу домны ведут узкие рельсы; по ним рабочие подвозят на вагонетках приготовленную для сплава руду, которую и опрокидывают в печь. Но опрокидывать надо так, чтобы руда равномерно рассыпалась по всей печи, а не с одного края ее, и для этого надо большое уменье. Прежде, чем всыпать руду в печь, ее приготовляют известным образом: сначала ее разогревают, затем раздробляют в дробилке на мелкие куски. Дробилка—это машина, приводимая в действие паром: руду сыпят в четырехгранную воронку, на дне которой беспрерывно ходят острые, крепкие резцы-зубья;

они идут навстречу друг другу и, когда кусок руды попадает меж ними, они дробят его, как орех. Из дробилки руда выходит размельченной в кусочки до величины в куриное яйцо каждый; затем ее перемешивают с древесным углем и флюсом из известняка и шлака и уже в таком виде отвозят для ссыпки в печь. С обеих сторон доменной печи находятся громадные воздуходувные меха, приводимые в действие паром. Воздух накачивается в печь с такой силой, что около мехов ничего не слышно; здесь стоит невообразимый шум, заглушающий человеческую речь на расстоянии двух шагов. Воздух, т. е. кислород, проходя через горящие угли, раскаляет их, отчего развивается необыкновенный жар, при котором руда плавится; флюсы и разные примеси остаются наверху, а расплавленная масса чугуна, как более тяжелая, садится на дно печи. Когда она примет известный оттенок, т. е. достаточно сварится—опытные рабочие определяют конец варки только по цвету—то чугун выпускают через дверку, находящуюся внизу домны, почти около земли.

— Пора выпускать,—сказал старик с выжженными бровями и ресницами,—сварился, надо быть, чугун-то, цвет дошел...

Мы отправились к отверстию печи, старик ловко открыл дверцу особой кочергой,—оттуда показалась клокочущая, ярко-белая масса. Она вспучилась, стремясь сразу вылиться через дверцу, и затем полилась в виде жидкого белого киселя. От дверцы в земляном полу проведен жолоб, по которому вся масса и направляется в особые формы, приготовленные здесь же в земле; формы эти имеют вид продолговатых ячеек, и в каждую вливается до трех пудов чугуна. Текущая лава до такой степени раскалена, что громадный полутемный сарай мгновенно наполняется ослепительным светом. Видны самые отдаленные уголки. Больно смотреть на этот расплавленный поток, глаза слепит, подробности ускользают, видна лишь масса яркого, белого света.

Понемногу чугун начинает затвердевать и постепенно меняет окраску: сначала розовеет, потом делается пунцовым с сероватым налетом; тогда рабочие отделяют болванки чугуна друг от друга и, ловко поддев на тачки, быстро мчат раскаленные куски в другие мастерские для следующей работы.

А что же домна? Погаснет?

— Нет, она никогда не погасает,—говорит управляющий.— Пока чугун выливается из дверцы, сверху сделали уже новую засыпку. Нельзя ее остудить. Если чугун во время плавки застудится, то совсем не выльется из домны, и тогда приходится ломать печь. По нашему это называется „запечь козла“, и когда запечешь его, хлопот и убытков не оберешься. А сколько сраму. Все смеются. Вот поэтому-то дело это очень ответственное; к нему приставляется всегда самый опытный, бывалый рабочий, который и сторожит домну, как свое родное дитя, и ухаживает за ней и днем, и ночью, и в будни, и в праздники. Да, каторжный это труд.

Сваренный чугун поступает в раскаленном виде в дальнейшую обработку.

Сваренный из железной руды чугун представляет из себя смесь железа и углерода. Большое количество углерода придает чугуну свойственную ему хрупкость и ноздреватость; если из чугуна удалить известное количество углерода, то чугун превратится в железо, а если и вовсе удалить из металла углерод, то получается сталь. Для того, чтобы удалить из чугуна углерод, раскаленные болванки переносятся в особую печь, в которой они подвергаются новому накаливанию, причем в печь безустанно вдувается при помощи мехов горячий воздух. Будучи раскаленным, кислород соединяется в печи с тем углеродом, который содержится в чугуне; из этого соединения образуется углекислота, т. е. газ, который и улетучивается. Таким образом чугун освобождается от значительной части углерода и благодаря этому приобретает все свойства железа: плотность, вязкость и сплавляемость. Смотря потому, насколько осталось в железе углерода, оно бывает лучшим или худшим, и в продаже имеется несколько сортов его.

Эта работа очень тяжелая, так как приходится все время быть около нестерпимого огня. Постоянно открываются дверцы—заслонки печи, и рабочие длинными шестами с железными наконечниками помешивают сплав; наконечники раскаляются докрасна; жар от печи нестерпимо палит; лицо рабочего защищено особой сеткой, на которой на месте глаз находятся синие стекла; иные рабочие защищают глаза железным козырьком. Другие рабочие сбоку подбрасывают лопатой в открытую печь шлак, необходимый для лучшего соединения углерода с кислородом, а меха все время накачивают воздух.

Уклекислота удаляется из печи по особым трубам. Внутри печи кипит, бурлит и сверкает ярко белым пламенем. Поднимается заслонка—и целый сноп света, подобно солнечному, мгновенно осветит весь барак; еще мгновение—и все снова погружается во мрак, с тем, чтобы вскоре так же неожиданно снова засветиться. Здесь словно происходит какое-то колдовство. В ярком пламени люди рисуются черными силуэтами и кажутся такими маленькими, невзрачными, словно гномы какого-то подземного царства. На некоторых из них надеты железные фартуки для защиты от искр, которые с треском сыплет раскаленная масса; одной такой искры достаточно, чтобы прожечь человека насквозь, а между тем огненные брызги летят во все стороны. Человек около этого нестерпимого огня сохнет, как мумия.

Когда кончилась выварка, рабочие вынули из печи мягкие куски раскаленного железа. Оно было сплошь ноздревато и напоминало громадную белую губку. В таком виде железо до того мягко, что отбить кусочек губчатой массы нет ничего легче. Выемка из печи производится необыкновенно быстро, как и вся работа около этого нестерпимого

жара. Не успеешь заметить, как из печи уже вытащен раскаленный кусок, словно само горящее солнце; моментально рабочий уже бежит с ним, влача его по полу и освещая весь барак; за ним бежит другой, третий; все здесь делается быстро и по порядку; всяк знает свое дело, никто не столкнется с другим, не замедлит, люди движутся с правильностью машины. Зевать, медлить и толкаться здесь нельзя. Вываренное железо, смотря по нужде, идет или в отжимочные и прокатные машины, или же отправляется для дальнейшей переработки на сталь в бессемеровские печи.

Рабочий подкатывает свою горящую тачку к гигантскому молоту; в одно мгновение болванка оказывается на наковальне, а молот в десять тысяч пудов, двигаемый паровой машиной, легко подымается вверх и начинает тюкать по раскаленной болванке. Страшно смотреть, как легко двигаются такие тяжести; просто необычайно. Молот плющит болванку, рабочий постоянно поворачивает ее, несмотря на то, что от нее после каждого удара сыплятся миллионы огненных брызг, придает ей желаемую форму. Небольше десятка ударов—и болванка готова, и снова уже катится на тачке дальше. Но вот другая машина. Здесь ходят громадные валы; некоторые из них соприкасаются друг с другом, или отделены узкой щелью; но болванка должна пройти между этими валами. Она исчезает в машине. Раздается какое-то скверное шипенье, какой-то треск; валы можжат, мнут раскаленную болванку, втягивают ее в машину, передают другим валам; вся машина в огне.

Но вот с другой стороны машины меж двух валов показалась широкая, тонкая и белая полоса; ее подхватывают рабочие и, когда она выйдет из машины вся, бросают ее далеко на землю. Это готовое листовое железо, то, которым у нас кроют крыши домов. А рядом стоит вал, который принимает эти листы и наматывает их еще горячими на цилиндр; этот цилиндр вертится и от листов постепенно утолщается.

Одну за другой выкидывает машина полосы листового железа; на земле они вскоре становятся густо-красными, багровеют, затем, остывая, почти синеют. Их вывозят в приемную и сортировочную.

Другие болванки, обжатые молотом, отправляются на весы; здесь их взвешивают и сдают приемщику; укладываются они в штабели, в виде дров. Наконец, третьи поступают в бессемеровские печи для выплавки из них стали.

— Теперь пойдем, посмотрим, как томят сталь,—предложил управляющий. Мы пошли в новый сарай.

В прежнее время сталь добывалась самым допотопным способом: она получалась путем страшно сильного накаливания металла, которое все-таки не могло очистить металл от всего углерода. Подобно этому, добывание стало производиться на некоторых заводах и до сих пор называется тигельным. Англичанин Генрих Бессемер изобрел особого

устройства печь и дал новый способ получения стали. Бессемеровская печь имеет вид громадной реторты-котла, куда накачивается горячий воздух. В котел помещают штабелями раскаленные болванки так, чтобы огонь охватывал их кругом и прибавляют шлак. Из горла реторты летит целый сноп искр, горны с оглушительным шумом вдувают в котел необходимый для горенья кислород, и в этом адском огне железо начинает расплавляться в жидкую массу. Рабочие стоят у печи и помешивают эту огненную массу длинными щипцами. Процесс бессемерования состоит в том, чтобы выжечь углерод, и для этого и развивается такой адский жар. Понемногу печь словно успокаивается, пламя над котлом делается ровнее, огненных брызг меньше, гуденье словно затихает. Один из рабочих стоит на возвышении и через спектроскоп смотрит на цвет пламени: конец работы определяется по цвету расплавленной массы, потому что чем меньше углерода, тем бледнее пламя. Пламя стало бледным, и углерод весь улетучился. Другие примеси, которые были в чугуне, тоже соединились с кислородом и образовали продукты горения; газообразные части улетучились и жидкие всплыли наверх на воде шлака.

Подставили к реторте длинный, узкий жолоб и по нем влили в котел известное количество расплавленного чугуна. Опять помешали и через несколько минут открыли котел. По жолобу потекла огненной рекой расплавленная масса, сверкая и переливаясь. То была сталь. К другому концу жолоба подставили громадный чан, наполнив его до краев. Сверху в чане образовался густой налет — расплавленные шлаки. Мгновенно чан со всей массой стали двинулся по рельсам с места к цилиндрическим формам, устроенным ниже его. Со дна его выбили втулку, закрывавшую отверстие, и вот масса потекла через это отверстие в цилиндр. Когда одна форма наполнилась, чан поехал к другой, к третьей. В формах сталь скоро застыла; тогда стенки цилиндра сняли, и сталь приняла форму цилиндрической болванки, ярко-белого цвета. Эти болванки переносятся, пока они еще раскалены, в обжимочную, где они и поступают в дальнейшее производство. Процесс вываривания стали кончен.

Бессемеровские печи дают возможность выработать сразу большое количество стали; но на некоторых заводах существует тигельное производство стали. В большой палате стоит ряд небольших печей, в которых при сильном накаливании сталь вываривается в глиняных сосудах-тиглях. Сталь получается при таком способе самого лучшего качества, но небольшими отдельными порциями. Двое рабочих вынимают из печи длинными щипцами раскаленный тигель и, как сумасшедшие, бегут с ним к большой воронке, в которую и вливают жидкую массу. Из воронки масса переливается в формы. Опорожнив тигель, рабочие бегом несут его назад, бросают на землю и разбивают вдребезги. Навстречу им и за ними бегут такие же пары с горящими тигелями, и никто не столкнется, не

помешает. Эта беготня с горящими тигелями напоминает какой-то сумасшедший, но стройный танец каких-то диких существ, а не людей. И сколько тут надо приложить уменья и труда, чтобы из куска черной руды получить те драгоценные металлы, из которых сделаны почти все вещи нашего ежедневного обихода! И когда мы употребляем нож, вилку, топор, пилу, перо, мы не представляем себе тех людей, неимоверными трудами которых это было сделано.

Не представляются нам обожженные ресницы, брови, сухие воспаленные глаза, ожоги на руках и лице, не чувствуется этот зной, который сушит изо дня в день изможденное тело. А между тем эти люди, эти герои, жертвующие своим трудом, здоровьем и жизнью ради блага всего мира, эти герои часто выбиваются из сил. Вот сидит поодаль от печки группа рабочих, только что томивших сталь. Они похожи на бесчувственных истуканов. Они еле дышат. Равнодушными, бесстрастными глазами смотрят они, ничего не видя, не слыша; в них все убито заживо, убито всепожирающим огнем... И только одно желание горит в их сердцах: скорее бы вырваться из этого кромешного ада и глотнуть своими высушенными легкими свежий, чистый воздух. Эти герои—заводские рабочие.

Гулко-продолжительно прогудел заводской гудок. Из заводского чрева начинают выходить группы рабочих. Грязные, черные, помятые, они усталой разбитой походкой проходят заводской двор и рассыпаются по слободке, кто куда. Завод погружается в зловещую темноту; только кое-где в этой темноте вырывается из жерла труб ярко-красное пламя; даже ночью завод не успокаивается, дышит огнем, и поэтому видно, что там еще работают люди: там осталась ночная смена.

Кизеловская электростанция.

17 июля 1924 года в жизни Кизеловского района произошло событие большой важности—начала работать 1-ая Районная Государственная электрическая станция.

Кизеловский район уже давно известен своими залежами угля. По качеству этот уголь ниже донецкого, но значительно выше подмосковного, он дает тепла в $1^1/_2$ раза больше.

Кизеловский угольный район расположен с юга на север от ст. Губаха до ст. Луньевка, на протяжении 40—45 километров.

Для рациональной постановки добычи угля, надо в первую очередь весь район снабдить достаточным запасом электрической энергии. Эта энергия требуется для откачки

воды из шахт, для под'ема, сортировки и развозки угля, освещения, для ремонтных мастерских и прочих нужд. Кроме того, в районе находятся металлургические предприятия, ведется добыча соли и производство соды, имеются также все данные к постановке крупного лесопильного производства.

Задумана эта станция на 40.000 киловатт. Пока же установлено машин на 6.000. В Кизеловский район перевезено паровое и электрическое оборудование Ораниенбаумской электрической железной дороги.

Место для станции выбрано очень удобное—Верхняя Губаха, близ ст. Губаха Пермской железной дороги, около реки Косьвы. Каждая электрическая станция с паровыми установками требует большого количества воды как для питания котлов, так и для конденсации (охлаждения) отработанного пара. Большую роль играет и качество воды. Эту задачу прекрасно выполняет р. Косьва.

Станция в первую очередь обслуживает копи. Весь район добычи угля лежит в 40 км. от станции. На эти 40 км. и должна передаваться энергия Кизелевской станции, что, конечно может быть выполнено только путем передачи тока высокого напряжения.

Губаха лежит в котловине на берегу р. Косьвы и окружена со всех сторон горами, затрудняющими сообщение. Климатические условия исключительно не благоприятны: зимой морозы доходят до 45°, летом очень жарко. Несмотря на это работа шла безостановочно и летом и зимой в две, а иногда и в 3 смены.

Особенно была трудна работа по прорытию водоподводящего канала от р. Косьвы к станции. Благодаря каменистому дну, работы пришлось вести динамитом. В пределах возможного введены технические усовершенствования. Котельное отделение оборудовано механической подачей топлива, уголь сжигается на подвижных решетках. Для того, чтобы станция в полной мере оправдала свое назначение, на самой станции сжигается не уголь, а лишь отбросы угля, т.-е. та часть угля, которая не пригодна для сжигания в паровозах и не поддается перевозке.

Линия для электропередачи проложена по просеке по очень живописной местности на деревянных столбах, по которым протянуты шесть проводов.

В настоящее время линия электропередачи построена от Губахи до Кизела через Половинку. Энергия подается пока лишь на Половинку (12 килом.) в соседние Губахинские копи, которые требовали немедленной подачи энергии, так как Половинковская станция вышла из строя, и копям грозило затопление.

Как раз в этот момент подоспела энергия Кизеловской станции, влившаяся свежей струей и оживившая работу копей. Вблизи станции развертывается поселок для обслуживающего персонала.

Кизеловская станция должна сыграть большую роль в промышленном развитии Урала.

Дешевая электрическая энергия, которую должна дать станция, несомненно вызовет к жизни новые предприятия, расширит существующие и значительно оживит край, производственные возможности которого неисчислимы.

В глуши Урала.

Мы приехали в Екатеринбург (теперь Свердловск) 30-го мая. После ленинградской запоздавшей весны мы попали в жаркое лето, наслаждались светом, теплом и зеленью и не предчувствовали, что летние дни скоро пройдут и все лето нам будут досаждать беспросветные осенние дожди и холод.

Покинув удобный вагон ленинградского поезда, мы поехали уже с меньшими удобствами по извилистой дороге с крутыми под'емами и спусками, среди холмов и лесов, вдоль восточного склона Уральского хребта. Только через сутки мы прибыли в Надеждинск, окутанный дымом от углеобжигательных печей, расположившихся в непосредственном соседстве с городком.

Рабочий поезд с маленьким паровозом и крошечными вагончиками повез нас с необычайным грохотом и визгом, но с большой быстротой по направлению к станции Вагран.

Небольшой станционный домик, похожий на дачу ,тут же корова, бараны и лайка с длинной шерстью, остроконечными ушами и пушистым хвостом, яростно лающая на нас. Прямо против нас — сопка, так здесь называют горы, кругом лес, в котором различаешь кедры, лиственницы, березы.

Скоро волнение, вызванное приходом поезда, улеглось, нам очень хотелось отдохнуть среди безмятежного покоя после 2-х бессонных ночей. Однако послышались мелодичные звуки приближающегося колокольчика. Ехали за нами... Еще километров сорок на лошадях, и мы будем на месте, в самой глуши Урала, почти в 400 километрах от Екатеринбурга (Свердловска).

Вот и наш район. Его мы должны исследовать вдоль и поперек, нанести на карту, собрать образцы горных пород и увести их для дальнейшего изучения.

Сопки одна за другой обрисовывают свои круглые, покрытые лесом вершины. Нам называют их: Гладкая, Острая, Брусковая, Золотой камень, Черный Увал, Денежкин Камень, а вот — Урал, т.-е. цепь основного хребта с оголенными макушками и боками.

Здесь долина Ваграна, а там—Сосьвы. Истоки этих рек лежат в самом сердце Уральских гор на расстоянии километра с небольшим друг от друга. Сначала Вагран течет на юг, Сосьва — на север, но потом поворачивают обе на восток и опоясывают со всех сторон Вагранскую лесную дачу.

Много интересного мы видели в этой Уральской глуши. Людей мало. Встретится „заимка", „зимовье" из 4—5 домов, и снова полное безлюдье. Зато как своеобразна жизнь людей, заброшенных в эти лесные дебри. В поселке 5—6 семей, носящих одну и ту же фамилию и состоящих в близком родстве. Поразило количество детей всех возрастов. С каким интересом, какими глазами смотрели эти детишки на нас, никогда не виданных ими людей, со странными инструментами для с'емки, молотками, фотографическими аппаратами и пр.

Сколько рассказов услышали мы, сидя в чистой горнице избы, о прошлом заимки, об окружающей природе, о промыслах. Достаточно будет остановиться только на работе этих лесных людей, чтобы понять и их жизнь, и природу окружающего их края, богатства которого кажутся неисчислимыми.

Наибольшего напряжения сил и в кратчайший срок требует сенокос. Бросается все, дом оставляется чуть не на произвол судьбы, и вся семья, все зимовье едет на неделю или на две, километров за 20—30 „страдовать". Забирают с собой всех детей. Скот просто выпускают в лес, привязывая к шее животного „ботло".

Никто не доит в это время коров, почему понятно „молочное хозяйство" идет вообще плохо. Не вполне благополучно обстоит дело и с огородничеством. Не каждый год морозы дают возможность собрать хорошие овощи. Хлеб вызревает также не каждый год, к тому же почва неудобная, почему земледелием не занимаются.

Созревают ягоды, и наши лесовики отправляются целыми семьями за ними. Ягод здесь изобилие: брусника, черника, морошка, клюква, княжника, земляника, малина, смородина красная и черная, черемуха... Правда, не каждый год лес дает урожай всех сортов. Прошлый (1924-й), например, дал мало ягод, уродилась только голубика, сочная, крупная, но это наименее вкусная из всех ягод. Зато о 1923 годе нам рассказывали, что на семью было собрано до 150 ведер брусники, которую меняли на муку (пуд моченой брусники за $1^1/_4$ пуда муки).

Кедровые орехи—новое богатство края. В 1924 году был исключительный урожай. Целые грозди красивых шишек висели на кедрах. Как только поспевают орехи, в конце августа или начале сентября, снова все зимовье на работе, отправляется „кедровничать". Выступает целый караван

с продовольствием, оружием и всеми приспособлениями. Обычно впереди на лошади едет хозяин или старший сын с искусно уложенными вьюками, за ним шествует вся семья, у каждого берестяной короб за плечами. Шутки, смех, песни „шишкарей“ далеко разносятся по лесу. Иногда вдруг все замолкают: охотник сделал предупреждающий жест... Слышится выстрел. „Сняли“ тетерю или рябчика.

На склоне сопки или на берегу быстрой и холодной реки среди „пихтаря“ или заросли „лиственя“ стоит кедровник. Какая то особая тишина, спокойствие и величавая красота сопровождает кедры. Надев на ноги железные „когти“, мужчины взбираются на деревья и длинными шестами сбивают шишки. Женщины и дети собирают их в свои короба и сносят в чемью, т.-е. сруб, особым образом устроенный. Там шишки хранятся и просыхают. Наполнив одну „чемью“, шишкари идут к другому кедровнику. Страшный крик поднимают встревоженные вторжением человека кедровки.

Когда шишки просохнут, приходят их выколачивать. Для этого строят козлы и на них устраивают помост из круглых брусьев, положенных так близко один от другого, чтобы мелкие орехи проскальзывали вниз. На помост насыпают шишки и колотят длинными палками. Орехи падают на подложенную подстилку. Их снова собирают в чемью и аккуратно заделывают отверстие, чтобы медведи, белки или птицы не лакомились ими. Зимой, пользуясь нартами, подвозят их до зимней дороги и оттуда на лошадях доставляют домой. Каждая семья в урожайные годы набирает 800—1600 кгр. орехов в сезон. Пуд орехов в продаже стоит 5 рублей, а к весне, когда все шишкари распродадут свои запасы, цена повышается до 7 рублей за пуд и выше.

У каждого хозяина есть в реке Вагране „морды“ для ловли рыбы, которые осматриваются время от времени. Ловится преимущественно хариус.

Но вот наступает осень, и обитатели поселка начинают чистить свое оружие, приводить в порядок охотничьи принадлежности и с первым снегом собираются „лесовать“. Выпадет снег, охотники становятся на лыжи, берут собак и идут за белкой. А среди зимы, когда „сохатые“ или попросту „зверь“, так называют лосей, начнут спускаться с Уральского хребта, начинают выслеживать их. Иной раз 2—3 дня с одной краюхой хлеба или сухарями бегает охотник за лосем, забираясь за 30—50 клм. от дома. Но работает он наверняка: не сегодня, так завтра лось будет убит, освежован и спрятан.

Охотник пойдет домой, возьмет нарты, найдет помощников и вернется разыскивать убитого зверя. Иной ловкий охотник за зиму убивает до десятка лосей. Для нас, горожан, кажется подвигом пробыть неделю зимой в лесу, без провизии, с одним лишь ружьем, топором и спичками. Охотник же рассказывает об этом просто, скромно, без тени хвастовства.

— Бегаешь, бегаешь целый день, ну, понятно, пристанешь, бегавши-то. Заберешься в пихтарь, снежок к сторонке разгребешь, построишь „нодью“, чайку вскипятишь. Подле нодьи тепло, как в избе, разденешься, хотя бы тебе 30° мороза было, и спишь себе до утра.

„Нодья“ — типичное уральское изобретение. Берут два толстых, сухих сосновых бревна, длиною 2—3 аршина. Вбивают колья и между ними кладут одно на другое оба бревна. Между ними оставляют небольшой промежуток, в котором разводят огонь. Когда растопка сгорит, оба бревна начинают ровно тлеть широкой яркой полосой. Получается род камина. Лучистая теплота течет непрерывной живительной струей, обогревая охотника и охраняя его от нападений хищников.

Может случиться иной год и так, что сено попреет, ягод не будет, шишек тоже, зверь уйдет на другую сторону хребта и птица куда то улетит... В запасе еще лесной промысел и добыча золота.

Время от времени лесничество назначает к вырубке определенные участки леса. Естественно, первыми кандидатами на эту работу являются местные жители. Они рубят, пилят, возят бревна зимой поближе к Ваграну, а весной сплавляют их вниз по течению.

На Урале много „золотых“ речек. На них идут и наши лесники. Но это „старатели“ временные. Это дело ставят они на последнее место среди всех доступных им промыслов.

Золотые речки.

Громадный, высокий Уральский хребет, вставший на рубеже Европы и Азии, протянувшийся на тысячи километров поперек нашей России, весь, начиная с самого его водораздела и кончая самыми дальними отрогами гор, испещрен многочисленными ручьями, горными речками, из которых каждая может быть названа золотой.

А золотой речкой должна быть названа потому, что на каждой есть золото в том или другом количестве, то в виде мелкого золотого песка, то в виде самородков, то в виде золотоносных кварцевых жил, в виде белого ноздреватого, с вкрапленными блестками золота, камня. Там, где много этого рассыпного и рудного золота—оно добывается золотопромышленниками, но больше его еще лежит нетронутым рукой и лопатой человека, в недрах земли, как бы сохраняясь для обогащения человечества.

Эти горы, эти речки золотые—наш золотой запас.

Есть такие люди на Урале, которые, будучи рабочими горных заводов или просто даже местными крестьянами-хлеборобами, заразившись мыслью разбогатеть или добыть себе немного побольше средств к существованию, чем у горна или

пашни особенно при суровом климате Урала, чуть не с детства бродят по лесам и ищут свое счастье, копая землю. Найдут — действительно становятся богатыми; но большей частью бродят весь век с весны до поздней осени по горам, роют там и здесь, увлекаясь этим заманчивым металлом, забывая при этом о своих брошенных семьях, и об уюте домашнем, и о свежем куске хлеба, довольствуясь сухарями.

Это особый вид уральских жителей, которые уже в марте месяце собираются в эти непроходимые леса и чащи дикого Урала, которые только мечтают об этой бродячей жизни с одним кайлом и лопатою, об этих летовках где-нибудь в шалаше, под самым хребтом Урала, затерянные и часто одинокие, но с верой в свое счастье.

Они, как птица дикая, весной, не могут усидеть в своем теплом месте, и как только покажутся ручьи, загремят речки горные, шумливые, пойдут снега с этих высоких гор, уже стремятся в эти горы высокие, чтобы там снова попытать свое счастье. И уходят туда, далеко от дорог и жилого селения, маленькими партиями. С собой у них ровно ничего, кроме ружья, огнива маленького в виде кремня, тоже уральского, и стальной скобы, кроме толокна, сухарей и чая с сахаром и ломов, кайл и лопат с маленьким вашгертом, а то и без этой необходимой золотопромывательной машины, которую заменяют еще более простым инструментом.

Да еще неизменный громадный железный ковш, да котелок за опояской, без которых нельзя обнаружить золото человеку.

Вот и все снаряжение „старателя“, как зовут этих людей.

Сколько раз я неожиданно встречал этих людей в горах, путешествуя по Уралу: наткнешься на речку какую, мутную, горную,—знай вперед, что в вершине ее роются люди.

Станешь тихонько подвигаться по речке такой, и услышишь сначала обонянием далекий дымок, а потом и говор человека или лай собаки. Какая-нибудь несчастная хижинка без крыши и стенок, на самом берегу речушки с золотом, кругом страшный, непроходимый сосновый и еловый, высокий, первобытный лес, и вершины гор также с одними лесными пиками, и у речки разрез в виде канавы узенькой, и там копошатся в грязи и в воде люди.

На них нет почти лица человеческого:—загорелые, все обросшие бородами и усами, с всклокоченными, нечесанными вихрами, в грязной одежде, но с такой при этом радостью на лице, что при первом взгляде на них видишь, что они счастливы и довольны.

Ну, как ваше золото?—спросишь только о нем, и они рады-радехоньки ответить; и все расскажут, что есть интересного про эту речку золотоносную. У них, если и нет еще золота или мало его, но зато много надежды и упований. „Погодите, вот услышите, как разбогатеем, винцо хорошее будем пить и за ужином и за обедом“, скажут. По-

смеешься с ними досыта, переночуешь у них, высмотришь все и так с надеждою их тут и оставишь.

И в большинстве случаев только эта надежда и достается им на долю. Бывали случаи, что действительно старатели отыскивали богатое месторождение золота, но добыть его никак из земли не могли: нужны были деньги для этого, и прииск шел какому-нибудь золотопромышленнику, и тот богател на золоте, про которое они только мечтали. А если и находили богатое золото, если и добывали его, то проживали и пьяные выдавали тайну. А выдал свою тайну „старатель"— не считай уже золото своей собственностью: живо являлись золотопромышленники, наставляли кругом заявочные столбы и брали у казны эту золотую речку.

Ничего. Но зато сколько рассказов про речки золотые у этих людей, сколько воспоминаний о летовках на диком, лесистом пустынном Урале, сколько легенд о золоте, о громадных и богатых, найденных там, но потерянных самородках!

А сколько приключений при этих розысках золота у этих „старателей", и всего не расскажешь—про встречи с медведями, бродягами, спасающимися и живущими в пещерах людьми, про то, как блуждают они, где-нибудь неожиданно захваченные горными потоками или страшным зверем.

Случается, однако, что старатели делают важные открытия, их имена гремят по всему Уралу между золотоискателями; про их удаль и счастье создаются легенды. Но это редкое явление; в большинстве случаев конец их деятельности—ревматизм, который гонит их в селение и усаживает до самой смерти на теплой печке.

Другое дело настоящие золотые прииски на этих золотых речках.

К самой речке, к самому прииску уже не тропы, протоптанные не то медведем, не то человеком, а дорожка свежею просекою; у самой речки, хотя жалкие, временные, но все же постройки—казарма низкая, бревенчатая, без крыши, с маленькими квадратными окнами, сарай для провизии, изба для хлебопека, баня. Словом—маленький поселок в лесу, у речки золотой, и она сама мутная, веселая, бежит по гладким камешкам и что-то словно разговаривает, слушая говор и песни человека.

Пройдешь по речке—всюду видны громадные, тяжелые работы: речка, русло ее разнесено в виде широкой, в десяток метров, глубокой канавы, вместо берегов высятся высокие отвалы пустого, без золота, песка, самая речка отведена или бежит где-нибудь канавой, стороною, и в вершине разреза этого с золотосною жилкою кипит работа. У обрыва речки чакают кайла и ломы, то, что откалывают они от русла речки, осушенной ныне отводами воды, отваливается глыба за глыбой, с песком и глиною, с щебнем и камнями, порою с целыми валунами, зарытыми когда-то в русле. Все это подбирается железными лопатами, бросается и нагружается на

тачки. Эти тачки беспрерывно откатываются рабочими по длинным доскам на промывку, а там у прудка, под плотиною запруженной речки, только грохот стоит от лопат и камней, которые ударяются о железную доску с дырочками. Там уже не вашгерт маленький, а целая машина в виде большого длинного промывательного станка.

Это уже не ручной труд, а целая фабрика по добыче золота, и не долями, золотниками, а фунтами этого драгоценного металла.

На верхнюю часть промывательной машины валятся тачки и воза, или даже вагончики золотого песка; все это, только что вынутое из русла речки, подхватывается быстрою, свежею струей,—глина, мелкий песок моментально смываются и уносятся дальше, падая, как по ступенькам, на машине; проворные руки рабочих перекатывают камни, оставшиеся на железной доске, обмывая их до такой степени, чтобы на них не было следов глины, а потом весь этот крупный галечник сваливается в отвал, куда его отвозят в сторону лошадьми на маленьких, коротких таратайках. И все это промывается уже не сотнями пудов, а тысячами, перемывается буквально все ложе реки, где она струилась когда-то, обмывая скалы эти каменные, и отложила золото, как тяжелое, в самый низ, тем же порядком, как эта машина.

Весь секрет добычи золота основан именно на том, что нет тяжелее его в этой почве, благодаря чему все более легкое относится с машины с сильным напором воды, а все тяжелое, как золото, падает вниз и останавливается у так называемых „порожков“ на машинах. Эти „порожки“—маленькие деревянные брусики, сделанные так, чтобы они упирались в самое дно вашгерта и загораживали на пути своем воду. За них забирается все тяжелое, не поднятое, не унесенное сильною струею воды; откуда уже легко его собрать человеку самым простым способом в ведро или совочек. Этот момент,—самый интересный в добыче золота,—бывает только раз или два в день и называется „смывкою“, и этой смывки золота ждет всякий рабочий, потому что все заинтересованы в результате дня.

К этому времени приостанавливаются все работы, вода запирается в шлюзе крепко, накрепко; все мешающее снимается с машины; на плоское, в виде лотка, дно машины спускаются „штейгеры“, у каждого из них в руках лопаточки, щетки и совочки; они умело снимают бруски, смывают засевшее за ними золото с песками, обычно, в бадейке уносят на маленький вашгерток, куда высыпают содержимое и снова промывают, осторожно пуская тонкие струйки воды.

Скоро на гладком деревянном дне вашгерта заблестит чистое золото, среди черного железного песка, и на гладкой доске, обмываемой чистою струйкой, появляется полоска золота, то в виде круглого зернышка, то в виде пластиночки, то в виде крупного камешка, то как бисеринки, но более всего—мелких песчинок.

Чтобы отделить окончательно от посторонней примеси золото, его или берут совочками и затем отделяют при помощи магнитной дуги, притягивающей к себе железо, или пускают туда струйку ртути, которая способна ловить и притягивать к себе одно золото, не трогая другого металла.

Собранный комок этой ртутной массы выпаривается в ковшичке на спиртовой лампочке и уже в виде чистого золота поступает в контору прииска.

Обычно песок содержит золота только от 20 долей до 2—3 золотн. в 100 пудах песка. В виде большого исключения встречаются на Урале речные россыпи, очень богатые золотом.

Теперь кустарный промысел уже заменяется на Урале крупными заводскими работами, которые мало напоминают добывание золота руками человека. На устья рек ставятся так называемые „драги", представляющие собой комбинацию пловучей землечерпалки с промывальной фабрикой. Эти драги двигаются по течению, выбирая железными ковшами беспрерывно золотоносный песок, который подается ими на промывательные станки, устроенные тут же.

Эти машины буквально выскребают весь золотоносный пласт, золотая речка вынимается на километры расстояния в одно лето, и все содержащееся золото берется человеком сразу при помощи паровой силы. На таких приисках золото добывается фунтами ежедневно.

Самый крупный из всех самородков, добытых на Урале, найден в Царево-Александровской россыпи, весом в 2 пуда 7 ф. 92 зол. Слепок с него каждый может увидеть в Горном музее, в Ленинграде. Это чистый слиток золота, неправильного вида, матового золотистого цвета.

Интересно то, что этот металл всегда сопровождают дорогие камни: топазы, хризолиты, аметисты целыми глыбами, изумруды, аквамарины и даже изредка алмаз.

Эти самоцветы местами попадаются очень часто, и из них делаются особыми гранильными мастерскими на Урале всевозможные украшения.

Кроме золота попутно, вместе с ним добывается платина, еще более ценный металл, чем само золото, по своей редкости и по своим качествам незаменимый, для многих отраслей промышленности.

На всем земном шаре платина добывалась главным образом на Урале, где ее добывают 95% мировой добычи.

Вотская автономная область.

Автономия Вотской области была провозглашена декретом от 6 ноября 1920 г.
Центр области—город Ижевск.
Пространство—27.000 кв. км.
Население—740.614 человек.

Вотяки занимают местность между Вяткой и Камой. Край их представляет чуть-чуть волнистую низменную равнину, сплошь покрытую хвойными лесами и болотами, обилием которых определяется и климат, с частыми заморозками весной и осенью и обилием туманов летом. Суровая обстановка природы, среди которой живет вотяк, отразилась в сильной степени как на его внешнем виде, так и на душевном складе. Еще более губительно отразился на нем гнет русского управления, оторванность от культурных центров, отсутствие просвещения, тяжесть налогов. Замкнутость, молчаливость, вялость, беспредельная покорность судьбе характеризует внутренний склад его души. Весь умственный горизонт вотяка ограничивался деревней, затерявшейся в глуши лесов. Прежде, когда леса изобиловали птицей и зверем, единственным промыслом вотяка была охота; и теперь охотой он занимается со всей доступной ему страстностью и здесь обнаруживает свои таланты. Однако, теперь он принужден заниматься земледелием. Тяжелый труд на земле едва-едва прокармливал самого пахаря, давая все меньше и меньше, благодаря истощению почвы и неумелому ведению хозяйства. Пережитки вековых суеверий, предрассудки, старый уклад жизни оставались нетронутыми в застывшей, едва жившей вотяцкой деревне.

Вотский край сильно пострадал от передвижения фронтов то в одну, то в другую сторону.

Большие усилия были потрачены на восстановление разрушенной области. Целый год молодая Вотская область налаживала свою культурно-хозяйственную жизнь, пока и на нее не обрушилось стихийное бедствие—голод.

Как результат пережитых обстоятельств, в 1921 г. сократилась посевная площадь на 10% в сравнении с 1920 г., сократилось количество скота, пала промышленность. В связи с голодом и культурно-просветительная работа стала сокращаться. Однако, все же вотяки успели выпустить издания на вотском языке, устроить школы, детские дома, сады, профессионально-технические школы, клубы, библиотеки и т. д.

Вотская область—почти не разработанный край, располагающий громадными богатствами—лесом, каменным углем, железной и медной рудой, минеральными источниками и другими богатствами. Вотяцкое крестьянство издревле сла-

вится своим трудолюбием и настойчивостью, что при культурном ведении хозяйства является фундаментом будущего благосостояния.

Что касается культурного уровня, то до 80-х годов прошлого столетия у вотяков не было письменности. Впервые просветительную работу на вотском языке начинают вести миссионеры и, вообще, духовенство. Знаки для шрифтов были взяты русские, с некоторыми изменениями.

До революции светской литературы на вотском языке не существовало. В настоящее время имеется более 135 названий книг на вотском языке научного, политического и общественного характера, имеются учебники, газеты и т. д.

Вотяки втягиваются в работу почти всех государственных учреждений и, нужно думать, что количественно они будут в них увеличиваться по мере подготовки новых вотских работников.

V с'езд Советов Вотской Области постановил начать постепенный переход на вотский язык в учреждениях волости, в органах земельных, народного образования и в судах.

Вотяки.

Вотяки—одна из отраслей финского племени. В настоящее время всех вотяков около 440.000 человек. Живут они главным образом в Автономной Вотской области и в Вятской губ.

Вотяки—хилого сложения; в движениях и вообще в своих действиях тихи и вялы, неповоротливы; всякое дело у них идет гораздо медленнее, чем у их соседей (русских и татар). Обстановка обыденной жизни вотяков чрезвычайно неприглядна; избы свои они содержат грязно, в зимнее время в них держат птиц и кормят скот, почему дурной тяжелый воздух составляет постоянную принадлежность вотского жилья; не наблюдается чистоты в одежде и посуде; одна и та же посуда служит и для людей и для животных. От этой неопрятности среди вотяков очень сильно развиваются глазные и накожные болезни.

Вотяк одарен богатыми душевными способностями. Наблюдательность вотяка изумительна. В лесу вотяк никогда не потеряется, по коре деревьев, по толщине их, по просвету и чаще, по запаху, по мху и по тем признакам, которые для нас неуловимы, он легко найдется в самых глухих местах.

Среди вотяков большею частью наблюдается полное миролюбие, отсутствие ссор. При случае вотяки помогают друг другу. Недостало у вотяка хлеба для обсеменения полей, он идет к соседу и получает нужное, осталась невыжатою его полоса в поле за болезнью, ее выжнут услужливые соседи. Попал вотяк в беду, вся деревня его выручает, не жалея денег. Особенно заметно сердечность вотяка проявляется в семье.

В достижении поставленной цели вотяк проявляет большую настойчивость. В настоящее время вотяк трудолюбивый земледелец. Много труда и стараний влагает он в дело обработки земли, и если бы он пользовался наиболее совершенными орудиями, то получал бы более обильные результаты.

Вотяк страстный охотник. С 9 лет вотский мальчик ходит с отцом в лес, учится всем приемам охоты на птиц и зверей, по следам и перелетам знакомится с местами их гнезд и логовищ.

В охоте вотяк настойчив, терпелив и ловок. В простой походке его уже много хитрости и лукавства. Он ходит как-то крадучись, едва поднимая от земли ноги. Идет с вами рядом, и вы не слышите его шагов, он идет в камыше — вровень с камышом, в траве — вровень с травою. Едва завидел он издали птицу, как обращается в немой столб, склоняется тихо к траве и ползет, как кошка. Сначала еще видишь, как по направлению его следов склоняется травка по травке, потом исчезает и этот след присутствия живой души—до тех пор пока не услышится вдали глухой звук ружья и падение на землю убитой птицы.

Теперь вотяк вынырнул из травы, для того, чтобы подобрать дичь, выследить направление полета спуганной птицы, а потом снова погрузиться в траву. Долго ползает таким образом вотяк, презирая при этом всякие неудобства— купанье в лужах, перелезание через пни и колоды и пр.; случается, что вотяк по двое суток бродит по лесу без пищи и возвращается домой голодным, изнуренным и исцарапанным, но за то с полной сумой набитой птицы.

Вотяк - охотник хорошо подражает крику и писку птиц и кроме того запасается дудками и свистушками для рябчиков, тетеревов и уток. Станет вотяк за дерево и начнет пищать— и дичь летит прямо под выстрел. Особенно много бьют вотяки таким образом рябчиков. На крупных зверей, медведей и волков вотяки ходят редко.

Вотяк любит заниматься пчеловодством и ведет это дело успешнее русского. Нередко можно видет у вотяка 100—150 ульев. Он постоянно следит за жизнью пчелы, за ее деятельностью и потому заранее может определить, сколько будет в ульях роев, и сильны-ли они будут, можно-ли их отсадить. Зоркий вотяк не упустит отлет роя на сторону; он заранее знает, из какого улья и когда полетит новый рой— и приготовит на этот случай все необходимые снаряды для отсаживания пчел в другой улей. Если у вотяка мало пчел, он не ленится их отыскивать в лесу и пересаживать в свои улья.

Вотяк знает, что лучший мед бывает около цветов и липового леса, здесь и расставляет свои улья, не обращая внимания на то, что это и далеко от его жилища и неудобно. Вотяк разводит и бортевый мед. Выберет он в лесу дерево, устроит внутри его дупло, проделает узкое отверстие для прохода пчел и пускает туда пчел, которые скоро приживаются в этих новых жилищах.

Враги вотяков по разведению пчел—медведи; эти лакомки нередко забираются в вотские пасеки и причиняют большие убытки, особенно любят они бортевый мед. Для охранения от медведей этого меда вотяки употребляют чурку и зыбку. Чурка устраивается так: к ветви бортевого дерева подвешивается толстый чурбан, как раз против отверстия для прохода пчел, но так, разумеется, что пчелы беспрепятственно могут проникать в свое жилище.

Добравшись до борти и желая полакомиться медом, медведь отстраняет чурбан; но чурбан, качнувшись в сторону, снова возвращается в прежнее положение и ударяет по зверю, медведь с большей силой отстраняет чурбан и получает еще более увесистый удар — так до тех пор, пока зверь не утомится и не бросит опасной игры.

Зыбка устраивается так: берется крепкий шест, длиною метра в три, и одним концом прикрепляется к вершине бортевого дерева, на другой конец этого шеста подвешивается широкая доска, подобно тому, как подвешивается чашка весов к коромыслу, затем эта доска подтягивается к дереву и подвязывается веревочкой. Добравшись до борти, медведь для удобства обыкновенно взбирается на доску, но от тяжести зверя и от возни его с бортью веревочка обрывается, доска отходит, и медведь остается качаться в зыбке. Теперь ему остается одно—броситься с дерева на землю, но беда в том, что под зыбкой набиты заостренные колья, представляющие сплошной частокол. Долго медведь ревет, становится на дыбы, но, наконец, вследствие голода или завидев неприятеля, бросается на колья и погибает. Поймав зверя, вотяки устраивают праздник и поедают неприятеля с удовольствием.

Башкирская автономная Советская Социалистическая республика

Башкирская автономная республика провозглашена декретом ВЦИК 23 марта 1919 года. Центр Республики—Уфа.

Пространство—162.735 кв. км. Населения—2.999.599 человек.

Башкирский край, обнимающий богатое и обширное пространство между Центральной и Азиатской Россией, с его сравнительно немногочисленным населением, издавна превратился в область колонизации, и его лучшие земли подвергались самым хищническим захватам. Башкирские земли заселялись пленными, инородцами, казаками, крестьянами и просто раздавались в награду за „службу“ различным военным и гражданским чиновникам и помещикам десятками и даже сотнями тысяч десятин.

Обессиленный и запуганный башкирский скотовод, потеряв свои лучшие земли, беспорядочно отступает в голые горы, леса и степи южного Урала, удаляется вглубь от городов,— крепостей, построенных во многих пунктах бывшей Башкирии— Оренбурга, Орска, Челябинска, Уфы, Мензелинска и т. д. Потому-то в этих городах, ставших в эпоху революции притягательными экономическими и культурными центрами, мы раньше почти не находили башкир, что в значительной степени обусловливало их отсталость.

Развитие промышленности в Башкирии не облегчило положения башкир, наоборот, пришлый капитал еще более усилил их порабощение. Земли всех заводов, рудников и предприятий, лесные и земледельческие угодья оказались захваченными у башкир. „Инородцы“ оттеснялись от предприятий, и поныне на южном Урале нет рабочих башкир.

Теснимые от всяких культурных и экономических центров и потерявшие все свои лучшие земли, башкиры не могут приспособиться к новым формам ведения хозяйства. Старое специфическое хозяйство — скотоводство — разрушалось, не создавая возможности легкого перехода к земледелию или к иному труду. В начале этого века башкир—не скотовод, не земледелец и не рабочий (подавно не торговец и не предприниматель) обречен был на нужду и голодовку, и поэтому прогрессивно увеличивающаяся смертность башкир принимала угрожающие размеры.

Смертность людей среди населения в местах острого голода доходила до 40%. Были деревни, где население целиком вымерло. Особенной остроты голод достиг в горных районах, далеко отстоящих от населенных пунктов, где жители питались главным образом суррогатами. Общее количество голодавших в 1921 году доходило до 80% всего населения Башкирии.

Особенно тяжело по своим последствиям голод отозвался на населении скотоводческих районов. Обездоленные скотоводы, потерявшие в 1921—22 г. весь свой скот, обрекались на медленное вымирание. Те, которые устояли, находятся еще и сейчас в нищенском состоянии.

Условия, в которых она все время находилась, сильно задержали ее успешное развитие. Несколько раз через ее территорию проходил фронт, и она подверглась страшному разорению. Отсутствие путей сообщения, при необ'ятной величине ее пространства, сильно мешало ее организации; не было подходящего центра, не было подготовленных работников, которые могли бы обслуживать нужды всей республики; если прибавить ко всему этому небывалый голод последних двух лет, то причины застоя будут ясны.

Государственные органы сделали все, чтобы вывести Башкирию из того тупика, в котором она оказалась: употреблены были неимоверные усилия для организации помощи голодающим башкирам; утверждена „Большая Башкирия“ с таким крупным экономическим и культурным центром, как Уфа,

и целый ряд мощных промышленных районов, которые понемногу будут втягивать и башкир в промышленность и другие высшие формы жизни; широкие массы башкир втянуты в русло советского строительства и они непосредственно участвуют в решении своей судьбы.

Заметны достигнутые результаты в области народного просвещения.

Ужасы голода тяжело отразились на просвещении. Но никто в Башкирии не сомневается, что это тяжелое положение—результат пронесшегося стихийного бедствия—является временным. Еще один-два урожая и деятельная помощь центра поставят все снова на свое место.

У башкир.

По западному склону Уральского хребта, где горы переходят в отлогие, волнообразные увалы, раскинулись широкие башкирские степи. Здесь сердце Башкирии. Ближе к хребту, в горах и лесах, живут горные и лесные башкиры, но их сравнительно меньше.

В семье народов, населяющих СССР, башкиры занимают далеко не последнее место как по своей численности, так и по этнографическим особенностям и живучести племени. С течением веков башкиры пережили столько невзгод, что другой народ давно бы исчез с лица земли, они же сохранили свой тип, характер, но прежний кочевой образ жизни переменили на оседлый, более способствующий прогрессу и процветанию.

Тарантас мой, запряженный парой крепких башкирских лошадок, подкатил к реке Деме, на противоположном берегу которой стояла башкирская деревня. Дема берет начало в гористых местах, а затем вступает в степь и течет в низких, заросших кустарниками, берегах; пройдя более трехсот верст, она впадает в Белую. Проехав вдоль реки, меж кустарников, тарантас вдруг повернул к реке, и перед нами открылся мост, какой можно встретить только на степной реке. Построен он на легких козлах: каждые козлы представляют собою ствол ели с четырьмя суками, идущими в одном направлении; эти сучья служат ногами. Поверх козел настилка из хвороста, покрытая сверху дерном. Мост узок: раз'ехаться двум телегам на нем нельзя; по бокам легкие перила. Такие мосты можно строить лишь на неглубоких и тихих степных реках; но, несмотря на свою легкость, они выдерживают целые обозы. Весной и осенью здесь ходит паром, громадные лодки которого сохнут в течение лета, вытащенные на берег. Миновав рогатый мост, тарантас быстро взобрался на высокий берег и помчался по деревне. Звонкий колокольчик наполнил эту степную тишину шумом, всюду виднелись любопытные фигуры. Приезд чужого чело-

века—событие. Зачем приехал, что ему надо, кто такой? И у ямской избы, где останавливается экипаж, тотчас же собирается толпа.

Внутренность избы башкира не замысловата. Направо от входной двери стоит небольшая печь, чаще всего она стоит не примыкая к стенам, как в русских избах, а отдельно, так что между печью и стенами образуется проход. Это устроено для того, чтобы женщины во время посещения чужих мужчин могли бы незамеченными входить в избу, за занавеску, и выходить. От печи до передней стены протянут полог, вышитый разноцветными узорами, разделяющий комнату на две половины, а вдоль всей передней стены тянутся широкие низкие нары. На них спят вповалку, а иногда и едят. Нары застланы кошмой, толстым белым войлоком; в углу стоит высокая стопа красных подушек; а со стен и с потолка спускается множество полотенец, концы которых вышиты узором. Полотенца эти бывают очень красивы, узоры никогда не повторяются; башкирка составляет узоры в своей голове. Башкирская женщина—это вечная неустанная работница—является хранительницей искусства и красоты своего народа.

Когда проходишь по башкирской деревне, то женщин почти не встречаешь. Они сидят дома, работают по хозяйству или в поле. Закон Магомета запретил женщине показываться народу. Только у реки, где берут воду, можно увидеть женщин, в ярких костюмах, с серебряными украшениями на груди и голове, несущих на коромыслах воду. Вся тяжелая работа лежит на женщине, сам же башкир большой гуляка и мечтатель. Он любит дело, требующее сметки, смышленности, любит искусство в деле, и поэтому во всем его хозяйстве—начиная от крылечка и кончая запорами и домашнею утварью—везде видна мысль и творчество. Дырявую крышу чинить ему лень, а поставить у ворот шест и на нем устроить скворешницу—это дело первой важности. Выкопать на дворе колодец ему совсем не по нраву, но когда ненавистная черная работа сделана, он устроит такой великолепный журавль и придумает такой замысловатый жолоб для стока воды, что просто диву дашься. Особенно много творчества вкладывает башкир в свои надворные, хворостяные постройки. Надо быть искусным архитектором, чтобы построить ряд этих клетушек, соединенных друг с другом, легких и прочных. Как непохожи эти воздушные строения на наши русские тяжелые, приземистые сараи и хлевы. Одна клетушка для овец, другая рядом для коров, отсюда вход в конюшню; дальше помещение для кур, гусей, еще дальше для склада всякого скарба... Здесь целая квартира. Рядом с этой постройкой отдельно стоит навес. Делается он также просто и легко. В землю вбивают колья-рогатины, на которые накладывают перекладины тоже из кольев; поверх перекладин настилают плоскую крышу из хвороста или соломы. Под такими навесами—а их у каждого хозяина бывает несколько—хранится солома, сохнут снопы, лен, стоят в дождливую по-

году лошади. На крышу навеса наваливают большую копну сена, необходимого для ежедневного корма. И когда смотришь снизу от реки на прибрежный косогор, по которому лепятся эти постройки, то получаешь впечатление, будто это целый городок из мелких навесов и куполов.

Чуть настанет лето, башкир выезжает на дачу. Он покидает свою тесную, грязную избу и едет со всем скарбом и семейством в поле, где строит себе коши, т.-е. палатки из войлока и кошм. Прежний кочевник не умер в башкире до сих пор. Но выезжают на коши теперь лишь те, у которых много земли, малоземельные башкиры, не расставаясь со своими кочевыми привычками, устраивают у себя на дворе летнее помещение, в котором и живут все лето. Пищу варят обыкновенно на открытом воздухе: тут же у постройки разводят костер. Бани есть далеко не у всех башкир. Вообще башкиры сильно грешат против заповеди Магомета, предписывающей чистоту и опрятность. Башкир несколько раз в день совершает омовения, но это одна лишь форма. Для омовения существует особый кувшин—кумган, с широким круглым резервуаром и длинным, узким горлышком; эти кумганы делаются в Казани из кованной меди. Полив себе на руки воды, башкир растирает ее, вернее грязь, и омовение совершено. Закон соблюден—и довольно.

В степи лесов почти нет, и топливо дорого. Поэтому башкиры приготовляют искусственное топливо, смешивая навоз с торфом. Башкир не удобряет своих полей, он просто ковыряет землю деревянным плугом, и плодородный чернозем, взрытый на глубину не более 10—15 сантиметров, дает обильную жатву. Навоз же идет на топливо. В яме его смешивают с торфом, затем это месиво режут на кирпичи—это и есть кизяк. Кирпичи складывают для просушки в небольшие пирамидные стойки. Дым от кизяка имеет особый, тяжеловатый запах. Тепла кизяк дает достаточно, но нельзя наготовить его на всю зиму: столько и навоза не наберется; поэтому топлива не хватает, и зимой в избах стоит страшная стужа. Только башкир, выносливый, крепкий, терпеливый и малотребовательный, только он и может перенести те невзгоды, какие ему в степи посылает уральская зима.

Прожив долгую, холодную зиму в избе, где он зачастую по целым дням не ел, башкир страшно тощает и бродит в ожидании весны, как тень. Лошадь его, бывшая всю зиму без корма, бродившая без присмотра в степи и добывавшая из-под снега себе корм, к весне едва волочит ноги. Но вот настала весна. Как будто только ее и нужно было этим детищам степи: как будто тепла и солнца недоставало им. В две недели башкир поправляется, как ни в чем не бывало: он здоров, крепок и жизнерадостен. И вот перед началом покоса они устраивают широкое празднество—сабантай, во время которого происходят и борьба самых сильных, и бешеные скачки.

Полевые работы башкир выполняет довольно небрежно. Пашню свою он обрабатывает кое-как; землю взроет на 10—15 сантим., кое-как запашет и получает жатву в три раза меньше той, какую мог бы дать ему тучный чернозем. Рожь на гумне он редко сушит: на это нужен лес, а где его достанешь в степи.

Но в одной из деревень я видел интересный овин: это была простая яма, над которой был построен пирамидой шалаш из жердей. В яме разводят огонь, а на жерди сверху накладывают вплотную снопы; получается целый стог, который весь дымится. Тепло и дым проходят через щели меж жердей, и почему этот стог не запылает от искры—просто уму непостижимо; это знает только башкир.

Богатые башкирские деревни обставлены иногда целой ратью гигантских стогов, из-за которых не видно и самой деревни. Но богатые башкиры иначе и обрабатывают землю: у многих есть новейшие плуги, сеялки, веялки, жатвенные и другие машины.

Вообще башкиры, и богатые и бедные, большие выдумщики и изобретатели. Этому живому, вечно неспокойному мозгу недостает образования. В русских деревнях все одинаково, шаблонно, как заведено испокон веку; в башкирских же деревнях всегда найдется что-нибудь новое, всюду натолкнетесь на мысль. В одной деревне башкир устроил над своим колодцем насос, в то время как вся деревня черпала воду журавлями; зачем двигать тяжелый журавль, когда стоит только подставить ведро под жолоб и несколько раз надавить ручку насоса? Устранен лишний тяжелый труд.

В другом месте вы увидите хитроумную ригу в яме, и другой такой риги уже нигде не найдете. В третьем есть домашняя мельница с деревянными жерновами, которые вертят руками. Вот самое обыкновенное точило. Это два колышка, вбитых в землю; на верху каждого колышка торчит в сторону сучек, на пазухи этих сучков и упирается ось точила. Один держит топор, другой вертит и поливает камень. А вот колода для корма скота, выдолбленная из гигантского кряжистого дерева. Ширина ее больше метра, длина пять метров. Откуда взялось в этой безлесной степи это калифорнийское дерево? Если бы колода не был так тяжела, она могла бы служить хорошей лодкой, в которй поместилось бы не менее пятнадцати человек. И к чему башкиру такая гигантская посудина, когда у него всего-то две лошади, три коровы да пять овец? В другом месте такой же почтенный пень исполняет обязанности вечного столба, на котором висят ворота. Издали он кажется каким-то уродливым чудовищем. Вверху пень раздваивается: один ствол пошел направо, другой налево; получилось две руки. На левое плечо легла жердь, на которой покоится крыша навеса, а в правом плече просверлена дырка, и в нее вставлен столб, на котором, как на оси, ходит все прясло ворот. От переднего конца ворот, имеющего склонность всегда опускаться на землю, идет к вер-

хушке пня ивовый шнур, который поддерживает передний конец и не дает ему опуститься: строптивые ворота раз навсегда побеждены. И всюду у башкира видна техническая сметливость и желание облегчить тяжелый излишний труд.

А сколько фантазии и сообразительности у него положено в постройке избы, в хитроумных клетушках, в мельничных плотинах! Глубоко жаль этого смышленного, добродушного, крепкого народа, с каждым годом все более и более вымирающего от нищеты и от внешних условий жизни.

Марийская автономная область.

Марийская автономная область утверждена декретом ВЦИК'а 4-го ноября 1920 года.

Центр области—Краснококшайск.

Пространство—18.000 кв. км.

Население—328.264 человека.

В глухих захолустных уездах Вятской и Казанской губерний, далеко от железных дорог и крупных центров, среди лесов и болот, приютились остатки марийского народа, когда-то занимавшего значительную часть Северного Поволжья и известного до сих пор больше под именем оскорбительным для него, и потому теперь оставленным—черемисов.

Пространство области почти все занято хвойными лесами. В этом суровом море леса разбросаны бедные поселки мари. До октябрьской революции они жили так же, как столетия назад, в тисках властей и кулаков, невежества и нищеты. Их средства к существованию были ничтожны и обеспечивали лишь полуголодное прозябание. Школ был мало, болезни и эпидемии не встречали сопротивления.

Сельское хозяйство мари сохранило первобытный характер, свойственный вообще их быту. О культурных способах ведения хозяйства они не имели представления. Каждый недород хлеба грозил разрушением неустойчивому хозяйству.

Охота, рыболовство и лесоразработка были основными промыслами мари. Значительная часть населения с осени до лета занята на рубке и сплаве лесных материалов. Население деревень, песчаные земли которых не позволяли заниматься хлебопашеством, живет исключительно указанными промыслами.

Страшным бедствием для области был голод, особенно опасный вследствие неустойчивости хозяйственного положения.

В 1920 г. половина посевов была уничтожена ранними морозами. Весной и осенью 1921 г. посевная площадь сократи-

лась почти на 1/2. Страшная засуха, бывшая в 1921 г., уничтожила озимые поля и яровые раннего посева. Голод охватил всю область. Смертность от голода особенно увеличилась с марта 1922 г. и вырвала из среды населения 2,4% (на 1 августа 1922 г.).

К голоду прибавились еще лесные пожары, которые в 1921 г. достигли небывалых размеров. К сентябрю 1921 г. выгорело до 240.000 гект. леса, при чем во время пожаров сгорело несколько деревень, население которых осталось буквально нищим.

Но, несмотря ни на что, при помощи центра, марийцы повели упорную борьбу с хозяйственными невзгодам, и лихое время можно считать уже пережитым. С улучшением общего положения в 1922 году начинает увеличиваться количество мелких промышленных предприятий. Главная работа сосредоточена вокруг гарей, разрабатываемых акционерным обществом.

При самых неблагоприятных условиях начали марийцы свою борьбу и с культурной разрухой. Всюду появились школы, клубы, избы-читальни. Голод и новая экономическая политика одинаково, правда, тяжело отразились на просвещении. Масса школ перешла на местные средства, которых не может быть в разоренной области. И тем не менее, в настоящее время Марийская область все же достигла огромных успехов в школьном и просветительном деле, сравнительно с прошлым. Несколько десятков мари откомандировано в высшие учебные заведения Республики.

Таким образом, культурная работа, сравнительно с прошлым, развернута теперь широко, и для будущего просвещения Маробласти заложен крепкий фундамент.

Белорусская Советская Социалистическая Республика.

Новая об'единенная советская Белорусская Республика занимает пространство в 92.910 кв. км. с населением около 4.000.000. Центр республики—Минск.

Основное занятие населения здесь всюду земледелие, но оно находится далеко не на высокой степени развития. Населению и в мирное время своего хлеба не хватало, даже в том случае, если принять во внимание всю старую частновладельческую землю, не исключая и крупных помещиков. Интенсивного хозяйства, за очень редким исключением, не велось вовсе: урожайность полей была поэтому крайне невелика.

Большим подспорьем является картофель, которого всюду засевается довольно много. Подсобных промыслов в краю немного, в виду отсутствия сколько-нибудь значительных

городских центров и крайне незначительного развития фабрично-заводской промышленности, которая вообще не играет большой роли в экономической жизни края. Больше половины производства падало на обработку питательных веществ—58% всего производства; главную роль в этой отрасли в свою очередь играло винокурение—до 40% всего производства (для Минской губ.—70%). Волокнистые вещества давали 11%, деревообделочная промышленность—9%, а остальные еще меньший процент производства.

Чем же об'ясняется такая экономическая отсталость этого края? Значительную роль, конечно, играют и природные условия области: бедность полезными ископаемыми, малоплодородность почвы, редкость населения и его невысокое культурное развитие. Но не без влияния остались и исторические причины, и географическое положение. Во времена далекой древности эта область была расположена на больших торговых путях, как с севера на юг, так и с востока на запад; она попадала, таким образом, в центр торговых сношений, но затем, с изменением этих путей, она очутилась в стороне от больших торговых дорог, при бедности же естественными рессурсами она не могла развить своей собственной интенсивной экономической жизни, тем более, что центр исторической русской жизни передвинулся на восток, а с ним вместе передвинулся туда и культурный и экономический центр, и наша область, потеряв свое выгодное центральное положение на путях сношений, сделалась окраиной, бедной природными богатствами.

Будучи долгое время крайней западной областью русского государства, она не раз становилась ареной кровавой борьбы между европейским западом и Россией и, конечно, претерпела не мало от этого. Таким же аванпостом русского государства сделалась она теперь, после отделения Польши, Литвы и Латвии. Вот почему она имеет теперь в большей степени, чем когда нибудь, историческое и политическое право требовать к себе внимания со стороны всего государства, так как на долю ее выпали и великие государственные задачи.

Главное внимание, конечно, обращено теперь на удовлетворение крестьян землею и на принятие мер к поднятию сельского хозяйства. В настоящее время закончились работы по распределению крестьянских земель нетрудового землепользования, для чего использовано свыше 80% земельного фонда; хотя это и не удовлетворило крестьян в полной мере, но дало возможность частично помочь безземельным и малоземельным хозяйствам. Остальные земли использованы для организации советских хозяйств. О росте и усилении сельского хозяйства можно судить из того, что в 1922 г. весной и осенью оно самостоятельно справилось с посевной кампанией.

Разрушенная за время войны промышленность также стала постепенно оправляться. Главное место, по праву, за-

няла лесная промышленность, и на нее в настоящее время обращено особое внимание. Наблюдается постепенное расширение лесоразработок, имеющих своей целью снабжение как внутренних рынков (Донбас), так и внешних. В связи с этим восстанавливаются лесопильные и лесообрабатывающие заводы, которые доводят свою производительность до норм мирного времени.

Такое же оживление наблюдается и в кожевенной, спичечной, стекольной промышленности, которая также оживает и оправляется от тяжелых последствий разрушительных войн.

На общем фоне постепенного возрождения края производится большая работа и в области народного образования, и эта работа заслуживает особого внимания.

В Белоруссии особенно сложны национальные взаимоотношения. Белорусская, польская и еврейская, каждая по своему, но одинаково болезненно воспринимает каждый акт власти, касающийся языка и культуры той или иной национальности.

Советская власть Белоруссии сразу ликвидировала все национальные разногласия, об'явив все национальности и все местные языки равноправными. Об'явлено было обязательное применение всех местных языков в государственных учреждениях. Созданы школы на родном языке учащихся. Для белорусской и еврейской школы изданы учебники и пособия. Целая сеть курсов, проведенных за это время, подготовила учителей-лекторов и других работников просвещения для новых школ.

Проделана большая работа по созданию белорусского театра. Особенного внимания заслуживает в Минске учреждение Белорусского Государственного Университета, который имеет при себе институты белорусской, еврейской и польской культуры.

Электростанция Московской промышленной области.

Из 30 крупных районных станций первой очереди, предусмотренных планом, строятся 7, при чем четыре из них, хотя и в периоде постройки, но уже эксплоатируют свои первые ячейки: к ним принадлежит Каширская станция для Москвы, работающая на низших сортах подмосковного угля, которая эксплоатирует свои первые 12.000 киловатт для электроснабжения Москвы; временная Шатурская станция, работающая на торфу, тоже питает Москву генератором в 5.000 киловатт; торфяная станция „Красный Октябрь“ в Ленинграде работает первым своим генератором на 10.000 киловатт и самая маленькая из вышеуказанных 7 станций—Кизеловская (6.000 киловатт) открылась в 1924 году и обслуживает камен-

ноугольную и горную промышленность близ железнодорожных станций Губаха в Пермской губернии.

Самая крупная из строящихся станций—гидроэлектрическая станция на Волхове.

Следующей по размеру после Волховской является Шатурская торфяная станция—мощностью в 48.000 киловатт, которая с 1925 года будет снабжать Москву по линии электропередачи на 115.000 вольт, длиной в 120 килом., работая пока на 32.000 кв. Линия пойдет вдоль Москвы-реки в город и подойдет к подстанции рядом с паровой станцией имени Смидовича (бывш. общество 1886 года) на Раушской набережной.

Это будет первая в России линия высокого напряжения, проведенная по улицам города. На станции имени Смидовича в настоящее время работают генераторы общей мощностью около 50.000 киловатт, получающие пар от нефтяных котлов. По оборудовании Шатурской станции, станция на Раушской набережной превратится в центральный распределительный пункт для энергии, получаемой от районных станций, работающих вне Москвы, и оборудование ее будет служить резервом.

Потребность Москвы в электрической энергии растет так быстро, что уже через год—два после вступления Шатурской станции понадобится дальнейшее расширение электроснабжения, для чего может быть использована проектируемая вторая ячейка Каширской станции. Последнюю станцию предположено довести до мощности в 44.000 киловатт.

Шатурская и Каширская станции будут снабжать не только Москву, но и весь подмосковный промышленный район. Кроме них для той же цели служит еще одна торфяная станция – „Электропередача“ в Богородском уезде, построенная еще в 1915 г. и снабжающая Москву по линии в 70.000 вольт. Эта станция за последние годы значительно расширилась и в будущем году будет доведена до мощности в 40.000 киловатт, почти вдвое больше первоначальной.

Напряжение в линии передачи ее будет поднято до 115.000 вольт, что является у нас стандартным напряжением для электропередач районных станций.

В той же Московской промышленной области строится электростанция близ города Балахны, пока на 20.000 киловатт. Она будет получать топливо с огромного торфяного болота. Предназначена эта станция для обслуживания Нижегородского промышленного района (город Нижний-Новгород, Сормовский завод, кустарную промышленность Павлова и мн. др.). 20.000 киловатт будет давать только первая ячейка станции, к концу ближайшего пятилетия станцию предполагается расширить до 40.000 киловатт.

Деревня под Москвой.

От Москвы двадцать километров по грунтовой дороге, семь—от станции железной дороги. Деревня лежит в долине Москвы-реки. От станции идешь сосновым лесом, выходишь на высокий обрывистый берег, вся долина—с деревней, лугами, полями, дальними лесами и селами—как на ладони.

В деревне аккуратные избы—большинство под железом и дранью, в каждой избе два входа—чистый на улицу и черный во двор. Дворы огромные, крытые тесом и железом, в крыше особые возвышения с рамами—фонарь, чтобы во двор проникал свет. Приблизительно четверть всех изб новенькие, поставлены за революцию. Когда умирали города, деревня строилась. Из городов сюда бежали мастеровые на родную землю, сюда приносили энергию, деньги, и здешние мужики в свою очередь сбывали продукты втридорога,—в результате в деревне нет ни одной убогой избушки, кроме избушки глухонемой нищенки Палаши. Перед избами палисадники, огородики,—глянуть издали, все в зелени. В избах чисто, белые занавески на окнах, масса цветов, простые лавки и табуретки смешались с венскими и деревянными стульями, а грубые столы—со столами резными. Во многих избах граммофоны. Много железных кроватей с никкелированными спинками. Потом фотографические карточки,—их много, все деревенские любят сниматься и дарить свои портреты родственникам.

Общение с Москвой самое тесное: все там бывают.

В три часа утра, каждый день, толпа девок и баб с тяжелыми кувшинами, упрятанными в мешки, отправляются в Москву с молоком,—они переезжают на пароме реку и семь верст стегают лесами и полями до ближней станции. Возвращаются к одиннадцати, к двенадцати—с пустыми кувшинами и со свертками-покупками. Усталые, чуть разморенные, всегда довольные, они идут, весело переговариваясь. Это здоровый, крепкий народ. Туда, к Москве, каждая несет обычно тридцать кружек молока,—тяжесть приблизительно в 22 кгр. Вероятно эти ежедневные семь километров и ежедневные 22 кгр. укрепляют их.

И вообще в деревне народ крепкий, ребятишки и девчонки выглядят круглолицыми, краснощекими. И мужчины—те, что постоянно сидят в деревне,—рослы и крепки. Но таких немного: большинство мужчин околачивается в Москве на заработках. Деревенские говорят:

— У нас своих болезней нет. У нас все живут до восьмидесяти. Нешто из Москвы кто больной приедет, ну помрет раньше. А то живем долго.

Да, в этой деревне жить можно долго. Сосновые леса кругом, поля, здоровая местность почти без единого болота и без единого комара, чистая река, из которой деревня бе-

рет воду для питья. Все пригорки и бугры заросли густой травой и кажутся мягкими, зелеными, застывшими волнами. В лугах полно цветов, и пчелы весь солнечный день поют над ними, а в небе тысячи жаворонков, над рекой чайки и коршуны, на полях грачи. Вечернее солнце уходит за дальний лес; утром над рекой клубится белый туман, а солнце встает из-за другого тоже дальнего леса, и роса на траве светится серебром. Кричат гуси на реке... Да, здесь жить надо долго.

Деревня просыпается очень рано. Только разгорится заря и красноватым светом обольет лес и луга,—пастух уже трубит на солдатской трубе. Труба—это прогресс. Вот, помню, три года назад у пастуха была берестяная свистулька, с такими печальными переливистыми звуками. Правда, она както больше подходила к этим мягким лугам, к лесу и реке. А теперь солдатская труба с двуглавым орлом.

— Тра-та-та. Тра-та-та-та.

И в утренней тишине слыхать: заскрипят ворота, заговорят в разных местах тонкие бабьи голоса:

— А-а, стой, буренка. Буренка, буренка стой!.. Федосья, проснулась ты, што-оль?

Это бабы доят коров, будят одна другую. Через несколько минут деревенская улица полна мычащими коровами, блеющими овцами, перекликающимися бабами. Пастух опять заиграл на трубе, хлопнул трижды кнутом, погнал коров в поле. Ревущее стадо уходит за околицу, вдоль реки, к лесу.

Толпы гусей с гортанным важным гоготаньем идут к реке, переваливаются, как князья.

Только что проснувшиеся девки выходят на крыльцо, итти надо в Москву с молоком. Идут к парому парами, тройками, редко по одной, путь до Москвы далекий, тягостно его промолчать, а тут с подружкой обо всем посудачишь. По туманной реке долго несутся громкие девичьи голоса.

Не ушли еще все они, на улице уже появляются деревенские киты-мужики. Один в телеге куда-то лениво едет, другой с плугом, третий ведет лошадь на окраину, пустит ее на луг пастись. В поле и в огороде запестрел народ. Ребятишки уже схватились в лапту и в бабки. Двое—трое бегут с удочками к реке. Рыбак—Петр Михалыч—прошел с багром,—идет проверять вентеря, не попало-ли что за ночь.

А рано еще—и пяти часов нет.

Работа, как и вся жизнь, идет неторопливо, ритмично, в шаг с природой. Лето целое можно прожить,—не увидишь бегущего человека, запыхавшегося, разве уж какой-нибудь случай особенный: пожар или лошадь убежала.

В шесть утра завтрак. Пьют чай с сахаром в прикуску, с'едают много черного хлеба и целую гору только что сваренного дымящегося облупленного картофеля. Картофель берут руками, суют в соль, рассыпанную прямо на столе, и—в рот. Вилки, ножи и тарелки есть в каждой семье, но их подают на стол только в особо торжественных случаях, „возись с ними потом—чисть“.

После завтрака неторопливая, но упорная работа до обеда; к обеду приезжают из Москвы девки. За обедом опять гора картофеля, щи, каша, хлеб. Мясо едят только в большие праздники. Ни в завтрак, ни в обед не увидишь на столе ничего, чтобы указывало на близость и „баловство“ Москвы. Едят только свое деревенское. Лишь изредка бывают „монпансье“, пестрые, как радуга (чем пестрее, тем милее), селедка, а в праздники—белые булки и крендели, эта мечта деревенских ребятишек. После обеда спят час, два. И работа уже до вечера. В девять деревня почти вся спит. Только на обрыве над рекой всю ночь пиликает гармоника, раздаются песни и ладный топот крепкого пляса. Это гуляет молодежь.

Так ритмично день за днем идет жизнь.

В праздники прежде всего хорошо спят, наверстывая всю неделю недосыпанья. И едят больше, вкуснее, лучше одеваются, а вечером, еще совсем засветло, молодежь начинает водить хоровод и уже на всю ночь.

Фарфоровая фабрика.

ДУЛЕВО.

Болота, болота, поросшие мелкой ольхой и березами, потом лес дремучий, тянущийся на много десятков километров, в лесу—вековые сосны в два охвата, поросшие на старости лет зеленым мохом, в болотах и в лесу порой горель—след страшных лесных пожаров—обгорелые, вывороченные с корнем сосны, обуглившиеся березы, земля, стеной поднятая корнями упавшего дерева. И среди таких мест, вдруг, как чудо—высокие стены зданий—белые и красные, с тремя или четырьмя ярусами окон, кирпичные трубы — вчетверо выше самой высокой сосны, а вечерами и всю ночь море электрического света, огневые столбы над трубами горнов, и рев огня и гул машины.

Это—в лесу, в болотах Дулевская фарфоровая фабрика.

И уже не десять лет ей, этой фабрике, а почти сто. В начале прошлого века построена она известным фарфоровым фабрикантом Кузнецовым, неудержимо расширялась, заполняя своими изделиями рынки центральной и восточной России, рынки Персии, Бухары, Афганистана. И теперь еще в музее фабрики—так называемой „показательной“ — имеется масса образцов чашек, блюд, тарелок со звездами, полумесяцами, яркими восточными цветами. Отсюда, из этих глухих дулевских лесов и болот, шло завоевание восточных рынков.

До Октябрьской революции на фабрике работало около двух тысяч человек, в революцию это число значительно уменьшилось, работа на фабрике замирала (но ни на один

день не умирала окончательно), а теперь и производство фабрики и число рабочих доводится почти к довоенному.

Все Дулево—село довольно большое—живет только фабрикой. Здесь нет ни одной семьи, которая не жила бы ее интересами. Даже огородники живут исключительно продажей овощей фабричным служащим и рабочим.

Распорядок жизни тут исключительный. Все и все живут по фабричному гудку. В половине восьмого раздается предупредительный гудок—сигнал вставать; в восемь—другой гудок на работу. В двенадцать снова гудок — на обед. В два—на работу. В шесть—конец работы. И вот к этим определенным часам приноровлена вся жизнь Дулева. В часы работы сельская улица и дворы завода почти пусты. Проедет нагруженная торфом или лесом или другими материалами телега, пройдут спешно плотники, каменщики, проторопится сторож или десятник, и опять пусто. Только босоногие ребятишки шумно носятся возле рабочих казарм, играя в лапту, в бабки, в футбол. Но гудок на обед—и сразу дворы фабрики и улицы заполняются шумной толпой. Смеющимися веселыми стаями идут молоденькие франтоватые писарихи (так зовут здесь художниц, расписывающих фарфоровую посуду). За ними толпы бледнолицых, истомленных точильщиков и точильщиц; их сразу легко узнать по бледным лицам, серым губам, по костюмам, запорошенным бледной фарфоровой пылью, формовщики, модельщики, рабочие горнов, лесопилки, различных мастерских. Улица людднеет на несколько минут. Затем полчаса, час—опять пусто: все Дулево обедает, после обеда отдыхает. Новый гудок—улица оживает на несколько минут, чтобы замереть уже до вечера, до шести. Так изо дня в день, месяцы, годы.

Под руководством главного художника я обошел фабричные помещения, начиная от машинного—от самого низу, куда поступает сырая фарфоровая глина, кварц и битый фарфор. Огромные жернова размалывают их в мельчайший порошок. затем глина замешивается под прессами, отжимается и, как вязкое тягучее тесто, поступает наверх в точильное отделение. В длинных высоких залах, с окнами во всю стену, несколько сот рабочих и, главным образом, работниц делают из этой глины тарелки, чашки, чайники и другую посуду.

Форма, штамп и самое мельчайшее разделение труда дают возможность вести производство с быстротой поразительной. Вот на наших глазах работница берет кусок глины, момент—под ее руками кусок превращается в тонкий круг, похожий на лепешку. Лепешка быстро переходит к другой работнице; опять момент,—и лепешка превратилась у ней в тарелку — пока серую, сырую, необожженную. В пять минут перед работницей вырастают целые горы таких тарелок. Другие работницы еле успевают их убирать—передавать дальше.

На других столах и станках делают чашки, чайники. Одна работница готовит только ручки,—несколько сот ручек в час, другая—самую чашку, третья прикрепляет ручку к чашке,—

все это буквально с быстротой фокуса. Здесь же, за другими столами, рабочие и работницы шкурками обтачивают посуду, сглаживая шероховатости и из'яны. От их столов поднимаются и заполняют все точильное отделение прозрачные облака тончайшей фарфоровой пыли.

Эта пыль—бледная, прозрачная—делает точильные отделения страшилищем фарфоровых фабрик вообще. Большинство—почти 70% рабочих этого отделения—погибают от чахотки. Шесть—семь лет работы в этом воздухе с бледной пылью делает их стариками. Правда, работа в этом отделении хорошо оплачивается, рабочий день вместо 8 часов сокращен до 6, рабочие пользуютси ежегодно месячным отпуском, вместо обычных двух недель, здесь прекрасная вентиляция, но все это облегчает жизнь, но не меняет положения. На западе уже в годы войны введен так называемый мокрый способ обработки фарфоровой посуды, способ при, котором пыли почти нет. Наш фарфоровый трест теперь постарается ввести этот способ и на русских фабриках, но пока введение тормозится до смешного ничтожной причиной: в России не могут найти достаточного количества губок.

Обточенная посуда поступает в горновое отделение.

Горны—гигантские печи, в которых посуда обжигается при температуре в 1500 градусов. В горнах посуда обжигается два раза. Первый обжиг—без глазури,—так называемый утильный; после него посуда покрывается глазурью и проходит второй обжиг.

Перед обжигом вся посуда заключается в особые глиняные формы с толстыми стенками —тамбуры, чтобы огонь не касался ее непосредственно.

Из горнов—белая, сверкающая своей белизной посуда поступает в живописные мастерские—обширные залы, где сотни писарих рисуют на ней цветочки, ободки, знаки... За длинными столами каждая у своего места, они сидят тихо, работают сосредоточенно и перед каждой—с одной стороны груда посуды белой, сверкающей, с другой—уже готовая, разрисованная. За одними столами рисуют цветочки самые простые, это для деревень, для глуши, для невзыскательных глаз; в другом рисунки сложные и изящные, а в углу у окна работают мужчины—уже художники настоящие. В мастерской крепко пахнет скипидаром, красками. Живопись на фарфоре особенная, здесь не только ведется расчет на впечатление от рисунка сейчас, но и на изменение этого рисунка в печах, где краски под воздействием жара в 1500 градусов закрепляются на фарфоре. Вот это сверкающее на чашках золото,—в жидком виде, при рисовке, было черным.

Здесь, в живописной мастерской, вы крепче и, пожалуй, впервые на фабрике, почувствуете пульс новой жизни. Рисунки на чашках, кружках, тарелках и блюдцах носят отзвук нынешнего дня. Портреты политических деятелей, серп и молот, новые пролетарские и трудовые лозунги идут вместо обычных рисунков или идут на ряду с ними. Здесь же

в живописной, помещается горн, под действием огня которого краски закрепляются на фарфоре.

Вот так работает фабрика, и в этой ее работе мало нового. Новое в другом—в размахе работы, в быту, в сознании.

Я уже отметил: все Дулево живет весь день по расписанию—почти монастырскому. Только вечера и праздники в его бесконтрольном (без гудка) распоряжении.

Вечер. По дороге и по просеке в сосновом лесу гуляет дулевская молодежь. Дружные песни, смех, шутки. Мужская молодежь составляет свой хор, женская—свой. Соединяются редко. Но чаще молодежь проводит вечер в театре. Дулево—одно из тех мест, где культурно-просветительная работа поставлена основательно и находится в серьезных руках. Здесь работают кружки: музыкальный, драматический, литературный, художественный, физического воспитания и т. д., при чем в одном только кружке физического воспитания состоит несколько сот членов, принимающих в жизни кружка самое активное участие.

В Дулеве есть клуб рабочей молодежи, лучший клуб в уезде после Орехово-Зуевского. Есть хороший театр, вмещающий до 500 человек. Спектакли и доклады здесь чередуются с танцами и гимнастикой.

На ряду со спортом и гимнастикой увлекаются и искусством. Здесь организована профтехническая школа, где, кроме общеобразовательных предметов, изучается рисование, лепка и все виды фарфорового производства.

Так живет молодежь—у ней широкая дорога. Взрослые заняты семьей, хозяйством, огородами. Летом большинство рабочих переселяются из казенных квартир в собственные „дачи", как их здесь называют „майки". Майки—это маленькие амбарушки с полом, с окнами. Тесной улицей сгрудились они по лугу против завода. Перед окнами у каждой майки грядка цветов, столик, скамейки; здесь по вечерам рабочий с семьей пьет чай, отдыхает.

Довольно большая группа служащих и рабочих занимается охотой. Охота здесь великолепная,—в лесах и болотах много зайцев, лис, тетеревов, уток.

Экскурсия детей к кустарям паяльно-игрушечного промысла.

Погода прекрасная, дорога скверная. Она вся изрыта дровяниками. Кстати, и они сами со своими возами тянутся беспрерывной лентой.

Тут беседа то и дело прерывается, а беседа интересная: пароходики, паровозики, автомобили, трамваи, аэропланы—один перед другим перечисляют ребята и указывают, какие игрушки где делают и как они двигаются.

Вот и Яковлево. Местные ученицы ведут нас к знакомому кустарю.

Дом его новый. Взоры некоторых ребятишек невольно как то перекидываются с него на другие дома. Начинается между детьми оценка состояния и хозяйственности кустаря по внешнему виду его дома.

Входим.

У горна согнувшись сидит сам кустарь.

Встает и, приветствуя нас, предлагает садиться кругом горна.

Дети закидывают его вопросами. Правда, к этому располагает и сам собеседник-хозяин, который дает ответы так, что невольно вызывает у детей новые вопросы.

„Все-ли вы, кустари, делаете одинаковые игрушки?“—„Ну, как же может быть!“ отвечает кустарь.—„Делаем мы игрушки все разные“.

—„Почему же разные?“—„Одинаковые не пойдут в ход, рынок завалим. Впрочем есть кустари, которые так и делают испокон веков одну и ту же волторочку или еще какую-нибудь игрушку“.

Дальше посыпались вопросы о рынке, о придумывании своих игрушек.

Особенно как-то поразил детей ответ кустаря на один вопрос девочки: „Мы образцов придуманных игрушек друг-другу не показываем. Штампов ручных и инструменту и то не даем“.

Такой ответ рисует со всей полнотой условия труда кустаря!

А когда коснулось лет, с которых он начал работать, то получилось что-то необычайное.

В очень конкретном, наглядном ответе кустаря прозвучала как бы безысходная грусть и тоска.

„Вот с каких лет я начал работать“, сказал он, указывая на сидящих тут же у простенка двух своих ребятишек. Одному было 4 года, другому годок. Оба сидели с инструментом в руках при таких же замазанных холщевых фартуках.

„Вот годишко сынишке, и тот уже помогает. Смотрите! я сейчас про себя скажу, не обращаясь к нему.—А где-то плоскозубцы?“

Сынишка засуетился, завертелся, заерзал по лавке. Нужную вещь нашел и с детским мычанием протягивает ее отцу. Опыт был повторен еще и над другим инструментом.

Сам кустарь бледный, дети одутловаты и бледны. У нескольких экскурсантов, близко сидящих к горну, разгорелись лица, и стала кружиться голова.

Отодвинулись... Невольно возник вопрос о профессиональных болезнях. Кислотные испарения при пайке, газы при расплавке металлов, угар от топлива, чрезмерная жара, недостаток света, утомительный 16-ти часовой труд.

Затронуты и заработок, и совместный труд в кустарном промысле всей семьи, и доходность от кустарного промысла в его общем крестьянском хозяйстве.

В ответ на вопрос о металлах, с которыми он работает, он показал все металлы своего кустарного промысла, об'яснил какой на что идет и почему. Он пытал их твердость, каждого в отдельности и в сплаве; пытал их плавкость, показал изменение металлов под действием кислоты.

На вопрос, почему он не работает в артели, он сказал: „Характер мне не позволяет работать в артели. Чуть не по моему, я буду волноваться. Хозяйство крестьянское упустишь. И больше здесь заработаешь!"

Нижегородская ярмарка.

Происхождение восстановленной 1-го августа 1922 г. Нижегородской ярмарки восходит вглубь веков.

Волга, как великий водный путь, связывающий отдаленные друг от друга страны и местности, имела ярмарку с незапамятных времен. Атель, столица Казарского царства, находившаяся в 80 килом. от устья Волги, явилась, повидимому, первым местом, куда стали с'езжаться для обмена товарами. В половине XIV в. вместе с возвышением Нижнего-Новгорода возникла ярмарка у этого города, куда стали с'езжаться гости—московские и иноземные. Пристань Нижегородская вся бывала покрыта судами с иноземными товарами.

Вторая половина XVI в. и начало XVII в. мало благоприятствовала ярмарочной, как и всякой вообще, торговле. Ярмарка на Волге возродилась только в половине XVII в. под Макарьевским Желтоводским монастырем на луговом берегу Волги в 80 килом. ниже Н.-Новгорода. Здесь ярмарка и просуществовала до 1817 г., когда она была перенесена на свое теперешнее место под Нижним-Новгородом.

Первый год торговля происходила во временных деревянных балаганах, а затем было приступлено к постройке на средства казны каменного Гостиного Двора, вместившего на первые годы ярмарочную торговлю. Вскоре Гостинный Двор стал обстраиваться частными зданиями, принадлежавшими самим торгующим. Так и возник под Н.-Новгородом единственный в мире город, живущий полтора месяца в году, а остальное время лишенный населения и погруженный в сон.

Ярмарка просуществовала до 1917 г. включительно. Пережив великую войну ярмарка прервала свое существование лишь тогда, когда исчезла свобода торговли в стране. В годы отсутствия ярмарочной торговли ярмарочные строения сильно пострадали, особенно пришел в разрушение ветхий Гостиный Двор. Но жизненные силы, вызвавшие необходимость существования в течение столетий ярмарки на Волге, не иссякли, и ныне она опять возрождается.

Нижний-Новгород—естественный перевал между востоком и промышленным центром России, и ярмарка в нем служила тем пунктом, где производился обмен товарами между ними. Сюда легче всего могут попасть товары с юга, с Урала, с севера. Кроме того для советского правительства было крайне важно привлечь на ярмарку персидских и вообще восточных купцов. Для них путь на ярмарку был уже годами проторенной дорогой, но новые обстоятельства войны и революции мешали им прибыть на ярмарку. В годы войны и революции персидский рынок был отрезан от России, и этим обстоятельством воспользовались англичане.

Нижегородская ярмарка дала возможность русской промышленности сделать первые крупные шаги для завоевания персидского рынка и освобождения его от английской кабалы.

Ярмаркой заинтересовались не только азиатские купцы. Здесь были американцы, шведы, норвежцы, германцы, чехословаки и французы. Почти каждый из них желает выстроить на ярмарке свой корпус для будущей связи с нашим рынком и для участия в следующей ярмарке.

Несомненно, следующие ярмарки окажутся гораздо многолюднее и оживленнее.

Для русской внутренней жизни Нижегородская ярмарка также имеет огромное значение. После шестилетнего почти перерыва в работе ярмарка снова заработала и помогла завязать снова крепкие экономические связи между разными районами. До этого положение было таким, что каждый район, каждая губерния жили своей самостоятельной обособленной жизнью. На местах представляли себе дело таким образом, что только в пределах своей губернии или области можно кое-что закупить. Остальная Россия представляла собою как будто бы неизученную страну, где в лучшем случае можно закупить хлеб или сырье, но не товары. Об использовании различных отраслей промышленности в более или менее отдаленных местах и не думали.

Обратиться в Петроград за машинами или электрическими принадлежностями никому и в голову не приходило. Местные работники предпочитали самостоятельно вести всю работу, изыскивать модели машин, преодолевать колоссальные затруднения и изготовлять машины или изделия, которые оказывались значительно дороже таких же продуктов, изготовленных в обычных местах производства. В результате страдали обе стороны: и производители, которые не имели рынков сбыта, и потребители, которые покупали изделия дороже.

Различные Промбюро, Совнархозы, Госторги узнали, где и что можно купить для нужд своей промышленности, и установили районы сбыта своих изделий.

Первая всероссийская ярмарка своими удачными операциями дала толчек ярмаркам в других местах: Баку, Ирбите и т. д. Нижегородская ярмарка доказала, что на известный

промежуток времени ярмарка необходима; она показала, что Советская Россия может дать очень много, что ее производительные силы могут подняться на должную высоту, и, в частности, Ленинград может сохранить свое огромное значение в качестве крупнейшего центра промышленности.

Татарская Автономная Республика.

29 мая 1920 г. провозглашается Татарская Автономная Республика. Татреспублика обнимает территорию в 62.328 кв. килом. Всего населения 2.853.000 человека.

Центр республики город Казань.

Страна культурная, в которой пашня занимает более 50% всего пространства и в которой земледелие ведется по русским методам. Казанская губ., много лет была неотделимой частью среднего Поволжья; она почти слилась в культурно-бытовом и хозяйственном отношении с другими русскими губерниями.

Национальной самобытности внешне в ней осталось очень мало. Дом зажиточного татарина очень напоминает дом русского купца средней руки, каких еще не мало сохранилось в Замоскворечье. Разница в отступающем в глубь мезонине, где помещается гаремик. Самостоятельность татарина сказывается в быстром росте образования на татарском языке.

Район Татреспублики почти исключительно земледельческий. Фабрично-заводская промышленность сравнительно слабо развита и связана главным образом с переработкой сельско-хозяйственного сырья (свечи, кожа и т. п.).

Первый год существования Татреспублики прошел в интенсивной работе. В 1921 году ее поражает страшный голод, охвативший все Поволжье. Среди стихийного бедствия нечего было и думать, чтобы создавать что-то новое, нужно было спасать оставшееся, что понемногу разваливалось и гибло. Количество посевной площади сильно сократилось.

Параллельно с этим падало и животноводство.

Голод и общая разруха не могли не отразиться и на состоянии промышленности Республики, которая была связана главным образом, с переработкой сельско-хозяйственного сырья (свечи, кожи и т. п.). Все же работниками Татреспублики делались необычайные усилия, чтобы поддержать промышленность. В голодные даже годы ряд фабрик и заводов (кожевенных, текстильных и др.) полностью выполняли возложенные на них задания.

Кооперация развивается медленно, но вся отставшая до сих пор татарская масса втягивается в кооперативную работу.

Все стихийные бедствия не могли не отразиться и на работе в культурно-просветительной области.

В период 1919—20 г.г. число школ увеличивается. Еще не было тогда достаточного кадра подходящих учителей, не было пособий, но заметен был необычайный под'ем и стремление к просвещению. Школы возникали в большом количестве, учителя комплектовались первое время из грамотных лиц, прошедших кратковременные курсы, но пришел голод и началось страшное опустошение и количество школ сильно сократилось. И только в 1922 году, когда наметилось некоторое улучшение в продовольственном отношении, школьная сеть приближается к цифрам 1920 г. В строительстве школы принимает участие и само население. Сейчас на каждые две деревни приходится приблизительно по одной школе, причем особое внимание уделяется открытию новых школ для татар.

Что важно отметить, это наплыв в школы татарской молодежи, которая еще недавно представляла там ничтожный процент.

Для подготовки кадра новых учителей в Казани функционирует Чувашский Педагогический Техникум и Кряшенский Педтехникум.

Постепенно развивается национальная пресса при наличии татарского шрифта и татарских типографий. Благодаря этому Татария играет роль культурного центра и передатчика европейской науки, техники и цивилизации во все восточные страны СССР.

Большая работа проделана в области „татаризации" края, т.-е. приближения государственного аппарата к нуждам и интересам коренного населения. В тех кантонах, где имеется определенно татарское большинство населения, в канцеляриях государственных органов введен татарский язык. Параллельно с этим татары вовлекаются в органы управления.

Чувашская автономная область.

Чувашская автономная область образована декретом от 20-го июля 1920 года.

Центр области—Чебоксары.

Пространство—16.000 кв. км.

Население—748.700 человек.

Главная масса чуваш живет в бывшей Казанской и Симбирской губерниях. Кроме того, по разным другим губерниям Поволжья и Сибири раскинуто большое количество чувашского населения. Всего чуваш числится около $1^1/_2$ миллиона, и занимаются они земледелием, скотоводством, пчеловодством и отчасти кустарным промыслом.

Когда-то вольный народ, чуваши были затем закабалены великорусской колонизационной политикой, отнявшей у них лучшие земли, поемные луга и т. д. Гнет и малоземелье было причиной массового переселения чуваш в Сибирь и в более свободные места других губерний.

Малоземелье и любовь к земле об'ясняет то, что среди чуваш до 1920 г. не замечалось недосева, и из Чувашобласти ежегодно вывозилось значительное количество продуктов в другие места России.

Насущная задача дня—необходимость немедленного улучшения сельского хозяйства. Это сделать не так легко. Особые естественные условия природы, с одной стороны, своеобразное ведение чувашского хозяйства и особые бытовые его условия, с другой, требуют особенно внимательного подхода к делу. Никакая наука, никакая техника, не считающаяся с местными условиями и не изучающая поставленных задач на месте, не проведут и не выполнят их в должной мере. Этим и об'ясняется существование молодого с.-х. техникума и создание специальной сельско-хозяйственной школы, которая из детей чуваш-крестьян должна подготовить квалифицированную силу.

Но одно улучшение сельского хозяйства не может вывести из создавшегося экономического тупика и упрочить жизнь трудящихся. Малоземелье выбрасывало 31½% населения, в качестве чернорабочих, по Волге, по крупным городам, каменно-угольным шахтам. Выход из малоземелья и растущей безработицы надо искать в развитии фабрично-заводской, горной и прочих видов промышленности Чувашской области.

Мы не будем останавливаться на множестве данных, говорящих о возможности развития картофельно-крахмальной промышленности, с расширением площади культуры картофеля, на сахарной промышленности—при введении свекловичной культуры, валяльно-войлочного производства, пеньковой промышленности и т. д.

Еще в дореволюционное время Чувашская область имела около 25 лесопильных и деревообделочных заводов, а в настоящее время располагает всеми данными для развития лесных разработок и различного вида производств, связанных с ними. Из Чувашской области вывозится также и топливо, строительные материалы, шпалы и мелкие кустарные изделия, и все в громадных размерах. В дальнейшем масштаб такого рода разработок неминуемо должен расшириться (сотрудничество с Донбассом, нуждающимся в строительных лесах, шпалы для жел. дор., спичечные фабрики).

Сюда же надо отнести смолокуренные заводы, выработку канифоли, французского скипидара, древесного спирта, уксусной кислоты, поташа и т. д.

По левому берегу Волги на большом пространстве имеются торфяные залежи. В Сергач-Боинском направлении имеются залежи горючего сланца, первоначальные исследования ко-

торых говорят о большом топливном богатстве, находящемся в недрах земли.

Таким образом, Чувашская область обладает всеми данными для своего возрождения и развития промышленности, имея для этого рабочую силу, сырье и топливо.

Много достигнуто в области народного просвещения. Расширено издание газет на чувашском языке, учебников, политической и экономической литературы и т. д.

Для характеристики того, как чуваши использовали полученную возможность развить родную культуру, достаточно привести тот факт, что посредством субботников были выполнены главные и самые черновые работы по созданию чувашского государственного театра, отделанного из каменного здания мочального сарая.

Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья.

Автономная Сов. Соц. Республика немцев Поволжья 19-го декабря преобразована из автономной области немцев Поволжья.

Центр республики—город Покровск.

Пространство—18.332 кв. км.

Население—509.550 человек.

Небольшая территория трудовой коммуны немцев Поволжья ныне охватывает уезды: Ровненский, Голокарамышский, Марксштадтский и часть Новоузенского и Покровского уездов.

Немецкое население коммуны на 95% земледельцы, и поэтому, естественно, главным предметом вывоза была пшеница—белотурка и „русак“ (белоколоска), славившаяся по всей России высокими качествами. В последние годы перед войной отсюда вывозилось по Волге и через Саратовский жел. дор. узел до 480 милл. кгр. хлеба.

В особенности высокой производительности достиг немецкий менонитский район, занимающий площадь в 16.000 гектаров и расположенный всего в 64 км. к ю.-в. от Саратова. Эту площадь менониты превратили в течение ряда лет в высококультурный уголок интенсивного хозяйства, применив на своих участках пятипольную систему.

Из этого видно, насколько высоко стояла с.-х. техника этого района, и в этом отношении менониты-немцы—высоко квалифицированные техники-практики не только, впрочем, сельского -хозяйства, но также и животноводства, огородничества, пчеловодства и садоводства. В этих колониях умеют не только выращивать скот и ухаживать за ним, но и улучшать

путем отбора и скрещивания. Поэтому здесь не редкость встретить почти в каждом хозяйстве образцовые конюшни и ясли с асфальтовыми покатыми полами, вентиляцией и электрическим освещением, каменные сараи и амбары, сепараторы, усовершенствованные маслобойни, подойники и т. п. Еще в 900 гг. менониты сорганизовались в единое сельско-хозяйственное товарищество с общественными сыроваренными и маслобойными заводами, производившими молочные продукты высокого достоинства, и об'единились в единый потребительский кооператив.

Племенной скот и лошади были также предметом торговли и широкого распространения. Середнячок-крестьянин с Волги был здесь постоянным гостем—покупателем хорошей лошади или коровы, требуя при этом непременно аттестат, где он мог бы прочесть родословную какого-либо статного жеребца-производителя. И в этом отношении следует отметить, что племенное животноводство немецких колоний было рассадником улучшенной породы скота не только для всего среднего Поволжья, но и за пределами его.

Современное упадочное состояние немецкого хозяйства, обеднение крестьянства, вызванное империалистической и гражданской войной, в корне имеет и более глубокие причины. Еще в феврале 1915 г. царским правительством был издан закон, ограничивающий права местного крестьянства в свободном распоряжении землей и т. д., а командированные на места чиновники допускали ряд бесчинств, отбирали лучший скот, лошадей, повозки и т. д. Многие семьи еще в 1916 г. приступили к ликвидации своих хозяйств, стремясь эмигрировать в Германию или Америку, а также в Сибирь и Туркестан.

Немреспублика поддерживает живую связь с Германией и немецкими эмигрантами в Америке. В ближайшее время организуется специально для восстановления хозяйства края „Немецко-Волжский банк сельско-хозяйственного кредита".

Жестокий неурожай 1920—21 гг. нанес здешнему хозяйству тяжелые раны, но не смертельные, ибо, благодаря нечеловеческим усилиям здешних работников помгола и принятым мерам, удалось положить предел стихийной человеческой лавине, стремившейся выйти из пораженных голодом районов и унести с собой все, чем область могла бы еще и еще послужить Республике,—те орудия производства, без которых область превратилась бы в хозяйственный нуль. В этом отношении местные власти, можно сказать, выдержали трудный экзамен зрелости в управлении массами, внеся в стихию порядок и сумев хоть сколько-нибудь вернуть местную жизнь в нормальное русло.

Надежды на то, что этот высококультурный в хозяйственном отношении уголок обратит общее внимание в смысле немедленного восстановления утраченного равновесия, не покидает местных работников. Это грядущее возрождение намечается яркими штрихами и вполне осознано местными

партийными силами, агрономами, техниками и самими крестьянами, жаждущими работы, работы и помощи. Местные силы уверены, что при наличии такого желания и специфического трудолюбия, при упорстве, аккуратности и честности местного земледельца, область превратится в учебно-практическую базу, опорный пункт возрождения сельско-хозяйственной культуры на всем юго-востоке России.

Что касается промышленности, то она, в связи с ужасающими размерами голода, переживала острый кризис. Так, Голокарамышский сарпиночный район, вырабатывавший до войны ежемесячно 8 мил. метров сарпинки, теперь из-за отсутствия полуфабриката—пряжи, вырабатывает всего до 1½ мил. Для оживления этого района необходимо получить из московского бумагопрядильного района пряжу и некоторые химпродукты.

По кожевенной промышленности в области существует 35 заводов кустарного типа, которые работают с Совнархозом на договорных началах. Заводы нуждаются в дубильных материалах и химических продуктах.

Из металлургической промышленности в Марксштадте находятся заводы б. Шефер. Вырабатываются веялки, соломорезки, просорушки, дышловые фуры и полуфурки немецкого типа. Ощущается острая нужда в железе, сырье и топливе.

В хорошем состоянии мельницы, оборудованные по последнему слову техники.

В Марксштадте пущена в ход Совнархозом табачная фабрика, обрабатывающая табак (махорочный, листовой и турецкий) здешних плантаций.

В общем, техническое оборудование фабрик и заводов области сохранилось в хорошем виде, и это является весьма ценным фактом в деле восстановления области, диктуемом жизнью.

Несмотря на то, что уже первые немецкие поселенцы принесли известное уважение к школе, что каждая колония считала своим долгом выстроить школьное здание и сделать обязательным посещение школы для каждого ребенка 7—15 летнего возраста, эти школы мало содействовали просвещению. Они были всецело в руках духовенства, заботившегося только о религиозном обучении, не обращая никакого внимания на светские науки. Такая школа не уничтожала невежества и не могла привлекать детей; она держалась лишь принуждением и достигала плачевных результатов: на 100 учеников едва 5—6 выходили достаточно грамотными. После Октябрьской революции школа была в корне реорганизована. Устраивались также лекции, кружки, клубы, читальни, народные дома, библиотеки, оркестры, театры. Почти каждая сельская школа имела свою примитивную сцену.

Особенно широко развернулась работа по изданию разной литературы на немецком языке. Что касается периодической печати, то имеется одна газета на русском и одна на немецком языке.

Сейчас, в связи с общим под'емом, обозначившимся в Немреспублике, культурная работа снова получила свою прочную основу и, несомненно, что немцы Поволжья снова пойдут быстрыми шагами к новым культурным и хозяйственным начинаниям.

Культурные растения Юго-Востока.

Равнины Европейской России, неоднократно пересекались народами с востока из Азии и с запада из стран, расположенных за Днестром и Днепром. Гунны, авары, славяне, болгары, народы финских и тюркских племен переносили сюда растения, которые они разводили. Культура полей неотделима от общей культуры населения.

Большое значение в недавнее время сыграла в изменении состава полей юго-востока немецкая колонизация Поволожья. Немецкими и голландскими колонистами был введен ряд культур, неизвестных до того времени на юго-востоке. Культуры табака, горчицы и картофеля основались или распространились вместе с появлением на правом и левом берегах Волги голландских и немецких колонистов.

Не только местные исторические события отразились на составе полевой флоры. Огромное значение для края имело открытие Нового света. Ему он обязан введением в культуру американских растений: подсолнечника, картофеля, кукурузы, табака, тыквы, помидоров. Эти растения, широко распространившиеся в последние десятилетия, свидетельствуют самым наглядным образом, что, несмотря, на нашу отсталость, мы вступили во всемирно-культурную эпоху. Некоторые растения Нового света сделались в наше время „исконными“ юго-восточными культурами, как подсолнечник, без которого трудно представить самый юго-восток.

Как и на всем земном шаре, на первом месте на юго-востоке стоят хлебные злаки. Характерным для района является явное преобладание яровых хлебов над озимыми и, прежде всего, яровой пшеницы, которой занята почти половина всей посевной площади. Среди хлебов сравнительно много места отведено просу, как типичной засухоустойчивой культуре. Второе место после хлебов занимают масличные растения. Корнеплоды и клубнеплоды занимают сравнительно скромное место. В некоторых районах значительную площадь занимают бахчевые, главным образом арбузы, доходя в некоторых местностях до 50% всей посевной площади.

Средние урожаи всех культур на юго-востоке ниже урожаев западных и северных губерний. Урожайность десятины на юго-востоке является самой низкой для Европейской части Союза. Континентальность климата, частые засушливые годы, делают урожай неустойчивым. Вопросы обработки и сбережения влаги, подбора засухоустойчивых растений,—яв-

ляются основными проблемами земледелия на юго-востоке. Как показал опыт, почвы края почти не нуждаются в удобрении, и все внимание земледельца должно сосредоточиться на приемах обработки, способствующих накоплению и сбережению влаги, и выборе соответствующих культур и сортов.

Всматриваясь в культуры юго-востока, можно видеть, что здесь имеются растения, накапливающие в своих семенах ценные сухие вещества в виде белков (пшеница, рожь, ячмень и бобовые), жиров и масел (лен, подсолнечник, конопля и горчица), сахара (дыни и арбузы), крахмала (хлебные злаки и картофель) и эфирного масла (горчица).

Совершенно своеобразную группу растений представляют бахчевые культуры: арбузы, дыни, тыквы со своими огромными плодами, выкачивающими из почвы большие количества воды и сохраняющие эту влагу в условиях жаркого, знойного лета юго-востока.

Западная Европа знает арбузы и дыни, как парниковые растения, и только на юге РСФСР, на юго-востоке Европы, с приближением к Азии и с переходом в Азию, арбузы и дыни выходят в широкую полевую культуру, занимая десятки тысяч гектаров. Вместе с тем с запада на восток меняются приемы техники культуры и ухода за этими растениями.

Понятие „бахчи“ не везде одинаково. Обыкновенно под бахчеводством разумеется низшая в техническом смысле форма огородничества, представляющая переход от полевой культуры к огородной.

Остановимся на истории одного из растений бахчи—арбуза. Масса арбузов, потребляемых Москвою, Ленинградом и другими большими центрами, шла из юго-восточного края.

Основной родиной, центром происхождения арбузов является Африка.

Давид Ливингстон в 1857 году в описании путешествия по пустыне Калахари, рассказывает о необычайном изобилии диких арбузов в этой части Африки. Здесь арбузы в огромных количествах поедаются как людьми, так и дикими животными: слонами, львами, мышами. Некоторые дикие формы арбузов имеют очень мелкие плоды.

Арбуз очень рано проник из Африки в Индию. В Индостане он назывался „тарбузом“, татары его называют „карбуз“ или „гарбуз“. Из Индии арбуз проник в Персию, из Персии был занесен татарами в Россию, в Астраханское царство. Оттуда же казаками на Днепр и в Украину. В начале XVII века, а может и гораздо раньше культура арбузов была уже широко распространена на юго-востоке России. Промышленный характер она приобретает в 50-х годах 19-го столетия.

Возделываются арбузы в юго-восточном крае прежде всего для употребления в сыром виде на месте и для отправки их в центры. Как кормовое растение, на юго-востоке арбуз идет очень редко и в исключительно урожайные годы. Значительное количество арбузов идет на медоваренье. Для

этой цели мякоть отделяется от коры, вываривается в котлах до превращения в жидкое состояние; жидкость отцеживается и сливается в котел для новой варки до сгущения, таким образом получается жидкая, густая масса кофейного цвета, напоминающая свекольную патоку,—арбузный мед или нардек.

Калмыцкая автономная область.

Калмыцкая область обнимает пространство в 92.000 кв. км.
Всего населения 125.800 человек.
Центр области—Астрахань.

До революции калмыцкий народ был разбит по отдельным губерниям. Большая часть калмыков находилась в пределах Астраханского края, остальные—в Ставропольской губернии, Терской области, Донской области и Оренбургской губернии. После Октябрьской революции калмыки объединились и образовали свою автономную область, и с этого момента возрождение народа стало на прочный путь.

Общие условия разрухи, голода, конечно, должны были отразиться и на этой области, тем более, что через нее проходил фронт гражданской войны. Положение там было еще печальнее оттого, что в области нет железнодорожных и водных путей сообщения, и население в большинстве своем до настоящего времени ведет кочевой образ жизни.

Основным занятием калмыков является скотоводческое хозяйство. Голод и засуха разорили не только кочевников скотоводов, которые массами, вместе со скотом, вымирали в степи, но и тех, которые жили оседлой жизнью.

Оседание калмыков продвигается пока медленно. Значительная часть разоренного, полуголодного калмыцкого населения продолжает оставаться в степи в самом нищенском состоянии.

Неблагоприятные почвенные и климатические условия области закалили упорство немногочисленного калмыцкого народа и часть из них после голода 1921 г. рьяно принялась за обработку земли. Переход калмыков к оседлости затрудняется недостатком живого и мертвого инвентаря и строительных материалов.

Промышленности, если не считать несколько мастерских и кустарных промыслов в Калмыцкой области, почти не существует.

Зато большую роль играет рыбопромышленность и, отчасти, охота. Всего в 1920 г. насчитывалось 7 рыбных промыслов.

Рыболовством занимаются главным образом калмыки, населяющие восточную часть области, у берегов Волги и

Каспия. В связи с голодом 1921 г. многие разоренные скотоводы сделались рыболовами—и это единственная опора обнищавших калмыцких масс, которым грозит постепенное вымирание в том случае, если им не будет оказана широкая поддержка извне.

До революции дело просвещения калмыков влачило жалкое существование. Под влиянием своего духовенства, калмыки почти не отдавали своих детей в школы, а посылали их в буддийские монастыри. После революции число просветительных учреждений и школ сильно увеличилось. Работает в области Калмыцкое Музейно-Архивное Управление, которое собирает памятники старины и современности, характеризующие материальную и духовную культуру калмыков. Печатаются книги, газеты, журналы, и люди тянутся к образованию.

Калмыки.

Неприглядна степь юго-восточной Европейской России,—эта степь между Волгой и Доном называется Калмыцкой. Она занимает почти все пространство прежней Астраханской губернии и часть земли бывшего войска Донского, лежащую по левую сторону Дона. Главное ее население, это потомки монголов—калмыки, которых так некогда назвали бывшие их соседи киргизы.

Самая обширная низменная часть калмыцкой степи пустынна и печальна. Тут бедные калмыки живут уже далеко не так, как жилось им в старину, когда их кочевья заходили и в Саратовскую и даже в Пермскую и в Оренбургскую губернии, и когда они пользовались на огромном пространстве и тучными пастбищами и хорошей пресной водой рек и озер. Тут, на низменной калмыцкой степи, перед нами красножелтая или белесоватая глина, сыпучий песок да соленые озера, или солончаки и грязные соленые болота. И, куда ни глянь нет ни конца, ни краю этим красноватым степям, этим бесконечным пескам, в которых вязнет по колено нога, и которые курятся по курганам при ветре, слепя глаза, забиваясь в уши, в нос, так что зачастую и дышать трудно; а затихнет ветер, и снова палит знойное небо вверху, и та же желтая безотрадная степь внизу... Кое-где серебрится горькая полынь пучками, кое-где торчат выжженные стебли былинок, и нет нигде ни малейшего слоя растительной земли, едва пристанет или прикрепится кое-где полынь или какая иная солончаковая трава, как выжженная солнцем почва разрыхляется и все обратится в песок, и все исчезнет вместе с курящимися песчаными курганами, которые переносятся ветром с места на место. И ничто не разнообразит эту мрачную калмыцкую степь; только бесчисленные, серые, как самая земля, ящерицы шмыгают под ногами, а иногда серый кор-

шун провожает вас своим недовольным клекотом, сидя на каком либо кургане, а там, высоко, высоко, под палящими лучами солнце, повисли в безоблачном небе черными точками неподвижные степные орлы... Попадается озеро, и тут не радость: ни освежиться, ни напиться нельзя, одна соль, а кругом озера стали непролазной щетиной камыш и чекань; и для калмыков остается одно утешение,—это вырытые ими искусственно по степи ямы, так называемые худуки, котани, где скопляется почвенная вода. В этих худуках глохнет обыкновенно густой массой стоячая, вонючая вода, но калмыки и этим довольны: калмык и его скот с наслаждением утолят жажду и напьются из лужи. Эти худуки устраиваются большею частью группами, на расстоянии пятнадцати, двадцати, а иногда и более верст один от другого; калмыки перекочевывают от худука к худуку. Вытравят они вокруг худука скудное окружающее пастбище и переходят к другому, а вытравят там, снова двигаются далее; и так тянут кочевники по степи до осени, пока не доберутся до зимнего кочевья, где снова находят корм на местах, потравленных весною. Иногда, однако, бывает, что и на зимовке нет корма, и тогда, чтобы сохранить скот от голода и чтобы найти новое место, приходится часть скота прирезать и уйти к устьям Волги, где есть вода и густой камыш, укрывающий калмыков и их скот от снежных метелей, зимних стуж и бури. Налетит „шурган“, или снежная буря с метелью, которая на Урале называется „буран“, а в Сибири пурга, и тут уже она, не задерживаемая ни горами, ни лесом, свирепствует совершенно свободно на широкой ровной степи. Тут она бывает так стремительна, и гонит с такой силой по снежной глади даже крупный рогатый скот и табуны лошадей, что несчастные животные бегут до изнеможения, пока не упадут замертво.

Но и этого мало,—зачастую в калмыцкой степи по целым неделям крутит только метелица: и тут испуганные лошади разбегаются в разные стороны. Метель заметает следы лошадей, и разыскать их очень трудно. Табунщик кидается наземь, разгребает снег рукавами тулупа, роется руками в разных местах и, пробившись иногда несколько часов, находит конские следы.Обрадованный этим открытием, он едет в ту сторону, но вдруг след снова пропадает. Приходится опять слезать с лошади и отыскивать его тем же порядком. Таким образом калмык скитается по степи несколько суток, без хлеба, почти без сна и часто без отдыха.

Обедневшие калмыки нанимаются на разные тяжелые работы и по своей выносливости, по своему упорному труду на соляных копях и на рыболовных промыслах считаются незаменимыми работниками. Кроме того, они считаются лучшими скотоводами, и скотоводство издавна обеспечивало все их существование. Кроме продажи, скот доставляет калмыкам все необходимое для жизни; для их жилища—войлочную кибитку, для пищи—мясо и молоко, для одежды—шубу,

которая в большинстве случаев ограничивается одной дырявой овчиной. Скот калмыки продают приезжающим в степь сгонщикам, гуртовщикам и гоняют сами в окрестные города, станицы и селения для продажи на ярмарках. На этих ярмарках они не только торгуют скотом и разными своими изделиями, но приобретают от русских мелочных торговцев все необходимое для своей незатейливой домашней жизни.

Сами по себе калмыки занимаются: мужчины—выделкою кож, шитьем сапог, изготовлением седел и деревянных принадлежностей для кибиток, а также изделиями из серебра: серег, колец, поясов, насечек для украшения сбруи и т. п., что же касается женщин, то их работы—это шитье тулупов, обуви, платья, кожаной посуды, валянье кошм (войлоков), плетенье тесьмы из шерсти и шелка с серебром для украшения одежды.

С лица калмык тот же монгол: он обладает смуглым лицом и широким носом, небольшими черными глазами, с косым разрезом но всегда блестящими, и, хотя голова покрыта густыми, жесткими и черными, как смоль, волосами, но усы небольшие. В деле борьбы—это богатырь: в плечах косая сажень, грудь колесом. И как борцами, так и наездниками можно любоваться. Удальство и ловкость наездников-калмыков больше всего проявляется в ловле диких степных лошадей. Ловкий и удалой калмык, подтянув, как следует, свой чекмень, или халат ремнем и ухарски заломив набекрень свою затейливую с четырехугольным ярко-желтым дном шапку, выезжает обыкновенно молодцевато вперед загнанным в одно место степным табунам, и кто-нибудь из его гостей указывает на ту дикую лошадь, которую надо поймать и обуздать, т.-е. сделать ручной. Завидев мчащегося на табун наездника, матки, оберегая своих детенышей, дают ему дорогу, а наездник прямо с арканом в руке налетает на указанного коня, который в то же время быстрым поворотом увертывается и сперва избегает наездника или ловца разными хитростями, то прячась за других лошадей, то делая неожиданные круги в ту или иную сторону, и смотрит: только ловкий наездник прицелится и бросает аркан, так не тут то было, конь взмахнул хвостом, тряхнул еще гривой и пропал из вида. Но наездник, не спуская с него глаз, мчится по его следам, догоняет, накидывает, приноровившись к коню, уже более удачно петлю аркана, и пойманный конь сперва, как вкопанный, останавливается, а затем, высоко подняв голову, смотрит, освирепев, как бы вызывающе, на противника и прежде всего взовьется на дыбы, чтобы сбросить давящий шею аркан. Но это не удается, и ожесточенный конь начинает отчаянно крутить головой, визжит, припадает к земле, бьет копытами, изгибается задом и передом, делает страшные скачки, чтобы вырвать аркан из рук наездника; но тот, зная заранее все такого рода приемы, удерживает всеми силами аркан, пока не удастся другим калмыкам спутать ремнями раз'ярившемуся коню его ноги.

Тут уже изнеможенный конь фыркает, ржет, но когда ему проденут через зубы веревку, пропустив ее вокруг живота и завязав на спине, и когда он почувствует вскочившего на него седока, а ноги свои распутанными, то, весь вздрогнув, затрясется, снова бешено взовьется на дыбы, чтобы скинуть со спины небывалую живую ношу и броситься затем со всех ног, куда глаза глядят. Он опять-таки и с наездником кидается из стороны в сторону, мечется, как обезумевший, по степи, брыкается, бьет передними и задними ногами.

Укротить дикого коня весьма опасное дело: тут требуется и отвага, и уменье, и опытность, и ловкость. Седоку надо сохранить полное присутствие духа, чтобы не растеряться и не дать коню воспользоваться каким-либо оплошным моментом.

Курская аномалия.

Курская магнитная аномалия была открыта еще в 1874 г. Смирновым; с тех пор она исследовалась многими учеными. С 1896 до 1916 г., т.-е. в течение 20 лет, ее изучал московский профессор Лейст; ему удалось довольно подробно проследить распространение аномалии по Курской и смежным с нею губерниям, он же первый пришел к заключению, что причиной Курской магнитной аномалии являются магнитные железные руды.

Летом 1918 года проф. Лейст умер в Германии; составленные им карты и все собранные в течение 20 лет материалы остались за границей и получить их не удалось. В 1919 году была образована комиссия для исследования Курской магнитной аномалии; комиссия эта за 4 года работы успела не только собрать материал, во много раз превышающий по величине и точности материалы проф. Лейста, но и доказала бурением, что предположение Лейста о причине магнитных аномалий было вполне правильным. Работы комиссии велись под руководством проф. Губкина, акад. Лазарева и др.

В одном из мест с наиболее сильной магнитной аномалией, около г. Щигров летом 1921 года была заложена первая буровая скважина. Скважина прошла под почвой и глинистыми наносами, толщу мела, песков, глин, мергелей и, наконец, летом 1922 года на глубине 170 м. вошла в кварцит с магнитной рудой.

Бурение первой скважины производилось ударным канатным способом, применяемым на нефтяных промыслах в Грозном; тяжелое долото, которым долбили породы, сильно намагничивалось при бурении.

Рудоносная порода представляет кварцит, переслаиваемый с магнетитом, — минералом, обладающим магнитными свойствами; он притягивает магнитную стрелку, как магнит, и представляет химическое соединение железа и кислорода.

Магнитный железняк неравномерно распределен в породе; некоторые участки ее дают до 61,5% чистой руды, другие—только 30—36%, в среднем же около 40—45%.

В течение 1923 года, рядом с буровой скважиной № 1, было заложено еще 5 новых скважин, оборудованных быстро работающими алмазными буровыми станками. Некоторые из них встретили под толщей мела, песков и других осадочных пород породы с магнитным и красным железняком; другие же—различные сланцы, гнейсы и мраморы; эти новые данные позволили установить, что месторождение железных руд около г. Щигров совершенно сходно с давно известным и разрабатываемым месторождением около Кривого Рога в Екатеринославской губернии; только в последнем руды представлены красным железняком и небольшим количеством магнетита, а в Щиграх, главным образом магнетитом с очень небольшим включением красного железняка. По вычислениям геофизиков магнитные рудоносные кварциты не могут вызвать столь огромных магнитных аномалий, которые известны в Курской губернии. Вполне правдоподобно предположение, что при дальнейших разведках будут встречены сплошные массы магнитного железняка.

Каково же практическое значение железных руд Курской магнитной аномалии?

Магнетитовые кварциты с таким процентным содержанием железа, какие встречены буровыми скважинами в Щигровском районе, легко могут быть разрабатываемы; на севере Швеции сходные с ними руды разрабатываются с большим успехом; процентное содержание чистого железа в них может быть повышено при помощи обогащения руды; для этого магнетитовые кварциты раздробляются на специально устроенных мельницах и при помощи больших магнитов отбираются наиболее богатые магнетитом куски. С помощью такой обработки 40—50 процентные руды могут быть обогащены до 60—70 процентных. Запасы же руды, судя по протяжению и по силе магнитных аномалий в Курской губернии огромны; возможно, что они одни превышают все запасы железных руд во всем земном шаре. Как указывалось выше, при дальнейших разведках весьма вероятно будут обнаружены и более богатые железные руды (сплошные массы, гнезда магнитного и красного железняка). Глубина, на которой встречены в Щигровском районе руды, не будет препятствовать их добыче,—ведь с такой же приблизительно глубины в настоящее время добывают руду на некоторых рудниках Кривого Рога.

Большие разведочные работы в Щигровском районе должны в ближайшем будущем показать, может-ли быть начата теперь же разработка богатых железом руд. Но, во всяком случае, уже и теперь вполне ясно огромное значение изучения причины Курской аномалии. Оно открывает новые пути и новые возможности для возрождения России.

Украинская Советская Социалистическая Республика.

Украинская ССР обнимает пространство в 420.000 квад. килом.

Население—26.003.000 человек.

Центр республики г. Харьков.

Украина страна главным образом земледельческая. Больше 80% населения составляет крестьянство. Среди крестьянства Украины преобладают бедняки. Но бедняки Украины сильно отличаются от бедноты Великороссии и других частей СССР. Дело в том, что землевладение на Украине было сильно капитализировано. Крупные „экономии" (имения) представляли собой в полном смысле слова сельско-хозяйственные фабрики, которые много поглощали постоянной рабочей силы (сельскохозяйственная индустрия). Многочисленные сахарные и винокуренные заводы еще сильнее втягивали бедноту в заводскую жизнь. Поэтому они значительно ближе стоят к городскому рабочему, нежели беднота остальных частей СССР.

К 1924 году работа по землеустройству украинских крестьян может считаться почти законченной. До 90% всех удобных земель отошло к крестьянам и только 4% отведено сахарным заводам, совхозам и т. п. В общем, после проведенной земельной реформы украинское крестьянство получило около 14 миллионов гектаров земли.

Различные бедствия, а в особенности голод, вызвали упрощение сельско-хозяйственных культур, выразившееся в замене более высоких культур, как пшеница, — рожью, и в широком развитии засухо-устойчивых культур, как кукуруза, посевная площадь которой увеличилась почти в 3 раза.

На очереди стоит задача перевести полеводство на более высокие культуры, к расширению племенных рассадников, увеличению тракторных отрядов и т. п. Положительным фактором можно уже сейчас отметить то обстоятельство, что вместо 560 кгр. урожая с гектара, полученных в первые годы гражданской войны, в 1923 г. урожайность равнялась от 670—830 кгр. с гектара.

Украина, являющаяся не только крупным земледельческим районом, но и богатая сырьем, рудой, углем, имеющая такие промышленные центры, как Донецкий бассейн и др.—еще и раньше, до революции, играла чрезвычайно важную роль в хозяйственной жизни России. Между тем, в результате империалистической и гражданской войны, ее хозяйство пришло в упадок.

Добыча угля, в сравнении с довоенным временем, пала в страшных размерах, транспорт и сельское хозяйство были разрушены. Кроме того, она находилась под постоянной угрозой со стороны Польши и Румынии, которые, если даже

официально и не воевали, выкидывали на территорию Украины банды, ведшие свою разрушительную работу.

Хозяйственное и военное положение Украины толкало ее к тесному союзу с Советской федерацией, который она установила с самого начала особым договором по всем наиболее важным военным и хозяйственным отраслям.

Необходимость этого тесного союза станет еще яснее, если мы обратимся к хозяйственному положению Украины до войны и после революции.

Для характеристики роли, какую Украина играла раньше в сельском хозяйстве России, достаточно отметить, что например в 1913 г. чистый избыток хлеба по 9 украинским губерниям равнялся 132 мил. пудов, и $^{9}/_{10}$ вывозимого за границу хлеба шло из Украины. Украина играла также крупную роль в вывозе скота, который в 1912-14 г. г. равнялся ежегодно 231 тыс. голов. Конечно, в сравнении с этими цифрами мы находимся сейчас далеко позади.

Тяжелое положение Украины становится понятным, если мы подойдем к отдельным производствам и крупной промышленности. В 1913—14 г. г. на Украине действовало около 200 сахарных заводов со средним ежегодным производством в 67 миллионов пудов сахару, в то время как производство сахара в 1921 г. достигло там 2.350.218 пудов, а в 1922 г.— 17.179.910 пудов Все же с 1922 г. заметен ощутительный под'ем, который постепенно увеличивается.

Но совсем катастрофическое положение создавалось в угольной промышленности, доставлявшей раньше $^{3}/_{4}$ угля всей добычи России и имеющей чрезвычайно важное значение не только для всей металлической промышленности самой Украины, но и всех Советских Республик.

	Мил. тонн.	
В 1916 г. было добыто угля	28	(максимум добычи)
„ 1920 „ „ „ „	4	(минимум добычи)
„ 1921 „ „ „ „	7	(год перелома)
„ 1923 „ „ „ „	8	

Поднятие угольной промышленности требует колоссальных средств, материалов и человеческой силы, которые не под силу одной Украине, тогда как значение ее в развитии промышленности и транспорта всей Федерации — колоссальное.

В обшем же благодаря всесоюзной поддержке уже 1923 г. был годом значительных успехов в области украинской промышленности.

Выполнение большого плана электрификации Донбаса началось с постройки Штеровской районной станции. Эта станция (пока на 20.000 киловатт) строится в Донбассе в антрацитовом районе для электрификации промышленности и будет готова в 1926 г. Топливом для нее будет служить антрацитовая мелочь, которая раньше оставалась неиспользованною.

К 1926 г. на ней будет работать только первая ячейка, к концу пятилетия предполагается расширить станцию до 40.000 киловатт и давать энергию в отдаленные участки. Временно эти станции будут питать общую сеть, а впоследствии созданная при кустовании сеть будет присоединена к районной станции, а мелкие устаревшие станции рудников закрыты. Одна из трех групп станций Донбасса, а именно Алмазно-Марьевская будет питаться от Штеровской станции уже с 1926 года.

Ухудшение общего положения во время войны, оккупация Украины немцами, частая смена властей во время революции, обстановка непрекращающихся фронтов—все это не могло не отразиться на постановке дела народного образования. Наступивший затем мирный период дал возможность приняться за грандиозную творческую работу в области просвещения, обозначившуюся расширением сети учебных заведений и привлечением в нее рабоче-крестьянских элементов.

Украинизация аппарата в местах с компактным украинским населением проходит повсюду успешно. На селе почти все учителя украинцы.

Советская Украина, понимая, что сохранение ее независимости возможно при условии восстановления ее хозяйства, осуществимого лишь при поддержке всей Федерации, проявила инициативу в смысле перехода от прежних договорных отношений с РСФСР к более тесному союзу, в котором приняли бы участие все Советские Республики.

Украина.

Спустившись с высокого правобережья большой реки, с его склонами, усеянными селами, утопающими в зелени садов, и проехав широкую речную пойму по затейливо извивающейся станицами дороге, вы незаметно попадаете в степь. Неширокая, чаще всего песчанистая вторая терраса, еще незаметный под'ем от нее, — и перед вами обширная сходящаяся с горизонтом равнина. Оживление и разнообразие красок нагорья и речной долины сменяются однотонной картиной, нанесенной широкими смелыми мазками. Будто чья-то гигантская кисть спешно набросала ее: широкие зеленые пятна сменяются безграничными желтыми полосами зреющего хлеба и темными островами пара, скучной серой лентой туда же к горизонту протянулась дорога, массивным голубым куполом прозрачно-горячее небо придавило равнину, палящее солнце ровным слепящим светом залило всю ее от края до края. Оглянитесь назад и—высокий берег, только что радовавший глаз богатством контуров и красок, утонул в однотонной голубоватой дымке, и сама река издали блестит ровным горячим отблеском, как длинная узкая серебряная полоса.

Кажется, что сам творец этой картины был утомлен ее красивым однообразием и, чтобы нарушить его, бросил несколько тающих облаков на голубом фоне неба и несколько теряющихся силуэтов далеких деревьев на земле. И только... Тихо, спокойно, величаво. В этой безлюдной равнине вы чувствуете скрытую мощь, затаенную уверенную силу, но такую огромную, что вы чувствуете себя подавленным ее могуществом, и такую близкую и понятную вам, что вам весело и бодро. Степной ветерок бархатным дыханием ласкает щеки и приносит с собой аромат влажной почвы, душистых трав и сладковатый запах поспевших хлебов. Под его мягкими прикосновениями стебли растений мягко сгибаются и выпрямляются, шурша колосьями, как будто шопотом переговариваясь о чем-то важном и известном им всем и покачивание их головок особенно заметно на одиноком кургане, по которому изменчивой рябью пробегают порывы ветерка. Дорога почти без изгибов бежит ровным полотном с слегка прибитой дождиком пылью и с непросохшими лужами и пятнами черной вязкой грязи. Колеса едва шуршат, почти не нарушая общей тишины, и сверху кажется, будто прямо из воздуха льются нежные успокаивающие переливы песни жаворонка, почему-то гармонирующие с этой тишиной.

И у вас на душе становится также покойно, тихо и светло, и хотя бы вы попали сюда в первый раз в жизни, вам начинает казаться, что вы давно знаете и любите этот милый край с его нежным небом, нежной далью, мягким воздухом и могучей почвой.

Дорога однообразна, но вы долго не замечаете этого; изредка то с той, то с другой стороны выплывает группа деревьев, и когда вы приблизитесь к ней, то сквозь ее зеленую чащу между стрельчатыми силуэтами тополей вдруг выглянет белая веселая хатка и будто улыбается и вам, и солнцу, и собственной приветливой чистоте. Еще реже блеснет, как сталь, степное блюдце, наполненное водой, и возле него темные фигуры стоящих и лежащих коров или гурт овец. Мимо вас проскрипело несколько телег, запряженных методично ступающими волами, и опять вы одни. Глаз будто привыкает к этому раздолью и без усилий пронизывает прозрачный и немного влажный воздух, схватывая отдаленные предметы, но скоро научается оценивать расстояние. Тихо. Хорошо. Вы видите в стороне наполовину ушедшую куда-то под склон усадьбу, белыми бликами своих строений издалека выступающую среди степи, вы знаете, что там, близ нее и в ней, идет напряженная деятельность, вы соображаете, что вон те сгибающиеся и разгибающиеся фигуры на зеленом фоне, вероятно, полют плантацию „бураков“, но вам в то-же время не хочется думать о тяжелом труде под знойным солнцем, и вы ловите себя на мимолетной мысли, что должно быть и труд легче здесь, под этим благодатным небом.

Из-за ровной полоски горизонта показались, то скрываясь, то выступая, крылья мельницы. Вон еще и еще; вот забле-

стел крест, стрелами высунулись тополи, и кудрявыми копнами засинела зелень садов. Близко село.

Встречи стали чаще. Самого села еще не видно, но через высокий склон, скрывающий его, вы видите, что дальше идет такая же степь, уходящая в синюю даль, как только что оставленная позади.

Вот и село. Мимо маленького дубового леска вы в'езжаете в него, и оно все открывается перед вами, разбросанное по берегам речки и большого пруда, берега которых оно с любовью окутало сероватой зеленью кудрявых ив и лозняка, склоняющихся почти до самой воды. Беленькие, чистенькие „хаты", около каждой деревья, цветы; за хатами через дворы вы видите расчищенные, ухоженные „левады", сквозь листву которых кое-где блестит вода речки, и ни одна хата не выходит на улицу: они все спрятались от нее в свой уютный садик и дворик и разве одним окошком глядят на вас из-за плетня, увенчанного „макитрами" и прочей посудой, за которым неподвижно, точно застывшие, стоят розовые мальвы, краснеет мак, и глядит прямо на солнце своими широкими желтыми цветами подсолнечник. На улицах попадаются прохожие и проезжие, но нет тех оживленных групп, собравшихся около домов на улице, которые так привычны в Великороссии.

Село на первый взгляд кажется беспорядочно разбросанным табором, неправильными языками выдвигающимся кое-где в степь, но скоро вы различаете, что каждый его изгиб вызван боязнью отойти от воды: улицы покорно следят за каждым поворотом речки, за каждой балкой и овражком, отходящими от нее,—это пути роста, села, так сказать; и если группа хат решится отойти от воды, подальше на склон, в степь, то сейчас же вооружается против безводья колодцами с длинными журавлями. Только „млыны" взобрались на самый горб и оттуда размахивают своими крыльями. Посредине села река запружена, и к обширному длинному пруду прислонилась бывшая помещичья усадьба, белыми красивыми пятнами отражающаяся в зеркале пруда. Мимо мельницы в'езжаете вы в село, людное, оживленное. Сегодня ярмарка, и навстречу вам и за вами идут и едут оживленные группы. Скрипит телега, доверху наполненная „кавунами, гарбузами" и прочими произведениями щедрой Украины. На возу сидит разряженная „жинка", а „чоловик" в широкополой соломенной шляпе идет возле воза, погружая в перегорелую пыль свои обширнейшие сапоги и тем не менее сбивая кнутом с них пыль. А навстречу им уже бежит покупатель-еврей, не желающий допустить их до ярмарки с их клажей, и вслед вам несется оживленная речь покупателя и жинки и неторопливые реплики хозяина. Вот промчалась мимо вас телега, буквально нагруженная евреями,—их не менее восьми человек,—и вы не совсем понимаете, как может сидеть возница на самом уголке телеги, и как может бежать с таким грузом эта маленькая, захудалая лошаденка. Прямо на земле, у колодца, расположился лирник, и его привычная однообразная

песня и тягучая мелодия лиры сливаются с отдаленными отголосками галдящей за речкой ярмарки. Там движение, жизнь. Бойкие выкрики и едкие остроты, рев переходящего из рук в руки скота, море телег, палатки, крестьянские группы. А надо всем, высоко в небе горит яркое, горячее солнце, и почти ни одно облачко не может выдержать его жгучего взгляда и тает в глубокой синеве. И под бездонным небесным сводом такой же безграничной равниной стелется утомленная зноем, поблекшая и запыленная, но все же могучая и привольная степь.

Через Днепровские пороги.

Дело происходило в жаркий июльский день, на главной улице г. Екатеринослава. Небольшой компанией собрались мы сделать прогулку в лодке по Днепровским порогам. Закупивши что нужно в городе, к вечеру мы все четверо сошлись на пристани, наняли ялечника и покатили по широкому Днепру к месту стоянки лодки за городом.

Солнце уже садилось, бросая на утекающий город и огромную реку тихие, мягкие лучи. Шум и движение постепенно становились тише. Привязанная к плотам, стояла лодка, приготовленная для путешествия. Через полчаса компания была уже в пути. Двое сидели на веслах, один управлял рулем и присматривался к реке, а четвертый сидел пока без всякого дела. В некоторых местах Днепр прорывается через камни с шумом и пеной, а местами образует и совершенно непроходимые мели. Во многих местах фарватер, т.-е. более удобное для движения судов место русла, обозначен буйками, вместо которых уже тускло светились фонари.

— Ну, братцы, сегодня мы до Кайдацкого порога не дойдем. Придется ночевать где-нибудь недалеко.

С правой стороны чернела рощица и манила к себе. Среди совершенно мертвой тишины изредка доносится смутный, неопределенный гул, но не от города, а совершенно с противоположной стороны.

— Что это шумит?

— А это порог ревет.

— Неужели? Разве он так близко?

Километров десять будет до Кайдацкого.

Бесконечный берег могучей реки с одной стороны низкий, весь заросший ивняком, тальником и молодым вязом. Оттуда прибрежные кусты шлют на реку неясный шум вместе с ветром, который усилился с утра. На другом, высоком, берегу видно было огромное село. Богато и привольно раскинулось оно над рекой. Хаты беленькие, чистенькие разбросаны над водой и весело сверкают на темной, выжженной земле. Только совсем без зелени село. Степь голая, сожженная солнечным жаром, черная или бурая, подвинулась к самому

Днепру и круто оборвалась в воду. Из боков горы торчат мрачные громады гранита, сурового и твердого даже на вид. Гранитные гряды во множестве прошли и через реку, во многих местах перегородили Днепр заборами, через которые вода с шумом прорывается опять на свободное русло. За Екатеринославом уже не мелькают красивые вольные пароходы, плавно и сильно вспенивающие воду там, выше. Здесь ходят уже только крепкие, неуклюжие плоты, да рыбачьи лодки то и дело шныряют по всем направлениям. В селе у берега шум и движение, и над этим шумом царит грозный рев порога; все сильней и сильней становится его сердитый гул.

Порог приближался. Шум его уже безраздельно стоял в воздухе, он один доносился до ушей и покрывал все другие звуки.

Мы решили сами проскочить первый порог без проводника и лоцмана.

— Вот, что надо сделать все-таки. Давайте свяжем все вещи и привяжем к лодке на всякий случай.

Тут поневоле приходится сказать об устройстве лодки. Она была полесского образца. В Полесье, в верховьях Днепра, рубят огромную осину, выдалбливают из ствола ее корыто и затем распаривают. От распаривания дерево делается гибким, и тогда делают лодку, широкую и грузопод'емную. В порогах такая лодка хороша тем, что изумительно слушается руля, ибо она круглодонная, с приподнятым носом и кормою. На такую долбленку была пристроена в передней части разборная палуба, а по борту шла обшивка широкой доской. После такой обработки лодка отличалась такими качествами: поднимала она пассажиров человек пятнадцать, имела непромокаемое отделение для склада, была очень устойчива и легко поворачивалась; кроме того в порогах она зачерпывала очень мало воды, которая с палубы стекала обратно в реку.

Рулевой зорко вглядывался в бешеные буруны, лицо его нахмурилось и побледнело. Лодка неслась с головокружительной быстротой. Пока все обстояло благополучно.

Вдруг все ахнули и глубоко втянули в себя воздух от испуга. Огромный бешеный вал сразу хлестнул в лодку и обдал сидящих в ней с ног до головы, сразу влившись в утлое суденышко целым водопадом. Через момент еще и еще такие же окатывания, а еще через секунду лодка была уже на спокойной воде, за порогом, увлекаемая течением.

— Ну теперь назад.

Трудно было подниматься вверх против такого теченья, —но все-таки удалось справиться и пристать в конце концов к стенке канала. Укрепили за камень лодку: вся компания вылезла наверх, чтобы взглянуть на тот путь, который только что проделали. Канал представился нам в виде горы, довольно крутой, со скатом метров двести длины и два метра в высоту. Вода с огромными волнами, шумом и пеной летела по этому крутому скату. Малейший камешек на дне вызывал

белые щетинистые буруны, которые вскакивали и разбивались в пену и брызги, падали с плеском и опять вскакивали. Могучий Днепр, километра полторы шириной, перепрыгивал через непрерывную цепь камней. Бешено рвался он через несокрушимую преграду из серого, блестящего гранита. Во всю ширину реки виднелась полоса белой пены, по которой через каждый шаг высился гранит. Ни прохода, ни проезда не видно во всей этой картине дикого огромного водопада. За стеной из весьма прихотливо разбросанных скал сейчас же очень крутой уступ на новое русло, саженью ниже того, по которому вода бежала до порога. Стало быть Днепр, дойдя до порога, должен подпрыгнуть, перескочить через каменную стену и упасть гораздо ниже. Мудрено ли, что он, громадный и могучий, сердится и бешено ревет? Шутка ли ему на старости лет прыгать? Оба берега высокие, скалы голые и неприступные высятся и на той и на этой стороне. Обхода нет,—поневоле Днепру приходится прорываться через порог. Все стояли, как очарованные. Долго глядели на это чудо, молча, затаив дыхание.

Полюбовавшись вдоволь, компания двинулась назад в лодку, уселась и поплыла дальше, к следующему порогу. Грозный рев и шум остались позади,—теперь лодка двигалась по сравнительно спокойной воде. Рулевому и здесь надо смотреть в оба и тщательно увертываться от каждой подозрительной ряби на поверхности реки. Мимо то и дело шныряли рыбаки, во множестве промышляющие здесь рыбу разных сортов.

— Далеко еще до следующего порога?

— Скоро будет, только это маленький, Сурский называется.

Камни по реке попадались постоянно. Водовороты и стремнины заставляли постоянно быть настороже, но всетаки проход все время был достаточно широкий, пройти было легко и безопасно. Но вдруг открылся целый ряд камней, плотно замыкающий почти всю ширину реки; вдали вертелся значек, поставленный в фарватере. На этот-то значек лодка и направилась.

— Гребни, братцы...

— Ух! окатила холодная волна, прошли и опять выскочили на вольную реку.

— А ведь это и есть Сурский порог.

— Маленький какой.

На левой стороне недалеко от берега тянулся голый каменистый островок, а на нем сиротливо торчал соломенный шалашик; в воде у берега стояли круглые корзины, сплетенные из тонких ивовых прутьев, а на берегу валялись обрывки веревок, тыквы, стояла лодка.

— Это рыбаки. Посмотрим, может быть удастся достать рыбы, заметил рулевой и повернул лодку к острову. Пристали к камням. Старый рыболов вытащил из воды круглую корзину и открыл крышку. В воде, наполнявшей корзину, бились и плескались морены и густеры; другой рыбы не

оказалось. Морена очень похожа на обыкновенную плотву, но гораздо тоньше; плавники у нее ярко-красные, спина широкая, тело тонкое и сильно суживается к хвосту. Морену чистить надо очень осторожно, чтобы не повредить печень, которую нужно тщательно вырезать, так как она очень ядовита. Густера—похожа на леща, широкая и плоская, но сильнее и лучше сложена.

Путь дальше представлял мало интересного—все те же берега, все та же степь. Почти непрерывно по краю высокого берега тянулись огромные села, мелькали белые мазанки с соломенными крышами, везде возле хат навалены огромные стога соломы, светлой и блестящей. В селе над рекой кипит работа. Вот просто на берегу, во дворе, открытом для ветра и солнца, обмолачивают хлеб. На глиняном или каменном полу двора разостлана солома в огромном количестве; около же копошатся люди; но не с цепами в руках, а с граблями и кнутами. По соломе гоняют тройку или пару лошадей, впряженных в колодки, которые кувыркаются по соломе и выбивают зерна пшеницы из тучных колосьев. Через некоторое время лошадей сгоняют с тока и сгребают вымолоченную солому, а на ее место накладывают свежую. Такой способ хорош тем, что не надо строит отдельного гумна; такой ток можно получить в любом месте поля, потому что земля везде глинистая. Еще чаще попадались паровые молотилки, которые наполняли воздух шумом и шипением на огромное расстояние. Топится такой паровик соломой, которая тут же и получается. Работа уборки хлеба обыкновенно идет очень быстро: на одной стороне одного и и того же поля на ваших глазах жнут, при помощи конной машины, сзади снопы вяжут и складывают на фургоны, а эти последние сейчас же отвозят на другой конец, к молотилке, и выбрасывают в машину. В один день часть поля сожнут, свяжут и обмолотят, обвеют и насыплют зерно в мешки.

Редко попадались деревья, да и то над самой рекой, где между камнями в расщелинах нанесло рыхлой земли. В тихих заводях дремлет камыш, легонько покачиваясь по ветру своими пышными головками. Между его высокими, стройными стеблями торчат сочные, но тонкие стебли осоки. В прибрежных камышах важно шагает цапля, но от стука весел пугается, вытягивает тревожно длинный нос на гибкой шее, спешно делает несколько шагов и грузно улетает, тяжело размахивая крыльями.

Настало время обеда, и компания решила остановиться. Стали, высадились на берег, разгрузились и принялись хлопотать об обеде.

Отдохнувши поехали дальше. Прошли два самых безопасных порога, а тут впереди Лоханский. Это не Кайдацкий. В Лоханском перевернуться—один момент. Этот порог оказался длиннее и круче Кайдацкого. На берегу канала стоял здоровенный загорелый хохол-лоцман, в бараньей шапке, в широких шароварах и шитой белой сорочке.

— Можно проехать через порог?

— Чому не можно? Можно.

Все, приумолкнув и подтянувшись, опять вскочили в бурливый проток, стиснутый каменными берегами.

Буруны здесь были грознее, чем в Кайдацком пороге, лодка неслась быстро, волны с головы до ног обдавали сидящих в ней и каждую секунду готовы были хлеснуть в нее... Но доблестный рулевой провел лодку так, что в этом большом пороге не попало в средину лодки ни капли воды, и выскочила она из канала совершенно невредимой.

Вечерело... По Днепру пошел туман, и стало плохо видно, впереди близко уже ревел порог.

Лодка живо бежала мимо берегов, ловко увертывалась от камней и спешила к Ненасытецкому порогу. Без особых приключений прошли по каналу Звонецкий порог, небольшой и нестрашный, хотя и черпнули воды в злом буруне.

Еще на самом Звонецком уже слышался грозный рев огромного Ненасытецкого порога. Грохот воды пугал своей силой и полнотой. Становилось ясным, что ревет что-то действительно огромное. Приближаться к Ненасытцу пришлось среди островков и мелких рукавов, образуемых этими островками, густо заросшими леском из ивы, вяза, осокоря и серебристого тополя. За островами звук водопада как-то терялся, в воздухе стоял неясный, смутный гул. Как только лодка выступила из-за последнего островка на полный Днепр, порог уже виднелся. Лодка осторожно придерживалась левого берега, чтобы сильным течением не втянуло ее в водопад. У порога торчала разбившаяся баржа. Бедняга налетела на камень, не сумела увернуться и раскололась надвое.

Мы задержались у стенки, вылезли из лодки и пошли осматривать канал.

Ненасытецкий порог—длинный: от тянется на версту с четвертью; вначале вода бежит довольно спокойно, но через несколько саженей от верхнего края ложа канала быстро и резко понижается, и вода сразу с силой устремляется по каналу. Громаднейшие буруны и волны с грохотом поднимаются и опускаются, разбиваясь на мелкие брызги. Как раз в это время по порогу спускались плоты. Трудно попасть с неуклюжими, громоздкими плотами в канал, трудно не сесть нигде перед каналом на камень, а в самом канале не стукнуться в берег. На дне канала много подводных камней, на которых плот тоже может застрять. Во главе команды на всяком плоту становится обыкновенно лоцман. К плоту пристроено несколько бревен, вытесанных в виде весел, которые подвижно укреплены на концах плота. К каждому такому веслу приставлено несколько человек рабочих. Посреди плота стоит лоцман и рукой показывает, в какую сторону нужно грести: кричать и говорить в пороге—бесполезно: в двух шагах ничего не слышно. Как только плот влетит в буруны, в самый скат канала, работу бросают. Тут уже ничего не сделаешь. Промчался такой плот, за ним другой, третий.

У всех явилось желание прокатиться по самому порогу, при помощи одного из рыбаков. Удивительно местные рыбаки знают свои пороги. Рыбак уселся на руль.

— Двое сядьте на весла. Грести нужно очень сильно.

Рыбак был тревожен и бледен... Тронулись...

— Пожалуйста гребите, гребите посильнее.

Вот близится лавина, на камнях играет и пенится вода; за ней крутой и коротенький скат, а в конце его бешеный вал кипит и хлещет... Ух... окатило. Шум и грохот воды.., Голова, спина, руки, ноги сразу под целым водопадом... От быстроты и неожиданности этой ванны дух захватывает в груди. Весла беспомощно торчат по сторонам лодки.

— Гребите... Левым гребите, живо! Скорей, скорей!

Сильно налегают на весла, чтобы поскорее увернуться от камня, тут же сидящего на пути.

— Гребите, гребите, не зевайте! Утонем ведь...

В голосе рыбака чувствуется страх, который и на нас действует заразительно. Не обошлось, конечно, без того, чтобы гребцы на секунду не растерялись,—и потому налетели-таки на камень, к счастью, благополучно.

— А ну, гребите хорошенько, пройдем вверх, вот к той лавине.

Подошли после упорного труда, вылезли на камень и оглянулись на порог, находясь чуть ли не в середине его.

Еще раза два кувырнулись с водопада с тем же мгновенным ужасом, захватывающим дух, и мокрые, с полной лодкой воды, высадились на берег.

— Самим ни за что не пройти...

Кругом Ненасытца скалы и камни. Дико и пустынно. Каменные темные глыбы навалены одна на другую в диком беспорядке. В расщелинах кусты и трава, но и трава высохшая, побуревшая, сожженная горячим степным солнцем

Стемнело, и наступила ночь. Луна взошла над левым берегом и осветила землю, камни и реку мягким белым светом. Метрах в тридцати от уровня воды высилась скала, гладкая и ровная, круто спускавшаяся к Днепру: она образовала уступ, довольно широкий, откуда открывался вид на весь порог во всей его величественной, мощной красоте.

На следующий день лодка без труда и опасностей пробежала остальные пороги; за ними только тянутся еще скалистые берега, да камни разбросаны среди реки. В одном месте громады берега сходятся очень близко, так что и место это называется „Волчье горло“. В левом берегу, в скале— пещера, маленькая и узенькая, где, по преданию, скрывался запорожский мятежный атаман. Тут сейчас же и Хортица, большой высокий остров, где гулял в Сечи Тарас Бульба с сыновьями. Против Хортицы стоит город Александровск, от которого Днепр опять покрыт баржами, пароходами и разными другими суденышками до самого Черного моря.

Сахар.

Свекловица возделывается исключительно в странах умеренного пояса. Но она, для успешного накопления сахара, нуждается в большом количестве тепла и света, почему не выносит слишком влажного климата, с значительной облачностью, хотя она не мирится и с климатом слишком сухим. Кроме того, сахарная свекловица требует очень плодородной почвы; лучше всего она произрастает на черноземе и суглинках. Наиболее подходящий район для культуры сахарной свекловицы лежит между 47° и 54° сев. широты; к северу от этого ройона лето слишком кратко, а к югу климат недостаточно влажен.

Доставленная на завод свекловица пропускается через жолоба с протекающею по ним водою для отделения земли и камней и поступает на особые машины для обмывания, после чего из нее извлекается сахаросодержащий сок. Для получения этого сока свекловицу предварительно измельчают в машинах, а затем помещают в особые сосуды. Остающаяся резка выжимается, при чем получается так называемый жом, являющийся кормовым средством с большим содержанием питательных веществ. Это дает возможность содержать при заводах значительное количество скота на откорм и, таким образом. возвращать земле часть взятых от нее богатств.

Полученный сок подвергается затем очистке с помощью извести, Получающаяся при этом грязь является полезным удобрительным веществом. Сгущение производится в выпарных аппаратах, после чего сахар поступает в другие аппараты, где подвергается кристаллизации и окончательной обработке. В результате получается сахар-сырец и, в виде отбросов, черная патока, которая идет на корм скоту и на винокурение.

Получаемый в сахарном производстве сахар-сырец заключает в себе некоторые примеси и поэтому нуждается в дальнейшей очистке или рафинировании, что и производится на рафинадных заводах, где достигается полная очистка сахара и где придается ему внешний вид, требуемый рынком. Для этого сахар растворяется, вновь очищается с помощью извести, вновь выпаривается и подвергается затем окончательной обработке, после чего получается в виде сахарных голов, пиленого сахара, белого песку, сахарной муки или пудры.

Сахарные заводы в большинстве случаев являются крупными предприятиями со сложными и дорогими машинами. Благодаря громоздкости свекловицы, производство сахара тесно привязано к районам культуры этого растения. Рафинадная же промышленность встречается не только в местах производства сахара-сырца, но часто и в других местах, куда он может быть привезен для переработки.

В России уже с начала XIX века стало развиваться рафинадное производство. Первый свеклосахарный завод был основан в Тульской губ. в 1802 году. Особенного же развития сахароварение достигло в период от 1881—1913 г. Одновременно наблюдался значительный технический прогресс, выражавшийся в введении усовершенствованных приемов и машин.

Наиболее важное значение в сахарной промышленности имел юго-западный район, на который приходилось более половины всего производства. Здесь находился главный центр нашей сахарной торговли—Киев, где устанавливались цены на сахар. Здесь же были расположены наиболее крупные заводы, которые получали свеклу с заводских плантаций.

Война и последовавшие за нею события произвели разрушающее действие на нашу сахарную промышленность. Производство сахара сократилось, и условия его выработки значительно ухудшились. Площадь под свекловицею упала в 4 раза, между тем, как количество доставленной свеклы на завод сократилось в 15 раз. Это об'ясняется тем, что часть плантаций гибла, урожайность падала, часть свеклы оставалась невыкопанной или расхищалась крестьянами на корм скоту, а выкопанная не могла быть доставлена на заводы. Затем часть свеклы гибла на самом заводе, поэтому количество произведенного сахара упало в 19 раз. Некоторые районы нашей сахарной промышленности находились вблизи фронта, главные из них были заняты немцами, а после того были театром гражданской войны. Кроме того, аграрная революция разрушила многие заводские и крупноплантаторские экономии, являвшиеся важнейшими источниками свекловицы.

В 1918 году была об'явлена национализация сахарной промышленности: все сахарные заводы перешли в обладание государства, и был учрежден сахарный комитет (Главсахар). С 1922 года она была снята с государственного снабжения и все заводы были об'единены в единый трест (Сахаротрест), и с этого же времени сахарная промышленность начала развиваться, и в 1923—24 году количество выработанного сахара повысилось с 48.000 тонн (1921 г.) до 320.000 тонн.

Советская „Кочегарка"— Донбасс.

Степь. Холмы, буераки, покрытые худосочной зеленью, кое где изрезанные черными квадратами вспаханной земли, лениво бегут вдаль. Ни деревца, ни кустика, скучно и сонно. Даже звонкая, ликующая трель жаворонка, застывшего в солнечном потоке, не скрашивает впечатления.

Вот, совсем недалеко, приземистое, прокопченное здание, с длинной металлической клеткой на крыше. Кругом горы

угля, черного, отливающего металлическим блеском. Шахта. Рядом правильный конус земли, издали напоминающий пирамиду, вышиной в несколько десятков метров. Это искусственная гора „породы"—земли, выброшенной человеком из недр при добыче угля.

Тут же раскинулась колония рабочих. Придавленные к земле каменные и деревянные домишки, крытые черепицей, чахлые одно—два деревца, лениво бродящий поросенок, куры и чумазые обтрепанные ребятишки.

На улице пустынно, мертво—взрослые под землею, тут же может быть, под вами.

Вот типичная картина рудника. Кругом вы увидите еще две, три, пять таких же пирамид на горизонте — это тоже рудники.

Знакомство с ископаемыми Донбасса относится к началу XVIII века: еще Петр I, увидев кусок угля во время Азовского похода, сказал: „Сей минерал, если не нам, то нашим потомкам будет весьма полезен".

Петр был прав. Теперь, когда иссякли запасы леса, уголь и нефть—наши топливные богатства.

При Петре же начали искать руду. Разрабатывались медистые песчаники Бахмута, было известно ртутное месторождение в Никитовке и Городищенский марганцево-рудный район.

Донецкий угольный бассейн занимает площадь длиною в 375 килом. (с запада на восток), при наибольшей ширине в 150 килом.

В продуктивной толще земли заключается от 25 до 40 каменноугольных пластов рабочей мощности и до 200 угольных прослойков. Мощность пласта, обычно, около 1 метра, и редко превышает 2 метра. Пласт менее чем в 40 сантиметров считается нерабочим.

В Донбассе добываются самые различные сорта углей, вплоть до антрацитовых. Добыча угля в Донбассе занимает первое место среди каменноугольных районов Республики. В 1913 году угля и антрацита добыто 24.960 милл. кгр.

В годы гражданской войны Донбасс был ареной упорных и жестоких боев. Работа в шахтах почти прекратилась, их затопило водой. Надшахтные здания разрушились, ценнейшие машины и оборудование портились, ветшали без ухода, и во многих местах пришли в полную негодность.

Но Республике нужен уголь. Нужен, как воздух, так как без него не наладить транспорта, не поставить крепко на ноги промышленность. И Советское Правительство бросает самые лучшие свои силы в Донбасс.

И Донбасс ожил. Задымили трубы, десятки тысяч шахтеров врезались своими кайлами в угольные пласты. Беспрерывно одна за другой стремительно падают в пучины земли клети, выбрасывая оттуда миллиарды килограммов черного золота. Во все стороны Республики побежали угольные составы, неся свет, тепло и энергию.

В свете „шахтерки".

Вокруг едкая, черная, просачивающаяся сквозь одежду, пыль, толстым слоем осевшая и на электростанции и на угольной сортировке и трехэтажном здании, выстроенном над шахтой.

Мы пробираемся через заваленные углем пути, мимо железных платформ, несущих по 48.000 кгр угля каждая, мимо угольных куч, вышиной в 3-х-этажный дом. Черная маленькая дверь, мы входим во мрак, в котором гулко раздаются наши шаги по железному полу. Глаз различает— в одном углу груды железных лопат, по полу куски угля, поблескивающие в темноте, хрустящие под ногами, кругом металл, балки, перекрытия, холодно блестят рельсы, выбегающие в светлый квадрат на эстокаду, словно висящую в воздухе. В помещении скупо льется свет из дыр на крыше. Мы подходим к люку, огороженному со всех сторон металлической решеткой.

Это ствол центральной шахты одного из лучших в Донбассе рудников—Щербиновского.

Техник дает некоторые пояснения:

— Глубина шахты 435 метров. Дает ежедневно 320.000—400.000 кгр. коксующегося угля. Недавно давала 640.000 кгр, но весна, полевые работы—отлив рабочих.

Я заглядываю в колодезь. Черная, волнующая бездна. Ни огонька, ни блестки. Лишь, как будто легкое журчание воды.

— Да, это вода просачивается. Вам, пожалуй, лучше надеть брезентовый костюм.

— А разве сильно льет?

— Нет, как дождик. Не успеете замокнуть—опустимся.

Я получаю тяжелую медную „шахтерку" (лампочка шахтера). Она заправлена и горит ровным спокойным огоньком, говорящим о вечной тьме. Из ствола гулко раздается удар.

— Сейчас придет клеть.

Быстро, быстро бежит вверх металлический канат, толщиной в руку. Он весь из тоненьких проволок, а поднимает до 11.200 кгр. Может оборваться, как нитка.

— Теперь это часто—износились, вытянулись, а новых нет.

Ствол гудит приближающимся шумом и лязгом.

Вот и клеть—вся из металла, облитая водой, с опадающими тяжелыми каплями. Два рабочих, черных от угля, выкатывают наполненные вагонетки, освобождая нам место. Мы входим в клеть. Под ногами слякоть.

— Встаньте крепче, держитесь за балку, а то шатает,— предупреждает рабочий.

Опять металлические звуки, на этот раз три удара, и клеть, словно потеряв точку опоры, плавно падает вниз.

Мы в коробке с бегущими вверх двумя стенками. Шум, скрип, лязг. „Шахтерки" льют скупой свет, освещая грязь-

ный пол клети, ноги. Я поднимаю лампочку, смотрю на стремительно улетающую стену. Она выложена камнем, по которому бегут вниз ручейки воды. Вот промелькнули несколько нагруженных вагонеток в штреке (штрек—коридор в земле), заготовленные для под'ема. В ушах чувствуется повышенное давление. Товарищ, стоящий рядом, говорит и слова его раздаются гулко, словно из колодца. Мы все опускаемся. У меня уже промокло правое плечо, я перемещаюсь, но вдруг нас обдает чуть не потоком воды. Рабочий, улыбаясь, кричит: „сейчас приедем". Действительно,—несколько секунд, и мы с толчками останавливаемся.

Направо и налево высокие и широкие цементированные камеры—рудничный двор. Здесь подземные рабочие получают наряды, отсюда идут штреки по угольным пластам, некоторые за 4—5 км, сюда стекаются вагонетки с только-что добытым углем, сюда же, окончив работы, приходят шахтеры и ждут под'ема в клети. Цементный пол, по которому в черную даль уходят рельсы. Вот из тьмы стук копыт, скрип колес. Совсем рядом морда лошади, за ней несколько вагонеток. Недалеко от рудничного двора в боковой галлерее—конюшня. Галлерея бетонирована, у каждой лошади свое стойло.

— Здесь 37 лошадей,—поясняет рабочий,—живут хорошо, еды в волю, работают по норме. Это неправда, говорят слепнут—ведь здесь электричество.

Пахнет навозом, сеном, спертым запахом лошадиного пота, как на любом конном дворе. Как будто и нет миллиона тонн над головой. Идем дальше.

Сегодня праздник—работают лишь сверхурочные сдельщики.

В шахте вместе с нами всего лишь 36 человек. Мы, четверо, идем гуськом, слегка нагибаясь. Под ногами бегут ручейки, стоят лужи. Изредка мы пропускаем вагонетки с углем, прижимаясь к стене. От основного штрека в обе стороны уходят боковые. В одном из них далеко, далеко, словно светлячек, мелькнула „шахтерка". А вот уклон, круто поднимающийся вверх.

— Наклонный пласт пошел вверх,—об'ясняет рабочий,—ну и мы за ним.

Делается жарко, душно. Где то близко раздаются удары—это работает забойщик. Встречается лошадь с вагонеткой и вдали виден сам забойщик. Он словно врос в стену, матово отливающую в свете его „шахтерки", стоящей подле.

Упорно, удар за ударом, впивается он в пласт—уголь отваливается кусками, с глухим стуком падает к его ногам. Работает забойщик в течение 6-ти часов.

Средняя производительность забойщика в день 2.160 кгр.

Под землею.

Михайло, прекращая свою работу, выходил на рудниковый двор, следил за тем, как ловкие коногоны подвозили сюда целые „партии“ полных углем или глиной вагонеток, соединив их одна с другой в одну ленту. Что сразу больше всего удивило Михайла, это то, что под землей тоже работали лошадьми.

Один раз он прошел квершлагом [1]) несколько ступенек по шпалам и зашел в подземную конюшню. Это была большая пещера, выдолбленная сбоку; в ней были пристроены ясли для овса, а над ними к стене прицеплена лестница для сена. В конюшне стояло несколько толстых коней, которые повернули головы и с любопытством осмотрели гостя, оторвавшись от яслей и фыркая своими мягкими подвижными ноздрями.

— Здравствуйте, дедушка,—обратился Михайло к старому конюху, что сидел у входа на опрокинутом ведре и курил трубочку.

— Здоров, казаче,—кивнул дед.—Что скажешь?

— Да вот нечего делать, так шахту осматриваю.

— А лампочка твоя где же? без нее нельзя, заблудишься. Подожди, делать мне сейчас нечего, так и пойдем вдвоем.

Дед снял с гвоздика лампочку, и они пошли проходом туда, откуда Михайло слышал грохот вагонеток, выкрики коногонов и заглушенные стуки шахтерской мотыги. Через минуту вышли они к другому ходу, который шел в обе стороны и пошли направо.

— Это „продольная“,—проговорил конюх,—или главный штрек; другие называются промежуточными штреками. А-ну, стань-ка в сторону да плотно прижмись к стене, а то наедет „партия“.

Михайло и сам слышал, что навстречу с шумом и звоном приближается что то страшное, а потому и без дедовых советов невольно прижался к сырым стенам. Через минуту перед ними промелькнул ряд насыпанных доверху вагонеток; сначала при свете дедовой лампочки из тьмы вынырнула, качая головою, лошадь; тяжело ступая по луже и стуча копытами по шпалам, она тянула этот ряд за собою; на первой вагонетке лежал плашмя на угле паренек, весь черный от пыли: только голова его была немного приподнята, чтобы следить за лошадью, на голове был надет картуз, к которому прикреплена спереди зажженная лампочка. Руки нужны ему были для работы, поэтому светильню прикрепили к картузу. Это был так называемый „коногон“, на обязанности которого было сцеплять полные вагонетки и оттаскивать их лошадью подальше от работы к тому колодезю, где их поднимут наверх.

---

[1]) Подземный ход, соединяющий два пласта.

Пошли дальше.

— Слышите, дедушка, словно снова партия движется нам навстречу,– прислушался Михайло.

Дед усмехнулся.

— Нет, это не оно. Сейчас подойдем ближе, ты сам увидишь.

Они остановились около сбитой из досок будки, которая прилепилась к стене главного штрека. В этот самый момент шахтер вкатил в будку пустую вагонетку, прицепил ее к канату и крикнул куда то в пространство, что сделано уже все, что надо. Когда Михайло вошел за дедом в будку, то увидел, что от нее начинается новый проход в сторону, немного вверх, а вагонетку, которую шахтер прицепил к канату, какая то незримая сила быстро потащила этим проходом вверх. Михайло удивленно посмотрел на деда и на шахтера.

—Что? удивляешься? — засмеялся дед. — Вот мы пойдем сейчас за ним вверх, и ты сам увидишь, как тут все устроено.

Не успели они пройти нескольких ступеней вверх, как должны были снова плотно прислониться к стене, потому что навстречу рабочим сама собой катилась по рейкам наполненная углем вагонетка. Когда она промелькнула мимо них, Михайло увидел, что и к ней привязан сзади канат.

— Этот канат,—обратился он к старику,—где то, вероятно, перекинут через блок; полная вагонетка своей силой тянет один конец каната вниз, а другой конец где то тянет пустую вагонетку вверх. Так, дедушка?

— Так, сынок. Мы идем теперь к одному из промежуточных штреков, откуда и передают полные вагонетки к главному—там коногоны оттянут их куда следует.

Что это за дыры, дедушка?—спрашивал снова Михайло, увидя, что по обе стороны были узенькие дыры, в которые разве что один человек пролезет и то на четвереньках.

Как раз в этот момент из одной дыры показалась голова, а потом и весь человек—он, упираясь руками и ногами в землю, тянул за собой небольшие саночки, нагруженные углем. Вытянув их из дыры, он скинул шлейку, которая спереди спускалась с шеи между ногами и была привязана к этим саночкам, тяжело вздохнул, растер по лицу грязный черный пот и оглянулся.

— Эти дыры,— проговорил старик,—называются „печи“, а вот этот мальчуган—„саночник“.

Саночник предложил Михайле полезть в печь, чтобы лучше рассмотреть. Михайло согласился. Саночник перебросил свои саночки на кучу угля, накинул на шею шлейку и исчез в дыре.

— Лезь за мной,—услышал оттуда Михайло, и полез на четвереньках за ним. В проходе было темно. Руки упирались в землю, густо усыпанную мелкими колючими кусочками угля, ноги скользили и пришлось ползти на коленях.

Может быть более минуты слышал перед собой Михайло, как кряхтел и сопел от напряжения саночник, наконец он смолк. Блеснул желтый темноватый свет и Михайло очутился в печи. Это была комнатка, в которой можно было разве только сесть. Потолок подпирало несколько дубовых коротких косяков, расставленных там и сям, как попало. В глубине, где горела прицепленная крючком за выступ угольного слоя лампочка, растянувшись на угле, лежа долбил тот слой мотыкою сильный полуголый шахтер.

Стук мотыки глухо раздавался в этой небольшой низенькой дыре, а где то за стеной слышны были и другие стуки.

— Там тоже бьют уголь?—обратился Михайло к саночнику.

Шахтер внезапно перестал работать, сел, вытащил из кармана кисет с табаком и стал крутить папироску. Саночник короткой лопаткой наполнял углем свои санки, а Михайло осматривался вокруг и мысленно благодарил судьбу за то, что ему не пришлось и не придется работать тут в этих печах и забоях. Сердце у него быстро билось, голова горела, в виски стучало. Дышать было нечем: не удивительно, что шахтер был почти голый и обливался потом. И лампочка еле-еле мерцала,—верно тоже из-за недостатка свежего воздуха. Михайло оглянулся на выход.

— Что? не нравится наша приемная? Засмеялся шахтер. Ко всему, брат, привыкаешь, когда есть надо... Ничего... Вот собьемся с теми, что там—слышишь,—стучат нам навстречу, тогда будем идти „в лаве“. Свободнее будет. Да это еще ничего. А есть места в далеких забоях, где и совсем дышать нечем, где и свет не горит.

— Как так? А что же тогда делают?

— Проветривают, а если не помогает, тогда просто в тот удушливый угол нагнетают воздух вентиляторами.

— Ну, двигаемся, что ли,—проговорил саночник, запрегся в санки и поволок их за собою в дыру к выходу. Михайло, простившись с шахтером, полез за ним.

Рождение металла.

На всех южных дорогах, а также на дорогах, идущих с юга в Москву, вы можете встретить платформы и вагоны, груженые короткими, ржавыми металлическими обрубками одинаковой формы.

На одной из станций Южных дорог недавно я был свидетелем такой сценки. Вполне культурный гражданин, глядя на несколько платформ, заваленных такими ржавыми кусками металла, глубокомысленно произнес:

— Наконец то мы взялись за ум—стали лом собирать. А интересно, где его столько насбирали?

— Это, милый человек, не лом—это чугун новорожденный, чугунные чушки с Юзовского завода. Вся, почитай, Украина, да и Москва сейчас им питается,— спокойно ответил ему рабочий. Да, это был чугун новорожденный, исчислявший свой возраст неделями.

Юзовский металлургический завод единственный на всем юге, где работают две доменные печи, ежедневно рождая до 320 тонн таких ржавых чушек—чугуна.

Завод, бывший Юза,—один из крупнейших в России. Достаточно сказать, что вокруг завода вырос целый город—Юзовка (Сталино), насчитывающий до 60 тысяч жителей и представляющий собою крупный торговый центр в Донбассе с отделениями банков и пр.

Сам завод располагает территорией в 1.650 гект. Непосредственно на территории завода расположены две шахты (из шести, принадлежащих заводу), тут же коксовые печи.

На заводе пять доменных печей, несколько лет тому назад дававших до 272 тысяч тонн. чугуна в год.

Терзаемая всепожирающим жаром, доменная печь, или просто „домна", в муках, с опасностью для своей жизни дает человечеству ставший не менее необходимым чем воздух и вода—металл.

„Домна" — этот исполин, закованный в металлический кожух, перед которым человек кажется пигмеем—почти что живое существо. Для поддержания ее жизни необходима эта колоссальная постоянная температура в 1800 градусов, необходимо круглые сутки в определенные часы тысячами пудов руды, кокса и доломита заполнять ее пожирающую утробу. С ее жизнью связано существование вот этих металлических башен, паровых машин в тысячу лошадиных сил, громадных воздуходувок, подающих воздух в домну, и нескольких тысяч рабочих, добывающих руду, уголь, кокс, известь и т. д.

Все работают на „домну", поддерживают ее неугасимый огонь, наполняют ее, вечно голодную, новой пищей. Ни на одну секунду нельзя не только прекратить огонь, но ослабить температуру „домны". Это равносильно ее смерти—в месте выхода расплавленного чугуна образуется „козел"—пробка из затвердевшего чугуна.

Очень редко удается спасти такую „домну", чаще ее приходится всю разбирать и строить заново.

Когда смотришь на „домну", кажется невероятным, что человек создал ее до последнего болта своими руками.

Чувство уважения, граничащее с благоговением, переживает наблюдающий в первый раз ночной выпуск домны.

Кругом мрак, и только группа в восемь—десять рабочих, копошащихся под „домной", освещена двумя электрическими лампочками. Со стороны прокатных цехов несется неумолкаемый гомон, хаос звуков.

Рабочие пробивают „летку", отверстие, плотно замазанное спекшейся от жары глиной, диаметром в несколько вершков.

Именно отсюда, через несколько минут польется чугун, кипящий сейчас в печи, переливающийся беспокойно в ее чреве. Я смотрю на него в контрольное отверстие, через синее стекло—без стекла смотреть нельзя, верная потеря зрения.

Старший рабочий изредка дает короткие свистки в висящий на груди свисток — распоряжается. Лом врезается в глину, превращавшуюся в камень.

— Э-э, дружно! Э-х, разом! подхватывают шестеро ухватившихся за лом и мерно отбивающих глину рабочих.

— Есть!

Все отбегают. Тоненькая, ослепительно-белая струйка чугуна, медленно словно нехотя, ползет по песчаной канавке. Делается светло, как днем. Становятся видными заводские корпуса, застывшие в разных местах рабочие, обернувшиеся к „домне", домики поселка вдали.

Все светлее и светлее—мрак убегает, сгущаясь в степи. Мы в центре горящего круга. Становится душно, жарко, платье топорщится. Чугун идет уже полной струей, торопливо заполняя формы, заготовленные заранее в песке (формы тех самых ржавых чушек). Весь процесс выпуска 10—15 минут. Я стою, как зачарованный. В песочных формах, краснея, застывает чугун.

По рудникам Криворожья.

В тридцати километрах от городка, среди широко раскинутых полей, развернулся рудник им. „Октябрьской Революции".

Первым бросается в глаза высокая гора кварцита, который десятки лет извлекался из глубоких карьер и штреков горняками.

Криворожье—центр, вокруг которого раскинулась сеть железорудных районов. В 5 килом. от города расположена группа Артемовских рудников. Это первые рудники, куда попадаешь из Кривого Рога.

Рудник носит характер эксплоатации пластового месторождения железной руды. Когда мы начали подвигаться на рудник Артема по улицам поселка, где проживают горняки, нас покрывала красная рудничная пыль. По обеим сторонам улицы тянутся красные кварцитные заборы, и большинство домов также построены из кварцита.

Под'езжая к рудникам, слышишь уже грохотание лебедки, которая быстро подает из карьера руду на двух вагонетках к эстакадам, а две пустые спускает в то же время обратно в карьер. Внизу, в карьере, копошатся горняки, точно подземные кроты. Лица красные, одежда пропитана рудой.

Мы спускались с горняками по узкой тропинке в карьер.

— Ого! Оборваться можно, ребята, да и разбиться.

— Это еще ничего, — последовал скептический ответ,— убиться даже можно. Здесь, конечно, администрация не разрешает ходить посторонним лицам.

— Это почему?

— Голова от непривычки закружиться может. Можно и упасть, а тогда, брат, и костей своих не соберешь. У нас есть специальные лестницы для спуска в карьер. Ну, да не бойся! Пойдем! Давай руку.

Медленно стали спускаться вниз. Все ближе и ближе раздавались удары кирок... Горняки долбили по большим грудам руды и под их ударами разлетались во все стороны огневые искры. Вдали раздавался грохот работающих бурильных машин и шум под'емных лебедок.

„Тяжелая работа у нас. Здесь в карьере еще ничего, а вот в штреках—там еще хуже. А бурильщикам, висящим на канатах над бездною, совсем плохо приходится", сказал один из горняков, указывая на бурильщиков, висевших на канатах, опущенных со скалы над обрывом.

„Эх, тяжела работа наша"! говорят бурильщики, спустившиеся по канату в карьер.—Летом еще ничего—в одной рубахе да брюках легко работать, а вот, когда осень, зима подходят, холод, дожди, снег, льется прямо на тебя ручьем красная ледяная вода... Страшно тяжело работать в одежде! Жарко, а раздеться нельзя—простудишься. Много нашего брата—бурщиков больны чахоткой и всякими другими болезнями. Глотаешь красную рудничную пыль, которая оседает и ест твои легкие. Работа специальная—не всякий работать может. Если слаб на голову—к работе не пустят".

„В штреках еще похуже работать. Вон эти, что прямо виднеются, на подобие арок, они 50—60 метр. тянутся под землей. Там тоже бурщики есть и забойщики. Там уже не приходится висеть на канатах, а все время приходится работать лежа, либо стоя. В больших штреках всегда стоит сырость, протекает вода, так как штреки находятся ниже уровня рудников".

При карьерах работают день и ночь насосы, которые выкачивают воду, стоит только сутки не выкачивать—карьеры и штреки могут быть затоплены. В штреках темнота, без шахтерской лампочки невозможно работать.

Штреки бывают разные: с богатой залежью руды и плохой.

Если попадается много кварциту при разведках, там уже работа труднее; к тому же и заработок меньше.

Не так давно была отремонтирована и вновь пущена лебедка № 1. Торжество было большое! Горняки лебедку назвали именем Владимира Ильича Ленина.

Горняки понимают всю важность своей работы в деле восстановления нашей страны и всеми силами стараются повысить производительность рудников. Медленно, но уверенно приближаются к выработке довоенного времени.

Приближался час шабаша, начали появляться из подземелий краснолицые люди-кроты. Медленно поднимались

они длинной вереницей на поверхность земли и разбрелись по домам отдохнуть от своего адского труда под землей.

А на их место уже спускалась вторая смена.

По вечерам горняки отправляются в клуб. В клубе часто устраиваются лекции, чтения, собеседования; работают политкружки. Клуб огромный. Разукрашен гирляндами и портретами вождей. Клуб имени Тараса Григорьевича Шевченка. Молодежь тоже принимает активное участие. Имеются спортивная, музыкальная и др. секции. Горняки тесно связаны с городом, с партийными и профессиональными организациями. Жизнь шахтеров бьет ключем, с каждым днем работа разворачивается все шире и шире, они идут по пути культурного развития.

Природа и животное население заповедника имени тов. Раковского (б. „Аскания Нова").

В пределах северной Таврии, в сорока километрах к востоку от Перекопа, среди степных просторов юга Украины, расположен знаменитый зоопарк „Аскания Нова". Он далеко прославился за пределами России, в Европе и Америке, не только необычайной своей жизнью, но и своими заслугами перед наукой.

Копытные различных частей света на полной свободе вытаптывают ковыльную степь, лежащую к северу от берегов Черного моря. Парк насыщен птицей Австралии, Америки, Азии, Африки и Европы; тысячные стада перелетной птицы находят себе покой и отдых на прудах этого оазиса среди безбрежных южно-русских степей. Перелетные гости обогощают и без того изумительную по разнообразию жизнь Асканийских вод.

Здесь все живое, не хищное находит приют и заботливый уход и мирно живет рядом с человеком.

Расположена Аскания среди ровной, невспаханной безводной степи, на которой она кажется оазисом. Глубокий слой чернозема обеспечивает степь богатым травянистым покровом на весеннюю и раннюю летнюю пору. Кругом Аскании недостаток влаги и почвенных вод лишает степь древесной и даже кустарниковой растительности, а к концу лета жаркое солнце выжигает и травянистый покров.

В Аскании вы прежде всего попадаете в царство мелкой и голенастой птицы. Многочисленные птицы то влетают через окошечки в зимнее помещение, где скрыты их гнезда, то забиваются в густую чащу листвы. Голенастые преследуют в воде добычу... Возня, писк, резвый полет говорят о хорошем самочувствии узников. Кругом на полной свободе порхают канарейки и китайские соловьи.

Вы выходите из парка на берег пруда... Открывается прекрасная панорама... Сквозь просвет между двумя островами и высокими берегами, поросшими кустарником и деревьями, виден противоположный низменный берег пруда... Там излюбленное место фламинго... Живописной группой они, в своем нежно-розовом оперении, с огненным цветом распростертого крыла, на высоких стройных, карминово-красных ногах, с гибкими тонкими шеями, дают всему окружающему колорит изящества. Берега, склоны островов и вся водная гладь покрыты многочисленными видами гусей и уток. Красивыми группами на берегу расположились желтоклювые лебеди кликуны, серые гуси и др. птицы. Вода пестрит красноголовыми и красноносыми утками. С шумом спустились белолобые казарки возле белых полярных гусей. В чаще береговых кустов мелькнула и быстро скрылась ярко разрисованная по китайски утка-мандаринка.

Сколько любви, внимания, забот и средств затрачено на создание и поддержку этого уголка! Пруд искусственно заполняется водой. Исчезни водопроводные трубы... выпило бы жаркое южное солнце всю его воду.

Подымаемся по лестнице на вышку, представляющую собой площадку. В степи живописными группами расположились представители млекопитающих. Здесь: оленебыки, козероги, гну, маралы, благородные олени, лани, муфлоны, гривистые бараны, ламы и т. д. Родственные формы держатся обособленно. Одни мирно пасутся, другие отдыхают, третьи упершись лбами, скрещивая рога, пробуют осилить друг друга.

Время от времени кто-либо из животных энергично стучит рогами о ветви сухого срубленного дерева.

В стороне от парка находятся загоны, где содержатся старые бодливые зубр и бизон, куда на ночь загоняют часть животных, пасущихся на вольном пастбище. 500 гект. целины, непосредственно прилегающей к парку, частью поросшей высоким ковылем, являются достоянием диковинных стад.

Степь... Широко раскинулось стадо... Осторожно носят свои тяжелые рога олени, отдыхают или щиплят траву их простенькие самочки, с еще пятнистыми молодыми оленьками. Красиво рябят на зеленом фоне стройные фигуры зебр. Постукивая копытцами, вяло двигаются зобастые олени-быки, изредко похрюкивает косматый як... Поодаль осторожное стадо полукровных муфлонов с круторогим бараном во главе направляется в сторону от человека. Отошли, и, сбившись в кучу, голова к голове, затихли в полусне... На горизонте ходят своей усталой походкой огромные и грозные в минуты гнева зубры-быки, зубры-бизоны. В другом направлении, подобно всадникам, маячат верблюды.

Дети далеких лесов Сибири и жарких степей Африки, обитатели предгорий Тибета и чуждых нам Анд, Абиссинии, и Индии—волею человека брошены в Таврическую степь, где обрели себе новую родину.

Не следует однако думать, что Аскания Нова всего лишь необычайный зоологический сад, в котором диковинные животные бродят на просторе степей. Аскания Нова представляет собой огромное опытное учреждение научно-теоретического и прикладного характера. Местом научной работы в Аскании Нова являются: зоопарк, зоотехническая лаборатория и заповедная степь. Уже при взгляде на африканских и американских страусов, сопровождаемых молодым выводком, на молодых олене-быков, гну, яков, диких лошадей Пржевальского, зебр, оленей, муфлонов, сайгаков и т. п., родившихся и подросших в Аскании, становится ясным, каких больших успехов достигли в этом питомнике в деле акклиматизации животных, могущих иметь большое хозяйственное значение.

Так, напр., сделана попытка акклиматизировать в Аскании крупную антилопу, оленебыка, которую практичные англичане на юге Африки сумели использовать, как прекрасный убойный скот. Хорошо акклиматизировались и успешно множатся в Таврической степи: южно-американское нагорное, вьючное животное — лама, индийский рабочий скот — зебу, тибетский як и др.

Весьма интересны в хозяйственном отношении попытки улучшения пород домашнего скота, лошадей и овец, путем скрещивания их с их дикими родичами. Практический опыт Аскании показал, что полученные там помеси зубра и быка, бизона и быка, зубро-бизона-быка много сильнее и работоспособнее, чем наш рогатый скот; к тому же эти помеси плодовиты. Помеси лошади и зебры, так называемые зеброиды, в полтора раза сильнее нашей домашней лошади и, на ряду с неприхотливостью, прекрасно выполняют хозяйственные работы в Аскании, как и помеси дикой монгольской лошади Пржевальского с домашней лошадью. Хороший рабочий скот получается путем скрещивания яка и нашего рогатого скота.

Мало того, Аскания представляет собою исключительное учреждение в смысле масштаба опыта одомашнения диких животных и птиц. При первом взгляде не может не поразить все разнообразие копытных млекопитающих, гусей, уток, куриной и иной птицы, которая, имея родиной Африку, Азию, Америку и Австралию, но вскормленная рукой человека, ходит в Аскании по его пятам.

Аскания Нова из прекрасного акклиматизационного степного зоопарка за последние десять лет выросла в крупное исследовательское учреждение, которое ожидает еще большая будущность, если удастся ее сохранить. Мы думаем, что при определении дальнейших судеб Аскании Нова, прежде всего следует помнить, что Аскания Нова не только заповедник, что Аскания Нова не зверинец. Аскания Нова преследовала и должна преследовать в будущем задачи опытного исследовательского учреждения.

Автономная Крымская С. С. Республика.

Крымская автономная республика образована декретом 19 окт. 1921 года.

Центр республики—Симферополь.

Пространство—36.151 кв. км.

Населения в Крыму—720.000 человек.

В городах: русских—60%, татар—12—15%, остальные другие национальности. В сельских местностях: русских—41%, татар—40%.

В сравнении с русскими, украинцами и немцами татары являлись самым загнанным и отсталым элементом Крыма. Первый же учредительный С'езд Советов Крыма наделяет землею в первую очередь безземельных и мало-земельных, а также возвращающихся эмигрантов-татар. Если и сейчас еще многое не сделано, то виною этому страшный голод 1921 года, обрушившийся на Крым. По данным 1923 года сокращение населения в связи с голодом достигло 151.728 человек (21%), умерло около 96.000 (13,3%). Значительное распространение получили цынга и туберкулез. Пало полеводство и скотоводство. Общее положение губительно отразилось и на разных ценных культурах Крыма, как виноградарство, садоводство и табаководство.

Голод и падение сельских культур сильнее всего ударили по татарам, как экономически и культурно более слабому элементу. Нужны были большие усилия со стороны центра и местных работников, чтобы путем посильной помощи сохранить татарское население от вымирания.

В области культурно-просветительной работы было обращено большое внимание на организацию татарских начальных школ и на школы высшего типа, подготовляющие кадр преподавателей и технически квалифицированный персонал, в котором так нуждается отсталое татарское население. Голод сильно подорвал работу, так как было закрыто 80% всех татарских школьных учреждений.

Кроме того, развито издательство учебной и политико-просветительной литературы на татарском языке. Крымцик постановил также приступить к созданию постоянного татарского театра. Учрежден целый ряд краеведческих музеев.

Соляной промысел на Сиваше и Крымских озерах.

Сиваш не может похвалиться красотой. Его отлогие берега покрыты широкой, белой каймой соли, за которой начинают расти зеленые и красные солянки. Эти мясистые, солоноватые на вкус кустики, единственные растения, которые растут на соленой земле. Только одни верблюды едят его с удовольствием. Только им одним здесь привольно и хорошо. Неохотно они отрываются от своей соленой пищи, при приближении к ним медленно вскидывают свою голову и сурово смотрят на нарушителей их покоя. Уныло и голо вокруг.

С одного до другого берега видны невысокие глинистые обрывы, а за ними опять степь и степь...

Редко, редко кое-где пробиваются по берегу жалкие кустики камыша. В таких местах обыкновенно под почвой имеются источники „сладкой воды". Иногда заботливые чабаны выкапывают здесь „копанки" (колодцы) для водопоя скота. Сюда же к вечеру прилетают кулики, утки и журавли и др. степные птицы, чтобы также утолить свою жажду. Каждый такой колодец на далекое пространство известен и людям, и птицам, и зверям.

Не текут по этой степи реки и веселые журчащие ручейки.

Только в полуденную жару на горизонте показывается громадное озеро или многоводная река с высокими тенистыми деревьями. Они манят к себе, к воде, в тень. Но увы... это мираж [1]). И напрасно путник вздумал бы пойти туда. Высокие деревья оказались бы кустиками, а вода—она опять была бы где-нибудь на горизонте.

Такие безжизненные, унылые картины тянутся по всему Сивашу вплоть до самого перешейка, который соединяет полуостров Крым с материком и отделяет Черное море от Сиваша.

Весь Сиваш вдоль и поперек можно было бы перейти вброд. Воды в нем не больше 40 см., но мягкое, илистое дно не позволяет делать такие опыты. В некоторых местах даже при отсутствии воды бывало несколько случаев, когда засасывало волов. Во время летней жары, благодаря мелководью, огромное количество воды испаряется. Сиваш уменьшается больше, чем наполовину. На ровном и мягком, как пол, дне остается белый блестящий осадок соли. Вследствие сильного понижения уровня воды в Сиваше, по проливу начинает течь вода из Азовского моря, пополняя таким образом убыль от испарения.

---

[1]) Обманчивые виды, которые часто бывают в степях и пустынях. Явления эти происходят от неравномерного нагревания слоев воздуха.

Часто бывает, что и без солнца западные ветры выгоняют воду из Сиваша, а восточные вновь с избытком нагоняют ее обратно.

Без этого пролива Сиваш превратился бы в многочисленные отдельные озера.

Только в самом проливе и вдоль течения на небольшом пространстве могут еще жить рыбки. Те, которые заплывают из пролива в Сиваш, быстро погибают. Вода в Сиваше содержит гораздо больше соли, чем морская.

Летом обнажаются водоросли, начинают гнить. Этим гниением создается невыносимая вонь от присутствия в водорослях иодистых веществ. Огромное количество этих водорослей могло бы создать здесь целое производство для добычи из них иодистых и бромистых веществ. Но пока этим еще никто не занимается.

С проведением железной дороги через Сиваш около железнодорожного полотна и станции началась разработка соли.

Ежегодно по несколько миллионов пудов соли отправляется отсюда. Добывать ее здесь не особенно трудно для человека: все делают горячие лучи солнца.

Дно Сиваша разгораживают на участки небольшими плотинами до 1 метра высоты и 40 см. ширины. По обоим сторонам землю укрепляют досками. В каждой клетке устроены шлюзы для выпуска воды. Больше почти никаких работ не производится—дно в Сиваше такое ровное, что солепромышленникам не приходится трудиться над его выравниванием.

В начале лета в такие бассейны впускается вода. Солнце испаряет ее. Если погода стоит обыкновенная, т. е. страшная жара, то несколько раз добавляют в бассейн свежей воды, чтобы получить большее количество соли.

В середине лета из воды или „рапы“ начинает осаживаться соль. Сначала она стоит в воде в виде комков студня, или „сала“, вроде того, которое идет по рекам перед тем, как они замерзнут; а потом твердой корой отлагается на дне в виде мелких кристалликов. Природа сделала все, человеку остается слить воду и выбрать слой соли. К осени громадные серые бугры появляются около станций. Начинается усиленная погрузка этого важного продукта в вагоны и развозка его во все уголки СССР.

Вкус соли с Старого озера был знаком еще нашим предкам, когда существовало еще Крымское ханство. Несмотря на враждебные отношения татар с русскими, каждый год по несколько десятков тысяч подвод проезжало по под'емному перекопскому мосту к Старому озеру за солью.

И теперь разрабатывают только Старое озеро и часть Красного.

До сих пор тут ломка соли производится такими же первобытными способами, как при татарских ханах.

К июлю под влиянием солнечных лучей и отсутствия дождей вода в озере сильно испаряется.

Озера принимают тогда красивую бледно-розовую окраску. Это признак того, что соль начинает садиться. При 26 частях соли на 100 частей воды происходит кристаллизация. В жаркое, сухое лето соль осаждается пластом до 7 см. толщины.

Спешат как можно скорее выбрать соль из озера, чтобы дождями не размыло осевший пласт.

По колена в воде тафетчики железными вилами, а иногда и голыми руками, отламывают пласты и складывают их тут же в кучи. Когда у них соберется запас, они берут тачки, прокладывают доски и по доскам вывозят тачки с солью на берег, а потом везут их к бугру и там сваливают.

Часто бывает, что колесо соскакивает с доски, и тачка опрокидывается в воду или на землю. Каждая опрокинутая тачка замедляет работу других...

Тачки приходится иногда везти метров до 200. Но самое трудное вывозить на берег и на соляной бугор, когда он сделается высоким. При малейшем под'еме приходится напрягать силы вдвое, и 80 кгр. тачка становится 160 кгр.

Невыносимый палящий зной, отсутствие всякой тени, густая солоноватая вода, которой никак не утолишь жажды, весь день мокрые от пота, едкой рапы—вот условия работы на соленых озерах.

Многие не выносят этой работы, у других появляются язвы на ногах и руках. Прикосновение к ним соленой воды производить жгучую боль и еще больше раз'едает раны. Самой небольшой ссадины достаточно для того, чтобы небольшая рана превратилась в огромную гноящуюся рану.

Продолжительность выволочки соли зависит от погоды: обыкновенно работают с июля до сентября, октября и даже до ноября. При сильном ветре с дождем осевшая соль, благодаря мелководью, разбивается волной, растворяется, и добыча соли тогда бывает плохой.

Эти озера называются самоосадочными, на них нет никаких искусственных приспособлений, и все зависит от погоды.

Унылую, мертвую картину представляют соленые озера: молочная вода мертвым блеском сверкает под лучами южного солнца. Ничто не оживляет их; ни одна птица никогда не садится сюда; все мертво, безжизненно вокруг. По краям белая корка соли, голый берег, дальше глинистые невысокие обрывы, за которыми невысокая стена... В этих обрывах, в самых глухих углах, водятся угрюмые филины. Эти мертвые, пустынные места как раз подходят к ним. Никто не тревожит их днем, никто не слышит их дикого, страшного крика ночью.

Южный берег Крыма.

Из всего полуострова Крыма наиболее известна и прославлена южная часть его, так называемый Южный берег. Житель северной России, ровной, холодной, лишенной моря, попадая на Южный берег, поражается красивыми сочетаниями моря и гор и особой, непохожей на родную, растительностью. Все для него ново.

Первое, что поражает—это горы: их порой причудливые фигуры, далекий горизонт, который открывается с них. С Чатыр-Дага, например, на север видны Сиваш, Перекоп, а на юг—безбрежное синее море, сливающееся на горизонте с облаками, напоминающими далекие снежные вершины. Местами горы производят потрясающее впечатление, и вряд ли кто позабудет дорогу из Байдар в Алупку, если ему удастся по ней хоть раз пройти или проехать: с севера громоздятся горы, высокие, темные: вершины видишь с трудом, до боли закинув голову кверху. А оторваться не можешь—влечет тебя их могучая красота. Один за другим вырезываются на фоне неба великаны, недоступные человеку.

Очарование моря не сразу заметно. У Херсона, Севастополя и тем более у северных берегов Крыма оно слишком бледно и монотонно. Но чем ближе знакомишься с ним, тем сильнее оно притягивает. Особенно хорошо море у Георгиевского монастыря, стесненное горами. Здесь близко его видишь в первый раз—могучее, сильное, нападающее на береговые скалы, вечно живое. Можно долго сидеть у самой воды, слушать этот плеск, говор волны, играющей галькой, и не наслушаться. И галька вся принаряжена, сверкает в воде, в пене, переливается, как драгоценные камни. Страшно быстро является привычка, потребность видеть море, и долго потом, уехав из Крыма, тяготишься отсутствием моря, стараешься найти подобие его богатой жизни в скромном шуме и плеске соседней речушки.

Очаровывает новичка здесь все—и небо без ясной границы, сливающееся с морем, ночью темное, близкое, с яркими крупными звездами; поражает и особая растительность: кипарисы, пирамидальные тополя и другие деревья, совсем незнакомые и непривычные. И весь этот клочек юга помещается на узкой полоске земли до 160 килом. длины и 2—8 килом. ширины, лежащей сразу за Крымскими горами.

Южный берег вытянут с севера на юг между 45° и 44° 25′ сев. шир. На восток за его начало принимают Байдарские ворота или точнее мыс Айя, а конец возле Феодосии. От остального Крыма Южный берег отделен главным, самым высоким, хребтом Крымских гор. Крымские горы стеной ограждают Южный берег от влияния холодных северных ветров. Через долины же около Алушты между Чатырдагом и соседними Яйлами холодный ветер прорезывается к морю, и временами сильно понижается температура. Это выгодно

отличает алуштинское лето от других курортов. Здесь нет такой жары.

Горы спускаются круто к Южному берегу, но не ровной стеной, а несколькими уступами. Местами встречается один уступ, по высоте немного уступающий Яйле, местами ряд уступов, один ниже другого, подходят к морю и как бы пропадают в нем последними ступеньками. Это хорошо видно на горах Симеиза—от гор подходит к морю двумя уступами хребет Кошка, затем гора, известная у жителей Симеиза под названием „Крепости" (на ней есть остатки каких-то укреплений) и, наконец, прямо в море выступает, круто обрываясь, скала Дива, перед которой возвышается другая скала, за свою форму названная Монахом. Совсем близко подошедшие к морю уступы образуют гористые мысы, напр. мыс Ай-Тодор, на котором устроен маяк. Все эти уступы состоят из тех же пород, что и главный хребет. Пласты наложены в том же порядке; склоны их имеют направление, параллельное главному хребту.

Уступы от главного хребта отделены глубокими трещинами и все из'едены водой. Горы здесь образуют массу красивых выступов и скал, неотразимо влекущих к себе своей красотой. Много туристов делают восхождение на эти горы, стараясь подняться как можно выше, а осенью сюда заходят и охотники. Случается, что туристы обрываются и погибают в трещинах гор. На местах их гибели водружали простой деревянный крест. Горы с этими грустными памятниками называются крестовыми. Одна из таких гор подходит к Алупке; с нее открывается живописнейший вид вниз: на море, берег, Алупку и соседние горы. Она вся заросла лесом, под'ем живописный, но трудный, на горе много глубоких трещин. Около скалы Чабанташ есть трещина, в которую туристы бросают камни и слушают, как долго они падают.

Местами по склонам горы навалены груды огромных камней, весом в несколько тонн каждый. Они набросаны в беспорядке, точно их кто высыпал из гигантского мешка. Эти каменные россыпи тянутся на несколько верст и спускаются к самому морю. Здесь вода так сильно разрушила горы, что только остатки их в виде груд камней спускаются от главного хребта к Южному берегу. Из таких россыпей—„хаосов", как их называют, самые живописные Алупкинский и Массандринский. Алупкинский хаос начинается очень высоко—недалеко от верхнего шоссе из Севастополя в Ялту—и доходит до самого моря. Хаос Алупкинским дворцом делится на верхний и нижний. И на месте многих домов Алупки был раньше хаос, но камни были расчищены Воронцовым, и часть их, шлифованная и обточенная, пошла на постройку Алупкинского дворца. Алупкинский хаос состоит из серо-зеленого, твердого, кристаллического камня, резко отличающегося от крымских известняков и черных сланцов и очень похожего на тот камень, из которого сложены горы Южного берега—Аю-Даг, Кастель, Урага и т. д.

Из гор, которые встречаются на Южном берегу Крыма, не все похожи друг на друга, не все представляют из себя уступы хребта Яйлы.

Есть здесь горы удивительно своеобразной формы,--как пирог, или краюха хлеба. Татары находят в форме этих гор сходство с разными животными. Горы эти сложены из вулканических пород и лишь кое-где сверху покрыты другими породами и почвой. Ученые называют их лакколитами и об'ясняют их происхождение таким образом: из недр земли поднималась лава, очень густая, тягучая, бедная газами. Она остановилась под землей в виде тупого крутого конуса, приподняв лежащие над ней пласты земли. Лава застыла в виде кристаллической массы, а верхние, растрескавшиеся под ее напором пласты земли были смыты водой, и лакколит появился на дневную поверхность.

Наиболее интересные из лакколитов—Аю-Даг—„Медвежья гора", Кастель и Урага. Аю-Даг лежит недалеко от Гурзуфа.

Около Алушты, совсем близко от нее, расположена гора Кастель, необыкновенно живописная, любимое место прогулок из Алушты, до самой вершины, от подошвы, заросшая лесом. Гора эта с круглой вершиной. Нижняя часть под'ема отлога и состоит из глины, местами покрыта целыми потоками обломков, сползающих с вершины. Эти обломки вулканической породы. Выше под'ем становится круче, и вся гора до вершины сложена из вулканической породы. На восточном склоне, в одной из глубоких трещин, проходит жила известкового шпата. Вершина Кастели кончается воронкообразным углублением, похожим на кратер вулкана. Но это не кратер: впадина эта произошла благодаря работе воды и ветра; на склонах и вершине Кастели много развалин стен, как будто крепостных.

Около Феодосии, на половине пути к Судаку, возвышается мрачный, обросший густым лесом, Карадаг. Это—настоящий вулкан; сейчас он не действует, но весь завален камнями, такими, которые образуются при извержениях—вулканическими стеклами, вулканическим туфом и другими продуктами вулканической деятельности.

В Крыму до сих пор бывают землетрясения. Последнее было в 1907 г. Произошло оно ночью; первый толчок разбудил спящих, вещи в комнатах задвигались по полу; затем было еще три толчка, гораздо слабее первого. Землетрясение ощущалось от Гурзуфа до Симеиза. Крымские горы, как мы уже знаем, молодые горы, и землетрясения показывают, что процесс горообразвания еще не окончен.

Море на Южном берегу, заполняя все впадины его, не заходит глубоко; здесь нет таких глубоких и ветвистых бухт, как в Севастополе. Все заливы Южного берега круглы, открыты со стороны моря и ничем не защищены от непосредственного влияния и волнений его. Почти все города Южного берега должны отгораживаться от моря искусственным берегом, строить молы. Постройка молов и их ремонт стоит

очень дорого и к тому же не вполне достигает цели, так как во время сильного волнения волны поднимаются выше мола, переливаются через него и падают в бухту, на набережную и ближайшие дома.

А море никогда не бывает спокойно, всегда по нем бежит к берегу прибойная волна; в спокойную погоду тихо плещется оно у берега. Своим постоянным движением волны разрушают берега Крыма: они растворяют некоторые породы, заливаются в каждую трещину, увеличивают ее. Часто волнам удается отбивать от берега довольно большие куски; куски эти падают вниз, и волны, точно недовольные еще этим, стараются разбить их мельче, обратить в те камни, которые образуют прибрежные части морского дна и пляж.

Пляжем собственно называют более или менее широкую и отлогую часть берега, ближайшую к морю, на которую во время прибоя набегают волны. В Крыму, благодаря значительной глубине моря у берегов, пляж встречается лишь небольшими кусочками и далеко не везде. Крымские пляжи всегда бывают покрыты более крупными продуктами разрушения прибрежных скал: камнями покрупнее, такой величины, что на них может сесть несколько человек, и мелкими камешками—галькой, напр. возле Симеиза. Галька эта изумительно красива; все камешки скатаны иногда в форме яиц, блюдечек, или бывают совсем круглыми. В воде, в особенности там, где берег сложен из вулканических пород, напр., в Коктебеле, возле Карадага, они ярко расцвечиваются и кажутся редкостными, драгоценными.

Мелкие же продукты разрушения—песок—уносятся водой опять в море и встречаются на Южном берегу лишь там, где берег отложе, и горы дальше отступили от моря; этому песку Алушта, Феодосия и другие места обязаны своим чудным дном, таким приятным для купающихся.

В сильные зимние бури, когда прибой возвышается на несколько метров выше своего обыкновенного уровня, он несет с собой камешки и этими камешками обрушивается на берег, особенно сильно там, где берег достаточно крут и еще не побежден водою. Камешки часто западают в более широкие трещины и лежат там, пока их снова не вымоет волна. Этими камешками волна выдалбливает скалы; подобные явления наблюдаются очень часто: напр., около Алупки в том месте, где в море вдается „хаос“, все скалы избиты водой, и в выбоинах лежат камешки. Легко себе представить, какая сила в этом водяном молоте, и как трудно многим породам, особенно известковым, устоять против его действия.

Все побережье Южного берега носит на себе следы работы моря, сильной и постоянной.

Иногда море в берегах вымывает пещеры, дно которых залито водой, —это так называемые гроты. Особенно много их в Гурзуфе.

Буря на Черном море.

Долгий и невыносимо знойный день наконец стал склоняться к вечеру. В комнате, где приходилось с утра сидеть в полумраке, с закрытыми ставнями, стало заметно легче дышать, и только несколько окон со стороны заката пылали еще там и сям кроваво-огненными пятнами, как раскаленные дверцы адских печей; это жгучие лучи солнца, пронизывая своими стрелами насквозь даже ставни в тех местах, где было больше смолы, казалось, накаляли их докрасна.

Утомленный целым днем невольного плена, измученный нестерпимой духотой, от которой не спасал ни легкий костюм, ни даже полумрак комнаты, я, наконец, вышел на воздух и стал жадно впитывать в себя потянувшуюся от гор и от моря прохладу. Стояли последние дни сентября, эти лучшие дни очаровательного крымского взморья. Наступивший вечер своим ароматом, смешанным со свежим дыханием воды, невольно манил и тянул куда-нибудь вдаль от жилья, в горную высь.

В это самое время, когда я решал, куда мне отправиться,—на гору к скалам, или на берег, к морю,—из сторожки виноградника вышел мой приятель и всегдашний спутник в прогулках по окрестным горам—татарин Куртдедэ—и, увидев меня, приветствовал, по своему обычаю, приложением руки сначала к груди, а потом к голове.

— Добрый вечер,—по татарски сказал он мне.

— Спасибо,—по татарски же ответил я ему.

Куртдедэ стал приглашать меня на прогулку.

— Бери-ка ружье да пойдем.

— Куда пойдем?

— За гора. Там перепелка большой многа имеит.

Я поторопился вскинуть на плечо свою двухстволку, и мы отправились.

Чтобы добраться до горы, необходимо было пройти через сад, где из темной зелени куста приветливо мигали частые гроздья почти уже созревшего винограда и, просвечивая насквозь под косыми лучами солнца, так аппетитно манили к себе золотистым янтарем своих ягод. Мы подвигались гуськом по узкой садовой тропинке. Куртдедэ, шедший впереди, от времени до времени нагибался в сторону и, сорвав более спелую кисть, подавал мне ее со словами: „Кушай... это карашо... карош виноград".

Достигнув горы, мы стали взбираться на нее, направляясь в сторону моря, к одиноко высившейся скале, очень напоминавшей отсюда гигантскую сахарную голову с чуть заметным розоватым отливом. Она имела слегка наклонное положение и потому казалась висящей над темной пропастью леса.

Вода и сплошная зелень имеют свойство удивительно скрадывать расстояние, и поэтому хотя нам казалось, что

бывшая целью путешествия скала висит в воздухе почти над нашими головами, до нее приходилось пройти еще не менее двух километров, то поднимаясь по крутизне, то глубоко спускаясь в многочисленные ущелья и расщелины. По этим ущельям ранней весной, крутя и бурля, проносились стремительно к долине и морю с ревом и грохотом целые каскады мутных, сердито вздувшихся вод.

Около получаса мы двигались молча. Куртдедэ, родившийся и выросший в горах, значительно опередил меня. Он, как серна перепрыгивал с камня на камень и, быстро подвигаясь вперед, не показывал никакой усталости: только баранья шапка его сдвинулась теперь к самому затылку, и из под нее лоснился на солнце обритый наголо спереди череп, и выглядывал еще край черной ермолки.

— Ты утомился?... Садись.

Радуясь отдыху, я развалился на камне, любуясь восхитительным видом, развернувшимся перед моими глазами.

Вдруг голос Куртдедэ вывел меня из задумчивости.

— Худо... очень худо... Он пропал... Ты видел эту лодку, что сейчас пошла в море?

— Видел.

— Они уплыли за рыбой, но больше не возвратятся.

— Как не возвратятся?

— Потому что он ушел в море на целую ночь в худое время... Не пройдет двух-трех часов, как гора эта задрожит под ударами морских волн, а воздух застонет от грома... Будет великая буря. Я удивляюсь, как это он, старый рыбак, не чует приближения бури? Верно глаза его затуманились, потому что иначе он не отдал бы себя с сыном на верную гибель... Слышишь, как кричат чайки? Видишь, как они кружатся в воздухе, обгоняя его лодки? Это они остерегают его. Они режут ему дорогу для того, чтобы он повернул назад к берегу, а он, как слепой, мчится вперед. Бедный! Бедный!.. Если бы он теперь еще повернул назад, он успел бы выйти на землю, прежде чем затрещит его лодка от штурма.

Через несколько минут раздался опять его голос: „разве не правду сказали мой глаз и мое сердце? Посмотри, вон, что делается на море и на небе: буря пришла гораздо раньше даже, чем я ожидал ее".

Я оглянулся вокруг и был поражен переменой, незаметно совершившейся на небе и на море.

С востока медленно наползала на нас сизо-черная свинцовая мгла. Тучи надвигались так низко, что казалось, хотели поглотить нас в свою необ'ятную и страшную бездну. С далекого горизонта уже доносилось беспрестанное грохотание, и небо, только что безоблачное и все сиявшее, теперь черное и грозное, ежеминутно бороздилось огненными молниями. При этом тяжелые тучи вспыхивали вдруг багряным заревом. А с другой стороны, на западе, голубой небосклон по прежнему продолжал сиять, облитый золотом последних лучей медленно тонувшего за горизонтом светила.

Казалось, что природа в своем необ'ятном величии захотела показать людям бок-о-бок две разные картины: жизни и смерти, захватывающего душу веселья и жестокого горя.

А море вторило только одной левой картине: оно все вздымалось громадами с блиставшими серебром гребнями и рассыпалось в прах по всей линии берега.

— Слушай,—сказал мне татарин,—теперь уже не до охоты. Возвращайся скорее домой, если успеешь,—пока гроза не достигла еще нас. А если не успеешь, то ложись где-нибудь в ущелье под камень и жди тихо, пока пронесется шайтан... Там, внизу, будет безопаснее.

— Ну так идем же скорее,—согласился я сразу, не желая быть застигнутым бурей здесь, наверху.

— Нет,—проговорил быстро Куртдедэ,—ты пойдешь один. Я подымусь выше на ту сторону хребта и пройду ближе к морю посмотреть, что сталось с рыбаком.

— Я пойду с тобой,—сказал я ему решительно, поднимаясь с камня.

— Не ходи. Ты себе сделаешь беду. Ты не привык, как я, лазить по скалам, и, когда налетит вихрь, тебя может легко сбросить в пропасть.

Слова Куртдедэ на секунду заставили меня поколебаться. Но вслед за тем мне сделалось стыдно за свою нерешительность, тем более, что какое-то далекое чувство говорило мне, что я смогу быть чем-нибудь полезным своему приятелю на его опасном пути.

— Нет, я пойду с тобой, сказал я и двинулся вперед.

— В таком случае спрячь здесь ружье. Оно будет тебе там только мешать. Иди осторожно и держись возле больших камней, чтобы тебе было за что схватиться, когда нас застигнет буря.

С этими словами Куртдедэ стал, как серна, карабкаться вверх, а я, припрятав свою двухстволку под скалой, в безопасном от дождя месте, торопливо последовал за ним.

Чем выше мы поднимались, тем все труднее и труднее становилось итти. Когда же, наконец, мы достигли хребта горы и перевалили на другую сторону, я сразу же убедился, что предостережение моего приятеля было не преувеличено—буря бушевала, и ветер налетал таким яростными порывами, что я, только схватившись обеими руками за выступ скалы, едва мог удержаться на месте.

В первую минуту мне пришлось остановиться, потому что двигаться дальше между огромными глыбами камня, рискуя быть сброшенным вниз, где каждое ущелье было наполнено остроконечными обломками скал, было бы прямо безумным. Но Куртдедэ, как истый сын гор, не промедлил ни одной секунды. Он только обернулся ко мне в ту минуту, когда я показался на этой стороне и закричал:

— Подожди, подожди. Садись...

Сам же он продолжал быстро подвигаться к морю.

Извиваясь, как кошка, он то проскальзывал в узкие промежутки между гигантскими глыбами, то прилипал совершенно к отвесной стенке скалы, подвигаясь по узкому выступу и почти вися над глубоким обрывом. Фигура его мелькала между камнями, то пропадая среди громадных обломков скалы, то снова показываясь на секунду во весь рост на вершине пика или на выступе над бездной зияющей пропасти.

А буря ревела и злилась по прежнему.

Мгла уже подвинулась далеко за гору, и гром грохотал в вышине над самой головой, оглушая поминутно своими раскатистыми ударами и треском. Наконец, хлынул дождь целым ливнем, и вокруг стало вдруг так темно, что я не только потерял из вида своего отважного спутника, но не мог даже разглядеть ближайшие скалы.

Через несколько мгновений шум ливня вдруг прекратился, оборвавшись так же внезапно, как и начался. Выглянув из своей засады, я убедился, что гроза пронеслась дальше: раскаты грома грохотали глуше и реже. Ветер настолько утих, что почти не было уже слышно его свиста и воплей.

Наступил момент, когда я, наконец, мог узнать о судьбе своего спутника—и я бросился вперед.

Спустившись сначала книзу до леса, чтобы поскорее достигнуть конца хребта, где он упирается в море, я почти бегом спустился к цели. Однако, не доходя немного до этого склона, я должен был снова подняться наверх к скалам, потому что по размытой ливнем крутизне дальше идти было невозможно: земля здесь обратилась в жидкую грязь и сползала под ногами вниз целыми глыбами.

Но где же Куртдедэ? Неужели же он погиб там, между скал, сброшенный бурей куда-нибудь в пропасть?

Как бы ответом на этот жгучий вопрос, до слуха моего откуда то снизу вдруг долетел дикий гортанный крик человека. Я вздрогнул и, сам не зная, куда и зачем, стал быстро спускаться вниз к морю. Хребет с этой стороны понижался небольшими уступами, и спуск был возможен и даже достаточно безопасен. Добежав до среднего, более выдававшегося вперед уступа и достигнув края его, я взглянул вниз и радостно вскрикнул: подо мной внизу, несколько правее, на самом последнем уступе горы, о который разбивались в пыль могучие валы, стоял здравый и невредимый Куртдедэ.

Сбросив кафтан, в белой сорочке с засученными рукавами он стоял у самого края выступа среди облака брызг и, протянув вперед правую руку, глядел пристально в даль изборожденного белыми гребнями моря. Над головой его проносились чайки и, описав в воздухе круг, залетали далеко в море за турецкое судно. По временам они касались верхушек волн и после этого быстро взвивались в высоту с добычей в цепких когтях.

Вдруг Куртдедэ снова вскрикнул громким голосом и, бросившись назад на утес, схватил лежавшую около кафтана

веревку и побежал, перепрыгивая с камня на камень, направо. Взглянув в ту сторону, я невольно вскрикнул: за 1/2 километра от берега, среди бушующих громад, мелькала небольшая лодка. Рыбак с сыном каким-то чудом уцелели до сих пор и теперь, в виду берега, боролись со смертью.

На лодке уже не было паруса, и они изо всех сил работали веслами, стараясь выгрести в море для того, чтобы не разбиться в куски вместе с лодкой об камни, которыми в этом месте, на всем протяжении горы, было усеяно море.

Но как ни работали отважные пловцы, сила прибоя все же одолевала их, и лодку довольно быстро несло на верную гибель. У меня от этой картины сердце замерло, я быстро стал сбегать вниз по направлению к тому месту, где, по моему мнению, через несколько минут должна была погибнуть лодка.

Но Куртдедэ, которому было ближе, добежал гораздо скорее меня. Вот он остановился на небольшом камне и, осмотревшись вокруг, быстро сбросил с себя всю одежду, потом, надев на шею только свернутую кольцом веревку, стал внимательно следить за движением лодки.

Шагах в ста от этого камня, на котором теперь стоял Куртдедэ, была небольшая отмель, в самой средине которой стоял невысокий остроконечный утесик. Если бы прибой мог нанести лодку с рыбаком и его сыном на эту отмель, они были бы спасены, потому что лодка врезалась бы в песок и не попала бы на камень, о который могла бы разбиться. Но направление волн, к несчастью, было таково, что лодку неминуемо должно было пронести мимо, шагах в пятидесяти, и ударить об тот самый утес, на котором стоял Куртдедэ, когда я его в первый раз заметил с горы. Для всех было ясно, что в таком случае от лодки остались бы жалкие щепки, и рыбаки погибли бы.

Пока я успел добежать до приятеля, в голове татарина, видимо, созрел уже какой-то отчаянный план. Он вдруг сбросил с шеи веревку и, взяв один конец ее в левую руку, правой вдруг замахнул концом высоко над головою. Кольцо взвилось в воздухе, быстро разматываясь налету, упало на вершину остроконечного утесика на отмели и крепко обвилось вокруг нее. Куртдедэ подался несколько назад и натянул веревку: она держалась прочно.

Я вдруг сообразил его намерение: ему, во что бы то ни стало, нужно было добраться до этой отмели, чтобы быть ближе к проносимой мимо нее лодки с рыбаками. Однако, несмотря на то, что Куртдедэ был превосходный пловец, план этот показался мне теперь безумным: сила прибоя была настолько велика, что переплыть эти сто шагов, отделявших Куртдедэ от мели, можно было бы разве только чудом, и решившийся на такой подвиг пловец через несколько же секунд должен был разбиться об этот самый камень, с которого бросился бы в море. Я громко вскрикнул и побежал, что

было мочи, чтобы удержать приятеля от такого безумного шага и тем спасти от верной смерти, но прежде чем я успел добежать, Куртдедэ, выждав момент, когда большой девятый вал, разбившись о камни, стал возвращаться кипящим отливом назад в море, вдруг поднял высоко над головой руки, в которой он держал другой конец веревки, и с криком: „аллах“ бросился в раз'яренную пучину воды.

Через минуту я заметил его уже далеко в море; он то и дело передавал из одной руки в другую натянувшуюся стрелой с дальнего утесика веревку и, то взлетая на верхушку вала, то стремглав падая с его белого гребня в пропасть между двумя водяными горами, подвигался вперед к недалекой уже цели. Через несколько минут его белое тело покатилось по песку отмели.

Быстро вскочив на ноги, Куртдедэ подбежал к утесику, вокруг которого обвилась веревка и, сняв ее, стал снова складывать веревку в кольцо, поспешно вытягивая другой ее конец из моря. Прошло еще несколько мгновений, и Куртдедэ, снова держа один конец веревки в левой руке, а все кольцо в правой, стоял уже около утеса и тем же уверенно-спокойным взглядом своих маленьких глаз следил за движениями лодки, ожидая решительной минуты, чтобы снова взмахнуть над головой своей спасательной веревкой.

А с лодки между тем уже заметили нежданно посланную помощь. Рыбаки гребли изо всех сил, чтобы приблизиться к отмели. Вот, наконец, жалкая скорлупка поровнялась с тем местом, с которого зорко следил за нею отважный спаситель.

Но... увы... крик ужаса вырвался из груди несчастных... Лодка их, отброшенная опять обратным отливом волн в море, проносилась шагах в 70 от места спасения. Кинуться в воду для того, чтобы попытаться вплавь достигнуть отмели, для измученных и выбившихся уже из сил рыбаков значило бы только ускорить и без того верную смерть.

Но в тот самый момент, когда уже беспощадная смерть взмахивала над ними своей ужасной косой, взмахнул и Куртдедэ своей веревкой.

Кольцо упало на обломок мачты и крепко обвилось вокруг него.

Рыбак и сын его, которым вдруг блеснул луч надежды на жизнь и спасенье, бросились оба и в ту же минуту закрепили еще веревку около прочного якорного кольца. А Куртдедэ в тот же момент стремительно дважды обвил находящийся в его руках конец вокруг спасательного утеса и завязал его узлом. Веревка натянулась стрелой, и лодка, бывшая уже на краю гибели, у самого преддверья смерти, внезапно остановилась на волнах.

Теперь рыбаки стали притягиваться к отмели. Каждый укороченный кусок привязи один из них старался обматывать вокруг обломка мачты, а Куртдедэ. который волей-неволей все это время должен был оставаться бессильным

зрителем, терзаясь ужасным страхом, чтобы не оборвалась под напором волн веревка, следил за ними глазами, стоя около своего камня. Момент был поистине ужасный.

Минут через десять рыбаки, выброшенные толчком лодки о край отмели, стояли уже рядом с Куртдедэ.

В тот же момент другая волна подхватила облегченную вдруг и не удерживаемую более лодку. Она быстро понеслась за прибоем, и, рванув размотавшуюся во всю длину, веревку, оборвала ее на самой середине.

Еще несколько минут—и у первого утеса, где должны были бы погибнуть рыбаки, раздался оглушительный треск, и на камень вместе с брызгами посыпались мелкие щепы обломков.

Куртдедэ и спасенные им рыбаки оставались на отмели целую ночь. Только к утру волнение улеглось настолько, что катер таможенной стражи, которой я поспешил дать знать о случившемся, мог взять их оттуда и перевезти на берег.

Но каково же было удивление целой толпы собравшегося народа, когда из катера вместо знакомого всем рыбака вышел старик,—вчера еще черные, как смоль, волосы его за одну ночь побелели, как снег.

Восхождение на вершину Казбека.

Казбек, это одна из высочайших вершин Кавказского хребта. Она резко выступает из рамки окружающих ее гор и гордо возвышается над соседними снежными вершинами. Крутизна конуса Казбека прекрасно видна из Владикавказа; она невольно поддерживает существующее до сих пор мнение, что на вершине Казбека никто не был. Между тем в 1868 году англичанин Фрешфильд со своими проводниками достиг благополучно вершины Казбека. В течение последующих 32 лет было всего 10 под'емов русских и иностранцев. С 1900 года после моего первого под'ема, вершина Казбека стала все более и более посещаться альпинистами.

Путь к вершине Казбека не так труден и опасен, как многие его считают. Сначала от Владикавказа он идет по прекрасному шоссе Военно-Грузинской дороги, богатой красивыми и разнообразными видами. Особенно впечатление на туристов производят нависшие скалы Балтинского полутуннеля. За ними ущелье Терека расширяется и носит название Джираховского ущелья, где с одной стороны над самой дорогой приютилось небольшое осетинское селение со своими едва заметными саклями, а с другой, за Тереком, виднеется ингушское селение, живописно расположенное на отдельной скале. За Джираховским ущельем следует деревня Ларс, которая совершенно разрушена. Через два километра за Ларсом начинается теснина Дарьяла. Трудно описать красоту Дарьяла: высоко к нему простирают свои причудливые вершины гранитные скалы, местами украшенные темной зе-

ленью сосен, внизу, в глубине ущелья, прыгает и резвится вольный Терек, играя огромными обломками скал, которые он катит по дну, наполняя все ущелье несмолкаемым шумом. Теснина Дарьяла тянется всего 2 километра и затем снова расширяется, и тут на усеченной скале виднеются развалины замка царицы Тамары, а против них в Терек бросает свои голубовато-зеленые пенистые волны речка Кистинка. В 3-х километрах от Кистинки через Терек перекинут второй Гулетский мост, которым заканчивается Дарьяльское ущелье.

Прежде тут у моста была сторожка, в которой туристы находили приют, теперь же будка окончательно разрушена и останавливаться приходится в хуторе ингушей Пузуртановых, лучших из проводников на вершину Казбека.

В Гулетах мы покидаем Военно-Грузинскую дорогу и идем в сторону к Девдоракскому леднику. Прежде можно было до Девдоракского ледника везти вещи на арбе, а теперь, когда тропа, не поддерживаемая вот уже 7 лет, окончательно разрушена и местами стала трудно проходима, надо все снаряжение и провизию нести на себе или брать носильщиков. От Гулет до Девдоракского ледника не более 3-х часов ходу, и путь идет сначала по дну ущелья, поросшему травой и имеющему довольно слабый под'ем. На 3 километра можно сделать сокращение тропинкой, которая скрывается меж камней и ведет прямо к первому зигзагу дороги, разработанной по склону хребта с левой стороны ущелья. Вся эта гора покрыта березовым лесом, где под северными березами стелятся рододендроны, покрытые белыми букетами цветов, похожих на колокольчики, пестреют разноцветные анемоны, темно-лиловые первоцветы и другие южные цветы, о которых не имеет понятия север. Дивная растительность на фоне Девдоракского ледника, который виднеется в глубине ущелья, делает этот путь легким и приятным.

На 8-м километре от Гулет у нижнего конца ледника была будка, имевшая две комнаты для туристов. Теперь эта будка окончательно разрушена, и потому надо из Гулет выходить рано утром, чтобы в тот же день подняться на хребет Барт-Корт и переночевать там в полуразрушенной Ермоловской хижине, устроенной Русским горным обществом. Отдых на площадке у Девдоракского ледника необходим, так как далее идет уже довольно трудный путь без тропы к среднему течению ледника, где всего удобнее перейти его и избежать глубоких продольных трещин. Левым берегом (по течению) служит хребет Барт-Корт, который отделяет от него соседний ледник. Эта осыпь очень хороша для спуска и совершенно непригодна для под'ема. Но и спуск по ней не безопасен, надо хорошо знать, где именно итти. Неопытный турист пошел один без проводника, попал в большие камни и, когда они начали захватывать его ноги, он не сладил с ними и мертвым докатился до ледника.

Под'ем Барт-Корт крутой, и только небольшое пространство покрыто травой с синеющими генцианами, а затем

все время надо итти по скалам, где путь указывают написанные мною белой краской стрелы, да изредка поставленные проводниками каменные туры. На этот переход приходится тратить 4 — 7 часов, смотря по тому, какой груз несут носильщики и как часто они отдыхают. Ведь, отправляясь на вершину Казбека, приходится брать все теплое, как будто едешь в полярные страны. Ермоловская хижина устроена очень далеко от вершины, и я предпочитаю ночевать на маленькой площадке на том же хребте Барт-Корт, только ближе к вершине Казбека. По пути от Ермоловской хижины к моему ночлегу есть скала, приводившая многих в смущение своими острыми зубцами и обрывами в обе стороны. Мне удалось избавить туристов от этого трудного перехода, через который в 1912 году мои горцы носильщики отлично прошли с громоздкими, неуклюжими длинными (три метра) столбами для метеорологической будки. В 1914 году под моим руководством была пробита в склоне этой скалы горизонтально тропа, по которой теперь обыкновенно и ходят туристы. За этой скалой находится мой ночлег. Место мною выбрано очень удачно, так как здесь можно наблюдать Брокенские привидения в виде своей тени на легких облаках, окруженной двумя радужными кольцами. За моим ночлегом идет под'ем к скалам.

Главное горе в том, что часто вследствие неожиданной перемены погоды приходится возвращаться то с фирнового поля, то с конуса Казбека и, не имея близко приюта, спускаться к Ермоловской хижине. Дальше путь идет фирновым полем, которое хотя слабо поднимается к конусу, но имеет свои неприятности. В начале его приходится проходить мимо очень выветревшейся скалы, которая постоянно бросает камни в проходящих путников, а на самом фирновом поле встречаются скрытые трещины, над которыми приходилось висеть и мне и быть спасенной ловкостью горцев. Наш же проводник Исаак Бузуртанов, возвращаясь раз с вершины, задумался и сразу провалился в скрытую трещину, глубиною в 22 метра. Он пробыл два часа в этой трещине, пока удалось его спасти. В конце фирнового поля начинается трудный под'ем на конус. Сначала можно итти довольно свободно, делая остановки через 15—20 шагов, но чем выше, тем становится все круче и круче, так что остановки приходится делать каждые 5 шагов, а потом и 2 шага. Наконец, начинается вырубание ледорубом ступеней, и остановки, благодаря этой работе, делаются чуть ли не каждую минуту. Первый и второй мои под'емы были самые быстрые, тогда конус был пройден нами за $3^1/_2$ часа; большею же частью конус берет 5—7 часов. Даже в тот раз, когда несли разобранную метеорологическую будку, мы прошли конус за $6^1/_2$ часов. Это было 6 августа 1912 года, день знаменательный в жизни Казбека. В этот день на его вершине перебывало довольно много гостей: 9 человек швейцарцев и 12 человек моей экспедиции. Казбек свирепствовал. Он

встретил нас страшным ураганом. Он имел полное право быть в этот день в плохом настроении духа, так как в первый раз раздались на его вершине удары молота и дерзкая женщина установила там метеорологическую будку. Он пробовал устрашить меня забастовкой носильщиков, происшедшей вследствие того, что дувшим с вершины ветром, во время остановки, сбросило одного носильщика. Он пролетел не более 10—12 метров и остановился во впадине перед ледяным обрывов невредимым, тем не менее другие носильщики, испугавшись, хотели бросить ноши и бежать обратно. После серьезных переговоров и уговоров при мне осталось 10 человек, 6 человек убежали. Таким образом только 10 носильщиков, переводчик и я работали на вершине в течение 5½ часов. Все время свирепствовала буря, было 6° Ц., которые при разреженном воздухе и ветре равняются чуть-ли не—40° Ц. на плоскости. Работа была окончена успешно. Будка свинчена, поставлена и прикреплена к скале проволочными телеграфными канатами.

Казбек вообще не гостеприимен, и за все мои 9 под'емов он был благосклонен только в мой 1-й под'ем—2 августа 1900 года. Погода была необыкновенно хорошая, я была на вершине от 12 до 1 часу. Вся цепь гор была открыта вплоть до Эльбруса, у моих ног расстилалась огромная карта с голубыми ленточками рек и туманными пятнами городов и селений. Спуск в этот раз мы устроили оригинальный. Мой проводник сел прямо на лед, поставив палку между ног для тормоза, за ним села я даже без палки, затем мы поклонились Казбеку и помчались вниз с головокружительной быстротой. Через 20 минут мы стояли уже на фирновом поле, оставив на конусе гладкую полосу нашего пути. Это было дивное катанье с ледяной горы под палящими лучами южного солнца.

В 1914 году я тоже устроила полет. При спуске я поскользнулась вследствие того, что была вырублена очень маленькая ступенька и пролетела 85 саженей. Меня бросало как камень, ударяя то лицом, то затылком. Я считала себя уже погибшей, как вдруг остановилась, попав в маленькое углубление над обрывом в несколько метров. Мои спутники шли искать мой труп и были так в том уверены, что видя, сквозь мятель, меня сидящей, горец все-таки задал мне вопрос: „Ты жива?“ Несмотря на всю опасность я не могла удержаться от смеха, чем только и успокоила моего бедного проводника. После этого случая я еще три раза была на вершине Казбека для проверки приборов в метеорологической будке, за все время существования которой один только раз максимальный термометр показывал + 2° Ц., а минус был так велик, что требует проверки.

Летом 1923 года директор Тифлисской обсерватории послал туда своих сотрудников, которые принесли удивительную весть: метеорологическая станция на вершине Казбека обворована. Унесена внутренняя камера с термометрами.

Положение горянки.

Шумит, бурлит, клокочет сердитая Асса[1]), вырываясь из сердца могучих твердынь—скал.

Узенькою ленточкой по неровным берегам Ассы, то поднимаясь высоко в горы, то спускаясь вниз до пропасти вьется тропинка. Порою по ней, понукая нагруженного ишака, плетется путник горец и протяжно поет заунывную песню.

Ветер треплет лохмотья изорванного бешмета. Гнутся под тяжестью тонкие ноги ишака и медленно бредет он, мотая длинными ушами, и как-бы слушает песню горца—мучителя своего.

Глубоко в горах на склоне одной большой скалы приютился маленький аул. Там нет хлеба—он не растет там. Голод, нужда и бедность царствуют там.

Жестокая мачеха-судьба заставляет горца искать хлеба, и в этих поисках проходит вся его горькая беспросветная жизнь. Когда зерно, привезенное на ишаке с далекой плоскости километров за 80—100, начинает истощаться, горец берет своего верного спутника ишака и отправляется вглубь в горы, где растет вековечный лес. Целыми неделями под открытым небом рубит он лес. Выдалбливает он из цельных липовых стволов длинные однодонные боченки, в которых сбивают масло в горах и на плоскости. Так кормит Тегл свою семью, обменивая маслобойки на кукурузу.

Высоко на огромной скале, как гнезда орлов, ютятся одна около другой бедные сакли аула. Днем всегда тишина царит в ауле. Кто занят орошением маленьких полей, кто пасет скот, а женщина—это ходячая машина гор—ткет сукно.

Но сегодня веселится аул. Дочь Тегла—Айшет выходит замуж. По всем тропинкам, что идут к аулу, медленно движутся черные точки,—это собираются на свадьбу из окрестных аулов. На площадке, перед саклей на камнях, разложенных полукругом, сидят гости. Прислонившись к стенке сакли стоят девушки. Одна играет на гармонии. Поодаль от них толпится молодежь и мерно хлопает в ладоши. С утра зарезали двух баранов и ждут гостей посланцев жениха за невестой. Уж полдень. Наконец приехали. Поели, совершили обряд брака и с невестой отправились обратно к жениху, оглашая воздух выстрелами.

Кончилось рабство детства, начинается рабство женщины. Дома девушка Айшет все делала: с зарею вставала, глубокой ночью ложилась отдохнуть. Из родника, что находится далеко в ущелье под аулом, она на спине в огромном медном кувшине, вся согнувшись под тяжестью, несет воду. Убрав из-под скотины навоз, она с иголкою в руках садится обшивать из лохмотьев семью, либо с утра до ночи щелкает челноком у ткацкого станка.

---

[1]) Река в Ингушетии, приток Сунжи.

А теперь пришли и сосватали. Живет жених в соседнем ауле, саклю имеет, скот. Чего-же ей больше надо? Родители согласились, а ее не спросили. И безропотно, без единого звука протеста она подчинилась. Но в душе у нее клокотало и билось маленькое „я", которое изнуряющей тоской и обидой грызло ей душу. Тяжело ей, слезы душат. Но даже и эту радость отняли у нее. Ей плакать нельзя,—она невеста и дочь порядочного отца.

Медленно движется процессия по крутым берегам Ассы. Шумит и пенится поток, резвясь под теплыми лучами солнца, как будто смеясь и злорадствуя над новою жертвою рабства.

Пришли. Шумно встретили невесту. Играют лезгинку. В порыве радости бешено танцуют, едят, стреляют. Раскрывают чадру, и все, как диковинку, рассматривают невесту и тут же при ней ее критикуют. Одни находят красивой, другие некрасивой и удивляются, как мог жениться на такой их Осман. Стоит в углу бедняжка и, всем улыбаясь, безропотно сносит все. Так велит обычай.

Так водворили Айшет в новую жизнь—жизнь полную скорби и непрерывных угождений.

Женившись обеднел Осман—много калыма взял Тегл за дочь. Но не унывают молодые. Сильные, здоровые они скоро поправят хозяйство. Счастлив Осман, нравится жена ему. Угождает свекру и свекрови. Обмывает, обшивает их, стелет им постель, во время накормит и напоит их. Чисто везде, в конюшне и в скотнике, и во дворе, и в сакле. И живет раба, заглушив все страсти, все желания, волю, характер, ее „я", все отнял у нее деспот-муж.

Проходят месяцы и годы. Новые муки, новые пытки. У Айшет родилась дочь.

Проклинают Айшет, родившую девочку. Погиб род Османа. Черная туча горя повисла над домом Османа. Угрюмо поглядывает на жену и дочь и думает думу. И решил Осман крепко жениться на второй. При новой сопернице муки Айшет увеличатся вдесятеро—прибавится новый властелин над ее душой.

В это время в грязи и холоде гор царствовал могучий бич людей—тиф. Не пощадил он и Османа и его родителей. Безутешно рыдает Айшет. С потерей мужа она знает, что потеряет и дом. Дочь не сможет сохранить никаких прав не только для матери, но и для себя.

Так и случилось. Живет осиротелая Айшет в мужнем доме. Все чувства и желания отдает дочери-малютке и попрежнему работает не покладая рук. Порою, когда в доме кончается зерно, она призовет свою старушку-мать, поручит ей хозяйство, а сама, с малюткой на спине, понукая ишака, идет по горным кругам на плоскость за зерном. Счастлива Айшет с дочерью. Впервые в жизни свободная, она постепенно начинает проявлять самостоятельность. Воля и характер оживают в ней, она чувствует себя человеком. Дом ее со смертью мужа не только не опустился, а наоборот она

привела его в порядок. Освобожденная раба обновилась и телом. Теперь она выглядит красавицей; довольствием и счастьем горят ее большие черные глаза.

Но неумолимый рок и верный хранитель горской общественной нравственности шариат и строгий мулла навеки разрушили счастье молодой женщины и на всю жизнь осиротили малютку.

Спустя три месяца после смерти Османа родственники его собрались, чтобы обсудить положение вдовы и ее дочери и решили девочку взять себе, а Айшет отправить к отцу.

Вмиг затуманился разум молодой женщины-матери. Все ее мечты и планы жизни разрушили они суровым приговором.

Попробовала мать запротестовать, пригрозить, что она к защите власти обратится. Грозно прикрикнул отец: „Что же ты думаешь, я допущу, чтобы моя дочь шаталась по судам". Что же ей делать? Отнять от груди ребенка и без единого звука протеста согласиться, как всегда, и снова надеть тяжелые цепи рабства.

Утро в горах. Задымилось в ауле. Работа во всех дворах. Тихо только на дворе Османа. У сакли закрыты ставни, ни ишака, ни скотины, ни кур во дворе—их забрали и распределили родственники. Из открытой двери сакли выходит тетка Османа, которой передают девочку. За ней другая женщина с заплаканным лицом, с ребенком на руках. Медленно спускаются они из аула до большой тропинки. Здесь они останавливаются. Айшет прощается с дочерью. Целует малютку свою в последний раз, и слезы льются бесконечно и безутешно. Жалко как будто и старухе, но она не смеет рассуждать и костлявыми руками вырывает из об'ятий матери дитя. Еще раз поцеловала Айшет ребенка и тихо поплелась...

Подавленная горем и страданием не видит Айшет ни яркого солнца, не слышит бодрого призыва бурного потока, не отзывается на новые песни, которые несет буйный ветер. Но тысячи других Айшет уже чуют приближение новой жизни. Она еще не пришла к ним, но скоро, скоро она придет и могучим ударом разобьет отвратительные цепи рабства женщины-горянки и откроет новые радостные, красивые, яркие пути туда, где женщина будет не рабою мужчины, а равноправным товарищем—другом.

Чеченская Автономная Область.

Постановлением ВЦИК'а Чечня с 1-го декабря 1922 года выделена в автономную область. Центр области—Грозный.

Пространство 9.152 кв. километров.

Население—460.000 человек.

Чеченский народ, насчитывающий в настоящее время 258.000 человек, занимает около 800.000 гектаров. В настоящее время прилегающие к Чечне казачьи земли присоединены к ней.

Чеченцы не всю землю могли обрабатывать под пашню, так как часть ее они выделяли на пастбища.

Главным занятием в Чечне является земледелие, но земля обрабатывается примитивным способом и дает мало. В состав Чечни вошли два округа быв. Терской области—Грозненский и Веденский. В Грозненском округе бывает избыток хлеба, а в Веденском, как горном,—недостаток.

Преобладающей хлебной культурой в Чечне давно уже стала кукуруза, составляющая главное продовольственное средство. Из других культур надо отметить картофель, который не имеет промышленного значения.

Садоводство в Чечне поставлено очень слабо, и чеченские фрукты по своим сортам не имеют достаточного сбыта.

Огородничество почти отсутствует, как и у ингушей. Поставщиками огородных культур на грозненский рынок, а отчасти и за пределы грозненского рынка, являются тяготеющие к нему казачьи станицы, где особенно распространена культура помидоров.

На втором плане стоит скотоводство, которое не носит интенсивного характера в виду недостатка пастбищных земель и отсутствия зимой корма. Почти половина домашних животных Чечни—овцы, дающие около 230.000 кгр. шерсти (300.000 овец).

До 75% этой шерсти идет на выделку кустарных изделий, азиатских сукон, а остальное поступает на рынок (50—60 тыс. руб. дохода).

Чечня, как и весь Кавказ, изобилует естественными богатствами, в нагорной полосе—различными ископаемыми, а на равнине—нефтью, эксплоатируемой государством. Отсутствие путей сообщения и отсталость населения является большим препятствием в разработке полезных твердых ископаемых.

Из всех горских народов быв. Терской области более всего лесной площади приходится на Чечню, общее количество которой 264.000 гектаров или 34% всей земельной площади.

Разработка лесных богатств в Чечне поставлена интенсивнее, чем среди других народов,—в Чечне перед войной было 93 лесопилки. Прекрасные породы леса (дуб, бук, чинара, сосна) обещают этому делу расцвет при условии рационального использования лесных богатств, так же как и кустарному промыслу по дереву.

Касаясь кустарных промыслов, необходимо отметить развитие гончарного дела в Чечне, особенно в Веденском округе, где было перед войной сосредоточено до 75 отдельных производств из числа 95, насчитывающихся во всей Чечне.

В нагорной Чечне, изобилующей лесами, развита охота на пушного зверя (волка, медведя, куницу, лисицу, дикую кошку и т. д.), при чем большое количество пушнины проходит через руки скупщиков и, только пройдя их руки, попадает в государственные и кооперативные организации.

Из других занятий, несомненно, имеет значение пчеловодство, для развития которого имеются в нагорной Чечне все данные. Здесь перед войной было 415 пасек, имевших 7.600 ульев-сопеток и всего 900 рамочных ульев. Ульи-сопетки, очень распространенные в горах и представляющие самую первобытную форму улья, плетутся из хвороста в виде корзины, закрытой со всех сторон и обмазанной глиной, с одним отверстием. К моменту, когда соты наполняются медом, пчелы уничтожаются самым безжалостным способом, а улей разрушается. Конечно, при такой системе пчеловодство не может рассчитывать на прогресс и носит исключительно характер личного потребления. В среднем в год накануне империалистической войны в Чечне добывалось до 11.520 кгр. меду и 352 кгр. воску на общую сумму около 20.000 руб.

Все приведенные нами данные о народном хозяйстве Чечни определенно говорят о полной экономической беспомощности темного чеченского населения, предоставленного в течение полувека с лишним вариться в собственном соку. При недостатке земли, увеличение производительности чеченского народного хозяйства возможно только с переходом к интенсивному хозяйству с улучшенными способами обработки полей, с введением совершенно неизвестного в Чечне севооборота и организации травосеяния.

Доходность сельского хозяйства поднялась бы при условии улучшения пород скота. Это дало бы возможность заменить на рынке часть продуктов полеводства дороже их стоющими продуктами животноводства. Но такой переворот не мыслим без развития сельско-хозяйственных знаний, без агрономической помощи, широко организованной. В этой области открываются широкие перспективы сельско-хозяйственной и кредитной кооперации при надлежащей постановке дела в союзе с земельными органами.

С установлением русской государственности в Чечне совершался переход от натурального хозяйства к меновому. За период до октябрьской революции частный капитал, раз-

виваясь с каждым годом, прочно пустил свои корни. Кто бывал в крупных чеченских селениях, видел бесконечные лавки в перемежку с каменными палатами „купцов", заполняющие центральные части селений, и тут же через однудве улицы—жалкие постройки бедняков-чеченцев, для которых звание „купец" является идеалом достижения земного благополучия. Если такой купец, вообще всегда очень религиозный, с'ездит в Мекку, получит звание „хаджи" и право носить белую чалму, он имеет особый успех в массах. Сочетание белой чалмы и лавочной стойки, прикрытой ковриком, особенно иллюстрирует союз духовенства с частным торговым капиталом.

Необходимо отметить особую темноту и некультурность чеченского населения, которое выделяется своей отсталостью среди горских народов Кавказа. Грамотных в Чечне всего 0,8%, тогда как в Осетии—17,5%, в Ингушетии—3,40%. Чеченская масса проникнута насквозь фанатизмом и суеверием и слепо верит в святость муллы.

Со времени Шамиля развился и доныне процветает „мюридизм" (сектантство), созданный в свое время для борьбы с иноверцами. Мюридизм является стеной, на которую натыкаются всякие культурные и общественные начинания среди чеченцев.

На ряду с группировкой религиозной существует и до наших дней группировка родовая, особенно в глубине Чечни. Это деление, связанное сложными первобытными обычаями, определяется родством и происхождением от общего родоначальника. Происходят жестокие междуродовые споры, доходящие до массовой перестрелки.

Адыгейская (Черкесская) Автономная Область.

Адыгейская Автономная Область образована 27 июля 1922 года из части Кубано-Черноморской Области. Центр Области—Краснодар (временно).

Пространство 2.820 кв. километров.

Населения около 90.400 человек, из них 70% составляют черкесы. Остальное количество падает на казачий и иногородний элемент. Плотность на кв. клм.—34 человека.

Черкесы в первую очередь стремятся к тому, чтобы автономия была использована в целях восстановления их хозяйств, сильно пострадавших от непрерывных войн последнего времени.

Основным источником экономического благополучия является земледелие. Общественная площадь земли, находящаяся в эксплоатации трудового черкесского крестьянства

составляет 110.000 гектаров. В довоенное время при средней урожайности черкесы могли вывозить 48—64 миллиона кгр. хлеба—излишков от своего потребления. Издавна черкесы занимались также скотоводством и, главным образом, коневодством. Черкесские лошади, громадные табуны которых бродили по необозримым кубанским степям, славились не только на весь Кавказ, но и за его пределами.

Во время гражданской войны пало земледелие, количество скота уменьшилось больше, чем на половину, и только в настоящее время хозяйство черкесов начинает постепенно восстанавливаться.

Важное значение в экономическом развитии края имеет виноградство и табаководство.

Обрабатывающая промышленность заводского типа находится в зачаточном состоянии. Первое место в ней принадлежит мукомольному производству. Затем идет кожевенное и маслобойное.

Ткацкое кустарное производство шерстяных изделий (бурок, черкесок, башлыков и пр.) широко распространено в черкесских аулах. Бурки, выделываемые черкешенками, отличаются по своему качеству и в громадном количестве сбываются на внутреннем рынке.

Лесная промышленность обслуживает только местные нужды, тогда как при правильной постановке дела, лесотехническое производство может служить одной из доходных статей в хозяйстве края.

Черкесы не мечтали раньше о собственной письменности и изучали арабскую письменность по Корану. За последнее время созданы шрифты на черкесском наречии, что позволяет печатать учебники на родном языке.

Весь аппарат власти национализируется введением в него черкесов.

Карачаево-Черкесская Автономная Область.

Карачаево-Черкесская Автономная Область выделена из Горской республики 12 января 1922 года. Центр Области—город Баталпашинск.

Пространство—9.990 кв. километров делится на 4 характерных района: 1) русский, 2) черкесский, 3) смешанный (эстонцы, греки, поляки и др.), 4) скотоводческий (карачаевцы, татары и др.).

Всего населения—150.000 человек.

Медленно, но настойчиво Карачаево-Черкесская Область разрешает сейчас вопрос о разработке своих природных богатств. Главное внимание пришлось Карачаю уделить земельному вопросу.

В 1921 году С'езд Советов Карачая установил трудовую норму скотоводческого хозяйства. Все прежние помещичьи земли были об'явлены народным достоянием.

Положение сельского хозяйства нельзя считать удовлетворительным: низкий урожай, отсутствие достаточного количества сельско-хозяйственного инвентаря, примитивная обработка земли—все это крайне осложняет нормальное развитие и рост сельского хозяйства.

Область располагает значительными естественными богатствами, почти не разработанными до сих пор: каменный уголь, серебряно-свинцовые рудники, мрамор, глауберову соль и др. В связи с этим в будущем здесь возможно развитие промышленности, которая получит общегосударственное значение, особенно при проведении по Области железнодорожной ветки.

Сейчас пока работают до 10 заводов и копей, имеющих местное значение и до 78 небольших частных мастерских.

Просветительная работа развивается еще очень слабо, но все же в нее постепенно втягивается коренное население, знавшее до революции только религиозно-мусульманские школы.

Приобретены шрифты на карачаевском и черкесском наречиях.

В различные ВУЗ'ы Республики откомандированы местные работники для обучения.

Кабардино-Балкарская Автономная Область.

Кабардинская область в начале 1922 года об'единилась с Балкарией, образовав единую Кабардино-Балкарскую автономную область.

Центр области—город Нальчик.

Пространство—11.406 кв. километров.

Населения—178.123 человека.

До утверждения русскаго самодержавия на Кавказе кабардинцы и балкарцы жили в условиях патриархально-родового быта, который обусловливал замкнутость отдельных народов и взаимную их вражду между собой, а также облегчил России завоевание края.

Царизм закрепил большую часть земель за князьями и дворянами, которые быстро расточили свое благосостояние и начали жестокую эксплоатацию трудового народа. Окончательно утвердилась власть Советов в этой области в 1920 г.

Советская власть должна была приступить к восстановлению совершенно разоренного народного хозяйства. Многим начинаниям помешал голод 1921 г., но уроки его не прошли

даром. Советская власть приступила к улучшению сельского хозяйства, к переводу его на более культурную ступень. Особое внимание обращено на развитие огородничества и культур, развитие которых с пользою может быть приспособлено к условиям края.

Но главной задачей является сейчас увеличение площади посевов, и в этом отношении уже достигнуты успехи.

На ряду с этим, разрешены были земельные отношения: земля была отобрана у помещиков и передана трудовому народу. Были упорядочены земельные отношения между Кабардой и Балкарией и их соседями. В земельных вопросах удалось достигнуть известного равновесия. Правда, балкарцы еще недостаточно наделены землей, но полученных участков им хватит на первое время для поддержания своего хозяйства.

В настоящее время горные реки приносят большой вред стране, смывая посевы во время половодья и разрушая пути сообщения. Советская власть обратила особенное внимание на устройство дорог и мостов через реки, привела их в порядок и в ближайшее время приступает к постройке постоянных каменных мостов. Улучшение путей сообщения подымет в значительной степени экономическое состояние области.

Устроены и оборудованы племенные хозяйства и питомники, приняты необходимые меры для своевременной уборки трав и заготовки фуража, намечено улучшение скотоводства, поднята на должную высоту ветеринарная помощь.

Из всех видов животноводства наиболее хорошо сохранилось овцеводство, обеспечивающее население шерстью и дающее значительное развитие шерстяной мануфактуры, к сожалению, носящей до сих пор примитивно-кустарный характер. Советская власть озабочена в настоящее время организацией шерстеобрабатывающей и ткацкой фабрики.

Промышленность области находилась в самом зачаточном состоянии, а между тем область располагает для этого большими возможностями. Помимо шерстяной промышленности, в области имеет большое будущее лесное и горное дело.

В области развивали свою работу в самых скромных размерах два завода по изготовлению клепок и фанеры, существовало также несколько примитивных лесопилок. Советская власть об'единила два существующие завода в один, придав последнему более широкое оборудование. Для эксплоатации лесных богатств были предприняты специальные обследования. Наличие больших лесных площадей сделало возможным вывоз древесины за пределы области.

Горное дело раньше совсем отсутствовало, а между тем в горах области имеются богатые месторождения руд, уголь, серебро, свинец, цинк и т. п.

В настоящее время предприняты серьезные геологические изыскания, привлечены к этому делу специалисты-инженеры, и подготовлены первоначальные материалы для организации горной промышленности.

Для обслуживания горной промышленности область располагает большими запасами белого угля. Горные реки Кабарды и Балкарии должны быть широко использованы для электрификации области. Уже разработан проект установки электрической станции в Баксакском округе. Для полной электрификации области намечен к постройке целый ряд других электрических станций.

Большой толчек получило и дело народного образования. Царское правительство предоставляло лишь князьям и дворянству возможность получения образования и одновременно умышленно оставляло народ в темноте и невежестве. Советская власть делает все возможное, чтобы дать образование трудовым слоям народа в нужной для них форме и облегчить его усвоение на родном его языке.

В Кабарде выработан в этих целях новый алфавит, в основу которого положен латинский. Приступлено к изданию учебников с применением нового алфавита.

Богатому будущему области—порукой сама природа этого благодатного уголка земли. Кабарда и Балкария—это сплошной курорт. Это—наша Швейцария.

Горное дело, курортное дело и скотоводство (молочное хозяйство) вот три основных отрасли для экономического развития области.

Курортное дело станет центром всей хозяйственной деятельности области; в связи с курортным делом и применительно к нему должно развиться молочное хозяйство.

Дагестанская автономная Советская Социалистическая республика.

Дагестанская автономная республика провозглашена декретом ВЦИК от 26 января 1921 года. Центр республики—Махач-Кала (б. Петровск).

Пространство 40.000 кв. километров.

Населения—около 1.265.000 человек. Из них горцев 97%, русских—2% и проч. национальностей—1%.

Страна подчиненная бекам, ханам, офицерству и имамам, вместе с тем и страна неограниченного царского насилия—это Дагестан до Октябрьской революции.

Народы и племена, которые раньше не признавали никакой власти и эксплоатации, которые потому только и собрались в высоты неприступных гор, чтобы уйти от порабощения — эти вольные сыны гор застигнуты были врасплох, в 50-летней борьбе побеждены и отданы на поругание царским чиновникам, хану, беку, шейху.

Теперь, вместо царской провинции—на горах и в низах созданы Советы. Вместо прежней старой опричины—освобожденные народы выбирают своих представителей и сами решают свои дела. Отсталые народности Дагестана идут к свету, к более культурному хозяйству, к улучшению своего положения и благополучия. Дагестан характерен тем, что в нем в отдельных районах еще сохранился родовой быт с остатками патриархальной коммуны. Каждый аул выступает, как самодовлеющая единица.

В самые лучшие времена экономического состояния, когда кукуруза родилась хорошо, а персики созревали своевременно, своего хлеба Дагестану хватало не более, чем на три месяца. Дагестан кормится ввозным хлебом в обмен на фрукты, на баранов и пр. предметы. Что же можно сказать о продовольственном состоянии данного времени, когда на 50% сократился рабочий скот, когда не хватает посевного материала, когда тянувшаяся под ряд несколько лет засуха, неурожай и гражданская война истощили хозяйство горца?

Мы видим сейчас, что Дагестан напрягает свои силы и добровольными коллективами, субботниками по несколько тысяч человек, в течение не дней, а месяцев роет каналы на десятки и сотни верст, орошает гористые местности водой.

Неимоверно упорным трудом площадь земли Дагестана расширяется, проводится мелиорация, вводится сельско-хозяйственная индустрия, и недалек час, когда не ввоз, а вывоз хлебных злаков будем наблюдать мы на границе Дагестана.

По мере того, как на сельско-хозяйственном фронте обозначался ряд опасностей (саранчевые, мышиные и т. п. нашествия), снова все население дружно и упорно принималось за борьбу, организуя для этого специальные „штабы", руководившие всеми операциями.

В начале 1922 года с успехом была закончена борьба с саранчей, а в начале 1923 года был об'явлен жесточайший поход против мышей, что грозило голодом для населения. Мышами была поражена площадь в 180.000 гектаров.

Вместе с тем для создания благоприятных условий для развития сельского хозяйства и обмена улучшены средства связи, проводятся значительные работы по улучшению шоссейных дорог.

Кроме того, идет упорная борьба за восстановление скотоводства. За время гражданской войны в отдельных районах погибло от чумы 95% скота. Сейчас кочевники нагорного Дагестана увеличивают как летние, так и зимние пастбища, организуются кассы-взаимопомощи для овцеводов—кочевников.

Как только Дагестан не будет нуждаться в ввозе хлеба, в этот момент начнет развиваться его промышленность, и он станет на путь заводов и фабрик, которые и преобразят его.

Промышленная и вообще хозяйственная жизнь Дагестана с его неизмеримыми богатствами и ценностями в недрах земли и дикая культура Кавказа давно привлекают к себе всеобщее внимание. Но до настоящего времени Дагестан был для большинства недоступен.

Богатства Дагестана велики. Большую роль в крае играют рыбные промыслы Каспийского моря, много хорошего вина дает уже сейчас Дагестан, и, наконец, фрукты, стекло, ртуть, гранит, минералы—трудно перечислить все, что предстоит черпать в горах Дагестана.

Кустарная промышленность в Дагестане процветает и теперь. Ковровое производство, керамическое, выделка сукон, обработка металлов и дерева мало имеет конкурентов. Уже заработал стеклянный завод „Огни", созданный усилиями Советской власти.

Параллельно с работой по экономическому восстановлению велась огромная культурная работа. Шариатские суды, существовавшие до сих пор, ликвидируются при поддержке самого населения и их замещают народные суды, ведется последовательная, но осторожная борьба с духовенством, влияние которого постепенно падает; на сцену общественности выступает бесправная до сих пор горянка.

Начальная советская школа строится на родном языке. За последний год подготовлено свыше 200 учителей, и выпущены учебники на языках: кумыкском, аварском, даргинском и лакском.

В круг педагогической работы вводится и горская женщина, за которой бронируются места в учительских семинариях.

В целях поднятия производительности и промышленности края, а также вовлечения в трудовую жизнь детского населения, значительно расширяется сеть профессиональных технических школ, как низших, так и средних, при существующих производствах.

Подготовка работников просвещения идет очень медленно, благодаря сложности условий. В Дагестане есть шесть основных языков и 34 наречия. Нет страны более разнообразной по географическим условиям, чем Дагестан. Нет больших трудностей в культурно-просветительной и политической работе, чем в Дагестане. Чтобы сказать какую-нибудь истину устно или письменно, ее необходимо сказать на 6 языках и на 10 наречиях, пока она не будет понята. Некоторые из языков совсем не имеют письменности. Есть аулы, живущие рядом, но не понимающие друг друга и не имеющие между собой связи, живущие на одной широте, но на различной высоте и потому при различных климатах и различной растительности. При таком многообразии природы, при таких сложных условиях работу вести очень затруднительно. Верными и лучшими друзьями являются здесь—время и последовательная настойчивость. Они-то окажутся победителями и покорителями горных массивов.

Перед Дагестаном в данный момент стоят три основных задачи: а) поднятие сельско-хозяйственной индустрии, б) поднятие фабрично-промышленной индустрии и в) политико-культурное развитие масс, далеко отставших благодаря своей изолированности и историческим условиям.

Азербейджанская Советская Социалистическая Республика.

Территория—86.951 кв. км. Население—2.087.000 человек. Центр республики—Баку.

Азербейджан дореволюционный: две губернии Российской империи—Бакинская и Елизаветпольская, Закатальский округ Тифлисской губернии, и Нахичевань Эриванской губ., населенные полудикими татарами. Основное население загнано и забито до крайности. Местный язык не признается. Администрация, суд и образование—все ведется только на русском языке. Единственными школами на тюркском языке являются религиозные школы при мечетях, но даже и их население принуждено было содержать на свой счет, а царское правительство на них не давало ни копейки. Проводилась беспощадная колонизация: лучшие участки Муганской степи и др. отдавались русским поселенцам; леса об'являлись казенными; наиболее культурные земли обращались в удельные имения. В общем, картина самого беззастенчивого хозяйничанья завоевателей в завоеванной стране—при помощи туземных помещиков и дворян.

Советская власть, окончательно утвердившаяся в Азербейджане только 28 апреля 1920 г., нашла Республику в состоянии крайнего разорения. Сотни селений были уничтожены в процессе армяно-тюркской вражды; необходимые для скотоводства хозяйства, нагорные пастбища были отрезаны и находились за пределами страны, никем не поддерживаемые; оросительные каналы пришли в запустение и прежде орошаемые ими степи превратились в безводные пустыни; заградительные плотины и береговые укрепления на Куре и других горных реках развалились, и бурные половодья смывали сотни десятин культурных земель, обращая их в каменистые русла. Хлопководство и шелководство, игравшие крупную роль в хозяйственной жизни, совсем замерли; хлебные посевы значительно сократились, виноградники были частично уничтожены. Что же касается народного просвещения, то по произведенному в 1920 г. обследованию общая грамотность среди тюркского населения определялась в $1^1/_3\%$, а учет культурных сил обнаружил, что республика в целом располагает всего 75-ю учителями-тюрками, получившими семинарское образование, 5-ю учителями, окончившими учительский институт, и 14 кончившими высшее учебное заведение. Итого все азербейджанские просвещенцы исчислялись в 94 чел.

Открытие границ между Азербейджаном и Арменией вновь дало возможность пользоваться нагорными летними пастбищами, что благотворно отозвалось на скотоводстве.

Несмотря на всю затруднительность финансового положения, Советской власти все же удалось провести в широком масштабе восстановление оросительных сооружений и сооружение новых каналов в Муганской степи и этим значительно увеличить площадь, годную к культуре. Равным образом были проведены большие работы по укреплению берегов р. Куры и устранена дальнейшая опасность разливов и наводнений, разорявших прибрежные селения в наиболее плодородных долинах. На ряду с общим восстановлением сельского хозяйства, Советской власти удалось оживить и его специальные отрасли. Хлопководство, почти уже совсем прекратившееся, вновь начало развиваться, и в 1922 г. площадь, занятая посевами хлопка, в 9 раз превышала площадь 1920 г. Восстановились и работают четыре хлопкоочистительных завода, давшие в первое полугодие 1922 г. 137.600 кгр. волокна и 336.000 кгр. хлопкового зерна. Возродилось и шелководство, и в текущем году размоткой коконов было занято уже 11 заводов. Виноградники, сократившиеся за время войны с 30.000 гектаров до 20.000, в настоящее время вновь поднялись почти что до прежнего уровня, пущены в ход коньячные заводы, и вывоз вина дает Азербейджану значительный доход.

Что же касается крупной промышленности, то, конечно, она не могла быть восстановлена в такой короткий срок, но тем не менее и в ней замечается благоприятный перелом.

Основной промышленностью Азербейджана является нефтяная. Бакинская нефтяная промышленность начала падать уже с самого начала империалистической войны. Уже тогда поступление технических материалов начало отставать от потребности в них и начал ощущаться недостаток в рабочих руках. Добыча нефти неуклонно падает, начиная с 1912 г.

1912 г.	7.264	тыс. тонн.
1917 „	6.246	„ „
1920 „	1.760	„ „
1922 „	3.040	„ „

Управлению Азнефти пришлось вынести героическую борьбу за восстановление нефтяной промышленности. В этой борьбе приняла участие и вся Советская Федерация, считавшая это своим делом после постановления о принадлежности нефти всем Советским Республикам. Недостаток рабочих рук пополнен мобилизацией, об'явленной всероссийским союзом горняков.

С недостатком технических и денежных средств Азнефть до сих пор ведет борьбу, но регулярно повышающаяся сейчас добыча указывает, что и здесь Советская власть одерживает победу.

Главным признаком победы, кроме увеличения добычи, является еще и восстановление бурения новых скважин, совершенно прекратившегося с начала революции.

Из других крупных промышленных предприятий, уже совершенно ставших на ноги, следует отметить текстильную фабрику имени Ленина, достигшую довоенной выработки и давшую в 1922 г. 270 тысяч метр. ткани.

Кроме нее, восстанавливается сравнительно крупная шелковая и рыбная промышленность.

Широко работают соляные промыслы.

Советская власть двинула вперед дело народного просвещения. Количество учащихся увеличилось в 8 раз. Во всех школах, где преобладающее большинство учащихся состоит из тюркского населения, преподавание ведется на тюркском языке.

Составлены и изданы никогда несуществовавшие учебники для трудовой школы на тюркском языке.

Кроме того, производится замена арабского алфавита латинским, что во много раз упростит обучение грамоте и печатание книг.

Эта замена создает возможность безболезненно вырвать дело народного образования из рук духовенства, в которых раньше оно было исключительно сосредоточено.

В настоящее время тюркские крестьяне и рабочие охотно определяют своих детей в советские школы, и не только мальчиков, но и девочек. В связи с этим раскрепощение мусульманской женщины идет усиленным темпом. Женщина освобождается от чадры, принимает участие в организации клубов, спектаклей, трудовых артелей. Там, где нет учительниц для обучения девочек, они обучаются вместе с мальчиками.

Забитый вековыми колонизаторскими угнетениями тюркский народ впервые при Советской власти получил полную свободу национального и культурного самоопределения.

Теперь он имеет свою власть, армию, администрацию, суд и школу на своем языке. Азербейджанский народ твердо встает на собственные ноги и сам управляет своей судьбой при поддержке всей РСФСР.

Поездка в Баку.

Из Тифлиса наша студенческая экскурсия отправилась в Баку осматривать нефтяные промыслы.

От Тифлиса до Баку около 500 километров. Ехать надо по железной дороге более полусуток по равнине, между горными цепями, которые виднеются к северу и к югу от железнодорожного полотна. Далекие снежные вершины висят в воздухе, как гряда облаков. По мере того, как поезд все дальше подвигается к востоку, долина расширяется, горы раздвигаются, все туманней становятся их очертания, и они исчезают, наконец, совершенно. Поезд мчится по однообразной пустынной равнине.

Теперь только половина июня, но горячее южное солнце уже успело сжечь южную растительность, которая зеленела здесь весною, и степь имеет печальный вид: это целое море побуревшей низкорослой травы.

Иногда мы проезжаем мимо селений, окруженных полями. Несмотря на раннее лето, хлеб уже убран повсюду.

Эта пустыня тянется на все 500 километров, вплоть до самого Баку, и при том чем дальше к востоку, тем более песчаной и безжизненной становится она.

Баку лежит на берегу Каспийского моря. В Баку хорошая гавань; видно, что город ведет очень большую торговлю, так как пристани завалены всевозможными товарами, и в гавани стоит много кораблей.

Несмотря на то, что в Баку, в его новой европейской части, прямые и широкие улицы, украшенные огромными красивой современной архитектуры домами, сложенными из серо-желтого строительного камня, с богатыми помещениями для торговых контор, магазинов и пр.—он производит впечатление азиатского города. Дело в том, что многие из этих домов с плоскими крышами, как это делается часто на востоке, и непривычному глазу северянина кажутся постройками совершенно без крыши.

Старинная азиатская часть города застроена низкими каменными домами с плоскими земляными крышами; улицы здесь очень узки и неправильны, со множеством кривых переулков, содержатся очень грязно.

Главные улицы Баку наполняет шумная толпа, которая состоит из людей различных племен. Здесь можно встретить горцев-кавказцев в национальных костюмах, с кинжалами в серебряных ножнах, украшенных резьбой и затейливыми узорами из черной эмали, в высоких бараньих шапках, которые они носят даже в жаркую погоду; персов — часто с выкрашенными в яркий кирпичный цвет бородами и ногтями; турок в красных фесках с длинными кистями; греков в европейской одежде, но с характерными загоревшими лицами; татарок, закутанных с головою в пестрые восточные ткани.

Баку — город нефти; добычей нефти он прославился и разбогател. Присутствие в окрестностях Баку „черного масла“, как называли прежде нефть за ее способность гореть и за маслянистый вид, — было известно давно, и с незапамятных времен туземцы добывали ее в небольших количествах самыми простыми способами. Они выкапывали небольшие колодцы, на дне которых собиралась нефть, и выкачивали ее кожаными мешками. Нефть им служила для освещения, смазывания телег, вместо дегтя, и даже в качестве лекарства.

Нефть—жидкость темно-бурого цвета с зеленоватыми оттенками и сильным запахом, напоминающим запах керосина. Замечательна она тем, что из нее можно получить много различных веществ, необходимых для людей. Из нефти добывают: керосин, который горит в лампах по всему свету; бензин, приводящий в действие машины и, между прочим, двигатели

для автомобилей и для летательных аппаратов; различные масла для смазывания машин; так называемый, мазут, употребляемый для отопления паровых котлов почти всех волжских пароходов и множества фабрик и заводов всей России.

К нефтяным промыслам от Баку надо проехать по железной дороге по песчаной, безводной степи, почти лишенной растительности, за исключением тощих кустиков сухой и жесткой травы. Однако, в этой дикой и пустынной местности видны следы кипучей человеческой деятельности: вдоль железнодорожного полотна тянутся густые сети телеграфных и телефонных проволок, электрические провода перекинуты по ряду столбов, по песку проложены десятки толстых чугунных труб, по которым течет добытая нефть с промыслов к керосиновым заводам Черного моря.

Бурая песчаная пустыня попрежнему окружает нас, однообразная и мертвая. Поезд мчится по ней, и вот впереди показывается и вырастает постепенно удивительное подобие леса. Издали кажется, что на горизонте поднимаются с желтой земли мрачные черные деревья, похожие на ели — это множество вышек, понастроенных над буровыми скважинами. Они очень тонки и очень высоки, и тысячи их, стоящих в нескольких саженях одна от другой, дают впечатление темного леса, в котором растут невиданные деревья.

Это и есть нефтяные промыслы.

Скоро мы под'езжаем к небольшому вокзалу и через 10 минут оказываемся на улице, вероятно, одной из самых своеобразных на всем земном шаре. Мы идем по плохой мостовой, очень грязной и пыльной. По сторонам улицы, за деревянными заборами, как колокольни, поднимаются черные вышки; из них доносится пыхтение пара и грохот машин — там кипит большое тяжелое дело. Попрежнему нас сопровождают сети проволок и чугунные трубы, а по каналам течет беловатая вода, с маслянистыми, отливающими на солнце всеми цветами радуги, пятнами нефти.

Мы шли по промыслам, шагая по изрытой канавами жирной земле, пропитанной нефтью, среди множества вышек, железных баков для нефти, между каменных построек для мастерских, машинных отделений и кочегарок. Воздух был насыщен резким и довольно неприятным запахом нефти, к нему примешивался удушливый чад, черные клубы которого выбрасывали высокие трубы...

Вышки были расположены без всякого видимого порядка, то почти рядом, то на расстоянии десятков сажен одна от другой. Их окружали большие кучи серой земли, добытой при проведении скважины. Каждая буровая башня состояла из собственной вышки, по форме похожей на египетский обелиск, и пристроенного к ней сбоку длинного деревянного сарая, в котором помещались буровые станки и инструменты или машина для выкачивания нефти.

Руководители-инженеры скоро привели нас в одну из вышек, где производилось бурение. Грязно и шумно. Около

машин с криком суетились рабочие — персы и татары. Бросился в глаза прежде всего буровой станок, сделанный очень массивно из толстых бревен. Одно из них качалось электрической машиной и при своем движении поднимало и опускало в скважине на железных стержнях тяжелое долото, которым бурили землю.

Проводить буровую скважину очень трудно. Редко нефть встречается в значительных количествах на глубине нескольких десятков метров, а обыкновенно скважину приходится углублять метров на 200 и больше. Рыть приходится часто в крепких каменных породах. Поэтому и употребляются очень тяжелые инструменты.

Долото с такой силой ударяло о землю, что станок дрожал и сотрясал всю вышку, а камни на дне скважины, на глубине до 200 метров под землею, раздроблялись в порошок. Трещали зубчатые колеса, гудела машина, и станок грохотал так громко, что при желании сказать что-нибудь соседу приходилось кричать.

Через несколько минут бурения долото разбило много камня на дне скважины, и получившийся при этом порошок, образуя грязь, смешался с водою, которая всегда в виде подземных ручейков протекает в земной коре. Нужно было эту грязь удалить из скважины. Для этого стали постепенно поднимать долото, постепенно отвинчивая один за другим стержни, на которых оно было опущено в скважину, пока, наконец, очень большой, с человеческий рост, инструмент, покрытый жидкой грязью, не показался на поверхности. На место его быстро спустили на металлическом проволочном канате длинный, пустой цилиндр с клапаном внизу. Его называют желонкой. Машина, опустив сначала желонку до дна скважины, развертелась в обратную сторону, и через минуту весь снаряд быстро вынырнул из скважины, опустился над особым желобом, при чем клапан открылся, и мутный поток серой грязи с рычаньем и брызгами вырвался из цилиндра.

Так очищали скважину несколько раз, а потом опять опустили долото и продолжали бурение.

Такая работа идет по всем промыслам в сотнях вышек.

Бурение скважины—дело беспокойное и тяжелое. Во избежание неудач и задержек, бурение нельзя прерывать ни на минуту, долгие месяцы бурят непрерывно днем и ночью, даже в большие праздники. Чтобы земляные стенки не обрушились, для их закрепления опускают широкие трубы, склепанные из листов железа.

Углубляют скважину, пока не достигнут пластов земли, содержащих много нефти. Тогда нефть спокойно скопляется на дне скважины, как вода в колодце, и ее черпают желонками совершенно так же, как очищают скважину от грязи; или же нефть вырывается из-под земли фонтаном.

Нефть в глубине земли перемешана с различными горючими газами, которые скопляются под землею часто под очень сильным давлением. Эти газы стремятся расшириться, как пар

в паровом котле, и поэтому выталкивают фонтан нефти, как только буровая скважина достигнет того места, где скопились газы.

Газ со страшной силой и гулом начинает через скважину вырываться на земную поверхность, увлекая за собою нефть, воду, песок и камни, образуя колоссальный фонтан, который высоко поднимается над землею. В 1887 г. бил фонтан высотою в 100 метров.

Чтобы нефть, поднимаясь на такую высоту, не разбрызгивалась слишком сильно, теряясь напрасно, наверху буровой вышки укрепляют чугунные щиты в несколько вершков толщиною, которые своей тяжестью отклоняют нефть к земле. Иногда фонтан с такой силой бьет по этому чугунному щиту маленькими камешками и песком, которые она выносит с собой из земли, что в нескольско часов щит пробивается насквозь.

В короткое время нефти выбрасывается так много, что она быстро заполняет приготовленные на случай появления фонтана огромные бассейны, обнесенные земляной плотиной и выложенные иногда камнем, и образуют целые нефтяные озера.

Но с такой силой фонтан бьет только первые дни, а потом газы выходят, приток нефти уменьшается, через несколько месяцев спокойного действия фонтан истощается и исчезает, и нефть уже надо выкачивать из скважины, так как она больше не поднимается сама собой.

К сожалению, фонтаны около Баку с каждым годом становятся все реже и беднее нефтью, так как вообще подземные запасы нефти заметно уменьшаются. Однако, благодаря усиленным работам, ежегодно добывается нефти все больше и больше.

Нам пришлось видеть только два фонтана. Один из них во время нашего посещения давал 160 тонн чистой нефти в сутки. А полгода тому назад он за то же время выбрасывал 3200 тонн поднимался на 30 метров в высоту.

Мы зашли в одну из тех вышек, где производится выкачивание нефти желонками. Эта работа дает главную часть добываемого на промыслах количества нефти. В вышке был только один человек—машинист. Машина работала все время, то быстро спуская на стальном канате длинное ведро в скважину на глубину полуверсты, то так же быстро вытаскивая его уже наполненное нефтью. Желонка стремительно выскакивала из скважины и шумно с тысячью брызг выбрасывала над деревянным чаном зеленовато-желтоватый поток нефти, которая стекала потом по жолобам в железные баки. Кругом черно, стены были покрыты жирным темным налетом, на полу блестели лужи нефти, множество маслянистых капелек ее носилось в воздухе, образуя желтый туман.

Становилось понятным, почему время от времени страшные пожары охватывают промыслы, уничтожая много вышек. Иногда воспламеняются фонтаны, и тогда нефть, как огненный столб, вырывается из земли и пылающими потоками

разливаются кругом вышки. Вспыхивают бассейны, полные нефтью, только что выброшенною фонтаном. Зловещие облака черного дыма, темнее грозовых туч, поднимаются к небу. Жар пылающего фонтана раскаляет воздух и не позволяет приблизиться к месту пожара. Часто огонь переходит на соседние вышки, неся с собой разрушение, взрывает железные баки.

Борьба с такими пожарами, конечно, невозможна, и остается только заботиться, чтобы бушующий огонь охватил возможно меньшее пространство, и терпеливо ждать, когда ослабнет сила фонтана, и пожар прекратится сам собой.

Добытая на промыслах нефть перекачивается насосами по чугунным трубам—„нефтепроводам"—в предместье Баку, Черный Город, где расположены керосиновые заводы.

Керосин и мазут в Черном Городе хранятся в железных баках, а затем отправляются на продажу по всей России. Их перевозят по железной дороге в особых вагонах-цистернах или по Каспийскому морю и по Волге, для чего их прямо накачивают в большие железные баржи и пароходы.

Советская Социалистическая Республика Армения.

Армения включает районы бывшей Эриванской губернии, Зангезурский уезд, часть Казакского уезда, б. Ганджинской (Елизаветпольской) губ., и большую часть Борчалинского уезда, б. Тифлисской губ. Главный центр—Эривань. Пространство—39.000 кв. км.

Всего населения в Арменской ССР—1.050.000 чел.

По занимаемой территории Армения в два раза меньше Грузии и в три раза меньше Азербейджана. В национальном отношении она являет ту же пестроту состава населения, как Грузия и Азербейджан.

С окончательным утверждением Советской власти в Закавказьи, положение как Армении, так и всего края круто и коренным образом изменилось. Кровавый кошмар межнациональной вражды исчез, и народы Закавказья, после долгого ряда лет тяжелых кровавых испытаний, впервые получили возможность вернуться к спокойному труду.

Настоящее положение ССР. Армении исключительно неблагоприятное. Не имея никаких более или менее крупных городских центров, она не имеет также обрабатывающей промышленности. Последняя представлена лишь несколькими рисоочистительными, шелкомотальными, кожевенными и консервными заводами и значительным количеством хлопкоочистительных джинов, которые частью бездействуют в виду почти полного исчезновения культуры хлопка, ча-

стью же разрушены во время гражданской войны и национальных столкновений. Сохранилась винокуренная промышленность.

Перед войной количество гектаров под виноградниками доходило в Эриванской губернии до 10.000, средняя же годовая производительность вина равнялась, приблизительно, 3.000.000 ведер. Однако, несмотря на то, что по занимаемой площади виноделие Армении уступало не только Грузии, но и Азербейджану, промышленное потребление винограда наиболее развито в Эриванской губ.

С присоединением к Армении Зангезурского и части Борчалинского уездов, в пределах ее очутились два крупных медноплавильных завода с прилегающими к ним районами, очень богатыми медной рудой. До войны на этих заводах работало до 7.000 чел., и производительность их равнялась 4—5 мил. руб.

В данный момент экономическая политика Советской Армении исключительно направлена в сторону поднятия ее сельско-хозяйственных рессурсов. Культура хлопка, игравшая в Эриванской губернии издавна значительную роль, сейчас пришла в упадок. В 1922 г. хлопковые плантации С. С. Р. Армении, возделанные средствами правительства, едва насчитывают 1000 гектаров, между тем, как в 1914 г. под хлопком находилось около 45.000 гектаров, сбор же очищенного хлопка превышал 11.200.000 кгр. Страну надо вывести из полуголодного существования, для чего все внимание правительства и система землеустройства направлена в сторону упорядочения и расширения зерновых отраслей сельского хозяйства.

Землеустроительная политика ССР. Армении крайне осложняется тяжелой заботой—связать с землею огромную массу скопившихся в Республике беженцев.

Очередными неотложными задачами в области сельского хозяйства Армении является: расширение всеми мерами площади удобных для сельско-хозяйственных культур земель. Надо обеспечить землей беженцев.

Проблема орошения земель выдвигается в Армении на первый план. Необходимо исправить и улучшить старую ирригационную систему, которая орошала около 200.000 десятин, т.-е. четвертую часть всей обрабатываемой сельскохозяйственной площади Армении, и в ближайшее же время приступить к сооружению новой оросительной системы, включив в нее Ширакскую степь—13.000 гектаров и Сардарабадскую—от 8 до 10 тысяч гектаров.

В настоящее время правительство Армении приступило уже к самым неотложным работам. Эчмиадзинский канал восстановляется и досооружается, эти работы скоро будут кончены; одновременно кончается работа по сооружению Ширакского канала. Успех этих предприятий и дальнейшее расширение работ по орошению зависит от возможных средств Армении и от привлечения постороннего капитала.

Ирригационные работы дали возможность продвинуть дело электрификации. Строится электрическая станция имени Шаумяна в 6.000 сил. Станция эта дает возможность не только электрифицировать Эривань и ее окрестности радиусом в 35 килом. но и перекачать воду из каналов для орошения холмов и плоскогорий.

В общем 1922 г. отмечает признаки улучшения в хозяйстве Республики. Главное же достижение состоит в том, что силы населения удалось сконцентрировать и направить их на производительный труд.

Просветительная работа Советской власти Армении протекала при невероятно тяжелых условиях.

Страна, доведенная до полуразрушенного состояния в результате империалистической войны, за $2^1/_2$ года господства дашнаков*), предшествовавших Советской власти, в культурном отношении дошла до полного варварства и одичания. Школьная сеть не только в деревнях, но и в городах была почти разрушена; учащаяся молодежь и лучшая часть учительства были загнаны в казармы и вовлечены в межнациональные бойни. О просвещении широких трудовых масс не было и речи.

Укрепление власти трудящихся создало впервые возможность широкой просветительной работы. Школы постепенно начали функционировать.

Впервые была развернута просветительная работа среди взрослого населения. Для облегчения прохождения грамоты Советской властью был издан декрет о новом правописании, приближающем армянский алфавит к произношению языка. Правописание это проводится теперь во всех учебных заведениях и во всех изданиях Армении. Политическое просвещение масс обслуживается десятками изб-читален, школ для взрослых, клубов, библиотек, народных сцен и т. д. В Эривани начал функционировать народный университет с факультетами: медицинским, технологическим, сельско-хозяйственным и общественных наук. В настоящее время в университете насчитывается около 800 студентов, с 42 профессорами и преподавателями. В 1922 г. при университете создан рабочий факультет. Наркомпросом создан государственный музей, в котором хранятся несколько тысяч старинных рукописей, принадлежавших раньше Эчмиадзинскому монастырю; в составе музея имеются отделы: археологический и этнографический, а также художественная галлерея и библиотека, в которой насчитывается около 200.000 томов. Сорганизован научный институт Армении, выпустивший уже ряд ученых трудов и имеющий свой орган по истории и литературе Армении.

Впервые создан государственный театр, вокруг которого идет серьезная работа по созданию народного армянского театра.

---

*) Дашнаки – представители армянской мелко-буржуазной партии.

Эривань—столица Армении, отсталый и забытый в культурном отношении город—стал за два года власти рабочих и крестьян культурным центром для трудящихся Армении.

Все более и более укрепляющаяся хозяйственная база и все теснее завязывающиеся братские узы с федеративными республиками Закавказья и с РСФСР. являются гарантией улучшения условий созидательной работы Советской Армении в культурной области и прочным залогом новых побед в деле просвещения широких масс трудящихся.

Советская Социалистическая Республика Грузии.

Грузия представляет федерацию автономных республик: Аджарской ССР, Абхазской ССР, Южно-Осетинской ССР и собственно Грузии. Центр—город Тифлис.

Площадь—58.926 кв. клм.

Население—2.372.403 человека.

Грузия—страна сельского хозяйства. 6 апреля 1921 года декретом Грузинского Ревкома вся земля, отобранная у помещиков, передается трудящимся, и свободно избранные крестьянские комитеты из бедноты и середняков определили нормы земельного надела. Тогда же приняты меры к улучшению сельского хозяйства. Намечено проведение ряда оросительных каналов, при помощи которых можно сделать урожайными до 60.000 десятин земли. В восточной Грузии сеют преимущественно хлеб, а в западной—кукурузу.

Из других сельско-хозяйственных культур развито виноделие, садоводство и табаководство. Садоводство и разведение культурных растений (чай, мандарины, лавр) особенно развито в Батумской области.

Общая площадь, находящаяся под виноградниками и садами, за 1921 год равняется 10.100 гект. Общий сбор винограда 128.000.000 кгр., из которых половина поступает на вывоз.

Шелководство в Грузии в 1923 году дало 102.000 кгр. урожая.

Из отдельных отраслей промышленности в Грузии особенно процветает угольная и марганцевая промышленность. До войны Грузия являлась мировым поставщиком марганца. И в настоящее время грузинский марганец является советской „золотой валютой“ на международных рынках.

Поддерживается добыча других ископаемых, как уголь, медь и др.

Параллельно с этими разработан план электрификации Грузии и использования так называемого, „белого угля“, неисчерпаемые запасы которого несут многочисленные горные реки. Электрификация должна сильно содействовать разви-

тию местной промышленности, должна поднять сельское хозяйство, расширить транспорт и т. д. В 12-ти верстах от Тифлиса начата постройка Земо-Авчалинской гидро-электрической станции на р. Куре и других.

За последнее время пущены в ход почти все остановившиеся производства и фабрики, восстановлены мосты, дороги и т. д. Сдана важная концессия на эксплоатацию Ширакской нефти, усовершенствуется добыча каменного угля, приняты также меры к разработке разных ископаемых богатств.

Закончена постройка Озургетско-Нотанебской ж. д., имеющей колоссальное значение для экономического развития Западной Грузии и Гурии. Поощряется инициатива самого населения в деле проведения новых шоссейных дорог. Поддерживаются главные экономические и стратегические дороги: Военно-Грузинская, Военно-Осетинская и др.

Большую роль в жизни края играет портовый город Батум, через который проходит большая часть ввозных, вывозных и транзитных товаров Закавказья. До войны через Батумский порт проходило ежегодно до 1.280.000 тонн. нефти, перекачиваемой в Батум по специальному нефтепроводу.

Широкое развитие получило в Грузии дело народного образования. Организована единая трудовая школа, по окончании которой воспитанники переходят в техникумы, курс обучения в которых 4-годичный. Занятия ведутся на национальном языке. При высшем учебном заведении организован „Исследовательский Институт".

Начинает возрождаться и грузинское искусство. Так грузинский театр поставлен на должную высоту.

В Грузии аппарат власти национализирован применительно к запросам местного коренного населения.

В краю черного золота.

Нефтяная промышленность особенно потерпела от мировой и гражданской войны. Грозненские промысла были наполовину разгромлены и сожжены, в Баку 2 года распоряжались англичане, а Урало-Эмбенский район пострадал от казаков. Приобщение всех этих районов к советской территории в начале 1920 года поставило перед правительством сложную задачу постепенного восстановления промыслового хозяйства.

Незначительный масштаб добычи, совершенно замерзшие буровые работы, огромное скопление нефтяных запасов, не находивших себе сбыта в период оккупации, изношенное и расшатанное оборудование—все это говорило больше о смерти, чем о жизни. *)

*) В период военного коммунизма и в первые месяцы нэп'а все усилия нефтеуправлений сосредоточивались на поддержании добычи и на разгрузке промыслов от колоссальных запасов путем усиленного вывоза нефти в центр, изголодавшийся без топлива, керосина и смазки.

Баку—этот важнейший и крупнейший нефтяносный район Федерации в середине 1920 года являл собой печальную картину полного упадка и разложения, усугубленных кризисом продовольственного снабжения и бегством рабочих. Если при наличии огромных запасов дело развития добычи и буровых работ можно было не считать срочным, то с иссяканием этих запасов осенью 1922 года потребовалось принять неотложные меры к усилению буровых работ и восстановлению бездействующих скважин, которые служили источником обводнения нефтяных пластов. В 1922 году были начаты сооружением 2 новых промысла на Биби-Эйбатской бухте и в Сабунчинском районе. Кроме этого, Азнефть развила энергичные буровые работы и в других районах. Пущены в эксплоатацию сотни бездействующих скважин, отремонтированы нефтеперегонные заводы, усилены электростанции, упорядочены другие подсобные предприятия, построены рабочие дома и пр.

Сейчас Азнефть без труда добывает до 350 тыс. тонн в месяц, т.-е. свыше 50% довоенного масштаба, и могла бы без труда увеличить это количество, если бы условия рынка этого требовали.

Грозный. Восстановление Грозненских промыслов, представлявших собой к моменту ликвидации гражданской войны наполовину кладбище, задача еще более трудная; правда, колоссальные природные богатства Грозного с его фонтанами, дающими за последние годы свыше половины валовой добычи, делали эту задачу особенно благодарной. В Грозном, как и в Баку, не только удалось восстановить ряд бездействующих скважин и наладить буровые работы, но и залечить другие раны, нанесенные разгромом. Произведен целый ряд новых работ, в частности проложены дороги от промыслов к городу, построены технические и жилые здания, введен ряд технических усовершенствований в области производства, и сейчас можно с полной уверенностью сказать, что блестящее будущее, которого в праве ждать Грозный с его природными богатствами, можно считать за ним обеспеченным.

Промысла Эмбанефти расположены среди пустыни в пределах Западно-Киргизской области. Для облегчения природных условий жизни рабочих поселков в пустыне и в целях снабжения промыслов питьевой и технической водой Эмбанефтью в 1922 году предпринято ряд мер по обводнению района.

Несмотря на крайне неблагоприятные географические условия, в которых находится этот молодой и малоразведанный район, отрезанный от путей сообщения, процесс восстановления нефтяного хозяйства очень заметен. В 1920 году этот район еще продолжал бездействовать, лишенный оборудования, материалов и рабочей силы. В настоящее время добыча превышает там 128 милл. кгр. в год, буровые работы начаты, вывоз более или менее налажен. Это тем более

существенно, что Эмбенский район дает лучшие в мире сорта масляной нефти, служащие для выработки первоклассных смазочных материалов, которые широко известны за границей.

Отправка нефтепродуктов из районов добычи производится главным образом водным путем. Нефтепродукты из Баку и Петровска направляются в Астрахань и оттуда вверх по Волге, пристани которой служат резервуарами для снабжения потребителей.

В 1924 году экспорт нефтепродуктов превысил 800 м. кгр., тогда как в 1923 г. экспортировано за границу только 304 милл. кгр.

Батум.

Дорога в Батум идет через всю Грузию и проходит по широким горным ущельям, густо заселенным; часто попадаются города и обширные селения. По проезде станции Михайлово поезд проходит через знаменитый Сурамский перевал по туннелю, длиною почти в четыре километра. Из туннеля поезд выбегает в узкую долину реки Дзерулы.

Отсюда начинается древняя Колхида...

Здесь высокие горы отгородили нас от ветров холодного севера, и мы попали на роскошный, благодатный юг.

Часов через 10 езды от Тифлиса поезд подходит к берегу Черного моря и затем идет до самого города Батума все время по берегу, и в некоторых местах настолько низко, что волны забрасывают свои брызги на полотно дороги. Весь путь по берегу представляет разнообразные картины: с одной стороны, вид на далеко раскинувшееся море, а с другой—на причудливо очерченные холмы, подходящие к морскому берегу. Все эти холмы покрыты богатейшей растительностью и живописно разбросанными постройками местных жителей: гурийцев и турок.

Перед Батумом поезд проезжает через небольшой туннель, прорытый в скале. Местность здесь чрезвычайно красива.

Но вот и город Батум, расположенный на равнине, образовавшейся из наносной почвы. Весь город в растительности. Он имеет чистый, опрятный вид, с широкими, правильно распланированными улицами. На самом берегу большой, чудный бульвар, на котором растут все виды южных растений: пальмы, кипарисы, магнолии, лавровишни и др. Недалеко от бульвара разбит парк, который также полон всякими редкими растениями юга.

В Батуме огромная бухта, в которую могут заходить большие суда; бухта прекрасно защищена от ветров, и суда там могут стоять покойно. В бухте всегда стоит много парусных и паровых судов из разных стран, приезжающих за кероси-

ном, который в Батум подается прямо из города Баку по трубам, проложенным вдоль железной дороги на протяжении 800 километров.

Город окружен округленными горами, покрытыми растительностью. Климат Батума мягкий, зимой бывает не более 5 градусов мороза, снег иногда совсем не выпадает. Население города самое разнообразное: здесь живут турки, грузины, русские, армяне, греки, евреи и другие.

На другой день мы отправились в Чакву, где, главным образом, разводятся чайные кусты и вырабатывается чай. Это место в двенадцати километрах от Батума, близ железнодорожной станции. Здесь мы увидели и огромные площади, покрытые чайным кустом, и бананы с листьями, длиною более 4 метров, и пальмы, растущие на открытом воздухе, и целые рощи бамбуков, вышиною до 20 метров, и плантации мандаринов, и огромные деревья апельсинов, и множество других, невиданных нами ранее, растений.

Чайные кусты здесь небольшой высоты. Каждый куст состоит из большого числа побегов.

Разведение чайных кустов дело очень нетрудное. Сначала высевают семена на грядки часто, а затем вышедшие из них растения года через два высаживаются на приготовленное место. После посадки чайный куст года в два достаточно вырастает и дает побеги, с которых в течение лета раза 4 или 5 срываются самые верхние молодые мягкие листочки для чая. Работа обрывания листьев очень легкая, но очень кропотливая.

Когда лист соберется, его надо провялить, для чего листья накладываются толстым слоем или прямо на чистый пол, или на цыновки, холстинки. Когда лист провялится, его начинают крутить — это делается машинами или прямо руками, для чего берут в пригоршни листья, сжимают их в круглый ком и на столе начинают вращать руками так, чтобы этот ком листьев вращался вокруг себя. После получасовой такой работы листочки скручиваются в трубочку, и тогда их оставляют для броженья. После броженья листья принимают бронзовый оттенок, показывающий, что брожение закончилось. Тогда листья раскладывают на чистых подстилках и выставляют на солнце. Высушивается лист быстро, и тогда уже принимает вид того самого чая, который мы обыкновенно употребляем. Для того, чтобы он приобрел полный аромат, его надо продержать в плотно закрытом помещении около полугода.

Так приготовляется чай, когда листа собирается немного, но когда его много, то почти все работы делаются машинами, которые крутят лист, сушат и просевают его.

Чайные кусты в Батум были привезены недавно из Китая, и разведение чая на Кавказе только еще налаживается. Придет время — и из Батума будет много вывозиться чая во внутрь России.

На Кавказе, по берегу Черного моря, где так же тепло, как в Батуме, может быть разведено очень много чайного

куста. На гектар земли высаживается до 6000 кустов, и каждый куст лет через 5—6 по посадке приносит до 1½ кгр. сырого листа во все сборы или 200 грамм сухого чая.

Побывали мы и в бамбуковой роще. Бамбук привезен на Кавказ из Японии и Китая также недавно, и, благодаря подходящему для него климату, он быстро здесь распространился. В Чакве его уже целая роща. Растение это бывает толщиною до 10 сантим. и более диаметром, в высоту оно выростает до 20 метров. Бамбук замечательно быстро растет: иногда за сутки он поднимается до 20 сантиметров и более. Бамбук легок, крепок, как кость, прекрасно гнется. Если его распарить, он может принимать всевозможные формы. Бамбук можно разрезать вдоль и выделывать из него дощечки, а так как он внутри пустой, то его употребляют взамен труб при устройстве водопроводов. Некоторые виды бамбука в молодом возрасте идут в пищу, как спаржа. В Чакве есть фабрика, где из бамбука приготовляется разная мебель, лестницы и прочее.

В Чакве разводятся и мандарины; они прекрасно выносят тамошний климат и уже в семилетнем возрасте дают до 200 и более плодов.

Из Батума мы выехали ночью на пароходе в Новороссийск. Утром, когда мы вышли на палубу, перед глазами потянулись причудливые очертания берега, поднимающиеся гряды гор, покрытых лесом, а вдали высились шапки снеговых великанов. Все это, освещенное солнцем, было волшебно-прекрасно.

На другой день перед нашими глазами уже тянулись унылые, однообразные, непрерывные холмы и горы и известковые белые берега; высокие горы отодвинулись далеко от берега и не были видны. Через некоторое время пароход вошел в бухту и привалил к пристани. Приехали в Новороссийск.

Новые Советские республики Средней Азии.

В центре общественного внимания республик Средней Азии в последнее время встал вопрос о территориальном государственном размежевании этих республик по национальному составу.

Вместо существовавших в Средней Азии трех советских республик—Туркестанской ССР., Бухарской Нар. Сов. Респ. и Хорезмской Нар. Сов. Республик — с их смешанным пестрым национальным составом, созданы новые республики путем об'единения однонациональных групп в самостоятельные государства и автономные области.

Туркменская республика (Туркменистан), об'единяющая туркменов бывшей Закаспийской области, Бухары и Хорезма. Казак-киргизы, населяющие преимущественно северную часть Туркестана, граничащую с Кирреспубликою, сливаются с последней. Затем выделяются Кара-Киргизская автономная

область с непосредственным вхождением в РСФСР и Таджинская автономная область в составе Узбекской республики. Бывшая Сыр-Дарьинская область, населенная казак-киргизами, отходит к Кирреспублике.

Вопрос о национальном строительстве народов Средней Азии исторически восходит к тому моменту, когда эти народы освободились от ига бухарских эмиров и хивинских ханов. После революции народы бывшего „Туркестанского края" образовали Туркестанскую ССР. Позднее, в 20-м году образовались Бухарская Нар. Сов. Респ. и Хорезмская, сохранившие полную самостоятельность и независимость, но заключившие с РСФСР экономический и военный союзы.

На этом первом этапе национального строительства образовавшиеся республики еще носят многонациональный характер,—это скорее было территориально-экономическое об'единение народностей в Средней Азии, чем их национальное самоопределение.

Но по мере экономического роста и политического укрепления молодых республик росло и крепло национальное самосознание коренных масс населения. Ранее придавленные и заглушенные экономические и культурные особенности каждой отдельной национальности в условиях советского строительства стали быстро развиваться.

На этой почве выступил наружу целый ряд противоречий между народами Средней Азии. Так, земельный вопрос в Бухаре и Хорезме является источником постоянной вражды между узбеками и туркменами. Дело в том, что туркменам, среди которых процесс оседания начался только недавно, достается плохая солончаковая земля, в то время, когда лучшая была давно занята оседлыми узбеками. Между туркменами и киргизами споры и трения идут вокруг вопроса о пастбищах. Огромным отрицательным фактором во взаимоотношениях между основными народами Туркестана — узбеками и киргизами—является тот факт, что социально-экономический уровень у них крайне различный. В то время, как у узбеков уже вполне установился торгово-ремесленный строй, у киргизов в значительной мере еще сохранился патриархально-кочевой быт со всеми присущими ему особенностями. В то время, как для кочевого быта киргизов необходимо создавать передвижную форму кооперации, передвижную школу и кочевого учителя, особую форму суда и т. п., для узбеков уже требуются вполне устойчивые оседлые формы всех этих отраслей государственного строительства.

Все эти вопросы должно раз и навсегда разрешить национально-государственное размежевание.

Новые формы общежитий и сотрудничества между народами Средней Азии приведут к окончательному изжитию пережитков прошлого и создадут предпосылки для перехода к федеративному устройству этих народов, к воспитанию их в духе межнациональной солидарности и созданию единого союза трудящихся всех народов.

Туркестан.

Прежний „Туркестанский край“ бывшей Российской империи представлял колонию, управлялся генерал-губернатором, служил рынком для русских изделий и давал хлопок для русских фабрик. Хлопководство настолько было развито там, что к 1915—16 гг. площадь засевов достигла 600.000 гектаров. Вся плодородная долина Ферганы превратилась в огромную хлопковую плантацию. Туркестан, дававший 170—190 милл. кгр., и Закавказье, дававшее 16 милл. кгр., удовлетворяли уже половину потребности промышленного центра в сыром хлопке.

На месте возник ряд хлопкоочистительных заводов. Однако при наличии всех экономических данных там не могла возникнуть текстильная промышленность с туземным пролетариатом; страна должна была оставаться и впредь лишь поставщицей сырья.

Развилось крупное землевладение, а патриархальная деревня и старинный быт туземцев стали быстро изменяться.

Увеличились группы безземельного и малоземельного дехканства, развились отхожие промысла. Земли киргизов и других туземцев, удобные для скотоводства, особенно в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях, колонизовались русскими крестьянами, а целые уезды (напр. Андижанский уезд Ферганской области) переходили в руки местных капиталистов. Земли „бродячих племен“, даже вспаханные участки, отбирались, сносились строения, и против таких приемов колонизации не принималось никаких мер.

Неурожаи и гололедица 1917 г., страшный голод, вырвавший из некоторых районов до 60% населения (Сыр-Дар. обл.), гражданская война в России и Туркестане, в результате которой Туркестан оказался оторванным от России,— все эти события нанесли сильный удар народному хозяйству и в особенности хлопководству, которое оказалось разрушенным. Интенсивная культура хлопка была заменена экстенсивной культурой злаков, которая не может прокормить все население. Часть населения оказалась выброшенной из хозяйственной жизни страны, так возникло, басмаческое движение, которое постепенно ликвидируется.

В настоящее время уже создалась обстановка, благоприятная для планомерного возрождения хозяйства.

Так, в сельском хозяйстве, составляющем основу экономической жизни, замечается уже в 1920 г. увеличение посевов.

Однако простое расширение посевов без поднятия технических культур не является решением задачи. Хлопковых посевов в 1915 г. было 19% общей площади, в 1917 г.—13%, в 1920 г.—9%, а в 1922—еще меньше (вместо 600 тыс. гект.— 40—45 тыс.). Восстановление этой отрасли потребует много времени и упорного труда, но начало уже сделано.

Скотоводческое хозяйство, особенно табунное кочевое, сильно упало. Прежде кочевникам принадлежало 90% всего скота, а теперь 58%. В составе скота замечается увеличение рогатого скота и уменьшение овец.

Это говорит за усиление стойлового содержания скота.

Среди кочевого населения идет быстрый процесс разложения родового быта и оседания на землю.

С промышленностью Туркестана пока дело обстоит неблагополучно. До войны Туркестан-колония должен был поставлять хлопок, шерсть, кожу и т. п,, подвергая эти продукты первичной обработке.

Залогом быстрого развития промышленности является прямая заинтересованность не только Туркестана, но и всей Федерации, в возрождении хлопководства, которое ставят краеугольным камнем хозяйственной программы. Дело закончится организацией в широком масштабе текстильной промышленности на месте. Недостаток продовольствия в хлопковых районах и в довоенное время—один из важных вопросов при организации промышленности.

Постройка Семиреченской жел. дор., к которой уже приступлено, даст хлебные излишки этого огромного района.

Просвещение масс в Туркестане, как и на всем остальном Востоке, долгие века находились в руках мусульманского духовенства.

Бухара выполняла роль очага схоластики и фанатизма на протяжении всей средней Азии и Поволжья. В эпоху электричества целое поколение средне-азиатских жителей изучало в своих высших школах космографию по Птоломею (Батлимус).

Высшая школа представлена государственным университетом при 3.000 студентов, с рабочим факультетом; кроме того, имеется Восточный Институт с 2 отделениями: научно-теоретическим и практическим, Коммунистический Университет, в котором около 80% студентов коренного населения.

Туземная литература и журналистика сделала огромный шаг вперед. Почти каждый крупный город уже имеет по несколько газет, выходящих на русском и местных языках.

Пустыня Кизыл-Кум.

1. Пески и песчаные бури.

По мере того, как мы углублялись внутрь страны, перед нами постепенно развертывались величавые картины песчаной пустыни. Уже на старом переходе стали попадаться отдельные песчаные холмы. Их называют барханами. Чем дальше вглубь, тем их было больше. Наконец, начались сплошные пески, кое-где прерываемые небольшими площадками солонцеватой глины, или такырами. На протяжении

сотен километров, как застывшие волны, стоят холмы сыпучего песку. Их крутые склоны смотрят в одну сторону. Их верхушки, при порывах бури, взметываются, подобно гребням волн. Уже при слабом движении воздуха острые гребни барханов начинают как-бы дымиться: то песок, сдуваемый с верхушки, пересыпается с наветренного бока на подветренный. Слой за слоем переползает песок с одной стороны на другую; вместе с тем медленно и неудержимо ползет и весь холм, засыпая на пути кусты, такыры и все, что стоит ему поперек дороги. Чем сильнее становится ветер, тем больше начинают дымиться верхушки барханов. В бурю уже не видать границы, где кончается гребень холма, и где начинается струя летящего песку. Воздух наполняется песком, становится душно и темно. Путешественник, как в густом тумане, видит неясные очертания одних ближайших холмов. Дальше же все сливается в одну сплошную желтую массу летящего песку. Настоящий песчаный душ обдает путника, застигнутого бурею в Кизыл-Кумах. Песок набивается в уши, глаза, хрустит на зубах... С поразительной быстротой засыпает он все преграды, которые попадаются ему на пути, угрожая и людям, и верблюдам. В такую погоду, если нет поблизости большого такыря, надо идти во что бы то ни стало, иначе путешественник рискует быть засыпанным. В одну из подобных бурь, пока мы поили у колодца верблюдов, наша телега была засыпана выше ступиц колес, и нам пришлось отрывать ее, чтобы сдвинуть с места. Обыкновенно буря кончается к вечеру. Тогда пустыня принимает прежний вид: те же песчаные, дымящиеся на верхушках барханы, те же выбоины между ними. Только там, где была яма, теперь стоит огромнейший бугор сыпучего песку и наоборот.

Наблюдая разбушевавшуюся песчаную стихию, я понял, что засыпать целый город для нее ничего не стоит. Во многих местах Средней Азии пески медленно но верно поглощают деревни и цветущие оазисы. Никакая сила не в состоянии удержать их победоносного шествия. Даже города становятся их жертвой. Около бухарского города Каракуля, столь знаменитого своими мерлушками, еще недавно было много соленых озер, теперь, одни из них засыпаны сплошь, от других остались крошечные лужи. Самый город исчез под песками: путешественник видит на его месте жалкую, полузасыпанную деревню; среди барханов в 15 метр. вышиною темнеют остатки старых построек и полузасохшие деревья...

2. Растительный мир.

Страшный зной царит среди этих песков. Средняя температура 20—25° Ц. Отсюда сильные испарения. Ветер уносит с поверхности барханов последние остатки влаги. Новым запасам влаги взяться неоткуда. В теплые времена года в Кизыл-Кумах по целым месяцам не бывает дождя. Только

изредка появляются тучи. Но если случится, что такая туча разразится легким дождем, капли воды испаряются раньше, чем достигнут раскаленной земли. Не бывает в Кизыл-Кумах и росы.

Повидимому, здесь немыслимо существовать даже самой скудной растительности. Между тем на склонах песчаных холмов мы видим заросли кустарников. Местами попадаются настоящие леса. Но что это за кустарники, что за леса!

Прежде всего, здесь нет травы, той травы, которая зеленым ковром покрывает у нас пространство между отдельными деревьями и кустами. Здесь, в этих промежутках—голый сыпучий песок, постоянно сдуваемый ветром и постоянно наносимый снова. На желтой раскаленной почве высятся уродливые узловатые стволы с пучками веток, торчащих кверху. С первого взгляда кажется, что все эти растения мертвые, давно засохшие, что на них нет ни одного листа. В действительности листья заменены у них крошечными чешуйками, плотно прилегающими к веткам. Цвет чешуек—серый или зеленовато-серый. Понятно, в таком лесу не найти сплошной тени. Лучи солнца насквозь пронизывают самый густой куст, самое развесистое дерево и нагревают обнаженный песок. Поэтому, в здешних лесах царит тот же зной, как и в окружающей пустыне, только еще более душно.

Каким же образом существуют эти растения? Откуда они берут воду?

Мы поймем это, если попытаемся выкопать хотя бы один куст с корнем. Мы скоро убедимся, что у одного человека на это не хватит ни сил, ни терпения, как ни легко разрывать рыхлый песок. Корни кизыл-кумских растений проникают на удивительную глубину. Они прободают всю толщу песчаного слоя, лежащего на глинистой, непроницаемой для воды подпочве. Только там, на этой глине, под защитой мощного песчаного слоя, все лето сохраняется влага, накопляющаяся весной во время таяния снега. Весьма понятно, почему в Кизыл-Куме нет мелкой травы: она просто не в силах отростить себе таких гигантских корней, какие необходимы для жизни в песчаной пустыне.

Но даже и крупные растения получают самое незначительное количество воды. Нужно во что бы то ни стало сохранить ее. Нужно уменьшить испарение. Для растения это вопрос жизни или смерти.

Чтобы защищаться от испарения, большинство кизыл-кумских растений уменьшили поверхность листьев. Растения с широкими тонкими листьями должны были неизбежно погибнуть. У оставшихся листья заменены крошечными чешуйками, плотно прижатыми к веткам. Самой густой и яркой листвой отличается гребенщик или тамариск, растущий на более сырых участках песков. Это—куст с тонкими, гибкими ветвями. Но и здесь листочки настолько сухи и мелки, настолько сближены между собой, что напоминают чешуйки кипа-

риса. Тамариск бывает довольно красив весною: его покрывают тогда массы розовых цветков, которые замечательно гармонируют с матовой зеленью листочков и красноватым оттенком гибких ветвей.

Сравнительно немногие растения Кизыл-Кумов позволяют себе некоторую роскошь: мы видим на них хоть не крупные, но все же настоящие листочки. Зато эти листочки покрыты густым белым пушком, состоящим из волосков самой разнообразной формы. Сплетаясь в сплошной покров, волоски прекрасно прикрывают поверхность листа от жгучих лучей солнца. Оттого нигде не видно яркой зелени; преобладает сероватый или серовато-зеленый тон. Иныя листья так обильно покрыты волосками, что кажутся серебристыми.

Иногда пушок заменяется восковым налетом.

Иногда поверхность листа защищается от испарения соляною коркою. Этим удивительным приспособлением обладают солянки—крошечные кустики, прозябающие на солонцах пустыни.

Корни их втягивают из-под почвы значительное количество соляного раствора. Вода испаряется, соль белым налетом покрывает поверхность мелких жирных листочков. Этот налет является прекрасною защитою от палящих лучей. В то же время он оказывает растению другую услугу. Соль очень хорошо втягивает из окружающего воздуха влагу. В течение дня воздух в Кизыл-Кумах настолько сух, что из него нельзя извлечь ни капли влаги. Зато ночью листья солянки, благодаря соляному налету, покрываются, росою, в то время как остальные растения остаются совершенно сухими.

Некоторые кустарники жарких пустынь защищаются от солнца, выделяя из особых железок душистые эфирные масла. Таким образом вокруг растения создается особая ароматическая атмосфера, достаточно предохраняющая листья от высыхания.

Есть еще одно средство, дающее растениям возможность существовать в таких жарких и безводных пустынях, как Кизыл-Кумы: растение старается покончить все счеты с жизнью в возможно короткий срок, пока еще не исчезла весенняя влага, пока зной не слишком жесток. Проезжая по пустыне ранней весной, путешественник не узнает знакомых мест, если раньше он видел их только летом. Пустыня положительно преображается: появляются растения с широкими светло-зелеными листьями, например ревень; расцветают нежные лилии, красный мак, словом, откуда что берется. Не долго однако носит пустыня этот весенний наряд: не пройдет двух-трех недель, как отцветут эти яркие цветы, созреют семена, увянут листья, и степь опять получит обычный безжизненный сероватый колорит. Иногда уже в апреле настоящая зелень исчезает, остаются только те сероватые кусты, которые придают растительности пустыни такой оригинальный вид.

Особенно странное впечатление производит саксауловый лес. В нем нет ни прохлады, ни тени, поэтому он нисколько не радует путника. Не слышно в нем пения птиц, не стрекочут кузнечики, даже шума листьев вы не услышите здесь, потому что и листьев настоящих в нем нет: вместо них какие-то зеленовато-серые бугорки, как сыпь покрывающие ветви. Как заколдованный, молчит саксауловый лес; только в сильный ветер слышится в нем скрип ветвей и шорох песку, ударяющего в корявые стволы деревьев.

3. Животный мир.

В пустыне Кизыл-Кума водятся не животные, а как будто тени их. При беглом взгляде на поверхность песков сначала вы ничего не увидите: повидимому, пусто. Но присмотритесь внимательно: там и здесь вы заметите неясные, как тень, очертания ящерицы, словно слепленной из песку. Что это? Комочек песку, принявший форму животного, или действительно ящерица? Подойдите ближе—и вы увидите, как этот комочек вдруг встрепенется, неслышно помчится от вас и вдруг исчезнет, как тень. В большинстве случаев вы даже не заметите ящерицы, если только она не начнет двигаться. На ваших глазах, среди голого песку, она явится как привидение, мелькнет и исчезнет тоже как привидение. В другом месте вы можете увидеть комочек, похожий на птицу. Шагните к нему, комочек вспорхнет и превратится в жаворонка. Вот он сел на голый песок и исчез, как видение. Эти таинственные появления и исчезновения об'ясняются тем, что большинство животных песчаных пустынь окрашены под цвет песку. Какие же однако это животные, кроме упомянутых? А вот какие: ящерицы, ящерицы и опять ящерицы. С самом деле, здесь настоящее царство для этих длиннохвостых юрких гадов. Все остальные обитатели степи—суслики, зайцы, жаворонки и еще кое-какие птицы—составляют только едва заметное прибавление к этому царству. Ящерицы сотнями снуют по голым склонам песчных барханов: одни крошечные, другие в 30—40 сантим. длиной; у одних голова круглая, у других треугольная; одни с ушами, другие без ушей, но только все песочного цвета. Их кожа—подделка под песок, до такой степени совершенна, что они сами не могли бы видеть друг друга, если бы предусмотрительная природа не наделила их особым приспособлением. На нижней стороне хвоста, на самом кончике, у них накрашены широкие ярко-красные и черные поперечные полосы, очень резко выдающиеся среди желтоватого колорита песку, когда животное поднимает хвост кверху и начинает выделывать им замысловатые штуки.

Вот по этим сигнальным значкам ящерицы и отыскивают своих родных и знакомых. Местами, где этих животных особенно много, наблюдатель видит любопытную картину: там и здесь на голом склоне песчаного бархана, пестреют яркие

значки. Они завиваются в спираль, опять раскручиваются, местами бегут по песку, кое-где исчезают и снова появляются, блестя своим пурпуром на желтом фоне холма. При первом переполохе шустрые животные опускают хвосты и исчезают. Попытайтесь догнать одну из этих невидимок; сначала она побежит без оглядки; затем, когда убедится, что опасность у нее на хвосте, быстрыми движениями брюшка вправо и влево она раздвигает песок и на ваших глазах тонет в нем, забрасывая тело лапами. На ее месте остается едва заметная песчаная рябь. Но стоит вам только запустить два пальца в то место, где остался этот след, и вы извлекаете ящерицу на божий свет. На ее хорошенькой кругленькой мордочке, в черных бойких глазах, вы ясно читаете удивление. Вот так штука,—наверное думает она: как же могло это случится? кажется, уже вся зарылась?

Из других гадов мы нередко встречаем неуклюжих степных черепах и различных змей. Среди них самая замечательная змейка—это степной удав. Как же так?—спросите вы: удав—и вдруг змейка. Да, змейка, потому что он всего около 30—40 сантим. в длину. Несмотря на лилипутские размеры, он имеет все повадки своих гигантских родственников. Он так же неподвижно караулит свою добычу, мышей и тушканчиков, так же давит ее изгибами своего тела и, проглотив зверька вдвое толще себя, отправляется в укромное место заниматься пищеварением. Он умеет с удивительной быстротой зарываться в песок и ползать в нем на значительной глубине. Общий тон его окраски замечательно гармонирует с цветом песка.

Насколько земной удав толст и короток, настолько стрела-змея длинна и тонка. Это настоящий живой жгут, с замечательной быстротой скользящий по пескам в погоне за ящерицами и жуками. Длинное полосатое тело стрелы-змеи и ее манера выбрасывать на подобие стрелы переднюю половину туловища навстречу добыче вполне оправдывают ее название.

Мы часто видели зверьков пустыни: крошечных песчаных зайцев, тонкопалых сусликов и песчанок, по вечерам—еще тушканчиков. Подобно ящерицам Кизыл-Кумов, все эти зверьки окрашены под цвет песка,—притом настолько удачно, что, если бы не белый или черный кончик хвоста, они не в состоянии были бы отыскивать друг друга.

Тушканчики встречались значительно реже. Это животное ночное. Они выползали из своих норок поздно вечером, когда, сидя у костра, мы заливали свой голод несчетным количеством чашек чаю. Прыгая на своих длинных задних ногах и помахивая хвостом со знаменем на конце, эти миловидные зверьки оказывались иногда очень близко от нашей телеги. Но стоило мне шевельнуться—и они мгновенно скрывались за ближайшим барханом.

На 7-й день рано утром, когда небо только-только начало бледнеть на востоке, когда утренняя звезда еще горела бриллиантовым блеском, мы подошли к пресной луже, неисповедимыми судьбами уцелевшей среди раскаленных

солнцем песков. В среднеазиатской пустыне пресная вода настолько драгоценна, что малейший источник составляет замечательное место в стране. Здесь перекрещиваются караванные пути; здесь же кочуют киргизы со своими кормильцами-баранами, и даже дикие птицы—жаворонки, степные рябки и горлинки—ютятся поблизости этих источников жизни. Несмотря на то, что лужа, где мы остановились, была не больше и не глубже тех луж, которые в провинциальных городах после ливня появляются на всякой площади, она имела собственное название и величалась даже озером: Кукча-Куль. Чтобы составить представление о том, какова вода в этом озере, надо в стакан чистой воды насыпать столовую ложку песку.

Надо видеть, какое оживление вносит небольшая пресная лужа в природу пустыни. По берегу Кукча-Куля во множестве бегали жаворонки, местами сидели и пили воду горлицы; тут же похаживал ворон. Несколько красивых пчелоедов носились над лужей, и лишь только показалось солнце, на озеро полетели рябки и садум. Стая за стаей с громким гиканьем летели эти истые дети пустыни на лужу; со свистом они опускались около воды и начинали жадно пить. Не взирая на мою отчаянную пальбу, прилетали новые стаи и хотя бы урывком пытались напиться. Эти птицы представляют нечто среднее между куропаткой и голубем. Острыми крыльями и быстрым полетом они напоминают голубей; пьют как голуби, не отрывая клюва от воды. Но по форме клюва это—настоящие куры. Нас поражала быстрота их полета; для них, можно сказать, не существует расстояния; делать ежедневно прогулку километров за сто единственно затем, чтобы напиться, для них ровно ничего не стоит. Эта особенность позволяет им гнездиться и жить в таких местах пустыни, которые отделены от ближайшего источника или лужи целыми сотнями километров. Кормятся эти птицы семенами астрагалов и других растений.

Жизнь их проходит среди песков. Зато их красивое узорчатое оперение прекрасно гармонирует с цветом песка. Когда они садятся неподвижно, прижавшись к почве, их невозможно заметить даже на расстоянии нескольких шагов.

Дорога шла все барханами и только изредка выходила на такыры, уцелевшие от поглощения летучими песками. С утра верхушки холмов начинают куриться, к полудню воздух наполняется летящим песком, а к вечеру становится опять тихо. Поэтому мы предпочитали итти по ночам, останавливаясь днем где-нибудь посредине такыра, чтобы быть дальше от песчаных душей. Ночные переходы были тем более удобны, что дневной жар сменялся тогда большой свежестью, нам приходилось даже надевать драповое пальто. В этом отношении Кизыл-Кумы напоминают Сахару, где иногда днем можно печь яйца в раскаленном лучами солнца песке, а ночью замерзает вода.

Орошение в Туркестане.

Главнейшие недостатки Туркестанских рек для судоходства—большой уклон в верхнем и среднем течении и богатство наносами—являются для ирригации ценнейшими достоинствами. Большой уклон позволяет с удобством выводить из них каналы и доставлять воду к полям, для орошения, а богатство илом дает возможность использовать его для удобрения полей при орошении.

Реки Туркестана обладают еще одной драгоценной особенностью,—почти все истоки их находятся в горах. Горы же Туркестана принадлежат к одной из величайших возвышенностей мира — группе Тянь-Шаня, отдельные хребты которой достигают огромной высоты, значительно превышающей снеговую линию, расположенную на высоте от 3—4 тыс. метров, так что большинство туркестанских хребтов остается на все лето в зимнем снежном уборе.

Хотя атмосфера над Туркестаном вообще очень суха, но и в ней случаются ветры, приносящие влагу с далеких океанов и морей. Ветры эти проносятся над пустынями Туркестана, не отдавая им почти совершенно влаги, но, встретив холодные вершины горных хребтов, они естественно должны отдавать им влагу в виде осадков.

Питаясь, главным образом, горными снегами и льдами, реки Туркестана должны иметь половодье не ранней весной, как реки Европейской России, а летом во время усиленного таяния снегов и льдов в горах, т.-е. именно тогда, когда осадков в долине почти не выпадает и когда посевы особенно нуждаются в искусственном орошении.

Вода из рек выводится в каналы, из которых потом поступает на поля или самотеком, или при помощи различных механических приспособлений.

Самым распространенным способом вывода воды из рек в Туркестане является способ самотечный, и только в низовьях самых больших рек, где уклон недостаточен и постройка больших водопод'емных плотин недоступна населению, более или менее распространен механический способ.

От реки, текущей с известным уклоном, отводится в большинстве случаев, под острым углом к ней, канал с значительно меньшим уклоном, чем река. Канал этот постепенно отдаляется от реки и на некотором расстоянии оказывается занимающим командующее положение над участком земли, расположенным между ним и рекой. Такой канал, непосредственно берущий воду из реки, обыкновенно называется главным или магистральным. От главного канала отводятся по направлению наибольшего уклона каналы распределительные, а от них, так называемые, оросительные каналы, из которых вода уже распределяется по полям.

Воду из реки в главный канал направить не всегда бывает просто, обыкновенно для этого устраиваются приспособления и сооружения. Эти сооружения обыкновенно называются головными и устраиваются таким образом, чтобы давать возможность впускать в главный канал потребное количество воды и предохранять его от переполнения водой и заноса валунами, галькой и песком. В оросительных системах, устроенных по правилам современной техники, головное сооружение устраивается в виде плотины, перегораживающей всю реку от одного берега до другого, с примыкающим к ней шлюзом на главном канале, снабженным затвором, регулирующим впуск в канал воды.

Головное сооружение составляет одну из важнейших частей всей системы. Оно строится из камня или бетона и очень часто стоит десятки, а иногда и сотни тысяч рублей.

Почти все оросительные системы Туркестана были сооружены туземцами, мало знакомыми с правилами техники и не располагавшими ни капиталами, ни современными строительными материалами—цементом, железом и пр. Поэтому головные сооружения туркестанских каналов отличаются непрочностью, но зато простотой и дешевизной.

Эти сооружения состоят почти исключительно из струенаправляющих дамб, вдвигаемых в реку для захвата в канал необходимого количества воды и довольно легко выполняемых самим населением и не требующих никаких привозных материалов, кроме хвороста, камыша и камней, которые всегда можно найти в изобилии по берегам туркестанских рек. Однако, они очень плохо исполняют свое назначение. При внезапных паводках вода врывается в канал в чрезмерном количестве, производит размывы и расстраивает правильное действие всей системы, часто надолго лишая посевы необходимого орошения.

Главные или магистральные каналы туркестанских оросительных систем достигают очень крупных размеров, часто напоминая большие реки. Принимая во внимание крайне скудные технические познания у туземцев, невольно проникаешься уважением к их тяжелому труду, благодаря которому они, под палящим солнцем Туркестана, исключительно ручным трудом, без всяких машин и приспособлений, покрыли свою страну сетями таких больших каналов.

Каждая оросительная сеть представляет собою как бы исполинскую кровеносную систему, разветвления которой разносят животворящую влагу по всему орошаемому району, не исключая и последних, лежащих по окраинам его, полей, питаемых едва заметными водными артериями. Как для здоровья и правильного функционирования живого организма необходимо, чтобы кровь равномерно доставлялась во все органы его, точно так же для функционирования оросительной системы нужно, чтобы вода доставлялась равномерно всему орошаемому участку. Поэтому правильная организация управления оросительными системами и равномерное

распредление воды являются главнейшими условиями успеха земледелия в сухих странах.

Непосредственное орошение полей в Туркестане производится различными способами, в зависимости от рода культур и других причин. Поля, засеваемые рисом и люцерной, устраиваемые в виде ровных площадок, окруженных земляными валиками, затопляются водой сплошь на известный период времени, который при культуре риса продолжается до 90 дней. Большинство остальных посевов орошается напуском воды в мелкие параллельные канавки, насыщающие влагой лежащие между ними узкие полоски почвы.

При культуре хлопка, джугары, дынь и вообще пропашных растений, боящихся образования корки на поверхности высохшей после орошения почвы, поле нередко разбивается бороздами на грядки, между которыми напускается вода; последняя впитывается медленно в бока грядок.

Такой вид орошения называется подпочвенным орошением.

Хлопчатник.

Главным районом производства хлопка в СССР являются знойные области Средней Азии, особенно более южные их части, прилегающие к Афганистану и Персии. В этом районе Ферганскому району Узбекистана принадлежит первое место в ряду других областей как по размерам посевной площади, так и по количеству производимого хлопкового волокна. Хлопчатник для его успешного производства требует прежде всего тепла и притом тепла интенсивного и продолжительного, не менее как в течение 6, лучше 7 и 8 месяцев безморозного времени.

Хлопчатник *) культивируется на пространстве около 600.000 гектаров, с которых собирается около 48 миллионов кгр. хлопка-сырца преимущественно местного сорта с нераскрывающимися коробочками. Несмотря на ряд преимуществ американских семян хлопчатника, которые почти на 40% выгоднее туземного сорта, они очень медленно завоевывают себе место в земледельческой культуре Туркестана.

Культура хлопчатника в Туркестане ведется с незапамятных времен. Родиной туземного сорта (гуза) с нераскрывающимися коробочками и сравнительно грубым и коротким волокном, по всей вероятности, является Индия, откуда это растение подвигалось на север, достигло Ирана и затем появилось сначала в бассейне рек Гери-Руда и Мургаба, а впоследствии на берегах Аму- и Сыр-Дарьи и Зарявшана. Из американских сортов наиболее подходит к туркестанскому

*) Культура хлопчатника принесена в Европу арабами и в зап.-европейских языках обозначается арабским словом „куты", „coton"—французское слово.

климату, так называемый, сорт Упланда; преимущества его выражаются в большей урожайности и большей длине волокна. Из пуда, т.-е. 16 килогр., коробочек туземного сорта получается 4 килогр. волокна и 12 килогр. семян, тогда как американский хлопок дает 5—6 кгр. волокна и 11—12 кгр. семян. Одна из главных причин, мешающих распространению этого сорта, та, что сорт Упланда требует поливки поля перед цветением в июне, когда воды в реках уже мало (местный сорт такой поливки не требует). Затем в конце сентября, начале октября наступают утренние заморозки, безвредные для туземного сорта и губящие одну треть коробочек американского хлопка. В третьих, почва в Зарявшанской долине, где почти исключительно культивируется хлопок,—солонцы бывают выщелочены на незначительную глубину, корни же хлопчатника Упланда глубоко сидят в земле и болеют от осолоненных глубоких слоев почвы. Наконец, этот сорт требует лучшего удобрения и более тщательного ухода, тогда как туземная „гуза" отлично растет на слабых почвах с обычным туземным удобрением и не требует такого бдительного ухода.

Посевы хлопчатника лучше всего удаются на рыхлых, хорошо разработанных и удобренных перепрелым навозом землях, скорее сухих, чем влажных, не засоренных сорными травами. Посев производится в начале или половине апреля. Растение требует прореживания, мотыжения, рыхления почвы, удаления верхушек побегов, полки и орошения.

В искусственно орошаемых районах хлопчатник обыкновенно орошается или сейчас же после посева или перед посевом. После каждой поливки необходимо, как только почва подсохнет достаточно, чтобы на ней возможно было работать,—произвести сплошную конную обработку всего политого поля, чтобы разрыхлить почву и предупредить усиленное испарение влаги, появление трещин, корки и сорных трав.

Посев хлопчатника и поливка—две важнейшие и самые деликатные операции при культуре хлопка. После появления всходов приступают к прореживанию их руками, с тем, чтобы оставить только необходимое количество при в 25—30 сантиметров расстоянии.

Созревание и раскрывание коробочек начинается в начале сентября и продолжается вплоть до заморозков. Урожайность выражается в 960 кгр. волокна с семенами на десятину, но при хорошей культуре может быть увеличена вдвое.

Хлопчатник является главным прядильным растением, имеющим важное значение в мировой торговле и занимающим после пищевых продуктов первое место среди произведений растительного царства.

Достигнув за 80-ти летний период замечательного развития, туркестанское хлопководство определяет собою в настоящее время весь уклад хозяйственной и промышленной жизни окраины. Влияние хлопководства сказывается и на обрабатывающей промышленности.

Киргизская Автономная С. С. Р.

Киргизская Автономная Республика образована 1 сентября 1920 года. Центр Республики—город Ак-Мечеть.

Территория—2.424.373 кв. километра.

Всего населения—4.068.920 человек.

93% жителей Киргизии принадлежит к числу сельского населения. Естественно, что при таких условиях земледелие и скотоводство имеют главное значение в экономической жизни края. До 1916 г. величина посевной площади возрастала и достигла почти 3 мил. гектаров при населении свыше 4 мил. человек.

Главными пионерами земледелия в крае были крестьяне-земледельцы, переселявшиеся в край. Но рост посевной площади зависел также от того, что и местное население начало быстро увеличивать свои посевы: не только киргизы, но и казаки, которые прежде занимались скотоводством, переносят центр тяжести своего хозяйства на земледелие. Естественно, что русский крестьянин, вырвавшись иной раз из большой земельной тесноты на широкое раздолье девственных степей, стремится захватить под посев как можно большую площадь. Если какой нибудь участок начинает оскудевать, то он забрасывается и заменяется новым. Так создается самая экстенсивная залежная система хозяйства. Здесь земледелец вкладывает лишь первый пай труда в землю, тот самый пай, который всегда и везде вознаграждает пахаря больше всех последующих затрат на ту же землю.

Более или менее устроившиеся и собравшиеся с силами крестьяне пашут участок 5—6 лет и затем забрасывают его в залежь. Лежит он без обработки от 3 до 8 лет в зависимости от количества свободных целинных земель. После этого его распахивают, снимают 2—3 хлеба и опять бросают в залежь. Таков первый тип залежной системы. В более заселенных районах наблюдается переход к залежно-паровой системе полевого хозяйства: 4—5 лет посев, год пар, затем 2—3—4 года посев и наконец залежь; или иначе: 5—6 лет посев, залежь 2—3 года, вновь посев 2—3 года, год пар, посев 1—2—3 года и залежь.

Самой интенсивной системой в крае является обычное трехполье, т. е. два года посев и третий год пар или три года посев и год пар.

В общем можно сказать, что устойчивой системы полевого хозяйства еще не наблюдается, оно еще в будущем. Слишком мал опыт крестьянина, чтобы выработать эту систему, тем более, что здесь ему, лишенному каких либо теоретических знаний, приходится итти в новых местах, при новых климатических условиях ощупью.

Вслед за посевом, как только покажутся всходы, во многих местах практикуется укатывание посева деревянными катками для предохранения от излишней потери влаги и выдувания ветром верхних разрыхленных слоев почвы.

Усовершенствованные земледельческие орудия получили в крае повсеместное распространение. Только благодаря им крестьяне-переселенцы могут захватывать под посевы хлебов большие площади. Особо большое распространение получили сенокосилки и конные грабли. Благодаря им явилась возможность делать запасы жесткого ковыльного сена, не поддававшегося косе. Эти орудия распространены не только в русских крестьянских хозяйствах, но их много и у киргиз, где они имеют особенно важное значение.

Во всех областях, входящих в состав Киргизской республики, среди других хлебов преобладающее значение имеет пшеница. На втором месте стоит рожь. Все же остальные хлеба засевают во всех областях уже в значительно меньших размерах.

Скотоводством занимаются все три основные группы населения: крестьяне, казаки и киргизы, но не в одинаковой степени. Главное различие заключается в количестве рогатого и мелкого скота. У кочевников рогатого скота меньше, у крестьян же значительно возрастает количество рогатого скота за счет мелкого и верблюдов. Казаки, как и в земледелии, занимают среднее место, хотя в общем ближе подходят к крестьянам, чем к киргизам.

С незапамятных времен исконные обитатели степей киргизы разводили скот, пасли их на обширных степях, и этот скот давал им все необходимое для удовлетворения их не сложных потребностей. Веками складывалось и вырабатывалось их примитивное натуральное хозяйство. Здесь все основывалось на приспособлении к местным естественно-историческим условиям. Киргиз-хозяин со всем своим хозяйством всецело находится во власти стихии. Летние засухи, задерживающие развитие травяного покрова, глубокие снега, препятствующие скоту добывать корм, и особенно страшная гололедица—все это является страшным бичом для киргизского скотоводства и опустошает стада, разоряя тысячи хозяйств. До очень недавнего прошлого, способ борьбы с этими бедствиями был только один—откочевать из неблагополучного района. Если же это было невозможно, то гибли сотни тысяч голов скота. Через несколько лет после такого „джута“, стада опять достигали своего прежнего размера и так до следующего „джута“. Киргиз не заботился об улучшении качества своего скота, вся забота его была в увеличении количества его. При натуральном хозяйстве это было экономически наиболее выгодно. Конечно, известный подбор скота все таки был, благодаря которому мы имеем киргизскую лошадь, киргизскую овцу и киргизский рогатый скот местной, более стойкой породы.

Когда был проложен великий сибирский путь, и обширные девственные степи были приобщены к общей культуре, экономическая обстановка сильно меняется. Киргизский народ, вообще способный, наблюдательный и любознательный, не мог оставаться чуждым новой, более высокой культуре. Он не замкнулся сам в себя и не откочевал в какие-нибудь недоступные степи, а, наоборот, пошел навстречу новой культуре. Очень быстро создались у него новые потребности, которые он уже не мог удовлетворить в своем натуральном хозяйстве, и он начал обращать свой скот в товар. В настоящее время только в очень отдаленных степях мы можем встретить чистых кочевников с их натуральным скотоводческим хозяйством.

Правда, на первый взгляд как будто мало что изменилось. Киргизы по-прежнему не только летом, но и зимой пасут свои стада. Корма на зиму хотя и заготовляют, но далеко не в достаточном количестве, и выпас по прежнему главная база. Засуха, бураны, гололедица продолжают жестоко истреблять стада, но вместе с тем, есть и колоссальное изменение: теперь киргиз-хозяин гонит на рынок свои стада, и рынок диктует ему свои требования. Это обстоятельство такой великий рычаг, который должен и может перевернуть весь строй жизни. Киргиз послушно начал приспособляться по мере своих сил.

Киргизия, как степная страна, бедна лесом, тем не менее и в ней имеются леса, которые могут быть эксплоатируемы. Самая богатая лесом Семипалатинская область (2 мил. гектаров). Размер лесного промысла не велик, и получаемый лесной материал не может удовлетворить даже местных потребностей. В пределах Киргизского края имеются большие рыбные богатства, эксплоатацией которых занято русское население, в частности казаки. Участие киргиз пока не велико. Наиболее значительными являются уральские рыбные промыслы как по своей организации, так и по добываемому продукту. Промыслы эти принадлежали Уральскому казачьему войску и составляли общественное достояние. Каждый казак имел право участвовать в рыбной ловле, при чем всякая ловля была строго регламентирована, были выработаны очень сложные правила, имеющие целью обеспечить возможно равное участие в промысле каждого члена общества.

Эмбенский рыбный промысел ведется астраханскими морскими ловцами при участии значительного количества киргиз.

Охота и звероловство мало развиты и имеют хищнический характер.

Также мало развиты кустарные промыслы. Среди крестьян переселенцев встречается ткачество, киргизы валяют войлок, кошмы, приготовляют простые ковры, вьют волосяные веревки. Все эти производства не носят промышленного характера и обслуживают собственные нужды. Наиболее других носит промышленный характер изготовление пуховых вязаных платков, известных под названием оренбургских.

Этим делом занимаются исключительно казачки в станицах б. Уральского войска.

Горные богатства Киргизии велики: много месторождений каменноугольных, медных, серебро-свинцовых, цинковых и оловянных; но за последнее время копи и заводы пришли в упадок. Удовлетворительно работает лишь Елецкий соляной промысел.

Фабрично-заводская промышленность была развита крайне слабо. Об'ясняется это малой экономической развитостью края; а главным образом отсутствием удобных путей сообщения. Изобилие полезных ископаемых, изобилие продовольствия и вообще всякого сырья и растительного и животного, побуждало некоторых предпринимателей организовывать разные предприятия и все они оказывались крайне недолговечными. Видимо не было достаточных оснований для их существования. Все эти предприятия возможны лишь при дальнейшем развитии сельско-хозяйственной промышленности и общем под'еме производительных сил Киргизского края. Таким образом вопрос о промышленной колонизации стоит в прямой зависимости от состояния сельско-хозяйственной промышленности и поэтому он отодвигается на второй план.

Киргизы.

Киргизская степь простирается между Волгой и Уралом. В начале, ближе к Волге, киргизская степь плоская, ровная, гладкая, глинистая, с пучками малорослой полыни. Местами попадаются на ней белые солончаки, ослепляющие глаза соленые лужи, окруженные солянками кровавого цвета, или грязи, т.-е. высокие соленые озера. Мало-по-малу солончаки сменяются однообразными желтыми песками; песчаные бугры со скудной растительностью местами сливаются, образуя песчаные холмы-барханы. Высокие сыпучие барханы песку двигаются по степи и тянутся длинной цепью. Леса здесь совсем нет.

Поднятый ветром песок почти постоянно носится в воздухе и покрывает собой все: толстым слоем ложится он на постельное белье, оставленное в кибитке, на лицо и одежду спящего и пробивается в мельчайшие щели кибитки. Во время сильной бури солнце меркнет от тучи пыли, носящейся в воздухе, и кажется бледным пятном среди желто-серого фона.

Зловещие желто-бурые пески по пятам гонятся и преследуют человека, засыпают каждое поселение, каждую дорогу, все заметают. Медленно, но верно подвигаются они на села, засыпая по пути растения и реки и превращая ильмени в песчаную степь, на которой торчат пеньки засохшего камыша. С каждым годом прибрежная полоса Каспийского моря становится уже; пески надвигаются с севера и прижи-

мают киргизов к морю. Оазисы, у которых еще не так давно киргизы кочевали с своими стадами, засыпаны песком; вода исчезла, и появились такие песчаные холмы, что их видно за несколько километров.

Пески занимают большую часть Киргизской Букеевской степи, во многих же местах она покрыта растительностью, а где ее нет, там пески находятся в постоянном движении, по направлению господствующих ветров, при чем наветренная сторона бархана—отлога, а заветренная крута. Песок, наносимый ветром, набегает волнами на бархан и доходит до его вершины. Вершина постепенно нависает над обрывом и, наконец, обваливается от собственной тяжести.

Вершина бархана тогда округляется, новые приливы песку возвышают ее вновь, возникают новые барханы и растут с каждым днем. Иногда несущиеся ураганы-ветры выдувают воронкообразные углубления, образуя песчаные котловины. Где надвигаются пески, там гибнет растительность; но мало-по-малу на буграх снова появляется растительность; исчезают ковыль и полынь, придающие плоской степи унылый вид; появляются разноцветные тюльпаны и ирисы и разные другие цветы. Летом растительность степи выгорает и получает грязно-желтый оттенок; только кое-где клочками торчит желтеющий молога, а где нет, там ослепляют глаза голые пески. Духота и зной невыносимы летом в степи; можно даже заблудиться среди барханов—вечно перед глазами торчит один, другой бархан и загораживает горизонт, потому что след через несколько часов заносится новыми волнами песку; можно умереть от жажды в двух шагах от кибитки, не подозревая, что она тут же за барханом.

Климат киргизской степи крайне неровный,—летом нестерпимый палящий зной, а зимой сильные метели с морозами. Январь—самый студеный месяц. После оттепели в декабре и январе нередко бывает гололедица; это настоящее бедствие для кочевника, так как ледяная кора препятствует скоту добывать себе подножный корм. Не менее губительны бураны-шурганы, которые бушуют нередко по целым суткам.

В одной из прикаспийских котловин зимовало киргизское семейство, скот пасся постоянно на воле, по близости кибитки. Однажды, в первых числах января, утром поднялся сильный ветер, который, постепенно усиливаясь, неожиданно превратился к вечеру в сильный буран, насыпавший целые горы снега. С наступлением сумерек, все взрослые мужчины и женщины вскочили на лошадей и отправились к стаду, чтобы спасти его. В кибитке остались лишь дети восьми—десяти лет. Дети сидели около костра, посреди кибитки, и поддерживали горенье, подкладывая кизяк, запас которого находился тут же. Злее и злее бушевал ураган; наступила ночь. Вдруг ветер сорвал где-то сбоку войлок с кибитки, и в отверстие начал врываться снег. Дети ближе и ближе жались к огню, плотно кутаясь в свою одежду. А тем временем запас топлива в кибитке истощился. Бедняжки согревались

некоторое время только пеплом, потом и он остыл. Дети, тесно скучившись, свернулись и заснули.

Киргизы, отправившиеся спасать от бурана скот, не спасли его; животных разогнал неистовый ветер; сами хозяева сбились с пути и долго бродили по степи. К утру буран унялся, и киргизы, полузамерзшие и усталые добрались до своей кибитки. Жилище свое они нашли полуразрушенным, а детей замерзшими.

Единственное постоянное селение среди киргизской степи—Урде (б. Ханская Ставка), в 113 километрах от соляной пристани Владимировки. Оттуда идет к Урде почтовая дорога и телеграф. Урда—душное, неуютное местечко,—состоит из двух пересекающихся улиц и нескольких переулков. Деревянная русская церковь с зеленой крышей и деревянная мечеть (так как близко камня нет) выступают над целым рядом грязненьких, сереньких домиков и глиняных татарских домишек с плоскими крышами. На улицах глубокий песок лежит легкими волнами, местами он заносит заборы, даже дома, собираясь целыми буграми.

Урда населена русскими, татарами и киргизами. Уже рано утром, чуть взойдет солнце, открываются лавочки, начинается торговля. Приезжают из степи киргизы и киргизки с кумысом, появляются верблюды, двигаются бок-о-бок киргизы, татары и русские. Базар в Урде представляет оживленную пеструю картину.

В душный знойный летний день все ставни окон закрываются, и улицы стихают, как будто вымирают. Только мальчишки, не обращая внимания на зной, играют в мячики или забрасывают друг друга песком. Как только солнце сядет, на улицах Урды снова начинается оживление и продолжается до поздней ночи. Весной и осенью в Урде происходят ярмарки. Не успеет в степи сойти снег, как киргизы, оставив свои зимовки, начинают прибывать к Урде со своими товарами. К концу апреля голая степь вокруг ярмарочного двора наполняется киргизами; сюда же приезжают городские торговцы со своими товарами. Киргизы продают скот, кожи, овчины, шерсть, козий пух, сало, а покупают спицы, шерстяные материи, металлические и кожевенные изделия, хлеб, чай, табак, мыло и пр.

Киргизы Прикаспийской степи принадлежат к внутренней или Букеевской орде. Они—полукочевники: летом живут в кибитках, а зимой в глиняных домах. Киргизская зимовка—кустау, в которой киргизы укрываются от зимних вьюг,—это обыкновенно низкий дом с плоской крышей, огороженный стенкой из камыша и кизяка; кладутся связки из сухого камыша, как у нас бревна, снаружи и внутри обмазываются глиной—тепло и сухо. Наиболее бедные зимуют в кибитках, плохо защищающих их от непогоды. Кибитка такого бедняка состоит обыкновенно из серых, почерневших от копоти, пыли и непогоды кошм, наброшенных на дряхлый, замазанный остов. Скважины и дыры дают полную свободу ветру и про-

пускают во время дождя целые потоки воды. Обстановка такого бедняка очень скудная—на земле разостланы разодранные кошмы, подушки с седел; вдоль стен сундуки, кожаный мешок для кумыса, грязное одеяло, кучи тряпья.

Главное богатство киргиза состоит из скота, разных дорогих одежд и вещей. У богатых киргиз было несколько тысяч голов скота, у бедных сотни. С наступлением весны начинается блаженство киргиза. Стадам его привольно и сытно среди простора зеленой степи. У киргиза есть молоко, кумыс—он и доволен. Все это приготовляется киргизкой, она же отгонит в поле стадо, с'ездит за отбившимся верблюдом, заарканит и оседлает коня, уберет, как нужно, кибитку и запасет топливо. Киргизка—больше хозяин верблюда, больше хозяин кибитки, чем сам киргиз. Заниматься тем, что может сделать женщина, по понятиям киргиза—низко, а так как другого дела нет в виду, то киргиз спит беззаботно до позднего утра, потом лежит, пьет кумыс, да любуется своими табунами и стадами. Нужно перекочевывать—и тут во всем работа киргизки. Она соберет кибитку и опять разобьет ее на новом месте, уберет весь домашний хлам; она навьючивает и развьючивает верблюда, она погоняет, кормит и поит точно так же, как поит и кормит, обмывает и обшивает самого киргиза и его детей. При перекочевке киргизу остается только переезжать с места на место. Вереницы верблюдов, нагруженных коврами, войлоками, берданками, гнутыми деревянными остовами кибиток, полосатыми мешками, набитыми платьем и всякой рухлядью—плавно выступают один за другим, поднимая столбы пыли. Одни из них несут на горбах своих поклажу, другие женщин и детей. Впереди и сзади каравана едут, обыкновенно на конях, мужчины с нагайками в руках, гоня перед собой стадо овец, коров и молодых верблюжат. Иногда увидишь киргиза и верхом на корове, и он даже изобрел для них особые седла.

Киргиз—плохой ходок, но хороший наездник. От непривычки к ходьбе, ему трудно стоять, и он всегда присаживается на корточки. Киргиз не обращает ни малейшего внимания на то, сколько часов или дней ему приходится сидеть в седле. Он на нем и спит и ест, так же спокойно, как у себя в кибитке. Лошадь для киргиза наиболее ценное из домашних животных. Без лошади он считает себя несчастнейшим человеком в мире. Он вырастает вместе с жеребенком и живет со своим конем неразлучно до самой смерти.

Одно из любимых развлечений киргиза—это скачки. Женщины также отличные наездницы, и часто киргиз гонится за женщиной, стоящей на лошади и махающей платком. Надо вырвать платок из ее рук, но женщина ловко вывертывается от обступающих ее наездников. Вот выезжает другая, третья женщина, и все разбиваются на группы. Начинается оживленная погоня за всадницами, на неловких мужчин то и дело сыпятся удары нагайками.

С особенной торжественностью проходят у киргизов свадьбы и похороны.

Отец выбирает сыну невесту и выплачивает ее родным известный калым, как у татар.

Киргиз особенно почитает мертвых и память о них. Когда в ауле кто-нибудь умрет, то все аульные женщины сбегаются в кибитку, начинают рыдать, причитать и выть. Родственницы умершего распускают волосы, рвут их, царапают лицо, бьют в грудь кулаками. В течение целого года женщины—мать и жена покойного—показываются везде с закрытыми лицами. Через год происходят последние поминки по усопшем. Женщины снимают траур и наряжаются в праздничные одежды. Гостей угощают кумысом; раздается музыка и пение. Траур кончен.

Обский север.

Светлой июльской ночью наш пароход отвалил от Обдорска, этого последнего на севере русского городка, лежащего под полярным кругом. Пароход рассекал воду глубокого Полуя. Справа от нас на высокой террасе, оставались небольшие дома, сгруппированные в три улицы. Выше других построек выдавались две церкви и башня во дворе метеорологической станции. Промелькнул лог Шайтанки, а там вплоть до Оби протянулась та же терасса, по склону густо поросшая приземистыми деревьями и кустарниками.

Слева, к Оби, раскинулись обширные ярко-зеленые луга, едва приподнятые над водой и прорезанные целой сетью светлых протоков, связывающих Обь с Полуем. Ни хлебных полей, ни огородов, конечно, нет и помина, все это осталось на благодатном „юге“, в роде Тобольска или Томска. В Обдорске вы встретите не мало людей, которые никогда не видели, как растет хлеб или капуста, пробовали там садить картофель, но получались клубни размерами с лесной орех. Да и эти зеленые луга—почти сплошная осока, в лучшем случае грубые злаки—вот тот невзыскательный корм, который суровая природа предлагает немногим лошадям и коровам. Но, ничего, привыкли и едят.

Через двадцать минут мы подошли к крутому Вангальскому мысу правого берега, где Полуй вливается в буроватую Обь. Береговая полоса мыса усыпана гранитными валунами, принесенными сюда давно исчезнувшим Уральским ледником.

Пароходам не рекомендуется держаться правого берега, так как вблизи его, под водой нагромождены те же ледниковые валуны.

Если подняться по крутому склону на Вангальский мыс, перед вашими глазами на западном горизонте, за широкой

Обью и еще более широкой полосой лесов, синеет гряда Северного Урала.

Из устья Полуя мы вступили в широко разлившуюся Обь, в которой по словам рыбаков глубина достигает 70 метров. Правый берег спускается к воде размытыми ярами, на которых виднеются группы чахлых елей и лиственниц. Поднимитесь на верх яра и вы увидите лишь мхи и лишайники, покрывающие волнистую поверхность тундры; здесь еще встречаются отдельные искривленные экземпляры лиственницы и ели, да особая порода березы. Пока мы находимся еще в переходной полосе—лесотундре.

Левый берег едва поднимается над водой. На нем лежат груды не растаявшего снега. Это начиналось побережье полуострова Ямал, вытянувшегося на 700 километров к северу.

Через 12 часов ходу мы подошли к началу Обской дельты. На протоках, обрамленных зеленью осок, тальников и более темной ольхи, плескались утки; на плоских отмелях у самой воды яркими пятнами белели кучи чаек, а над головой проносились гуси. На ярком, хотя и северном, солнце было тепло.

По берегам островов темнели постройки рыбных промыслов: амбары, избы, остроконечные самоедские чумы, около них огромные развешенные для сушки невода и на половину выдернутые на сушу лодки. Но вода была высока, и время настоящего лова еще не пришло.

Лов рыбы производится большими неводами в 500, 1000 и даже 1500 метров, для чего требуются большие артели, которые вербовались из самоедов и привозных русских рабочих. Ловится нельма, максун, редко осетр.

Пойманная и распластанная рыба засаливается довольно крепко в бочках. Выше по Оби пойманную летом рыбу помещают живою в небольшие пруды—садки и вынимают отсюда зимою из-под льда, когда можно рыбу морозить.

Выбирая кратчайший путь в бухту „Находку“ мы держали курс по северному протоку реки, миновали один остров за другим и через сутки пути от Обдорска приблизились к выходу реки в губу. Здесь начинается Обский бар с глубиной в 4-5 метров. Все были в напряженном ожидании—пройдем или засядем, но вот глубины начали увеличиваться. Пароход уверенно подвигалась на север, километрах в 5-6 от Ямальского берега. Было ясно и тепло, все были в легком платье; на душе уверено и весело: под утро будем в „Находке“.

Покрасневшее вечернее солнце медленно опускалось; в 11 часов коснулось горизонта и покатилось по нему, сплющиваясь в элипсис, который понемногу вытягивался, около полуночи приняло форму плоского и узкого прямоугольника с притупленными углами и бросало золотисто-красный отблеск на слоистые облака, протянувшиеся над горизонтом. После полуночи красная полоска начала уширяться, перешла опять в элипсис, около часу ночи округлилась, в оранжево-желтый шар—начался новый день.

Через два часа после полуночи мы бросили якорь в бухте „Находка“, расположенной в 35 килом. от мыса Ямсоме на Ямальском западном берегу. Берег в пределах бухты низменный, и только в глубине ее терраса, на которой расположено возвышение в виде кургана. Здесь мы нашли единственный самоедский чум с семьей рыбаков, а по близости отсюда—маленький промысел.

Убранство самоедского остроконечного чума удивительно просто; кроме тагана и легкой подстилки для спанья, внутри не было ничего. Мы присутствовали при обеде, когда люди, наряженные в оленьи малицы, ловко распластывали на маленьком деревянном столике только что пойманную рыбу и сырую, без соли, отправляли в рот, отрезая у губ поместившийся в рот кусок. Лишь бедняки остаются здесь на лето, а все самоеды, имеющие оленей, откочевывают в глубь Ямала и дальше к северу.

Путь освобождается от полярных льдов лишь в конце августа, а в середине сентября закрывается вновь. В первом мы скоро убедились, направившись 18 июля из Находки на север, к выходу Тазовской губы. Скоро мы подошли к сплошным льдам, которые перегородили губу во всю ширину; только недалеко впереди были видны узкие темные полыньи. Температура сразу упала, и все укутались в шубы. Между отдельными льдинами, то и дело, появлялись темные головы и спины тюленей; они ныряли, вновь подплывали и с любопытством рассматривали пароход. Мы сделали попытку резать лед, осторожно нажимая на него носом парохода. Льдины легко лопались и с своеобразным звоном и шелестом рассыпались в куски и толстые иголки. Прошли в первую полынью, перерезали вторую полосу льда, опять засинела полоса открытой воды, но дальше лед и лед, до горизонта. Пришлось вернуться назад, чтобы терпеливо ждать, когда южный ветер угонит льды дальше на север. Такая длительная задержка льдов вызывается резким сужением губы в „горле“ между мысами Каменным с запада и Круглым с востока.

24 июля горло очистилось от льда и мы смогли пройти в Тазовскую губу, но сейчас же к северу от нее лежали сплошные льды, и только после 20-го августа весь лед унесло из губы в океан, и очистился путь в Карское море.

Обская губа почти на всем протяжении вдается в область арктической тундры. Уныла и монотонна эта холодная безлесная равнина, протянувшаяся на сотни верст. В южной части Ямала еще недавно были, говорят, перелески кривых лиственниц, но на побережьи сейчас не видно ни одного деревца.

Поверхность тундры образует ряд пологих волн, которые чередуются с болотистыми понижениями. Поднимаешься на гриву с надеждой увидеть что-нибудь новое, но там за понижением новая грива и так без конца до горизонта. В лучшем случае увидишь маленькое озерко, на берегу которого жалобно свистит кулик, а на возвышении—деревянную ло-

вушку, настороженную на песца, или на более возвышенном холме самоедскую могилу в виде небольшого земляного кургана с воткнутыми в него оленьими рогами или прислоненными нартами—вот и все разнообразие ландшафта.

Растительный покров сухих пологих грив состоит почти исключительно из лишайников. В сухую погоду густое сплетение лишайников очень хрупко и дробится под ногами. После дождя лишайники пропитываются водой и делаются, как губка, мягкими и служат главной пищей для северного оленя. Среди лишайников тундры иногда появляются круглые пятна с ровной обнаженной поверхностью, как земляные зеркала: это пятнистая тундра.

Но местами, там, где рельеф больше расчленен короткими речками, тундра дарит нас более яркими картинами растительности, арктическими лугами. Обычно на небольшой поверхности южного склона где-нибудь в логу появляется сочная блестящая зелень и среди нее пестрят голубые незабудки, герани и много других цветов.

Над цветистым лужком жужжат шмели и порхают бабочки, но они не выходят за пределы этого оазиса, потому что окружающая мохово-лишайниковая тундра не дает им никакой поживы.

Безмолвна тундра. Гуси, утки, крикливые чайки и крячки держатся низменных болот и озер вдоль берега губы; куропатки вырываются с гоготанием только из кустарных зарослей береговой полосы; но лишь вы вошли в подлинную тундру—звуки умолкают, кроме назойливого писка комаров,—комаров, которые гонят оленей с их хозяевами на дальний север, которые градом стучат по сетке закрывающей ваше лицо. Только хороший северный ветер смиряет этот бич тундры.

Ближе к холодному океану в тундре водятся еще стада диких оленей, здесь нередки песцы, весной целыми стадами появляется пеструшка, грызун размерами с крысу, но летом никого не видно и не слышно.

Такова природа нашего дальнего севера, насколько нам удалось видеть ее в те короткие часы, которые мы провели на берегу.

Тайга.

Мы за Томском, на большом сибирском тракте, в тайге.

Лес начинается от самого Томска, но это даже не лес, а перелесок нашей Московской или Владимирской губернии, и таким лесом я ехал более суток. Те же низенькие березки, та же осина, какие-то неопределенного вида кусты, лишь изредка встретится ель или пихта—и все это спутанное, низкорослое, довольно редкое, перерезанное топями и болотами. Вырвется кусок овсяного поля, промелькнет деревня — и опять этот скучный ни лес, ни кустарник. Но вместе с тем,

из этого тянущегося „ничто“ мало-по-малу начинает вырисовываться незаметно для вас, какое-то смутное впечатление. Этот идущий беспрерывною полосою лес, это отсутствие полей, эти редкие, как-то прижавшиеся к дороге деревни—все это создает впечатление чего-то огромного и пустого.

Какое-то царство леса, упорного, беспредельного и расплывающегося леса, чувствуется вами, и,—я не умею выразиться лучше,—стесняет вас, сжимает ваши мысли и не дает им раскинуться шире, выйти из пределов этого леса...

Между Мариинском и Ачинском несколько изменяется физиономия местности, повышается тон, резче краски, суровее и выпуклей очертания. Деревья сдвигаются плотнее, вытесняют лиственные породы и протягивают к самой дороге свои иглистые лапы. Там, впереди, где-то далеко-далеко, на синеве неба начинают вырисовываться волнистые голубые линии далеких гор Восточной Сибири. Попадаются крутые холмы; дорога вьется между глубокими ложбинами.

Только между Ачинском и Красноярском предо мною встала настоящая тайга—встала могучая, суровая, темная.

Нужно представить себе, что мрачный, плотно сдвинувшийся лес протянулся до тундры, до моря... на тысячи километров... Нужно вообразить, что можно пройти сотни километров, не встретив человека, что в глубине тайги человеческая нога не бывала. Все темнее, мрачнее. Мохнатый, угрюмый кедр, сумрачная пихта, стройная пирамида ели, таежная красавица, мрачная и печальная красавица—лиственница. Изредка мелькнет белый ствол березы; протянет к свету свою перистую ветвь кривая рябина, как тянется за подаянием рука нищего ребенка между локтями взрослых; притаится в ложбине задумчивая черемуха, окруженная, как малыми детьми, кустами смородины и ежевики, и снова непрерывною полосой тянутся темные иглы. Кое-где тайга раздвинулась, чтобы пропустить реку, раздалась, чтобы дать место какой-нибудь сотне, двум человеческих жизней, и опять сомкнулась тесным кольцом, опять ревниво хранит свою тайну.

Именно тайна чувствуется в глубине тайги. Мне пришлось, долго спустя по приезде в Сибирь, целый день ехать верхом с проводником в глухой тайге. День погас, белая северная ночь спускалась с неба и полосою холодного, безжизненнаго света вставала между деревьями. В тайге ни звука,—там не видно и не слышно птиц, только изредка коротко и глухо стучат копыта лошадей о древесные корни. Что-то загадочное, что-то таинственное и суровое чувствовалось в этом странном колеблющемся свете весенних сумерек, в этих неподвижных молчаливых деревьях, строго и важно обступивших меня.

Белая ночь широко простиралась над тайгой. Острый аромат пихт, кедров и лиственниц, как чудный фимиам, стоит в воздухе.

Я не заметил, как чаще и чаще вздыхала тайга, и вздрогнул от неожиданности. Что-то громко охнуло вдали от меня, по-

бежало по верхушкам, затрепетало над моей головой и понеслось дальше по тайге. Глухим ропотом отозвался другой дальний уголок. Словно огромный, настраивающийся оркестр, все громче и громче носились звуки по тайге; только около меня попрежнему молчаливо и грозно стояли деревья. Вот с тяжелым стоном зашатался огромный, целою головою возвышающийся над тайгой, кедр, налетела буря и покрыла отдельные звуки, — тайга завыла. Я испытывал по истине чувство страха... Вы слышите, как гневно и мрачно шумят близ вас стоящие деревья, но вы скоро забываете их; оттуда, из глубины тайги, как из громадной пасти чудовища, поднимается глухой непрерывный шум: это—тайга воет. И день и ночь, и еще день и ночь ехал я, и тайга все выла своим страшным, угрожающим воем, все ревел расходившийся, растревоженный зверь.

Под эту воющую песнь я не могу не думать о тайге. Мне невольно рисуется в этой сибирской тайге человек—первый пришелец из Русской земли. Он принес с собой оживленный шум и вольный простор многоводной Волги, добродушную и широкую натуру русского человека, принес свои песни, свои легенды и сказки.

Он—в тайге, куда ушел один, без семьи, на звероловный промысел. Тайга должна покорить его. Он делается молчалив и серьезен. В тайге не хочется смеяться, и песня не идет с губ человека,—она так странна в мертвой тишине этого угрюмого леса и так бессильно замирает в ревущей таежной песне. Он не видит восхода и захода солнца: светлый шар встает из за одной щетинистой стены и закатывается за другую, такую же мрачную стену,—вот и все, что он видит. И везде, куда ни глянет глаз его, он натыкается на обросшие мхом стволы, на иглы елей и пихт. Как его глаз видит только деревья, так и умственный взор суживается более и более, все труднее и труднее может вырываться из пределов этого сжимающего кольца. Не поется песнь, не думается дума, не мечтается мечта. Глохнут старые песни, старые легенды, тухнут старые воспоминания, глохнет даже голос.

Кругом его борьба,—борьба не стихающая, непримиримая и неумолимая. Подстерегает соболь зазевавшуюся птичку, падает с дерева кровожадная рысь на приближающегося оленя и кабаргу, ломает медведь огромного сохатого, а человек уничтожает их всех.

И этот борющийся человек должен быть вечно настороже, вечно присматриваться и прислушиваться, не хрустнет ли ветка под тяжестью лапы медведя, не мелькнет ли где голубая спинка песца. По мере того, как он забывает человеческую речь, он выучивается звериному языку,—учится безошибочно узнавать крик птиц и рев зверя, понимать манеры их и, как тунгус, начинает определять по следу, сердитый ли медведь прошел или смирный. По мере того, как отвыкает он от нравов человеческих, он больше и больше привыкает

жить нравами звериными. Он один-одинешенек, и должен полагаться только на себя. С него быстро сбегают русские разгильдяйство и добродушная распущенность: он весь подбирается, подтягивается; его толстые расплывающиеся губы резче складываются, крепче сжимаются; его глаза не смотрят прямо, открыто, а высматривают исподлобья, выслеживают... Не дрогнет рука, не побледнеет лицо, не забьется сердце от страха, когда неожиданно вылезет на него медведь, и уж конечно не будет жалости к этому медведю.

Зверолов вырывается наконец из тайги и с добычей пришел к себе в семью, в русский поселок. Язык не так легко ворочается во рту, не так свободно слетают с губ слова нежности и любви. Он встречается со своими друзьями, односельчанами,—ему непривычно, он отвык от сколько-нибудь плавной речи, и вот он говорит отрывочными предложениями, на которые его собеседники, такие же только что вернувшиеся звероловы, отвечают такими же односложными фразами.

Зверолов проживет известное время дома, снова привыкнет к людям и потом опять уйдет в тайгу.

И каждый раз все больший и больший отпечаток будет класть тайга на человека. А пройдет пять—десять лет—его уже будет тянуть в тайгу, тайга заполонит его, он почувствует на себе ту странную и могучую власть ее над человеком, которую я наблюдал здесь, в Сибири, на бродягах, на стариках-крестьянах, по году не выезжающих из тайги даже к родным в деревню. Я знаю культурного человека, видавшего виды, который искренно говорил мне, что не понимает жизни без тайги.

Сын того зверолова, о котором я говорил, уж только услышит про старые места и русскую жизнь. Он юношей начнет ходить с отцом „белковать“ и „соболевать“, и на него, еще юношу, тайга налагает свою неизгладимую печать. А дети и внуки этого сына потеряют уже всякую связь с Россией, позабудут склад ее жизни, ее верования, песни, легенды и будут думать, как думают крестьяне в Забайкальи, что Ермак завоевал их предков, всегда живших в Сибири,—они превратятся в сибиряков.

Кооперация и масло.

Большую помощь приносит маслоделие крестьянскому хозяйству Сибири.

До войны в Западной Сибири было более 3.750 маслозаводов. Изготовляемое на этих заводах масло не могло быть продано внутри России и большую его часть отправляли за границу. Так в 1915 году было вывезено масла почти 80 милл. кгр.

За время войны и революции маслоделие пришло в упадок: сильно уменьшилось количество дойных коров, пали

удои, большинство заводов закрылось, но и в тех, что остались, оборудование пришло в ветхость, мастера разбрелись кто куда. Все одно к одному. Да и не до масла было во время гражданской войны. И лишь за последние два года мы приступили к восстановлению маслоделия. В настоящий момент потребительская кооперация имеет 1.334 маслозавода и сельско-хозяйственная—1.070 заводов.

В 1923 году мы снова начали вывоз масла за границу: отправлено было 800.000 кгр. В 1924 году вывоз масла составит уже около 3.200.000 кгр.

И сейчас мы должны помнить, что настоящую выгоду от маслоделия мы получим лишь при вывозе масла за границу, так как это создает устойчивые цены на масло и поможет нам получить из-за границы сельско-хозяйственные машины, орудия и все, что нужно для деревни.

Мы должны обратить внимание на то, чтобы наше масло было не хуже, чем у других заграничных маслоделов. Заграничный покупатель очень требователен. Он смотрит, чтобы масло было хорошо сбито и имело нормальный запах, аромат и вкус: чтобы и воды в нем было в норму, сколько полагается, и чтобы посолено было в меру, хорошей солью и равномерно. И еще много других требований. За выполнением этих требований следят особые специалисты—маслоделы. И если окажется, что в масле чего либо не хватает, то и цена на него понижается.

И нужно сказать, что мы по большей части всех этих требований не выполняем. До войны мы не дополучали на заграничном рынке, благодаря этому, до 2 р. за пуд масла, т.-е. иначе говоря, в 1915 году крестьяне Сибири не дополучили за свое масло почти 10 милл. рублей золотом.

И сейчас наше масло ценится ниже, чем заграничное, и поэтому мы теряем не менее 1 руб. с 16 кгр. (с 1 пуда).

Что же нужно для того, чтобы выработать и доставлять за границу хорошее масло? Нужно хорошее оборудование маслозаводов, хорошие мастера и уменье наладить хранение и сбыт масла.

А все это доступно лишь для кооперации. Еще в 1923 году кооперация приняла ряд мер, чтобы поднять маслоделие. В 1924 году заботы о восстановлении маслоделия стоят на первом плане в кооперации.

Кооперация увеличивает и улучшает молочное стадо. Кооперация обращает серьезное внимание на выращивание молодняка. Принимаются меры к тому, чтобы молодняк был хорошего качества. Кооперация заботится о том, чтобы увеличить удои коров. Строятся теплые скотные дворы для показа их крестьянам. В тепле зимою корова больше дает молока. Организуются особые контрольные союзы, в которых крестьяне учатся, как содержать и кормить скот. Эти же союзы определяют, какой скот выгоднее держать на молоко. На все это потребительская кооперация предполагала в 1924 году израсходовать 150.000 руб. золотом.

Заводы пришли в ветхость и оборудование их износилось. А с плохой изношенной машиной хорошего масла не сделаешь. Поэтому кооперация обращает теперь внимание и на восстановление заводов. Производится капитальный их ремонт, а там, где заводы совсем разрушены, строят новые. Вместе с тем производится и пополнение заводов машинами. В 1924 году потребительская кооперация Сибири думала затратить на это дело около 1.300.000 руб. золотом.

Чтобы сделать хорошее масло нужно, чтобы и мастер был человек, знающий свое дело. А у нас и до войны знающих мастеров было немного, а за время войны и революции мы и тех растеряли. Сейчас остались все больше самоучки, которые по-настоящему делать масло не умеют.

Поэтому кооперация начинает обучать мастеров. С 1924 г. устраиваются курсы и курсы-с'езды для маслоделов, где обучаются новые мастера и старые пополняют свои знания.

Далее, чтобы поощрить хорошую работу, организуются выставки масла, на которых за лучшее масло выдаются премии. А многие кооперативы выдают премии мастерам за лучшую выделку масла и помимо выставок.

Изготовить хорошее масло—это еще пол дела. Важно сохранить и доставить его за границу хорошим. Ведь вывозить масло приходится весной и летом, когда оно легко портится.

Поэтому кооперация устраивает при заводах ледники для хранения масла. Перевозка масла по железной дороге производится в вагонах ледниках. Теперь поднимается вопрос о постройке больших холодильников для хранения масла около станций железных дорог.

Сбыт масла за границу производится по особым договорам с заграничной кооперацией и частными фирмами, по которым наша кооперация выговаривает у иностранцев выплату части денег вперед, чтобы иметь возможность расплачиваться с крестьянами. И, с другой стороны, сбыт начинает производиться таким образом, чтобы вся выручка от продажи, за вычетом необходимых расходов, попала в руки крестьян—членов кооператива.

Ясно, что только через кооперацию можно правильно построить молочное хозяйство и получить от него настоящую выгоду.

Из путешествий на Алтай.

Пространство между Уралом и Алтаем имеет вид однообразной низменности, без правильных гор, но не лишенной широкого ряда холмов, озер, болот и плодородных полей. Поверхность степи покрыта черноземом, местами с большим содержанием соли. Перед глазами путешественника расстилается черная, плотная и пыльная в жару земля, по которой

местами раскинулся солонец. Нередко равнина эта настолько богата влагой, что вода выступает около дороги в канавах (напр., между Курганом и Убинским постом); во многих местах виднеются болота, но почва на дне их и по берегам совершенно одинакова.

Иногда около того же чернозема раскинулось широко соляное озеро, и берега только едва возвышаются над уровнем его воды. Несмотря на значительную величину, такого рода водоемы весьма мелки, и дно их ровно, как пол. Такое чередование черноземных лугов, соленых и пресных озер и болот весьма характерно для сибирской степи.

Приближаясь с юга к Алтаю, достигнувши того места, где быстрая Бухтарма впадает в мутно-желтый Иртыш, путник поражается переменой ландшафта; вместо голой бесплодной Семипалатинской пустыни, по которой виднеются кочевья киргиз, их овцы и верблюды, расположившиеся возле юрт,— вместо этого вида, напоминающего Монголию, он чувствует себя брошенным в степную полосу Европейской России. Кусты боярышника, калины, шиповники, перевитые хмелем, зеленеют среди роскошного луга, покрытого пионами и тюльпанами. То там, то сям золотятся богатые, искусственно орошаемые, поля пшеницы и проса, виднеются бахчи, подсолнечник, табак. По берегу Бухтармы расположился лес, и под его защитой ютятся кусты смородины, малины, шиповника. Синицы, дрозды, рябиновки, степные горлицы оживляют пейзаж.

Далеко не повсюду, однако, местность сохраняет подобный вид. Чем дальше от воды, тем пустыннее становится ландшафт. Весной, правда, ковер пионов и лиловых ирисов покрывает почву, но к концу лета вся эта роскошная растительность выжигается солнцем, и только низкий можжевельник покрывает там и сям раскаленную землю.

Вот уже показались по правую сторону Иртыша разбросанные в беспорядке высокие гранитные холмы; земля покрылась обломками горных пород, исчезли роскошные травы, не видно древесной поросли, серая полынь захватила все пространство, и потянулась снова каменистая кустарная степь. Среди нее возвышаются гранитные глыбы, называемые сопками.

С каждым километром мы ближе к Коргонскому плоскогорью. Все выше и выше теснятся скалы, сжимая Чарыш; с ревом катит он свои быстрые волны, и по узкой долине, над которой нависли громадные массы „белков", ютятся русские деревни, как бы выхваченные из наших средних губерний и перенесенные сюда, за тысячи километров, в Центральную Азию. По узкой тропе изредка попадается крестьянин-горец. Громадный богатырский рост, нож за поясом, винтовка за плечами, придают ему воинственный вид. Иногда мимо нас проедет крестьянка с ребенком за спиной. Телега по этим дорогам почти не употребляется; женщины так же ловко ездят верхом, как и мужчины. Редкие поселки, разбросанные

в беспорядке по долинам горных речек, принадлежат потомкам, так называемых, каменщиков. Во время крепостной зависимости горно-заводские крестьяне, осужденные на вечный, тяжелый труд в руднике или на заводах, нередко преследуемые несправедливыми требованиями местных инженеров, покидали свои места, бежали через границу, спасаясь в дебрях Алтая от преследования. К ним примыкали нередко гонимые за старую веру и беглые с каторги. Опасность заставляла этих людей тесно сплотиться, жить дружной семьей, обороняясь и от преследования русской администрации, нередко высылающей против них отряды казаков, и от нападения алтайцев-кочевников.

Путешественник еще и теперь услышит много сказаний о тех богатырях-разбойниках, что жили в былое время среди гор, делая порой набеги в долину и обороняясь от казаков.

Всякое семейство имеет пашни, скот, держит пчел и промышляет охотой. В их деревнях не раз случалось видеть новую отрасль скотоводства—мараловодство, которое приносит крестьянам хороший доход.

По окончании полевых работ, крестьяне составляют партии и покидают деревню нередко на целые месяцы, живут в горах, где промышляют охотой, и весной приходят обратно со шкурами, которые сбывают местным купцам. Охота на марала довольно затруднительна, почему местные жители предпочитают более легкий, хотя и варварский способ добычи. Весною стада маралов выстрелами и шумом сгоняют в долины, где снег не выдерживает тяжести животного и ослабляет скорость его движений. Тогда охотнику на лыжах нетрудно догнать животное, и целые стада падают тут под ножами туземцев. Иногда на тропе к водопою или солонцу ставят капкан или роют яму, покрывая ее сверху землей, и тогда марала берут живьем и отводят в маральники. Кроме этого оленя, в предгориях Алтая часто встречаются козули, по местному называемые козлами.

При впадении в Чарыш с правой стороны р. Чечулихи раскинулась последняя русская деревня, граничащая с землями кочевников-алтайцев.

В степях Абая и Кана турист вступает в те счастливые края Алтая, куда редко проникает нога переселенца и где на воле кочуют орды теленгистов; кажется, что живешь с народами средней Азии тех отдаленных времен, когда европейское влияние не успело еще проникнуть сюда. Пространная равнина, покрытая низкими травами, носит характер спокойствия, совершенно противоположного с дикими видами окрестных гор. Широкая, плоская долина Кана лежит между пологими известковыми холмами, в которых нередко встречаются пещеры, дающие во время непогоды убежище скоту. Среди желтой, низкой, сухой травы мелькает кое-где солончак, маленькие озерки и небольшие валуны мелкого Кана. По степи аулами стоят алтайцы. Дым выходит из верха их конических юрт, кругом прилегли их стада. Скворцы прыгают

около овец и нередко залезают к ним на спину. Суслики и каменки бегают везде взад и вперед по выжженной земле, прячась в норы при приближении человека, мелкие соколы кружатся в воздухе, ища поживиться многочисленными кузнечиками, а в дали по озерам или берегу речки стоят серые журавли. Однообразный колорит солончаковой степи скрадывается зачастую зеленью лесов, расположенных по склонам холмов, окружающих долину.

Прекрасные травы холмов, близость воды и солончака дают выгодные условия для скотоводства, а лес, расположенный по холмам, до сих пор еще обилен дичью и зверем, шкурами которого алтайцы платили свою дань России и Китаю.

Характер ровной, однообразной степи отразился на человеке и его занятиях. Спокойный, почти унылый, беспечный и ленивый — таков кочевник. Он не любит ходить, жизнь сделала его наездником, ноги его изогнуты, ступня маленькая. Пасти стада, об'езжать лошадей — вот все его занятие. Он неспособен к тяжелому труду. Дома его работница — жена. Чуть свет она встает, чтобы принести дров для очага, отдоить скот. Когда она воротилась, уже проснулись дети, нужно приготовить кушанье, убрать юрту. Днем она шьет одежды, готовит кумыс и арак, плетет сети. Алтаец просыпается поздно идет взглянуть на лошадей и затем садится около очага и способен целыми днями сидеть, покуривая табак, смешанный с березовой корой, из длинной китайской трубки, перебирая с соседями события последних дней или придумывая, не предстоит ли где-нибудь в ближнем ауле какого-либо торжества, где можно было бы пить арак и есть мясо; и если у соседа—килом. за 40 или 50—начинается жертвоприношение, или женится сын, или предстоят похороны — мигом вся степь пустеет, и в юртах вы встретите только женщин и детей. Всякое маленькое происшествие вносит разнообразие в монотонную жизнь кочевника. Стоит путнику заехать в аул, и толпа алтайцев в миг окружает хижину, в которую он вошел. Вопросы сыпятся градом на проводника: кто такие, откуда приехали, куда едут и т. п., и наверное много времени пройдет по от'езде, а аул, собравшись около очага и покуривая длинные трубки, будет вспоминать о вашем посещении.

Прибытие туриста производит большое смятение. Собаки, похожие на зырянских лаек, худые и грязные, с яростью бросаются на вас, из дверей юрт высовываются головы и тотчас прячутся назад. Проходит около пяти минут, и вот наконец старший и более богатый алтаец выходит из юрты, бросает чем попало в собак, после чего они с воем укладываются около загонов скота, а сам с приветствием „эзень“ подходит к вам и просит войти в его жилище.

При входе в юрту какой-то едкий, кислый запах охватывает вас. Недостаток дымовой трубы дает себя чувствовать. Неугасимый очаг горит посредине юрты, дым расстилается по ней, покрывает густой копотью стены и медленно выхо-

дит в отверстие наверху. С непрывычки режет глаз, и нередки случаи слепоты, происходящей от такого нерационального отопления. У стены, против двери, висят идолы, или скорее фетиши, так как нередко в число их входят кольца, камни, ремни и др. вещи, не имеющие никакого сходства с человеческой фигурой. В ряд с ними протянута веревка с девятью лоскутами (само) в честь умерших предков—добрых гениев семьи. По стенам под потолком развешаны капканы, ружья, нагайки, звериные шкуры, кишки с маслом, заготовленные впрок заботливыми хозяйками. На земле по стенам стоят вьючные сумы, в которых хранятся одежды и имущество семьи. Чем больше у алтайца таких сум, тем богаче считается он. Около них помещается аркыт, мешок для хранения кумыса. На сумах прилажена постель хозяев, завешенная иногда у богатых куском материи; налево от входной двери мужская половина, направо женская и детская. Гостя сажают на какую-нибудь шкуру перед очагом, растапливают последний, если он загашен, хозяин набивает трубку, затягивается и подает ее новоприбывшему. Длинная, глиняная или железная трубка, часто китайского изделия, сопутствует калмыку повсюду; он носит ее в кожаном футляре за голенищем сапога, так что дома и в дороге верхом он всегда готов выкурить. Масса любопытных показывается у порога, старшие входят в юрту и садятся полукругом на мужской половине сзади гостя, младшие теснятся у входа. Когда трубка обошла весь круг, гость обращается с вопросом к хозяину: „Как здоровы ваши стада?“ — „Все благополучно“, — отвечает тот. Тогда гость осведомляется о здоровьи хозяина и его семьи, после чего разговор уже переходит на другую почву: „Какие новости у вас?“—„Ничего нового“. В то время, когда ведется этот стереотипный обмен фраз, хозяйка уже достала кумыс или арак из деревянной кадки и, почерпнувши питье большой чашкой, подает ее гостю, придерживая одной рукой косу, что делают женщины вместо поклона. После этого хозяин наливает арак сам и угощает гостя, низко кланяясь и прикладывая обе руки к вискам. Затем самого маленького из детей заставляют коснуться рукой сосуда, и если вы откажетесь выпить третью порцию, то алтаец почтет себя глубоко оскорбленным.

Молочные продукты и мясо животных—вот пища кочевника. Все его состояние—скот; последний дает ему одежду, пищу, а избыток, продаваемый купцам, позволяет ему приобрести табак, материи для женских одежд, порох и другие необходимые принадлежности для его неприхотливой жизни.

Алтаец сохранил во всей чистоте свой язык и тип. Плоское лицо, выдавшиеся скулы, черные, жесткие волосы, отсутствие бороды, гладко выстриженная голова и назади пук волос, заплетенных в косу—вот его вид. Женщины заплетают две косы, девушки три, пять или семь, они сильно заботятся о длине кос, нередко вплетают в нее чужие волосы; короткая коса считается позором. Приветствует ли алтайка

гостя, угощает ли его, всегда она вместо поклона дотрагивается до косы. Но если волосы и составляют предмет забот калмычек, то того же нельзя сказать об одежде. Дети бегают совершенно голые.

Неопрятны калмыки страшно. Надевши новую рубаху, алтаец не снимает ее до тех пор, пока она не изорвется; так поступает как богатый, так и бедный, и различить состоятельного по одежде на Алтае вещь совершенно невозможная. Калмык никогда не умывается и только перед празднествами натирает себе лицо и руки жиром или сывороткой кумыса. Обилие насекомых внутри юрты и груды навоза около нее свидетельствуют о равнодушии хозяев к чистоте.

Человек, подавленный грозными явлениями горной природы, устрашенный землетрясениями, обвалами и лавинами, видя могучие потоки и грозы, чувствует себя настолько ничтожным, что даже не смеет сам молиться своим богам. Теснимый отовсюду божествами коварными, он постоянно находится в страхе и вынужден приносить умилостивительные жертвы, искать заступничества предков—пенатов, в честь которых он вешает „само“ — 9 разноцветных лоскутов, повсюду, где для него благополучно окончилось затруднительное предприятие. Взойдет ли алтаец на трудно достижимую вершину, переправится ли через быструю горную реку, глядишь, он воткнул в землю две священные для него березы и на веревке развесил „само“, а рядом уже наброшена груда камней в жертву духа вод или духа горы, который позволил ему благополучно взойти на вершину или переправиться через пороги.

Эта своеобразная, не лишенная поэзии, кочевая жизнь в силу обстоятельств должна исчезнуть в недалеком будущем из этих краев...

Восхождение на вершину Белухи.

25 июля при совершенно ясном небе мы с киргизами-проводниками начали восхождение на Белуху. Необходимое теплое платье у нас было оставлено наверху, и поэтому мы имели возможность взять с собой большой запас провизии и дров, чтобы в случае надобности жить на Раздельном гребне несколько дней.

В 9 часов мы вступили на ледник, а в 11, пройдя нижнее ледниковое поле и ровное поле среднего потока, подошли к крутому под'ему на Раздельный гребень. Уклонившись от верного пути, мы стали подыматься слишком прямо и вошли опять в непролазные кручи. Опять целых четыре часа карабкались по уступам и карнизам, переползали по скользким, наклонным скалам и только в 4-м часу вышли на россыпь, по которой сравнительно удобно дошли до стана.

До вечера было ясно, и все надеялись на успех, но часов в 7—8 появились опять угрожающие признаки. С юго-запада показались облака, которые то проносились, то опять покрывали почти все небо. Утром погода также была ненадежная, но все же в 5 часов мы вышли со стана, тем более, что обе вершины Белухи не были закрыты высокими облаками.

Во время под'ема по снежному косогору нас стал застигать туман, который то проносился, то снова налетал и порядочно мешал итти. Наконец, подошли к нескольким громадным трещинам, во всю ширину разорвавшим фирновый поток. Трещины оказались не так страшны: мы миновали их, почти не делая обходов, по нависшим снежным мостикам, хотя, быть может, и не надежным. Выше началось более ровное поле седла.

Здесь проводники наши, оказавшиеся совсем непривычными к подобным восхождениям, отказались идти дальше. К тому же погода продолжала хмуриться все больше и больше. Но эти оба обстоятельства не могли отклонить нас от решения продолжать путь. Было всего лишь около 10 часов утра, а мы уже достигали высоты 4000 метров, и до вершины оставалось немного более 500.

Как раз в это время туман ненадолго рассеялся, и показалось солнце. Мы использовали этот момент, чтобы осмотреть местность и точнее выяснить дальнейший маршрут, приблизительно намеченный уже снизу. Хотя даль была закрыта, но обе вершины Белухи вполне очистились.

Около 11 часов стали подниматься, оставив проводников дожидаться на седле. Под'ем оказался все-таки довольно крут, хотя на подковах можно было держаться без труда. Только около середины, где, благодаря оседанию снега, образовался уступ с небольшой трещиной внизу, пришлось выдолбить в оледенелом снегу две-три ступеньки. Через час ходу мы поднялись на гребень у обнажения камней и стали обходить его по краю с восточной стороны. Вровень с ним дальше гребень идет широкой снежной полосой, которая затем поднимается крутой террасой и приводит к высокому скалистому шпилю.

Едва мы сюда поднялись, как налетела туча, и пошла крупа при сильнейшем ветре. Переждав минут 20 под защитой скал, мы двинулись дальше и сейчас же наткнулись на препятствие в виде ряда торчащих камней, подножие которых было ниже нас. Через первый тонкий шпиль больше сажени высотой пришлось перелезать, второй, более широкий, обошли по очень узкому карнизу справа, а затем спустились налево, к подножию шпилей, которые, понижаясь, скоро сменились ровной снежной полосой, мимо скалистых обнажений слева. Шли все время под пронизывающим западным ветром, в густом тумане, сквозь который прорезывались, иногда, все ближе и ближе очертания вершин. В $2^1/_2$ часа мы были у подножия самой вершины, откуда снежный склон поднимается на вершину тремя крутыми террасами, хотя и нерезкими.

Слева все время чернеет полоса камней, справа, в тумане, ничего не видно. В 3 ч. 30 м. мы поднялись на последнюю террасу и достигли восточной вершины Белухи.

Вершина представляет довольно обширную снежную площадку. Нас окутывал все время густой белый туман. С седла ясно доносились крики проводников. Сильнейший ветер со снежной крупой, при $4^1/_2{}^0$ С, заставлял нас очень торопиться, и за 15 минут пребывания на вершине мы не могли оставить никакого очень заметного знака. Пришлось ограничиться жестянкой с запиской, которую положили под камень на обращенной к седлу стороне верхней террасы. Сверху сложили небольшую кучу камней.

В 3 ч. 45 м. начали спускаться по старым следам, которые еще не были совсем занесены. Прежней дорогой дошли до скалистых шпилей, и отсюда, для сокращения пути, вздумали спуститься прямо на седло, хотя склон здесь немного круче. Это было, конечно, несколько неблагоразумно, и мы чуть было не поплатились. На оледенелом склоне у одного из нас свернулась подкова с ноги, и мы стремительно покатились вниз, пока незавязли в мягком снегу, недалеко от седла. К счастью, мы отделались незначительными ушибами и потерей некоторых вещей. Такой спуск занял всего $1^1/_2$ ч. В $5^1/_4$ ч. мы были на седле и в $7^1/_4$ ч. вернулись вместе с проводниками к стану, близ перемычки.

27 июля в течение $2^1/_2$ ч. спустились на ровное поле среднего потока. Здесь нас застала гроза с сильными ударами грома—явление не частое для ледников, и Белуха, под конец, часа полтора провожала нас крупным градом.

Автономная индустриальная колония Кузбасс.

В 1922 году группа американских рабочих заключила с нашим правительством договор, по которому ей была сдана для эксплоатации северная группа Кузнецкого каменноугольного бассейна (Кимеровский район) со всем оборудованием и всеми предприятиями. Это крупное предприятие получило название „Автономной индустриальной колонии Кузбасса". Колония привезла из Америки квалифицированных рабочих и доставила новейшее оборудование для своих предприятий.

Со свойственной американцам энергией, они взялись за восстановление хозяйств разрушенного Кимеровского района. В результате двухгодичной деятельности, устроена мощная центральная электрическая станция, заменяющая мелкие станции, существовавшие раньше при отдельных шахтах, достроен и пущен химический завод, построено несколько десятков домов для рабочих, устроена сельско-хозяйственная ферма и т. д. Помимо перечисленных крупных достижений в области оборудования предприятий, колония сумела поднять производительность труда рабочих. Благодаря этому, достигнуто

уменьшение себестоимости добычи угля приблизительно на 20%.

Постановка работ по коксообжиганию сулит крупную будущность всему Кемеровскому району, так как только кокс сможет завоевать себе почетное место на рынках Урала и центрального района, т.-е. тех рынков, которые смогут пред'явить достаточно большой спрос на минеральное топливо. Возможность доставки минерального топлива из богатой им Сибири в районы сосредоточения нашей крупной обрабатывающей промышленности будет иметь и то важное последствие, что освободит эти районы (Урал и Центр) от необходимости усиленной заготовки древесного топлива.

Кузнецкий бассейн, с его неисчерпаемыми залежами первосортного угля, не уступающего по качеству лучшим английским углям, проникает теперь на широкий рынок. Помимо того, что кузнецкий уголь начал завоевывать себе определенное место в Уральской металлургической промышленности, им заинтересовался Балтийский флот, взявший на пробу 160.000 кгр., были запроданы небольшие партии кузнецкого угля архангельскому рыбному об'единению.

Развитие химической промышленности в Кузбассе, пионером которой является химзавод, имеет широкие перспективы и несомненно будет способствовать дальнейшему завоеванию Кузбассом нашего внутреннего рынка.

Повышение производительности рабочего и связанное с этим понижение себестоимости вполне возможно, как это видно из опыта американцев, а следовательно, дешевизна Кузнецкого угля также явится крупным плюсом к его распространению на рынке.

Ойратская автономная область.

1 июня 1922 года была утверждена ВЦИК'м Ойратская автономная область в составе Горно-Алтайского уезда и Бийского уезда. Центром установлено наиболее многолюдное и благоустроенное селение Улала. Пространство 83.651 кв. км. Всего населения 79.300 человек.

Тюркский народ ойраты, населяющие Горно-Алтайский и Бийский уезды, Алтайской губернии, не избегли общей участи всех народов, которые с крайней жестокостью были подчинены и обезличены царским режимом. Радикальное средство подчинения—колонизация и руссификация—особенно тяжело обрушились на ойрат. Ойраты, как народ, стоящий на очень низкой ступени культуры, к тому же еще отличающийся исключительной миролюбивостью,—никакого сопротивления не оказывали всем унижениям, которым они были обречены.

Наивность и доверчивость дикаря эксплоатировалась беспощадным образом; его обольщали блестящими безделушками, давали в долг грошевые вещи и требовали за них

страшные проценты, скупали за бесценок скот и обворовывали настолько бесцеремонно, что ойраты, еще недавно пользовавшиеся благосостоянием, совершенно обеднели и даже, иногда, отваживались на кражи. Однако эти проступки, совершенные, в громадном большинстве случаев, из голода или крайней нужды, никак не могут сравниться с произволом их русских соседей; переселенцы селились на ойратских землях, забирались с оружием в руках в аулы, сжигали юрты, угоняли табуны. А дикарь не знал даже, к кому обратиться за помощью. Исправник и заседатель редко заезжали в эти края, а если и бывали, то нагоняли безотчетный ужас на алтайца, чуть только заслышит он звон колокольчика и в миг, бросив при дороге свою лошадь, бежит он прятаться в лес, пока почтовая тройка не минует его мест. Дикарю, как ребенку, необходимо дать ограждение от обид, обманов и насилий, охрану и защиту жизни. Ни местные администраторы, ни соседи крестьяне, которые называют его не иначе, как „собакой", не считают инородца за человека, за существо равное им; общее презрение—вот удел дикаря.

Особенное разрушение и разложение принесли с собой русские переселенцы, образовавшие множество селений из лучших ойратских участков, вытеснив, таким образом, туземное население в горы и бесплодные земли. К этому прибавили и болезни, до тех пор неизвестные Алтаю, которые усугубили трагическое положение ойрат.

Что касается хозяйственной жизни ойратов, то прежде всего надо остановиться на скотоводстве, которому природа Алтая дает наиболее благоприятную основу в виде прекрасных лугов. Скотоводческие хозяйства, ближе соприкасающиеся с пришлым русским населением, частично перенимают от них хлебопашеский быт, прикрепляются к месту на более продолжительный срок и делают небольшие засевы. Сохраняя чисто скотоводческий характер, хозяйства связывались с рынком и некоторые развивались до крупных размеров. Таким образом здесь можно наблюдать интересную стадию перехода от кочевого быта к оседлому хлебопашеству. В довоенное время среди ойратов существовали гуртовладельцы, насчитывающие скот тысячами.

Породы скота, распространенные по Ойратскому Алтаю, не отличаются ни весом, ни молочностью, ни скороспелостью. Алтаец разводит их в большом количестве и не предъявляет к ним высоких требований в отношении качества. Поэтому скот неприхотлив, зимует чаще всего на воздухе, под открытым небом, довольствуется подножным кормом даже зимою, доставая его из-под неглубокого снега.

Лошади мелкорослы, слабосильны, но незаменимы для горных дорог.

Алтаец располагает продуктами скотоводства, как главным товарообменным фондом, с которым он появляется на хлебных рынках северного предгорья и земледельческого Уйманского района.

Земледелие в пределах Ойратского Алтая не играет первостепенной роли: своего хлеба населению недостаточно. Почва плодородна, но развитию хлебопашества мешает скудность и примитивность орудий обработки.

Природные возможности и слабое развитие рынка заставляют алтайского земледельца водить пчел, обжигать уголь для своей кузницы, „сидеть“ смолу и деготь, собирать в горах „бадан“, выделывать кожи, шить из них „обутки“ и одежду, сеять лен и ткать.

Кроме того, алтайский землероб занимается между делом звероловством и охотою, собиранием кедровых орехов и лекарственных трав. Алтайцы крупного достатка обзаводились маральниками, которые приносили большую выгоду: продавая рога в Монголию по 8—9 рублей за 400 грамм, мараловод располагал достатком для найма рабочих на полевую работу, держал табуны скота, пасеку и пр.

Кооперация Ойратской области развивается в сторону производительную, захватывая молочное дело, кожевенное и овчинное производство, мыловарение, сырьевые заготовки, эксплоатацию кедра, сбор лекарственных трав и т. п.

Часть Алтая принадлежащая ойратской автономии располагает некоторыми горными богатствами, так, напр. золотыми россыпями в бассейне Лебеди (с.-в. части обл.) и около Телецкого озера доброкачественными порфирами, яшмами, кварцами, белой огнеупорной глиной и другими ценными ископаемыми. Обилие горных рек обещает самые широкие возможности в области гидро-электрических установок громадной мощности, способных обслужить проектируемую железную дорогу от Бийска на Кобдо (Монголия).

Грамотность распространена главным образом среди русского населения.

Енисей.

Далеко за Саянскими горами, в области диких скал и беспредельных равнин, берет свое начало один из сибирских исполинов—могучий многоводный Енисей. Мощным размахом мчатся его волны из-под жарких лучей полуденного солнца к далекому полуночному Ледовитому океану.

Пока Енисей в своих верховьях пробегает по равнинам, его мощь не велика, притоков он принимает мало, да и рыхлая наносная почва русла здесь не представляет ему препятствий: промыл он себе без большого труда подходящее ложе и горделиво струит по нему свои прозрачные воды... Но чем дальше катятся его воды, чем больше они набираются силы, от впадающих с обеих сторон ручейков и реченок, тем заметнее и заметнее меняется характер течения Енисея. Берега его—покуда еще тоже невысокие глинистые и песчаные кряжи, покрытые зарослями ивняка и лиственного леса. Но

вот Енисей добежал до отрогов Саянов. Массивные горные теснины мало-по-малу начинают налагать свою мощную власть на его прежнюю привольную свободу. Хмурится и бурлит Енисей, чувствуя, что ему уже не раздвинуть так сплошных каменистых стен своего нового ложа, как привык он раньше подмывать по своему произволу податливые намывные берега. Утесистые скалы с обеих сторон грозно надвигаются на Енисей. Все выше и выше поднимаются к небесам их вершины. Суровым холодом и дикой красотой веет от каменистых твердынь, обступающих реку. Непроходимая сибирская тайга шумит на их вершинах, и могучие лесные великаны — вековые пихты и лиственницы—тихо покачивают верхушками.

Наконец Енисей выходит в „щеки".

Сдвинувшиеся сплошные скалы чуть ли не на половину суживают его прежнее русло, и стиснутая река, покрытая вся водоворотами и белой пеной, со страшной силой прорывается сквозь препятствие. Но худшее еще ждет ее впереди: Енисей подходит к своему первому порогу. Стиснутая с боков, мчащаяся с неимоверной быстротой, клокочущая и ревущая масса вод наталкивается на каменистую гряду и, хлынув вперед каскадом, переливается через новое препятствие. Осиливши преграду, волны неудержимым потоком стремятся вперед и вдруг со страшной силой наталкиваются на утесы. Новая борьба,—новая победа, и Енисей, грохочущий и буйный, покрытый весь водоворотами и клочьями белой пены, потрясающий скалы и сокрушающий преграды, рвется среди утесов вперед, пролагая свой путь через отроги Саянов.

Таков Енисей в Саянах...

Бешеными потоками мчался Енисей по горным теснинам, но, миновав их и вырвавшись на свободу в долину, река разливается широким плесом и, умерив быстрину, нагромождает здесь грудами принесенные обломки, создавая многочисленные острова. Нанесет затем водою и ветром на эти груды нагроможденных камней разного сору, песку и буреломy, прошел год, — и среди камней уже зеленеет кое-где кустик, тянется кверху молодое деревцо. Не пройдет и десятка лет, как молодая поросль пышно разрастется в деревья, а над гладкой поверхностью вод будет выситься зеленеющий букет густой заросли нового острова.

Приняв в себя на своем среднем течении массу притоков, из которых некоторые, как напр. Ангара, по обилию вод не уступают самому Енисею,—этот сибирский богатырь подходит к своим низовьям.

Отроги Енисейского Станового хребта, подходя к северу, раздвигаются в стороны, и Енисей разливается мощным плесом на пятнадцать километров ширины. Берега его уходят в туманную даль; перед вами колышется громадная водная равнина, усеянная вся многочисленными зеленеющими островами. Широкое плесо—только временный отдых для Енисея; не пробежал Енисей и 70 килом., как уже перед ним встанет

новая твердыня—громадный Тунгузский хребет. Кажется, нет больше прохода реке, громадная каменная стена закрыла ей путь, и невольно недоумеваешь, куда же несет его сила течения.

Помню, плыл я тогда на челноке по Енисею. Тишина плеса обворожила меня. Солнце склонялось к закату, и под его лучами далеко сияла зеркальная поверхность вод: ни малейшее дуновение ветерка не проносилось над Енисеем. Я положил кормовое весло и предоставил челнок произволу реки.

Вторую неделю плыл я по Енисею, не встречая живого человека. Челнок мой несло вперед и вперед... Задернутая прозрачною дымкой даль горизонта попрежнему открывалась передо мною на севере...

Но вот на горизонте начинают выступать понемногу какие-то странные неясные контуры, и из глади вод грозно начинает выдвигаться зубчатая стена.

Это Тунгузский хребет перерезал поперек реку.

Начинается последняя, отчаянная борьба Енисея с преградой.

Раскинувшаяся на пятнадцать километров ширина реки наталкивается на каменную стену, которую прорезывает только одно ущелье в 300 метров шириною, и вся эта масса воды должна прорваться через эту расщелину.

Пока Енисей идет вдоль стены, сила течения его еще не изменилась: она так же ровно и плавно катит свои воды, как по плесу; но это уже не тот Енисей, что нежился там на приволье. Поднявшиеся к небу скалы заслонили его от солнца. Исчезла его ясная синь,—и Енисей, грозный, темный, как ночь, но еще величаво-спокойный, подходит к ущелью.

Я уже давно взялся за кормовое весло и зорко следил за челноком, недоумевая,—куда же идет Енисей?—Вдруг какая то страшная сила рванула мой чели в сторону к одному из уступов скалы, с неимоверной быстротой промчала мимо самого утеса и кинула в ущелье. Мой челнок, предоставленный самому себе, быстро описывал полукруг, направляясь обратно к входу в ущелье. Я инстинктивно изо всех сил налег на весло и направил челнок свой обратно. И было пора: только что уносившаяся к входу в ущелье струя клокотавшей воды начала уменьшать все более и более диаметр окружности своего вращения и вдруг, хлынув вся к центру, образовала быстро крутящуюся воронку и, мгновенно сомкнувшись, выбросила кверху целый столб пены и брызг, с грозным ревом обрушившихся снова в пучину. Рев этот, отдавшийся эхом от скал, диким хохотом прогремел по ущелью.

Я употребил все свое уменье и ловкость, чтобы проскользнуть, не попадая в водоворот, между этими смерчами.

Стены ущелья сливались в одну сероватую полосу. Кое-где по верхнему краю этой полосы быстро мелькали отдельные горные вершины. Вот впереди меня, как бы вынырнув

из под воды, появился громадный утес с качающимися на вершине его вековыми деревьями. Течение мчало мой челн прямо к нему, и я с трепетом ждал рокового удара,—но нет, утес промелькнул мимо; за ним промелькнуло еще два других, и весь бешеный гул раздавался уже сзади...

Енисей прорвался через „Камень“ и летел без всяких преград по широкому руслу низовья.

Берега его расступаются все шире и шире. Все далее и далее уходит Енисей к северу. Промелькнула уже и Подкаменная Тунгузка со своими живописными берегами, осененными темной зеленью стройных пирамидальных пихт, промелькнула Бахша, а Енисей разливается все шире и шире.

Подплывая к Нижней Тунгузке, вы уже перестаете отличать одну зорю от другой: закат и восток слились воедино, и чуть скрывшееся за горизонтом солнце сейчас же снова всплывает на небесную высь. Наконец Енисей перешел за шестьдесят шестой с половиной градус северной широты; солнце уже не скрывается за горизонтом. Чем дальше уходит Енисей к северу за полярный круг, тем выше поднимается в полночь солнце над горизонтом и, совершая весь свой суточный путь без заката, целое лето освещает яркими лучами полярные страны.

Но не одно только солнце указывает на то, что Енисей катит теперь свои воды уже за полярным кругом. Начинает меняться и зеленый убор берегов. Редеет сплошная тайга, темная матовая зелень хвойных деревьев перерезывается отдельными березовыми рощами. Под 70 градусом северной широты господствующую растительность составляет малорослый лиственный лес. Еще дальше к северу исчезают и эти невзрачные деревца, и по берегам Енисея ютится один кустарник, не выше человеческого роста; чем дальше уходит Енисей к северу, тем ниже пригибается этот кустарник к земле и затем переходит в какую-то зеленоватую поросль: Енисей катится по тундрам.

Каменистые твердыни попрежнему теснятся по его берегам; их суровая мощная красота уже не смягчается покровом растительности. Ширь его уже превзошла давно границы зрения человека; уровень вод его колеблет прилив и отлив, т.-е. такая сила, источник которой лежит даже вне пределов нашей планеты. Волны Енисея уже смешиваются с волнами Ледовитого океана, и человек не умеет сказать, где кончается Енисей и где начинается океан, тот океан, который в своих ледяных волнах хранил тайну северного полюса.

Северный морской путь и Усть-Енисейский порт.

Еще во времена великого Новгорода, северный морской путь в сказочную своими богатствами Сибирь привлекал к себе внимание предприимчивых купцов, как русских так и иностранных. Этот интерес к северному морскому пути приобрел особенно крупное значение после того, как сибирские природные богатства стали все более и более выявляться, после того, как эксплоатация этих богатств стала более возможной в виду постепенного заселения необ'ятных пространств Сибири.

Годы мировой войны, закупорившие железно-дорожное сообщение с Европейской Россией и отрезавшие нас от мировых рынков, заставили интенсивно искать выхода для сибирского сырья другими путями. Обширные водные пространства, омывающие Сибирь с севера, представляли наиболее заманчивый из этих путей. Однако, недоступность их для целей судоходства сильно препятствовала этому.

Изыскания и целый ряд экспедиций разрушили ходячую легенду о невозможности рейсов по, якобы вечно затертому льдами Карскому морю и доказали возможность ежегодных сношений с Сибирью морским путем.

Крупным препятствием к организации регулярных рейсов северным морским путем явилась крайне слабая населенность севера Европейской России и Сибири, не позволяющая наладить постоянное наблюдение за состоянием моря и потребовавшая организацию вдоль всего северного морского пути сети наблюдательных пунктов, связывающихся между собой радио-телеграфом. Эта же слабая населенность наших северных окраин сильно препятствовала быстрой перегрузке товаров с судов морского типа на речные.

Много трудов исследователей наших северных окраин было употреблено на отыскание бухты и гаваней, куда бы могли входить морские суда и где с наибольшими удобствами могла бы производиться их перегрузка.

Таких пунктов было найдено два: один в Обской губе близ бухты Находка, второй — в устье реки Енисея. Последний из них оказался более удобным, так как мелководье Обской губы и постоянные северные ветры сильно затрудняли пользование бухтой Находка, как конечной гаванью северного морского пути.

После революции начинаются работы по сооружению Усть-Енисейского порта. С 1921 года начинаются ежегодные рейсы в Усть-Енисейский порт. Ближайшее участие в организации этих рейсов, получивших название Карских экспедиций, принимает наша кооперация.

Перегрузка товаров с морских судов на речные и в пакгаузы Усть-Енисейского порта вполне налажена.

Только благодаря наличию радио-телеграфных станций на пути следования Карской экспедиции, последняя может своевременно получать сведения о направлении льдов и в соответствии с этим изменять свой рейс.

Золотопромышленность Восточной Сибири.

Добыча золота за последние десять лет производилась почти исключительно в Восточной Сибири и Дальнем Востоке.

Своеобразный характер климатических и геологических условий восточно-сибирских золотоносных районов, их удаленность от центров экономической жизни страны, суровость жизненных условий, хронический недостаток рабочих рук— все эти условия придали совершенно своеобразный отпечаток золотопромышленности Сибири.

Главная часть добываемого в Сибири золота падает на рассыпное (98,2%), а остальная на жильное (1,8%). Это обстоятельство в значительной степени об'ясняется указанными выше особенностями сибирских условий. Цифры эти свидетельствуют также и об экстенсивности нашего золотодобывающего промысла и о хищнической поверхностной разработке наших золотых месторождений.

Главнейшими золотопромышленными районами восточной Сибири являются Ленский, Алданский, Енисейский.

До войны Ленские прииски принадлежали „Ленскому Золотопромышленному Т-ву".

В настоящее время золотые прииски эксплоатируются госкапиталом и арендаторами-старателями, при чем крупнейшим государственным об'единением является „Лензолото" и „Якутзолото"

За последнее время наша золотопромышленность испытывает особенно сильный кризис из-за недостатка рабочих рук, так как до сих пор золотопромышленные районы не имеют оседлого населения. Не менее важным камнем преткновения является недостаточное снабжение приисков продовольствием и орудиями производства.

Наряду с госкапиталом к нашей золотопромышленности привлекается и частный арендатор большею частью мелкого старательского типа. Благодаря мероприятиям нашего Госбанка, старательское золото, в значительной части уплывавшее бесконтрольно за границу (в Китай), теперь почти целиком попадает в государственную казну.

Полярная ночь в г. Верхоянске.

Со второй половины октября уже чувствуется приближение полярной ночи. Солнце поднимается все ниже и ниже, описывая на небе только очень небольшую дугу. К трем часам становилось уже темно. Да и само солнце было неяркое.

27-го ноября в 12 часов дня оно стояло чуть-чуть поднявшись над горизонтом.

1-го декабря оно выглянуло в полдень лишь на несколько минут и не показывалось целиком: виден был только край его. 2-го оно уже не показывалось совсем и его не видно было до 12-го января.

С начала декабря светло становилось только в одиннадцатом часу, а в час надо было опять зажигать огонь. Полной темноты в течение всех суток не бывает во время полярной ночи. Около полудня бывает настолько светло, что можно, даже около 22-го декабря, обходиться в течение $1^1/_2$—2 часов без огня, хотя солнца и не видно.

Но назвать этот промежуток днем все-таки нельзя, так как он напоминает скорее сумерки. Это—наиболее светлая часть ночи.

Иногда природа в эти дни дарит неожиданными красотами. Как-то в начале декабря в первом часу „дня", я любовался небом. Оно было безоблачно; луна светила довольно сильно, но южную часть неба ночной назвать было нельзя, так как там был отблеск слабой, бледно-розовой зари. Но на северной его части отражалась ночь, а вместе с ней снег, и вся она была глубоко-темно-синей с красноватым оттенком. Хотя общий тон можно было назвать стальным, которого нет в южном небе, но мне почему то вспомнился цвет швейцарских и итальянских озер. Снег, лежащий за моей юртой, отражал, в свою очередь, небо и тоже поражал своей синевой, так слабо заметной в обычное время.

Зимнее небо в Верхоянске почти всегда безоблачно. На этом безоблачном небе высоко сияет луна, которая здесь зимой в течение месяцев четырех несколько дней до полнолуния и несколько дней после него ходит по небу, не опускаясь за горизонт, а ночью подымается так высоко, что кажется чуть не в зените.

После того, как кончался тот полусумрак, который приходилось по старой привычке называть днем, наступала настоящая ночь, и высоко поднималась луна; создавалось ошибочное впечатление, что стало светлее. Но в то же время именно при луне, когда она вступала в свои права—это происходило очень рано, часу в 3—4-м—несмотря на большую оживленность картины, резче чувствовалось полное отсутствие жизни. Об обитателях юрт забываешь—их не видно и днем; прислушиваешься к тому молчанию, которое царит кругом, и не слышишь ничего, кроме ударов при треске земли.

7-го января на юге появилась заря, и облака были красные; заря была настолько яркой, что казалось, что вот-вот взойдет солнце.

11-го января горы, лежащие к северу от Верхоянска, были освещены на несколько минут, но самого солнца не было видно. Показалось оно 12-го. В этот день был виден только один его краешек в течение не более 10 минут. Но как ни был мал этот краюшек солнца, он говорил нам, что самое тяжелое время зимы прожито. 31-го января солнце показалось уже на половину своего диска. 3-го февраля поднялось настолько высоко, что отделилось от линии гор.

Полярная ночь кончилась....

Жгучий мороз.

После того, как появилось солнце, местные жители стали говорить: теперь морозы пойдут навстречу солнышку. И действительно начались настоящие верхоянские морозы.

К 10-му января было около 60°С., а 17-го января уже было 63°. Когда говоришь о таком морозе, то недостаточно сказать „холодно“ или „очень холодно“, так как эти слова не выражают того состояния, которое испытываешь при нем. Такой мороз „жжет“; он именно „жгучий“, знойный.

Правда, за эти дни я ни разу ничего себе не отморозил, но буквально каждую минуту, когда я куда нибудь шел, приходилось оттирать или нос или щеки. Дыхание захватывало; даже в легких ощущался холод, чувствовалось как в носу замерзает воздух. Дышать можно было только носом. Мне казалось, что я бегу без одежды, хотя на мне была теплая, тяжелая шуба. Чувствовалось, что озяб действительно до мозга костей. В воздухе стоит густой туман; нигде не видно ни души, все работы брошены, все живое исчезло, не видно ни единой птицы, ни единого зверя, ни откуда не раздается ни звука, только из всех труб с треском вырываются искры. Ветерка ни малейшего, и дым поднимается совершенно прямо. Ночи были лунные, абсолютно тихие, светлые и еще более „жгучие“.

Но в юрте мороз был более неприятен, чем вне ее. Несмотря на то, что я в эти дни усиленно топил, около моей двери по стенам, на самой двери и в углах появились „зайчики“. Из всех щелей несло холодом. Пол казался ледяным, и ноги зябли, несмотря на валенки и заячьи чулки.

Что касается одежды, которую приходилось носить зимой, то она мало отличалась от обыкновенной. Якуты в Верхоянске зимой носят или короткое пальто на заячьем меху или же пальто из оленьих шкур. Некоторые из них в сильнейшие морозы надевают на нос небольшие колпачки, а на шею нечто в роде боа из беличьих хвостов.

В феврале морозы ослабели. Начались яркие солнечные дни. Солнце и снег ослепительно сияли, и морозы совершенно не чувствовались. В марте почувствовалось приближение весны, хотя до таяния снега, шумных ручейков было еще далеко. К средине апреля вечерняя заря стала сходиться с утренней. К началу мая ночи стали уже настоящими „белыми“ ночами, полетели с юга гуси. Хотя кругом еще был снег, и Яка еще и не думала вскрываться, но можно было сказать, что зима кончилась.

Северное сияние.

Полярные сияния производили на меня сильное впечатление. Я по несколько раз в ночь выскакивал из юрты, чтобы посмотреть—нет ли сияния. Картины сияний очень разнообразны, и, посмотревши одно, хочется увидеть другое. И я был рад, когда они начались в начале января. Радость моя увеличилась тем, что сияние, которое я увидел 3-го января, было очень интересным.

Началось оно очень рано; обычно сияния начинались от 9—11, а это началось в 6 часов вечера. Признаком его было появление на севере неяркой дуги. В девятом часу стали намечаться еще две дуги, расположенные одна над другой; часам к десяти они были видны вполне отчетливо, а потом все три слились в одну общую дугу. Последняя вдруг разорвалась на две неравные части, между которыми появился темный столб, изменявший все время свои формы. Интенсивность явления стала ослабевать, и я подумал, что это уже конец его, но когда я вышел опять около 11 часов, то увидел, что ошибся: вся северная часть неба была освещена отдельными пучками света, высоко поднявшимися и уходившими к зениту. Пучки эти принимали всевозможные сочетания, как в калейдоскопе, и в то же время изменялись сами: из резко очерченных „игл“ они обращались в расплывчатые „столбы“. Потом явление стало опять меркнуть, и я ушел, но выйдя минут через 20, увидал его в новой фазе: „пучки“ раскинулись веером, при чем наиболее яркими, принимающими слегка розоватую окраску, были крайние из них. Все пучки двигались, некоторые быстрее, другие тише; движение их было не в одну сторону. Пучок, образовавшийся в центре, несколько поднялся и двинулся к востоку, одновременно с ним из центра вышел другой, но направился к западу, другие пучки пошли к ним навстречу. Я смотрел до тех пор, пока пучки не слились в пушистые облака, а из них опять не обратились в сияющий полукруг, занимающий уже меньшее пространство, чем то, которое занимали раскинутые беспорядочным веером пучки. В первом часу вышел опять и увидел, что полукруг снова ожил, разбившись на

пушистые светящиеся облака, поднимающиеся в центре сияния, но уже все было сравнительно бледно. Скоро явление затухло совсем. Был сильный мороз; на юге во всей своей красе сиял Орион, и играл своими лучами Сириус. В свою юрту я вернулся бодрый, возбужденный, хотя и сильно продрогший.

Якутский купец и Якутская область (до войны).

Центральными пунктами, в которых сосредоточивается на севере Якутской области торговля, является с. Казачье (Усть-Янск), Булун на Лене и Средне-Колымск.

Главные торговые операции булунского купечества, как и устьянского, сосредоточены в раз'ездной торговле по окрестной тундре.

Движение товаров из Якутска в Казачье и через устьянское купечество по всему северу области совершается из Якутска по Лене через Булун, который является узловым пунктом для движения товаров, как на восток, так и на запад от низовьев Лены. В течение всего лета товары сплавляются из Якутска в Булун—около 200 км.—на пароходах (за лето с июля по сентябрь два парохода делают вместе пять рейсов) и в октябре, с открытием санного пути, вывозятся на оленях подрядчиками в Казачье (550 км.) и на запад.

Основные операции как устьянского, так и булунского купечества совершаются, конечно, в раз'ездах по окрестной тундре—торговля на местах (в с. Казачьем и Булуне) составляет лишь незначительную часть торговых оборотов. Об'ясняется это прежде всего характером местного населения—в огромной своей части оно состоит из кочевников, живущих оленеводством—якутов, тунгузов, и юкагиров. Постоянных поселков на севере вообще почти не существует; в связи с оленеводством и рыбным промыслом для всего почти населения обязательны не только смена зимних жилищ на летние, но и постоянные откочевки в течение круглого года—по мере годового передвижения оленей и хода рыбы. Осенью оленеводы откочевывают с летних жилищ, рыболовы также кочуют в зимники. Откочевав с одного места, инородцы к тому месту не возвращаются, если же и возвращаются, через большие промежутки времени, когда на оленьих кормовищах вновь отрасла отава, то прежние свои юрты находят уже разрушенными и строят новые. Это обстоятельство целиком определяет раз'ездной характер всей северной торговли. Поэтому северный купец должен быть хорошим путешественником. Принимая во внимание жестокие якутские морозы, пурги и редкость населения, благодаря которой путнику зачастую приходится ночевать в чистом поле, раз'езды эти

нельзя считать легкими. От трех до пяти месяцев каждый купец кружит по тундре, совершая зачастую при тяжелых условиях передвижения такие концы, которые показались бы подвигом его европейскому собрату. Каждый год устьянские купцы ездят на Индигирку и на Абый, что нужно считать по прямому направлению в 700—900 км., каждый год булунские купцы ездят за Анабару на границы Туруханского края, т. е. за 1000—1500 км. от Булуна. При кружных раз'ездах на долю каждого купца приходится в течение зимы от 3 до 4½ тысяч км.—это нужно считать общим правилом, из которого бывают исключения в обе стороны. Кроме того, даже в пору самых жестоких зимних морозов и пург купцам по большей части приходится останавливаться в собственных палатках (для удобства торговых операций, которые на севере всегда окружены таинственностью, и ради самостоятельных кормовищ для оленей); весной при более теплой погоде это является уже общим правилом. Жизнь северного купца, поэтому, похожа на жизнь кочевника. Чтобы выдержать ее, нужен большой навык и хорошее здоровье, что в достаточной мере действительно и имеется у местного купечества, состоящего преимущественно из якутов. К этому надо добавить, что обычно северные купцы выезжают из Якутска со своими семьями; семьи устьянского купечества на время раз'ездов купцов живут в Казачьем, жены же булунских купцов обычно сопровождают мужей в их поездках. Отчасти, в связи с этим, раз'езды булунского купечества отличаются от раз'ездов купечества устьянского—самый характер безлесной западной тундры облегчает эти передвижения. Жен своих булунские купцы возят в „повозках", которые представляют из себя нечто в роде маленького домика на полозьях; в повозке имеется миниатюрная железная печка, отапливаемая дровами—на ней даже кипятят в дороге чай. Повозка эта бывает настолько обширна, что в нее могут вместиться три-четыре человека, и настолько тепла, что купчихи рискуют даже брать с собой грудных детей и сидят там в комнатных одеждах; такую „повозку" тащат три-четыре оленя, тогда как в обычный „олох", т. е. в открытую нару, запрягается лишь пара. Эти повозки строятся в Булуне самими купцами и за хорошую цену сбываются на западе промышленникам, которые пользуются ими, как передвижными домами при своих об'ездах песцовых ловушек.

Так как деятельность каждого крупного купца распространяется на огромную территорию (порою радиусом до 1.000 км.), то фирме трудно иметь всюду на жалованьи своих людей. Поэтому, так называемые, на севере „приказчики" представляют из себя ни что иное, как несколько более мелких купцов, которые кредитуются (т. е. забирают в кредит) у более крупных, обязуясь уплатить кредиторам пушниной (или наличными) по той цене, по которой пушнина расценивается в момент уплаты на месте в Булуне, Казачьем или Якутске или же по заранее условленной.

Денег в обороте вообще бывает мало, гораздо большая часть оборотного капитала (а иногда почти и весь капитал) сосредоточена в товаре. Среди самого населения севера денег еще меньше.

Приказчики продают товары населению (с большой надбавкой против назначенной „хозяином" цены) почти исключительно на пушнину и кость (т. е. бивни мамонта).

Косность, тяжеловесность, зачастую беззастенчивое выжимание и надувательство—таковы характерные черты северной торговли. Ежегодный приезд купцов и приток новых товаров могли бы сыграть огромную роль в поднятии культурной жизни севера. Других культурных влияний здесь нет.

Присматриваясь вообще к Якутской жизни, можно только удивляться тому, какие скромные завоевания сделаны современной культурой в быте инородцев и в общих условиях существования. Жизнь северных народностей за последние столетия почти не изменилась. Те же архаические промыслы, теми же архаическими приемами, как сто и двести лет тому назад. Рыболовство и пушной промысел не сделали ни одного шага вперед по сравнению с временами завоевания Сибири. Даже больше того—эти промыслы скорее склонны к упадку, благодаря хищническому истреблению рыбы и зверя. Соболь и бобер, которыми когда то славилась северная и северовосточная Сибирь, теперь почти совершенно здесь исчезли. Основой благосостояния северных кочевников по прежнему является оленеводство, как сотни, может быть, тысячи лет тому назад. Ни местным, ни пришлым населением не разрабатывается ни одно из многочисленных и разнообразных естественных богатств области (золото*), серебро, каменный уголь, медь, киноварь, железо; назвать сырьевой разработкой кустарную добычу богатейшей вилюйской соли, конечно, нельзя). Земледелием и скотоводством занимается население южной части области—округов Якутского, Вилюйского, Олекминского и части Верхоянского. Большая часть Верхоянского и почти весь Колымский округа, составляющие гораздо большую часть всей Якутской области, совершенно лишены и земледелия и скотоводства (имея в виду лошадей и коров; незначительное количество тех и других имеется в Колымском округе только около самого Средне-Колымска).

Невежественному, дикому и инертному населению местная администрация даже и в малейшей степени не приходит на помощь. Само же население культурных сил не выделяет.

Все эти обстоятельства самым решительным образом определяют общие условия жизни области. Отсутствие всяческой культуры сказывается на каждом шагу. В населении нет знаний, нет предприимчивости; колоссальная по своей территории область лишена путей сообщения и почтовых сношений,

---

*) В настоящее время золото является видной составной частью промышленности Республики. (*Прим. ред.*).

в связи с чем почти искусственно поддерживается малонаселенность, превращающая область в огромнейшую пустыню.

Если вообще где и можно говорить о проявлениях русской культуры, то только в одном Якутске, жизнь которого для самой области совсем не характерна. Во всех центрах севера—Верхоянске, Булуне, Усть-Янске, Абые, Средне-Колымске—всюду полновластным хозяином и в культурном, и в чисто бытовом отношении является якут; как это ни странно, но нужно признать, что к малой чести для местного русского населения, всюду на севере более низкая якутская культура поглотила целиком более высокую культуру русскую, ничего не взяв от последней, это сказывается на каждом шагу: на языке русского местного населения, на его обычаях, одежде, характере построек, на всех его промыслах.

Якутская автономная республика.

Якутская С. С. Р. занимает площадь до 3½ мил. килом. прорезана рядом судоходных рек и может свободно разместить на своей территории многие из европейских государств: она, напр., в шесть слишком раз превосходит размерами территорию Франции. Населения в области всего около 300.000 чел., и разбросано оно по необ'ятным пространствам, при чем как города, так и более заселенные пункты с оседлым населением расположены по главным рекам—Лене, Вилюю, Олекме; в области же прочих рек—Яны, Колымы, Алдана, Маи и др. живут преимущественно кочевники.

Свыше 300 лет тому назад край этот был завоеван русскими выходцами и затем находился под рукой управителей из Романовых, которые с 1671 г. и до революции обратили эту окраину в край хозяйственной нищеты. Между тем, окраина эта с ее экономическими возможностями представляет собою вообще одну из богатейших окраин республики. В результате, и до сих пор эти неисчислимые богатства края так и остаются не только неиспользованными, но и не вполне еще исследованными.

Из богатств обращает на себя внимание золото. Огромные золотоносные площади уже давно разрабатываются в бассейне реки Олекмы, рядом со всемирно известным Витимским районом (Ленсолото). Золото еще имеется в Якутском, Вилюйском, Верхоянском, Колымском уездах и в целом ряде коренных пород Станового хребта (по местному Джугджур), как в сторону к Якутску, так и в сторону к Охотскому морю. Таким образом, по площади золоторождений край в золотопромышленности занимает одно из первых мест в мире.

В 1923 году был открыт новый золотоносный район в верхнем течении р. Алдан. Богатство золотом этого района обещает, по предварительны данным, превзойти самые силь-

ные ожидания. Содержание золота в песках доходит до 60 зол. на 100 пуд. породы. В связи с необычайным богатством месторождения, „золотая лихорадка" охватывает большие круги населения. Сейчас в заброшенной тайге Алдана скопилось от 6—8.000 человек старателей, испытывающие большие продовольственные и другие лишения.

Платина—этот редкий дар природы—добывается также (примитивным способом) по реке Вилюю и ее притокам на большом протяжении.

Добыча свинца начата с 1916 г. и производится в самом холодном месте земного шара—в Верхоянском хребте. Ныне, в годы самого тяжелого бестовария, свинца добывается от 32.000 до 40.000 кгр. в год, при наличии же товарных фондов добыча его в области свободно может быть доведена до 160—230 тыс. кгр. ежегодно.

Налицо здесь и богатые залежи железной руды по рекам: Лене, Вилюю, Батоме и др., вполне обеспечивающие железоделательную промышленность. Разработку руды уже однажды производили. Существовавший когда-то железоделательный завод на реке Тамге—притоке Лены—вырабатывал особый вид стали—уклад, ценою в 2 р. 70 к., а железо стоило всего 1 р. 23 коп. за 16 кгр. в то время как екатеринбургские, енисейские и демидовские уклад и сталь на иркутском рынке продавались по 4 р. и дороже за 16 кгр. Завод этот, просуществовавший всего 11 лет, был закрыт „за ненадобностью". И поныне только в отдельных местах Вилюйского и Якутского улусов, инородцы производят разработку руды в небольших количествах кустарным способом, получая из 32 кгр. руды от 8 до 12 кгр. отличного кричного железа, „болго", идущего на выделку топоров, ножей, лопат, кайл и прочих хозяйственных предметов.

Блестящие перспективы ожидают соляное дело. Из источников для эксплоатации имеются два: Кемпендяйский в виде колодца, глубиною до двух метров, с кратером, и Багинский, представляющий собою ряд таких кратеров, из ключей беспрерывно бьет и истекает густой рассол, отлагая десятки тысяч пудов соли вокруг колодцев, без какого бы то ни было приложения человеческого труда. Такой примитивной эксплоатацией в 1920—1921 г.г. на одном лишь Кампендяйском ключе было добыто свыше 2.160 т. кгр. соли, которая поступила ныне в губпродком и служит целям госснабжения и товарообмена. Концентрация соли определена доктором Дравертом, изучавшим соляное дело на месте в 1917 г., в 25 проц. Источники близко расположены и к водным путям: первый отстоит всего в 60 килом. от судоходной реки Вилюя, а второй в 35 килом. от сплавной реки Наманы, впадающей непосредственно в реку Лену, несколько ниже Олекминска. Кроме этих соляных источников в этих районах залегают громаднейшие залежи каменной кристаллической соли, простирающейся от Кемпендяйского ключа почти вплоть до реки Наманы, в общем протяжении более чем

200 км. Здесь же расположено и озеро „Иткель“ с огромными запасами глауберовой соли.

Обладая такими мировыми соляными богатствами, окраина эта в данное время все-таки переживает соляной кризис. Между тем, как поставленная в широком масштабе технически правильная эксплоатация соляных богатств может давать краю ежегодно несколько миллионов пудов соли, могущей служить и предметом экспорта на внешнем рынке.

В месте расположения Кемпендяйского источника имеются еще целебные радиоактивные грязи.

Область также изобилует еще немалыми запасами прекрасного каменного спекающегося угля.

По краткой сводке Константинова, в крае имеется известных уже теперь месторождений ископаемых: золотоносных—37, свинцово-серебряных—16, железной руды—50, каменного угля—65, каменной соли—8.

Вообще нужно отметить, что открытиями платины, золота, серебра, свинца, соли, угля не исчерпываются ископаемые богатства губернии.

Якутский край, богато орошаемый системой рек и озер, таит в себе и неисчислимые запасы различных видов рыбы. Промышленное значение имеет только рыба, вылавливаемая в устье реки Лены, как-то: нельма, максун, кандевка (род селедки) и проч. Улов такой высокоценной рыбы, при всей скудной рыболовной постановке, ежегодно доходит до 960.000 кгр.

Касаясь „пушных ценностей“, можно сказать, что они огромны. Якутский край изобилует самыми высокоценными мехами (голубой песец, чернобурая лисица, соболь, горностай и др.) и не менее ценными видами пушного зверя. Пушное дело здесь, даже при трудностях последних лет, все же сохранилось в размерах довоенного времени. Любопытно отметить, что охотничьи районы насчитывают охотников, заготовляющих пушнину, до 80,000 чел. За 1921 г. в Якутске оставалось невывезенной пушнины: песцов около 10.000, лисиц—4.000, горностая-колонка—более 50.000, белки—свыше 500.000, мамонтовой кости (бивни)—8.000 кгр. и до 30.000 сырых скотских кож, не считая менее ценной пушнины, как заяц, выпороток и проч.

В крае также развито скотоводство. Оно по способу ведения примитивно, но по размерам велико. По данным с.-х. переписи 1917 г. промышленно-скотоводческих хозяйств в области насчитывалось более 50.000, имевших свыше 600.000 голов скота. Скотоводство это, помимо самоудовлетворения области мясом, маслом, молоком, питает ими в настоящее время Ленский водный транспорт, Ленский золотопромышленный район Иркутской губернии и снабжает ими еще и различные экспедиции, посылаемые центром.

Несмотря на суровость климатических условий, в крае вызревают арбузы и дыни, и заметно развивается земледелие. Посевная площадь в 1920 г. равнялась 20.000 гект. В 1921 г. она увеличилась более, чем на 20 проц. при среднем,

местами выше среднем урожае, не превышающем, однако, на круг более 50 проц. с гектара. Нужно добавить, что при условии увеличения засевов, равных отмеченным, Якутская область в течение ближайших 10 лет получит, наконец, возможность, с избытком самоудовлетворятсья и хлебом, что будет считаться вторым ее воскресением, так как и в самые урожайные годы, когда всюду хлеба было вдоволь, Якутская область испытывала в хлебе крайний недостаток, жила впроголодь, несмотря на привоз в область до 4.800.000 кгр. муки ежегодно. Для развития сельского хозяйства нужно немедленно направить в область земледельческие орудия и снаряды при достаточном числе спецов.

Минувшие три столетия не изменили уклада мрачной жизни области, и культурная рука русского человека здесь не положила еще начала своего творчества. Все здесь девственно... Предприниматель, как мелкий, так и крупный, шел сюда только с целью наживы, главным образом, „за золотом“ и хищнически извлекал его из недр земли. Государство же только брало, как с населения, так и с этого предпринимателя, побор да налог, но никаких мер не принимало к развитию хозяйственно-промышленной жизни края, к заселению его и насаждению культурных условий жизни.

Пути сообщения, как проводники культурного развития края, здесь также отсутствуют. Имеется только один путь, связующий эту окраину с метрополией—это тракт от города Иркутска до пристаней на реке Лене, Качуг, Жигалово и сама река Лена. Вот все, что имеет область. Говорить же о наличии других путей не приходится, так как они представляют собою не что иное, как тропы, в большинстве пригодные для передвижения преимущественно зимою. Но и отмеченные пути не надежны, с одной стороны, по краткости навигации, длящейся всего 100—120 дней в году, с другой стороны, вследствие слабости ленской речной флотилии и, наконец, расстройства, перегруженности Иркутского гужевого транспорта, подающего груз из Иркутска в Качуг (240 клм.) не только предназначенные для Якутской области, но идущие и в Приленский край (Бодайбинский приисковый район), Киренский и Верхоленский уезды Иркутской губернии, а при этом, естественно, эта далекая Якутская окраина остается необслуженной

Достаточно привести пример Верхоянского уезда, где жители прошлые 1920—21 г.г. получили только по 4 кгр. хлеба в год на человека, а жители Колымского уезда получили всего лишь 16.000 кгр. хлеба на 16.000 чел., и область, в большинстве своем, питалась уже суррогатами.

Естественно, что за последнее время из чувства самосохранения, инородец стал искать помощи у иностранцев и все свои предметы промысла, т.-е. пушнину, сырье и проч., стал передавать последним. Иностранные капиталисты, учитывая расстройство нашей хозяйственной жизни вообще и наше „бестоварие“, в частности, все глубже и глубже внедряются

в пределы Якутской С. С. Р. и завоевывают прочное положение, ибо могут снабдить население всеми видами товаров, продуктами и огнеприпасами.

В операцию пушных заготовок 1920—1921 г.г. в Нижне-Колымск северо-морским путем прибыло две американских шхуны с товарами, большую часть которых обменяли на пушнину и ушли. Далее, местность у мыса „Сердце-Камень", расположенную на побережье Северного Ледовитого океана, с той же целью посетило за указанную навигацию до 16 американских торговых шхун. Что касается побережья Охотского моря, то во всех сколько-нибудь значительных пунктах последнего имеются отделения агентства частных фирм, производящих скупку пушнины полностью за товар, не брезгая и спаиванием населения спиртом, чем особенно отличаются японские хищники. Одна лишь фирма „Иван Соловей" имеет лавки и агентства в восьми пунктах.

Севернее же Охотска, где начинается самый богатый пушной район, шныряют, кроме шхун, даже пароходы. Обороты этих судов за 1920 г. неизвестны, но из перехваченных радиотелеграмм видно, что, например, пароход „Тунгуз" за последний осенний рейс 1920 г. собрал пушнины на 25.000 иен.

Таким образом, мы видим, что это внедрение создает воочию опасность для нас потерять пушные рынки, или, в лучшем случае, иностранцы снимут сливки, а нам и снятого молока не останется. Этим же путем иностранцы вытягивают мамонтовую кость, платину, золото и другие ценности нашего крайнего северо-востока. Необходимо обратить неотложное, должное и серьезное внимание на эту далекую и богатейшую окраину, немало уже давшую и республике. Царское правительство в прошлом ничего не давало Якутской области, кроме разгула хищников. Советская республика, не только в интересах населения, но и ради укрепления своего хозяйства, обязана быть внимательной к заброшенному краю. Экономически можно поднять республику неотложным устройством хороших путей сообщения, хотя бы узкоколейных.

Байкал.

От Иркутска железная дорога идет по левому берегу Ангары. По сторонам дороги виднеются хлеба, засеянные, как и везде в Сибири, клочками, километров 30 за Иркутском посевов становится все меньше. По берегам Ангары начинаются горы с острыми вершинами, круто обрывающиеся к реке. Дорога постепенно подымается все выше и выше, Ангара падает глубже, в воздухе становится прохладно. Мы находимся в той полосе, кольцом охватывающей Байкал, где холодное озеро настолько остужает воздух, что земледелие невозможно. Здесь только в половине июля начинает цвести шиповник, и случаются утренники, побивающе огороды. Не-

большие и немногочисленные деревни этой холодной прибайкальской полосы хлеба не сеют, а живут рыболовством, лесным промыслом, извозом. Склоны гор, мимо которых идет поезд, густо покрыты кустарником и молодыми деревьями, среди которых приметнее остальных тонкая кудрявая яблонька. Неожиданно появляется, словно в окошко, между двух гористых берегов Ангары, Байкал.

Байкальское озеро представляет одно из самых глубоких озер земной поверхности; наибольшая глубина его (1800 м.) значительно превышает глубину Мертвого моря. Озеро, несомненно, вулканического происхождения, притом весьма древнего, так как между озером и Северным Ледовитым океаном находятся отложения самых древних геологических эпох. Вулканическая деятельность в окружности озера и до сих пор еще проявляется в виде периодических землетрясений. На поверхности озера, преимущественно в его восточной части, иногда плавает горный воск, или „озокерит". В тех же местах замечены на дне Байкала ключи с маслянистою жидкостью, напоминающею нефть.

Недосягаемая глубина Байкальского озера, его мрачно скалистый характер, придают ему особую таинственность и наполняют ум суеверным страхом. Это море-озеро громадно; оно тянется на 700 килом. в длину при ширине от 27 до 58 килом. Поверхность его равна 30 тыс. квадратных килом., т. е. по величине оно равняется Адриатическому морю. При чрезвычайной прозрачности воды глубина его замечательна. В южной части она доходит до 1800 метр., в северной части до 500, но есть глубины и в 60 метр., так что дно Байкала, вообще, имеет очень разнообразный рельеф.

Летом светло-зеленые воды Байкала, обрамленные крутыми, отвесными берегами и скалами, настолько прозрачны, что дно видно на 10—12 м. глубины. Каменистое дно, покрытое водорослями, кажется целыми лесами, погруженными в бездны озера. Весною и осенью на озере свирепствуют страшные бури, которые часто служат причиною крушения судов. Озеро окружено причудливыми утесами и скалами, а также мысами. Между множеством его скал три возвышаются подобно отвесным столбам около 60 м. над поверхностью озера. Одна из них похожа на колоссальную человеческую голову с саженным носом и глубокими впадинами, похожими на глаза; в расщелине, представляющей рот, гнездятся целые стаи морских ворон и бакланов.

На Байкале бывают особенно свойственные ему ветры; в южной части с мая до конца июля „баргузин", с августа—юго-западный ветер „култак". Самый сильный северо-западный ветер „сорна", поднимающий высокие короткие волны, очень опасные для судов, выбрасывает на берег валуны величиною с человеческую голову. Горы около Байкала покрыты густою хвойной растительностью, которая спускается к самому озеру и оканчивается у нависших над водою скал. Этот лес состоит из величественных кедров, лиственниц, пихт и тополей, горной

смородины. Обнаженные зубчатые скалы гор алеют даурскими розами. Остров Бугучан прозван „Байкальским садом" за свою живописность и роскошную растительность—можжевельник, брусника, голубика, рябина, терновник, таволга, шиповник, ежевика и малина покрывают его берега.

Животный мир озера отличается большой своеобразностью. Особенно обилен Байкал рыбой, снабжая ею всю прилегающую страну. Первое место в промысловом отношении занимают: омуль, байкальский сиг, хариус, таймень.

Интереснейшею и мало известною рыбой, принадлежащей только Байкалу, является голомянка. Она имеет до 26 сантм. длины, голова занимает третью часть тела, глаза непропорционально велики и на выкате, от жабр с боков до хвоста идут плавательные перья. Водится эта рыба в самых глубоких местах озера, т. е. под тяжестью высокого столба воды, и тело ее, выходя на поверхность, разрывается на части и тает на солнце, почему еще никогда не видели ее живого экземпляра. Омуль относится к семейству лососевых. Осенью эта рыба несметными массами идет отсюда вверх по Енисею до Байкала, где размножается в громадном количестве. Это наиболее важная в промысловом отношении рыба Байкальского озера.

К числу характерных обитателей байкальских вод принадлежит также байкальский тюлень, называемый местными жителями нерпою. Местные жители бьют нерп в течение всего лета и выделывают из шкур молодых животных ценные дохи.

Неспокойное Байкальское озеро, подобно Ангаре, в силу своего бурного характера и ветров, разгоняющих лед, становится только в середине зимы, в декабре или в начале января. Перед замерзанием по Байкалу носятся льдины и нагромождаются у берегов; целые валы и сопки этих льдов высятся зимою, представляя причудливые формы. Сначала льдом покрываются заливы. Незамерзшие полыньи дымятся паром, предостерегая путешественников. Наконец, озеро сковывается льдом и тогда представляет необыкновенно гладкую зеркальную поверхность, в которой отражаются выси гор, и над этой ледяной поверхностью в протяжении зимы видно постоянно синее, чистое безоблачное небо. Нужно, чтобы снег достаточно пристал ко льду, чтобы установился путь. Путь из села Лиственичного совершается в один переезд; 60 клм. с небольшим отдыхом путник зимою несется по гладкой ледяной поляне, залитой ослепительными лучами солнца. Озеро пересекают иногда трещины, через которые должна пронестись кибитка; привычные лошади прямо перепрыгивают подобную трещину, если только она не велика, но иногда приходится перекидывать временный мостик или переправляться на льдине, как на пароме. На непривычного путника эти массы льда наводят невольную робость. Иногда подо льдом слышатся какие-то глухие раскаты: это шум воды, напоминающий о той бездне воды, которая находится под ногами.

Бурят-Монгольская ССР.

Бурят-Монгольская Республика провозглашена постановлением ВЦИК от 13-го июня 1923 года. Она составилась из двух бывших Бурят-Монгольских автономных областей Сибири и Дальнего Востока, которые до присоединения ДВР к РСФСР существовали раздельно, а также из части Прибайкальской губернии. Центр республики—город Верхнеудинск.

Пространство около 266.750 кв. км.

Населения—458.000 человек, из которых бурят—233.000, а русских—225.000 человек.

Основным занятием населения является скотоводство и земледелие, при чем бурятское население занято преимущественно скотоводством, а русское—земледелием. Значительно развиты рыбный промысел и охота в районе, прилегающем к озеру Байкал, а также в других лесных и речных районах республики.

Колонизаторская тенденция прежнего режима заключалась в том, чтобы их подальше оттиснуть к таежным пустырям, где они прозябали бы в невежестве. Никто не обращал на них внимания. Предоставленные самим себе, без всякой помощи со стороны правительства, они в своих глухих углах крепко держались старых традиций. Еще до сих пор ламаизм играет значительную роль в жизни бурято-монголов. Количество лам достигает 17% всего населения, так как до настоящего времени держится еще обычай, что бурят-монголы каждого третьего сына посвящают в ламы. Ламаизм тяжким бременем ложится на спины темного невежественного населения, отягощая его бюджет и отвлекая его от культурных способов жизни.

Перед Бурят-Монгольской автономной областью во всей широте стали неотложные хозяйственные, культурно-просветительные и санитарные задачи, которые, в условиях бурят-монгольского быта, требовали для своего разрешения больших усилий и опыта. Срочными и неотложными вопросами явились вопросы о землепользовании и землеустройстве бурят. Из всей огромной площади, занятой, главным образом, лесом и горами, только около 6.000.000 гектаров находится в пользовании населения.

Земледелие слишком задержалось своим развитием, вследствие того, что земледельческие районы далеко отстоят от более или менее крупных экономических центров, чем затрудняется сбыт зерновых продуктов.

Также неблагополучно обстоит с важнейшей отраслью бурятского хозяйства—скотоводством. Количество скота очень уменьшилось, а в связи с чумой в 1923 году уменьшение это еще усилилось. Процесс сокращения скотоводства болезненно отражается на населении, тем более, что оно не сопро-

вождается переходом к другим отраслям хозяйства. Оседание бурят на землю происходит пока медленно и в незначительном количестве.

Что касается промышленности, то, обладая неисчислимыми природными богатствами, в виде громадных лесов, соляных и рыбных озер, богатых золотоносных рек и многочисленных месторождений полезных ископаемых, как серебряные, свинцовые, медные, железные, вольфрамовые, марганцевые и др. руды, месторождениями гипса, бурого угля, огнеупорной глины, аспидного сланца, кварца и др., Бурреспублика, однако, не имеет сейчас ни одного крупного промышленного центра и в этом отношении является крайне отсталым краем.

В 1923 году работало 8 заводов.

Слабо развивается и золотопромышленность. В 1923 году добыто только 104 кгр.

Торговля в последнее время заметно оживляется. Торговый аппарат состоит из Центрального Торгового бюро в Верхнеудинске, имеющем свои районные конторы по всей республике. Предметом занятий Центр. Торг. Бюро являются: заготовка мяса, сырья, хлеба, пушнины и т. д.

Просветительная работа здесь весьма трудна и сложна. Чтобы сделать школы действительно отвечающими потребностям бурятского населения, нужно все строить заново. Тяга к просвещению у бурят, особенно у молодежи, велика. Медленно, но все же расширяются культ-просветительные учреждения. Перед Наркомпросом Бурреспублики стоит задача расширения сети школ с преподаванием на бурятском языке. Для этого нужна подготовка достаточного количества учительского персонала из бурят.

В настоящее время во главе ЦИК в большинстве стояли буряты. Точно также и на административные посты, особенно в районах с бурятским населением, подбираются буряты.

Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока.

Моря: Японское, Охотское, Берингово и Ледовитый океан с бесчисленными проливами, заливами, бухтами и впадающими в них многоводными реками интригуют рыбака и зверопромышленника и манят к себе своими природными богатствами. С высоты птичьего полета в лазурных водах можно видеть ныряющих группами китов и кашалотов, которые то подходят к берегам, то удаляются вглубь моря, где простор и где меньше беспокоит человек. Около китов и кашалотов, а чаще всего в стаях рыб, ныряют касатки. На угрюмых скалах мысов, на маленьких островах, иногда заброшенных на сотни верст от берега, высоко на круче, там, куда, кажется, и нельзя взобраться, сидят, гордо подняв щетинистую морду, гиганты - сивучи, прозванные за их громкий рев морскими львами. Спокойно сидят сивучи на скалах, а иногда

и спят, пригретые солнышком... Но чуть опасность, едва показался человек—эти 960—1000 кгр. обрубки жира и мяса легко и быстро соскальзывают в море.

Морской лев держится пустынных мест, и его не всегда встретите, зато в любой реке, в любом заливе можете видеть, иногда сотнями, его младших сестер—глазастых нерп. Нерпы не боятся человека и, повидимому, любят его, так как долго и внимательно, высунув морду из воды, смотрят на лодку или проходящее судно.

В морском просторе, в южной части Берингова моря, у Курильских, Алеутских и Командорских островов, можно еще и сейчас встретить тысячи голов котиков, ценных и доступных для промысла. Раньше стада котиков были сказочно неисчислимы. Северная часть Берингова моря немыслима без остроклыких моржей с их щетинистыми мордами.

Если так велико разнообразие и богатство морских зверей, то как должно быть много рыб, за счет которых живут все эти звери. С ранней весны, как только пройдет лед, как только вода моря начнет согреваться, из неведомой глубины к берегам подходят стаи сельдей для икрометания. Сельди подходит так много, и так много она откладывает икры. что на десятки километров вода моря бывает окрашена в белый цвет. И тогда в прибрежной полосе, будь это трава или сеть рыбака, все залеплено икрой. Если море спокойно продолжительное время, мальки успевают вылупиться из икры, но если пройдет шторм, то после него все берега бывают завалены икрой.

Вместе с селедкой и в погоне за ней к берегам подходит треска. Прошла селедка, наступили теплые, тихие дни, и вы можете видеть стаи скумбрии. Дальше от берега, в южной части Японского моря, обитают огромные тунцы. Это красивые, хищные рыбы с вкусным и ценным мясом.

Близ города Владивостока недавно начался промысел морского судака.

Лососевые распространены по всему побережью. Нет той речки, куда не входили бы лососи. Лососей ждут все: начиная от человека и кончая медведем. И вот при переходе к лососям восторг сменяется унынием. Да, богатства велики, ценности промысла реальны, но перспектив уже нет. И не мудрено. Слишком долго человек останавливал внимание только на лососевых. Равновесие в природе нарушено, и нужны уже героические меры, чтобы спасти положение.

Помимо этого на Дальнем Востоке есть промысел продуктов моря: трепангов, крабов, морской капусты, осминогов, ракушек.

Как велико разнообразие морских зверей и рыб, так же велико разнообразие пушных зверей и птиц, обитающих по лесным сопкам, по болотистым марям [1]) и по необозримым

---

[1]) Марь — сухая тундристая (торфяная) местность, с редким и чахлым лесом.

беспредельным тундрам. И большая часть этих зверей и птиц живет также за счет богатств моря.

Звери Дальнего Востока пушисты, красивы и ценны. Искони веков тянулся за ними человек, бросая свои насиженные места, рискуя жизнью и свободой, и открывал новые страны, которые и доселе не исследованы.

Со всех концов мира шел человек к зверям Дальнего Востока. Русская вольница шла за соболем, китаец шел за пантами пятнистых оленей, за желчью медведя, за шкурками нерп. Панты оленя, желчь медведя и некоторые части ластоногих дорого расценивались в Китае, как целебные, обновляющие организм средства. Американец и японец гонялись за китами, котиками, моржами и белыми медведями. Одной из особенностей пушного хозяйства на Дальнем Востоке является песец, которого почти не осталось на заброшенных Командорских и других островах Алеутского архипелага.

С морскими и пушными богатствами связано обитание по берегам рек и морей, по необ'ятным и редко кому доступным сопкам, — людей, являющихся представителями всех рас и многих племен. Здесь есть и гиляк, о котором говорят, что он родственник американскому индейцу, и тунгус, забредший на север из южной половины Азии.

Большие пространства, различные климаты, неоцененные еще рыбные и пушные богатства, разнообразие народов— издавна привлекают к себе исследователей, которые толкали на организацию новых экспедиций, на попытку отдельных энергичных личностей дать миру более подробную картину жизни края.

Камчатка.

Далекая северо-восточная окраина СССР—Камчатка—по своей территории равна территории Англии, Франции и Италии, вместе взятым. На всем этом огромном пространстве населения имеется только 57.500 человек, из них до 18.900 мужчин и 16.800 женщин. Оседлого населения до 20.000 и кочующего до 15.700.

В основных селениях и крупных торговых центрах уже год как существует советская власть. Административный центр Камчатки—Петропавловск.

Кочевое население занимается оленеводством и охотой; оседлое—главным образом рыболовством и звероловством. Население Камчатки чрезвычайно разнородно. В Охотском уезде по преимуществу живут тунгусы и якуты. В Нижинском уезде—коряки, ламуты, люторцы и частично, по речкам, тунгусы; в Чукотском уезде—чукчи и эскимосы; на Командорских островах—алеуты. Все эти народности при соприкосновении с пришлыми европейцами подвергаются дегене-

рации и медленному вымиранию. Причины—заразные болезни, особенно сифилис, страсть к „огненной воде" (так инородцы называют привозимую европейцами водку и напиток, приготовляемый оседлыми племенами из грибов мухоморов). Эпидемии, заносимые на север, выкашивают инородцев целыми стойбищами.

Культурная работа среди них чрезвычайно трудно прививается. На европейца, который с ними начинает говорить об улучшении их жизни, кочевники да и оседлые инородцы смотрят не иначе как на торговца, который постоянно их обманывает, спаивая водкой и за бесценок забирая пушнину.

Управляются кочевники старостами (старший в роде). Оседлые инородцы постепенно переходят к выбору своих советов. Выбирают тех, кто угощает водкой.

Ламуты поклоняются огню, верят шаманам. Коряки поклоняются камню, приносят божествам жертвы. Коряк не проедет большого камня или кургана, не поподчевав его лакомым куском или не окурив его табаком. Вера в шаманов и шаманские чудодеяния распространена среди всех инородцев Камчатки.

Женитьба среди многих кочевников и оседлых происходит при отрабатывании женихом невесты. Жених живет у отца невесты в качестве работника год, а иногда и по 3 года. Срок устанавливается договором родителей. По истечении срока, если жених понравился отцу невесты и самой невесте, то в последний день срока невеста приготовляет для жениха обед, угощает его, как можно лучше; после этого одевается в лучшие одежды и начинает бегать вокруг юрты. Жених должен поймать невесту, и разорвать на ней одежду. С этого момента он считается ее господином.

Грамотных среди кочевников почти нет. Среди оседлых грамотных не больше 3 проц. За год советскими уездными властями открыты школы по одной на уезд. Нет учителей. Более или менее развитые инородцы являются пособниками европейских купцов.

Все приезжающие на Камчатку русские и иностранцы *имеют одну цель—наживу, скорей разбогатеть и уехать обратно в культурный город.*

На коренное же население приезжающие смотрят, как на предмет эксплоатации. Небольшая группа коммунистов весной прошлого года выехала на Камчатку и в течение года с величайшими трудностями создала первые ячейки советской власти. Организовала уездные ревкомы. На волости разбит только Петропавловский уезд. Здесь созданы волостные ячейки советской власти. В других же уездах нет волостного деления, во первых, из-за малой населенности, а, во вторых, при громадной территории невозможно управлять из волостного центра кочующими племенами. Главной задачей советской власти на Камчатке за истекший год являлось и теперь является—оберегать коренное население Камчатки от грабежа и спаивания водкой мародерами-купцами.

Южная Камчатка—Петропавловский уезд—изобилует горячими минеральными источниками, наибольшей известностью пользуются Паратунские, Начикинские горячие ключи. Паратунские ключи находятся в 40 километрах от Петропавловска. Температура в этих ключах разнообразна: от 18 до 80 градусов Цельсия. Ключ, которым пользуется местное население, представляет собою резервуар-яму, наполненную горячей водой, вытекающей из-под земли. Население по соседству с ключом делает в земле ванны, наполняет из источника водой и купается не только летом, но и зимой. Зимой над источником стоит густой, от испарения сероводородного газа туман и купающиеся не ощущают холода. В течение месяца излечиваются ревматики, излечивается стойкая экзема и кожные сыпи.

Начикинские источники имеют температуру от 71 до 80° С. Вся площадь около ключей, свыше 700 кв. метр., сильно нагрета.

Семячинские минеральные источники находятся по берегу Кронацкого залива, около устья р. Семячик. Эту реку называют горячей рекой. Длина речки немного больше 3 километр. Впадая в залив, она образует теплый лиман. Здесь по словам больных, не только местных, но и приезжающих с материка, имеется несколько целебных источников разного свойства.

При мало-мальски сносном обследовании, камчатские горячие источники могли бы снабжать своими водами не только весь Дальний Восток, но Китай и Японию. Камчатские минеральные источники могли бы быть прекрасным целебным курортом.

Владивосток и Владивостокский порт.

Если Ленинград является нашим окном в Европу, то Владивосток не с меньшим основанием может быть назван нашим окном на Восток.

Расположенный на берегу почти не замерзающего залива, он играет огромнейшую роль для нашей торговли с странами Востока.

Возникший в 1861 году Владивосток с тех пор обнаружил быстрый рост как населения, так и своей промышленности, а особенно торговли. Монопольное же его положение, как единственного порта на всем русском побережье Тихого океана, сделало его со времени заселения Дальне-Восточной области ключем к развитию нашей далекой окраины. Помимо крупного значения, которое имеет город и порт Владивостока для всей Дальне-Восточной области, он же является крупным транзитным портом для Маньчжурии. Особенно крупное значение приобрел Владивосток во время войны, когда вследствие блокады наших Балтийских и Черноморских портов он явился почти единственным портом, выполнявшим военные,

погрузки. Ко времени последней войны относится и усиленное строительство в порту.

Общая экономическая разруха почти не отразилась на работе Владивостокского порта и грузооборот 1923 года является рекордным за все время существования порта.

Из транзитных грузов главное место занимают маньчжурские бобы и другие продукты сельского хозяйства северной Маньчжурии. Кроме того, Владивосток имеет важное значение в отношении лесо-экспорта.

Крупным конкурентом Владивостокского порта является японский порт Дайрен, куда по преимуществу за последние годы направлялись маньчжурские грузы. Но надо надеяться на то, что Владивостокский порт со временем выйдет из этой борьбы победителем.

Кроме своего портового значения, Владивосток—крупнейший город Дальне-Восточной области (98.922 жителя)—имеет огромное промышленнное значение для всего края. Здесь находится ряд значительных промышленных предприятий, среди которых, прежде всего, следует указать на Владивостокский механический и судостроительный завод.

На ряду с другими отраслями промышленности, во Владивостоке довольно сильное развитие получила обрабатывающая промышленность, с.-х. продуктов что стоит в связи с общим сельско-хозяйственным уклоном тяготеющего к нему района.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

Великий смотр.—По П. Низовому. „Мол. Гвардия", № 7—8, 1923 г. . . 5
Поясное время.—В. А. „Хочу все знать". № 6, 1924 г. 8
Электрификация в СССР.—По инж. Кукель. Мол. Гвард., № 10, 1924 г. . 11
О тракторах.—По В. Есину и С. Некрасову. „Нов. Дер.," № 3 и 4, 1923 г. 14
Ленинградская промышленность и Ленинградский порт.—По А. Кактынь и А. Родионову. „Хоз. Сев.-Зап. Края", № 3, 1924 г. 16
Наводнение в Ленинграде 23 сентября 1924 года 19
На Волховстрое.—По П. Воеводину. „Электрификация", № 2, 1924 г. . 22
Чухария.—По А. Колмогорову. Землеведение, т. XII. 25
Волшебное озеро.—По М. Круковскому. 28
На водопадах. Сплав леса.—По М. Круковскому. 31
Карельская ССР.—По Амоинен 36
Полесники.—По М. Пришвину 38
Онежские диабазы.—По П. Низковскому. „Вопр .Комм. Хоз.", № 5, 1924 г. 40
Мурман.—По П. Инфантьеву. 42
Порт Мурманск. По В. Алымову. „Хоз. Сев.-Зап. Края", № 4, 1924 г. . 44
На шняке.—По К. Ягодовскому. 46
Лов рыбы на траулере.—По М. Пришвину. 49
Оленеводство в Мурманской губ.—По В. Алымову. „Хоз. Сев.-Зап. Края", № 4, 1924 г. 53
Из жизни самоедов.—По П. Инфантьеву и М. Круковскому 55
Езда на собаках.—К. Носилова. 64
Массовая охота у самоедов.—По Н. С-н. „Сев. Хоз.", № 4, 1923 г. . . . 65
Радио на Новой Земле.—По М. Назарову. „Хочу все знать", № 6, 1924 г. 66
Артельное начало на русском севере.—По Д. Травину. „Кр. Деревня", № 7, 1923 г. 70
Наважий промысел.—По Д. Травину. „Кр. Деревня", № 16, 1923 г. . . . 72
Автономная область Коми. По П. Попову 73
Человек и его труд на Печоре.—По Д. Травину. „Кр. Дер.", № 17, 1923 г. 74
Ландшафты Печоры.—По С. Г. Нату. „Лес, его изучение и использование". 76
В огне.—По М. Круковскому. 81
Керка.—По К. Носилову 87
На Уральском заводе.—По М. Круковскому 94
Кизеловская электростанция.—По В. Алейникову. „Хочу все знать", № 3, 1924 г. 100
В глуши Урала. 102
Золотые речки.—По К. Носилову. 105
Вотская автономная область.—По К. Герду, И. Трайнину и Э. Лесгафту. 110
Вотяки.—„Поволжье", под ред. Д. Анучина 111
Башкирская автономная ССР.—По Ш. Манатову 113
У башкир.—По М. Круковскому 115
Марийская автономная область.—По И. Трайнину и А. Пойблот. 119
Белорусская ССР.—По И. Силиничу и А. Червякову 120
Электростанция Московско-Промышленной области.—По Кукелю. „Мол. Гвардия", № 10, 1923 г. 122
Деревня под Москвой.—По А. Яковлеву. „Красная Новь", № 5, 1923 г. 124
Фарфоровая фабрика Дулево.—По А. Яковлеву. „Кр. Новь", кн. 5, 1923 г. 126

Экскурсия детей к кустарям паяльно-игрушечного промысла.—„Вестник Просвещения“, № 7—8, 1924 г. 129
Нижегородская ярмарка.—По Сперанскому и Ярскому 131
Татарская автономная Республика.—По И. Трайнину 133
Чувашская автономная область.—По Хуракуштаву и Трайнину 134
Автономная С. С. Республика немцев Поволжья.—По Сов-у и И. Трайнину. 136
Культурные растения Юго-Востока.—По Н. И. Вавилову 139
Калмыцкая автономная область.—По Насунову. 141
Калмыки.—По Александровой. 142
Курская аномалия.—По Сергееву. „Хочу все знать“, № 3, 1923 г. 145
Украинская С. С. Республика.—По Вдовиченко и И. Трайнину 147
Украина.—По А. Борзову 149
Через Днепровские пороги.—По Мигаю 152
Сахар.—По В. Э. Дену 158
Советская „кочегарка“ Донбасс.—Ручьев. Прил. к газ. „Экон. Жизнь“, № 5. 159
В свете „шахтерки“.—А. Соловьева. Прил. к газ. „Экон. Жизнь“, № 5. 161
Под землею.—По Черкасенко 163
Рождение металла.—Гл. Московского. Прил. к газ. „Экон. Жизнь“, № 5. 165
По рудникам Криворожья.—Казимирова. „Пламя“, № 6, 1924 г. 167
Природа и животный мир заповедника „Аскания Нова“ (им. тов. Раковского).—По проф. Заводовскому. „Хочу все знать“, № 5, 1923 г. 169
Автономная Крымская С. С. Республика.—По Трайнину. 172
Соляной промысел на Крымских озерах.—По А. Чеглоку 173
Южный берег Крыма.—По Е. Орловской 176
Буря на Черном море.—По С. Качиони 180
Восхождение на вершину Казбека.—По М. Преображенской. „Горский Вестник“, № 2, 1924 г. 186
Положение горянки.—По А. Гойгову. „Горский Вестник“, № 2, 1924 г. . 190
Чеченская автономная область.—Из статьи К-ева. „Горский Вестник“, № 2, 1924 г. 193
Адыгейская автономная область.—По И. Трайнину. 195
Карачаево-Черкесская автономная область.—По И. Трайнину. 196
Кабардино-Балкарская автономная область.—По Гайдару. 197
Дагестанская автономная С. С. Республика.—По Гунибскому и И. Трайнину. 199
Азербейджанская С. С. Республика.—По Рахиму 202
Поездка в Баку.—По Л. Шевякову 204
С. С. Республика Армении.—По В. Кечеку и И. Трайнину. 209
С. С. Республика Грузии.—По И. Трайнину. 212
В краю черного золота.—По П. Ш. Прил. к „Эк. Ж.“, № 9. 213
Батум.—По А. Н. Краснову 215
Новые С. С. Республики Средней Азии.—По Б. Майбергу. „Изв. ЦИК“, № 207, 1924 г. 217
Туркестан.—По Тюрякулову 219
Пустыня Кизил-Кум.—По М. Никольскому. 220
Орошение в Туркестане.—По Е. Скорнякову. 227
Хлопчатник.—По К. Томсону и Малоховскому. 229
Киргизская автономная С. С. Республика.—Сборник о земле. По Герасимову. 231
Киргизы.—По Круковской. 234
Обский Север.—По В. Сапожникову 238
Тайга.—По С. Елпатьевскому 241
Кооперация и масло.—А. К-ов. „Сиб. Дер.“, № 3, 1924 г. 244
Из путешествия на Алтай.—По М. Соболеву. 246
Восхождение на вершину Белухи.—По В. Сапожникову 251
Автономная индустриальная колония Кузбасс.—Прил. к газ. „Экон. Жизнь“ вып. 9, 1924 г. 253
Ойратская автономная область.—По Н. Н. Данилевскому. „Зап. ком. унив. им. Свердлова“ 254
Енисей.—По Передольскому 256
Северный морской путь и Усть-Енисейский порт.—Прил. к газ. „Экон. Жизнь“, вып. 9. 1924 г. 260
Золотопромышленность Вост. Сибири.—Прил. к газ. „Экон. Жизнь“, вып. 9, 1924 г. 261

Полярная ночь в г. Верхоянске.—По В. Ногину 262
Жгучий мороз.—По В. Ногину 263
Северное сияние.—По В. Ногину. 264
Якутский купец и Якутская область (до войны).—По В. Зензинову 265
Якутская автономная С. С. Республика.—По Д. Синицыну 268
Байкал.—По П. Вольногорскому 272
Бурят-Монгольская С. С. Республика.—По И. Трайнину 275
Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока.—Из сборн. „Рыбн. и пушн. богатства Д. Востока“. 276
Камчатка.—По Д. Зорину 278
Владивосток и Владивостокский порт.—Из прил. к газ. „Экон. Жизнь“, . . 290

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Типография Ленинградского Губоткомхоза, ул. 3 Июля. 55.
Ленинградский Гублит № 5021. 5000 экз. 18 л.

Цена **2** руб.

МОСКОВСКОЕ
Акционерное Издательское Общество.

МОСКВА, Малая Дмитровка, 8.

Новые издания:

Крубер, А., проф.—Хозяйство, как эксплоатация естественных богатств. М. 1925 г. Ц. 1 р. 30 к.

Бобина, Н. Е.—По Республикам Советов, 2-е переработанное издание под ред. С. П. Бобина. М. 1925 г. Ц. 2 руб.

Геттнер, А.—Страноведение Европы. Пер. под ред. проф. Г. Г. Шенберга.

Вопросы страноведения.—Сборник статей. Ц. 90 коп.

Лобель.—Техника кинематографии. Пер. под ред. Галл и И. К. Брусиловского.

Гиттис, В. Ю., проф. и инж.-техн. **Иконен.**—Теория и практика автомобильного дела.

Григорьев, Н. К.—Строительные материалы.

Быковский, П. К.—Чертежник-самоучка.

Доброхотов, И. А.—Электромонтер.

Ермилов, Н. Е.—Как переплетать книги.